

Ник. БРЕШКО-БРЕШКОВСКІЙ

1923.
НОВИ САД.

Н. Н. Брешко-Брешковскій.

ПОДЪ ЗВѢЗДОЙ ДЬЯВОЛА.

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

MR

15593
~~18593~~
61 102658

1923 г. НОВИ САД (Югославія)
Издательство „СВЯТОСЛАВЪ“ М. Г. Ковалева.

1956

Всѣ права закрѣплены за издательствомъ.

О БОРЬБѢ СЪ АНТИСЕМИТИЗМОМЪ И, ВООБЩЕ...

(Вмѣсто предисловія).

Несомнѣнно, кое-кто назоветъ мою эту книгу погромной. Большинство же, менѣе ретивое изъ этого лагеря, ославить ее антисемитской, или, какъ писали въ одесскихъ газетахъ — „человѣконенавистнической, вооружающей одну часть населенія на другую“.

Выдумаютъ же люди такую фармацевтически-безграмотную чепуху, къ тому же еще неудобнопроносимую, рѣжущую ухо...

Но каждый неглупый и честный еврей, ознакомившись съ этимъ романомъ, по совѣсти скажетъ, что не только ничего погромнаго нѣтъ въ немъ, а, наоборотъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ авторъ клеймитъ и сурово клеймитъ погромы и погромныя настроенія.

Здѣсь это мимоходомъ, а вотъ скоро выйдетъ мой новый романъ „Желто-голубые шакалы“, тамъ цѣлый рядъ главъ посвященъ трагедіи южно-рускаго еврейства, которое въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ звѣрски уничтожалось во многихъ мѣстечкахъ и городахъ всевозможными „махновцами“, „батьками“, „дядьками“ и „атаманами“.

Съ частью бушующими уже, частью надвигающимися кровавою волною погромами необходимо бороться самымъ энергичнымъ образомъ. И не только необходимо, а и возможно достигъ положительныхъ результатовъ. Надобно доказывать „массамъ“, — ибо погромы учиняются массами, — что въ этихъ стихійно-слѣпыхъ расправахъ гибнетъ не-

счастное еврейство, неповинное не только въ большевизмѣ, но даже и въ мартовской „великой безкровной“, а всѣ тѣ, кто достоинъ веревки и пули, — за подлую бандитскую роль въ уничтоженіи Россіи, всѣ эти мерзавцы преблагополучно убѣгутъ, скроются съ чужими брилліантами и подъ новыми псевдонимами. Подобная агитація имѣла и будетъ имѣть успѣхъ.

Но куда болѣе трудная, болѣе сложная и, скажемъ, прямо таки неблагодарная задача, — бороться съ антисемитизмомъ, вообще, и особенно когда онъ принимаетъ культурныя государственныя формы, когда онъ вытекаетъ изъ проснувшагося національнаго самосознанія.

Такимъ, именно такимъ антисемитизмомъ охвачена вся польская интеллигенція. О народной гущѣ нечего и говорить. Ее все время приходится сдерживать... Какъ бытописатель, долго наблюдавшій подпольскую дѣйствительность и въ провинціи, и въ Варшавѣ, я отразилъ этотъ антисемитизмъ въ своемъ романѣ и, признаюсь, значительно смягчивъ и погасивъ краски.

Въ комъ же и въ чемъ, въ самомъ дѣлѣ, причина антисемитизма въ Польшѣ, антисемитизма захватившаго даже часть круговъ социалистическихъ?

Виноваты сами евреи. Далеко не въ ихъ пользу сухой, убійственно неумолимый языкъ цифръ и фактовъ.

Евреевъ въ Польшѣ 13 процентовъ, но среди арестованныхъ, изблеченныхъ въ государственной измѣнѣ коммунистовъ, въ каждой „человѣческой порціи“, захваченной съ литературой и съ припрятаннымъ оружіемъ еврейское большинство колеблется между 80 и 90%. Кто же эти 80—90%? Какая-нибудь неудачническая голытьба изъ недоучившихся студентовъ и озлобленныхъ фармацевтовъ? Ничуть! Добрая половина арестованныхъ и судимыхъ евреевъ-коммунистовъ, — богатая молодежь, — сыновья банкировъ, нефтянниковъ, купцовъ, крупныхъ спекулянтовъ валютою, лѣсами, чѣмъ угодно.

Отсюда у поляковъ готовый выводъ. Они говорятъ:

— Это уже не борьба за права трудящихся, это борьба за главенство и власть евреевъ надъ Польшей, надъ польскимъ народомъ, какъ это уже осуществилось въ Совдепѣи. Ваши русскіе евреи свое участие въ революціи объясняли и объясняютъ угнетеніемъ, „огненнымъ кругомъ“ черты осѣдлости и всѣми тѣми неправдами, которое чинило имъ царское правительство. Пусть такъ! Пусть!.. Но у насъ то, у насъ? Въдѣ въ Польшѣ самая широкая, самая демократическая конституція, нежели гдѣ бы то ни было въ Европѣ. У насъ много евреевъ въ офицерскихъ и даже въ генеральскихъ чинахъ. Они служатъ во всѣхъ министерствахъ и буквально заполнили „юстицію“. У нихъ больше правъ, чѣмъ у насъ, поляковъ. Наша лѣвая социалистическая власть покровительствуетъ имъ даже въ ущербъ намъ. А въ благодарность за все это еврей-коммунисты, разжигаемые Совдепѣей, неустанно работаютъ надъ уничтоженіемъ Польши. И вы хотите, чтобы мы не были антисемитами?..

Выслушавъ такую отвѣдь, сконфуженно умолкаешь...

А новые факты, новыя событія такъ и хлещутъ, такъ и бьютъ сами за себя.

Первое мая — социалистическій праздникъ. Праздникъ краснаго флага, флага ожесточенной классовой борьбы и крови. Польскіе рабочіе въ подавляющемъ большинствѣ рѣшили чествовать не первомайскій интернаціональ, а свой польскій день третьяго мая. Изъ всей двухсоттысячной арміи варшавскихъ рабочихъ, много-много, если двадцатая часть продефелировала по городу съ хоругвями цеховъ. Ни одной красной тряпки, ни одного лозунга, выходящаго за предѣлы самой крайней умѣренности.

Но вотъ появляются многотысячныя еврейскія колонны. Надъ ними цѣлая оргія красныхъ штандартовъ, плакатовъ съ призывами къ революціи, съ гимнами совѣтской власти. Пѣніе интернаціо-

нала, выкрики въ честь Ленина и Троцкаго. Это возмутило даже социалистовъ... Даже социалисты кинулись вырывать и топтать красныя тряпки...

А третьяго мая, въ день прїѣзда маршала Фоша, когда вся польская Варшава расцвѣчена была франко-польскими флагами, ни одинъ еврейскій домъ, ни одно еврейское окошко, ни одна еврейская витрина не присоединились къ общему торжеству. Молчаливый, угрюмый протестъ.

Въ обоихъ случаяхъ — сами же евреи оказались антисемитами.

И опять говорили поляки:

— Гдѣ же ихъ патриотизмъ, хотя бы официальный, казенный? Хотя бы изъ уваженія къ такому гостю, какъ маршалъ Фошъ, доблестный генералиссимусъ Франціи, той свободной Франціи, гдѣ евреямъ жилось и живется припѣваючи и гдѣ они достигали вершинъ власти и финансовой мощи? Почему они разрушаютъ то, что не ими создавалось? Почему они разрушаютъ Польшу, которую создавали и за которую боролись Казиміръ Великій, Янъ Собѣскій, Юсіфъ Понятовскій, Мицкевичъ, Костюшко, Сенкевичъ, Матейко, Шопень, Коперникъ и, — мало ли еще славныхъ польскихъ именъ? При чемъ же тутъ евреи?

Этотъ послѣдній доводъ удивительно совпадаетъ съ монологомъ одного эпизодическаго лица въ моемъ романѣ. Это лицо — честный молодой еврей, къ слову сказать, цѣликомъ почти списанный съ натуры. Онъ говоритъ:

— Въ теченіе десяти вѣковъ Россія создавалась и возвеличивалась Александромъ Невскимъ, Владиміромъ Мономахомъ, Ермакомъ, Петромъ Великимъ, Екатериной II, Александромъ II, Пушкинымъ, Достоевскимъ, Сперанскимъ, Менделѣевымъ, Столыпинымъ, Васнецовымъ, Рѣпинымъ. Она росла и крѣпла той безымянной русской сѣрой гущею, на костяхъ которой воздвигнуть Петербургъ, могилами которой усѣяны Туркестанъ, Кавказъ, крутые отвѣсы Балканскихъ горъ. Мы, евреи, пришельцы, засидѣвшіеся въ гостяхъ у чужихъ людей, мы въ

строительствѣ гигантской Имперіи никакого участія не принимали, — такъ по какому же праву мы такъ рьяно ухватились за ея разрушеніе?...

И такъ какъ мой герой лицо не выдуманное, живое, то мнѣ выпала странная роль возражать ему не на страницахъ романа, а въ жизни, въ бесѣдѣ. Возражать ему, еврею! Я говорилъ:

— Но позвольте, наряду съ Бронштейномъ, Свердловымъ, Апфельбаумомъ, Нахамкесомъ, Розенфельдомъ, Собельсономъ-Радекомъ губили, обезкровливали и разворовывали Россію Ленины, Держинскіе, Калининны, Красины и еще цѣлая банда уже русской сволочи...

— Да! И нужно было предоставить это Ленинымъ, Держинскимъ и Красинымъ, а Бронштейны, Нахамкесы и Свердловы не смѣли вмѣшиваться. Не смѣли! Хозяинъ, охваченный помѣшательствомъ, можетъ, хотя и съ большой затяжкой подпаливать свой собственный домъ, но если зачинщиками и поджигателями являются жильцы — горе имъ!.. И, наконецъ, пусть даже среди атамановъ шайки международныхъ преступниковъ зашвырихъ въ Кремль — большинство русскіе. Пусть! Но вѣдь мозгъ то, мозгъ — еврейскій! Я самъ еврей, меня провести трудно... И, какъ еврей, утверждаю, что безъ нашего „еврейскаго мозга“, большевизмъ и двухъ мѣсяцевъ не удержался бы въ Россіи. А такъ, съ еврейскимъ мозгомъ, съ германской техникой, поощряемые дряблѣй, узко-эгоистической, перетрусившей, обанкротившейся морально и потерявшей всякое самолюбіе Европою, они существуютъ уже шестой годъ...

Это буквальные слова молодого еврея.

Всероссійскій мятежъ, начавшійся въ Петербургѣ, съ первыхъ же дней выявился въ какую-то прямо чудовищную мерзость. Ни одного просвѣта. Ничего! Сплошная гнусность, жестокость, трусость, хамство, шкурничество. Но еще омерзительнѣй было вызывающее, наглое поведеніе, вдругъ, невѣдомо изъ какихъ подворотенъ повылѣзавшихъ, еврейчиковъ. Съ винтовками, съ саблями, съ чудовищ-

ными красными бантами, увѣшанные пулеметными лентами, эти вчерашніе фармацевты и психо-неврологи сами сдѣлали себя господами положенія, какими то ключниками революціи. И даже и въ буквальномъ значеніи слова — „ключниками“. Молодые евреи занимали всѣ входы и выходы, не пропускали, не выпускали, разрѣшали, не разрѣшали, приказывали, арестовывали. Керенскій понадѣлалъ изъ юркихъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ комиссаровъ милиціи и съ мѣста въ карьеръ они пошли брать такія взятки, обнаруживъ такіе аппетиты, что и не снилось даже никогда старымъ полицейскимъ приставамъ свергнутого царскаго режима.

Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ? Господи, да это же поголовно былъ какой то Гоцлиберданъ, до Нахамкеса и Бронштейна включительно! Въ этотъ Гоцлиберданъ были вкраплены: тупой кавказскій ишакъ Чхеидзе, еще болѣе тупой русскій дуракъ Соколовъ, впоследствии сенаторъ Керенскаго и русскій мерзавецъ Скобелевъ — спекулянтъ съ виѣшностью разбитнаго лавочника. Вотъ кто диктаторски правилъ Россіей, вѣрнѣе губилъ ее съ первыхъ же дней мартовскаго мятежа. Временное правительство? Да оно все было въ жилетномъ карманѣ Нахамкеса. Керенскій дважды спасъ его, какъ и Троцкаго, отъ суда и возмездія. Спасъ, зная, что и тотъ и другой — агенты германскаго штаба. Но для Керенскаго Нахамкесъ съ Бронштейномъ были генералами отъ революціи, а революціонная іерархія полна такого чиновочитанія, о которомъ буржуазно-монархическій укладъ и понятія не имѣетъ. Для Керенскаго Бронштейнъ и Нахамкесъ были дороже, роднѣе и ближе, чѣмъ Россія. Поэтому Корнилова, желавшаго спасти Россію, онъ предалъ и усадилъ въ Быховскую тюрьму, а Нахамкеса и Бронштейна, желавшихъ погубить Россію — обласкалъ и выпустилъ на свободу. Кровавый шутъ! Россія тебѣ этого никогда не забудетъ!.

Гоцлиберданъ бросилъ изъ Смольнаго цѣлую тучу фармацевтовъ-демагоговъ на фронтъ. Они

развращали солдатъ, требуя униженія офицеровъ и крови ихъ — трудно сказать, что ужаснѣе? Фармацевты хватали боевыхъ генераловъ, увозили ихъ на автомобиляхъ „подъ арестъ“. Съ фармацевтами могъ конкурировать, и съ успѣхомъ, русскій негодяй, перевертень изъ поповичей — Иорданскій, дѣлавшій карьеру на генеральскихъ черепяхъ.

Савинковъ, едва ли не единственный изъ армейскихъ комиссаровъ, держалъ себя съ достоинствомъ, не только не пресмыкаясь передъ разнужданной солдатской чернью, а, наоборотъ, „дукая“ ее весьма и весьма по заслугамъ. Савинковъ звалъ спасать Россію. Фармацевты съ Керенскимъ звали спасать революцію. Полѣ корниловскаго выступленія совѣтъ солдатскихъ депутатовъ потребовалъ отъ Керенскаго „убрать“ Савинкова. И Савинкова „убрали“. Онъ и въ такомъ грязномъ паскудномъ дѣлѣ, какъ вся мартовская революція, какъ то сѣумѣлъ остаться барчукомъ и не заискивалъ предъ темной сволочью...

Еврейство въ русской революціи производило гнетущее, отвратительное впечатлѣніе. Многихъ отталкивало даже изъ тѣхъ, кто сочувствовалъ „великой, безкровной“.

Керенщина съ „гоцлиберданомъ“ не могли не привести къ торжеству большевиковъ. Было бы дико, если бы случилось иначе.

Пропустимъ пять лѣтъ большевизма и вернемся къ дѣйствительности, къ тому, что есть. Создалось въ Парижѣ общество борьбы съ антисемитизмомъ. Похвальная цѣль, заслуживающая всяческаго привѣтствія! Весь вопросъ въ методахъ и приѣмахъ борьбы. Въ это общество вошли еврейскіе журналисты и видные русскіе писатели. Въ числѣ ихъ и Купринъ. Миѣ кажется, что Александръ Ивановичъ Купринъ, какъ большой русскій писатель и большой русскій патріотъ, можетъ принести не малую пользу въ борьбѣ съ антисемитизмомъ, ради которой онъ мужественно сѣлъ за одинъ столъ съ журналистами типа Рысса и Полякова-Литовцева.

Между Купринымъ съ одной стороны и Рысомъ и Поляковымъ-Литовцевымъ — съ другой — „двѣ большія разницы“, какъ говорятъ одесскіе соплеменники этихъ почтенныхъ журналистовъ. Я имѣю въ виду, конечно, разницу не въ масштабѣ, не въ удѣльномъ вѣсѣ. Она сама собою очевидна. Смѣшно было бы доказывать, что соборъ Св. Петра выше какого-нибудь подгнившего деревяннаго сарайчика.

Нѣтъ, вотъ въ чемъ „двѣ большія разницы“. Въ глазахъ Куприна, — онъ высказывалъ это не стѣняясь, — „Императоръ Александръ III былъ однимъ изъ величайшихъ русскихъ монарховъ“. Въ глазахъ Полякова-Литовцева и Рысса — Александръ III никто иной, какъ „коронованный черносотенникъ и погромщикъ“.

Дальше. Купринъ негодовалъ узнавъ, что въ Лондонѣ, во время великой войны. Поляковъ-Литовцевъ былъ секретаремъ у Радека-Собельсона, уже работавшаго въ томъ направленіи, которое ему, Собельсону, дало триумфъ, богатство и власть на крови, развалинахъ и костяхъ бывшей Россіи.

На вопросъ академика Бунина, такъ ли это и не опровергнетъ ли онъ обвиненіе, Поляковъ-Литовцевъ развязно отвѣтилъ, что это ложь да ложь, ибо не онъ, Поляковъ-Литовцевъ, былъ секретаремъ Радека-Собельсона, а, наоборотъ, Собельсонъ-Радекъ былъ секретаремъ его Полякова-Литовцева...

Дальше. У Куприна всегда была какая то прямо трогательная и ѣзжая влюбленность въ красивую, яркую, обаятельную фигуру Врангеля. Онъ боготворилъ и героическую горсть легендарныхъ крымскихъ бойцовъ и ея Верховнаго Вождя. Онъ говорилъ:

— Пусть только Врангель прикажетъ! Пусть позоветъ меня — съ великой радостью помчусь работать вмѣстѣ съ нимъ для Россіи!

Изъ своей маленькой парижской квартиры Купринъ жадно слѣдилъ за развертываніемъ Крымской эпопеи. Со жгучей болью переживалъ неудачи. Успѣхи окрыляли его восторгомъ. Когда разрази-

лась катастрофа и послѣдній клочекъ родной русской земли очутился во власти красныхъ палачей, Купринъ плакалъ, по настоящему, физически плакалъ. Слезы текли по его широкому татарскому лицу. И онъ повторялъ:

— А все-таки роковая неудача эта нисколько не пошатнула Врангеля. Онъ былъ и остался великимъ... Онъ далеко еще не сказалъ своего послѣдняго слова...

Рыссъ и Поляковъ-Литовцевъ — эти „не плакали“.

Въ „Послѣднихъ Новостяхъ“ оба изошрялись въ обливаніи клеветнически помоями русской арміи, ея генераловъ, ея Верховнаго Вождя. Повторялась набившая оскому пошлятина о реакціонно настроенныхъ ландскнехтахъ, о царскихъ генералахъ, мечтающихъ о реставраціи и удушеніи „завоеваній революціи“. Поднялась какая-то остервенѣлая травля. Травили съ пѣной у рта нѣсколькихъ десятковъ тысячъ мучениковъ-бойцовъ, къ великому сожалѣнію Рыссовъ и Поляковыхъ-Литовцевыхъ избѣжавшихъ „стѣнки“ и чрезвычайки.

Врангеля сдѣлали Петромъ IV, Кутепова — свирѣпымъ вѣшателемъ, галлиполійцевъ — погромщиками. А когда главные присяжные хулители выдыхались и уже не хватало „пороху въ пороховницахъ“, появлялись на страницахъ „Послѣднихъ Новостей“ со своими „разоблаченіями“ темные проходимцы, вродѣ „донского казака“ Дю-Шайла.

Попутно и хозяева и гастролеры не брезгали и доносомъ, убѣждая французовъ и болгаръ, что русскую армію надо лишить пайка, разоружить и что, вообще, они представляютъ опасность... Для кого? Ну, конечно же, для большевиковъ.

Сотрудникъ „Послѣднихъ Новостей“ еврей, говорилъ мнѣ, да и не только мнѣ одному, говорилъ:

— Вѣдь, въ сущности мы, — еврейская газета, издающаяся на русскомъ языкѣ, — улыбался этотъ красивый, веселый, беззаботный „симпатяга“. Редакція смотритъ на все и на вся исключительно съ еврейской точки зрѣнія. Собирается гдѣ-нибудь

очередная конференция, сейчас же возникает вопрос: а поскольку это будет полезно для евреев? И соответственно пишется о конференции либо так, либо этак. Изъ Галлиполи вернулись Карташевъ и Кузьминъ-Караваевъ. Готовятся читать о терновомъ вѣнцѣ русской арміи. Сейчас же приказъ по редакціи — „Пойти и обругать!“ Заочное осужденіе, — ничего не подѣлаешь. Разъ Карташевъ и Кузьминъ-Караваевъ будутъ хвалить врангелевцевъ — Рыссь будетъ ихъ ругать, — и врангелевцевъ и Карташева съ Кузьминымъ-Караваевымъ... Было бы странно, если бы было иначе. Но вотъ пріѣзжаетъ полупомѣшанный Львовъ, эксъ-оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода. Пріѣзжаетъ голодный, въ потрепанномъ чесунчовомъ костюмчикѣ. Львова подкармливаютъ и выпускаютъ съ нелѣпой сумбурной лекціей, обѣляющей Керенскаго и чернящей память Корнилова. Конечно, мнѣ приказано отмѣтить демократизмъ Львова, вѣрность Керенскаго завоеваніямъ революціи и реставраціонные замыслы покойнаго Корнилова...

— Это въ настоящемъ, — продолжаетъ молодой человекъ, — но, вы не думайте, мы предусмотрительны и заглядываемъ въ будущее... Мысленные взоры свои уже обращаемъ на Россію... Когда падутъ большевики и воцарится вновь въ малахитовомъ залѣ Зимняго Дворца Керенскій — оба: Петръ Рыссь и Поляковъ-Литовцевъ будутъ рѣшать, кого можно и кого нельзя пустить въ Россію... Наживина не пустятъ — погромщикъ, Чирикова не пустятъ — погромщикъ, не пустятъ и Бунина...

— Позвольте, позвольте, что за чепуха?

— Знаю, напередъ знаю... Вы скажете: ни Бунина, ни Чирикова, ни Наживина никогда не писали противъ евреевъ. Да, не писали, но намъ не это важно, намъ важно, — что они „думаютъ“ о евреяхъ. Перо можетъ солгать, затаенная мысль — никогда!... Но чего вы хотите? Даже маститый Чайковскій, этотъ „дѣдушка русской революціи“, даже онъ попалъ въ „погромщики“.

— Ну, это вы ужъ совѣмъ фантазируете!

— Ничуть! Фактъ! Могу указать день, мѣсто, число... Одна революционерка, такая же маститая, какъ и Чайковскій, дѣлилась съ многочисленной аудиторіей своими впечатлѣніями изъ совѣтской Россіи. Кто-то крикнулъ: „Долой евреевъ!“ Известный художникъ-еврей сказалъ Чайковскому: „Въ антрактѣ необходимо выразить порицаніе хулиганамъ, дерзающимъ выкрикивать челоуѣконенавистическіе гнусности“. Чайковскій отвѣтилъ приблизительно слѣдующее: „Зачѣмъ вы не во время пристааете?“ Тогда художникъ бросилъ ему: „Ну, такъ вы сами старый погромщикъ и больше ничего!“ Это было при свидѣтеляхъ, да и самъ художникъ, самъ онъ гордъ своей выходкой. „Вотъ, молъ, самого Чайковскаго отдѣлалъ!“

Послѣднее въ словахъ откровеннаго сотрудника парижской газеты подмѣчено весьма тонко. Не очень умные и очень фанатические евреи, съ удивительной легкостью прищипливаютъ ярлыкъ „погромщика“. Не за то, что вы пишете и говорите, а за то, что по ихъ мнѣнію, шевелится подъ вашимъ черепомъ. Плохіе психологи! Этимъ они сначала раздражаютъ, потомъ ожесточаютъ. И лицо, если и не особенно благожелательное къ евреямъ, то во всякомъ случаѣ безразличное, — становится антисемитомъ.

Но уже пора кончать, а мы такъ и оставили А. И. Куприна, мужественно усѣвшагося за одинъ столъ съ Рыссомъ и Поляковымъ-Литовцевымъ. Пусть же онъ будетъ мужественнымъ до конца и со свойственной ему такой славной прямою скажетъ, глядя въ упоръ своими ясными, блестящими глазами:

— Итакъ, господа, впередъ! Alles! Начнемъ! Давайте бороться съ антисемитизмомъ! Начнемъ съ вашихъ „Послѣднихъ Новостей“. Сдѣлаемъ такъ, чтобы девяносто процентовъ бѣженцевъ, утверждающихъ, что это еврейская газета, не смѣли больше этого утверждать и не называли ее „Послѣдними пакостями“. Какъ это сдѣлать? Очень просто! Не пишите на каждомъ шагу „интересы

демократіи", ибо всякій это расшифровываетъ иначе — „интересы еврейства". Зачѣмъ! Не надо нервировать русскихъ читателей! Потомъ прекратите бѣшенную травлю нѣсколькихъ тысячъ измученныхъ русскихъ людей, которые на тяжелыхъ физическихъ работахъ въ ущельяхъ Македоніи и на Албанской границѣ живутъ мечтой о Россіи, не о Керенщинѣ, о которой мечтаете вы, а о настоящей Россіи... Затѣмъ — не смѣйте кощунственно трепать дорогое и священное для многихъ русскихъ, въ томъ числѣ и для меня, имя генерала Врангеля. Почему Вамъ кажется, что и оба вы и многіе другіе фармацевты, зубные врачи, адвокаты могутъ и должны спасать Россію, а генералъ Врангель, боровшійся съ большевиками, — и какъ доблестно боровшійся — на поляхъ славы и смерти, обвиненный ореоломъ сказочныхъ побѣдъ, высокообразованный, культурный человѣкъ, политикъ и вождь Божьей милостью, — онъ не можетъ и не долженъ спасать Россію? Не понимаю и никогда не пойму, отчего самый лучший генералъ непременно хуже самаго плохого фармацевта... И вотъ, когда вы, вы все это поймете и послѣдуете моему совѣту, это уже будетъ немалое завоеваніе въ нашей борьбѣ съ антисемитизмомъ. Во всякомъ случаѣ, среди читателей „Послѣднихъ Новостей" количество антисемитовъ значительно сократится. Чтобы гасить въ чужихъ сердцахъ ненависть къ еврейству, сначала въ вашихъ собственныхъ сердцахъ погасите ненависть ко всему, что дорого и свято русскому человѣку...

По моему скромному мнѣнію, такъ именно и въ такихъ тонахъ долженъ вразумлять А. И. Курпринъ тѣхъ, кому онъ оказалъ великую честь, сядя за одинъ столъ. И если его послушаютъ, борьба пойдетъ успѣшно...

Предисловіе и такъ разрослось, а то еще многого можно было бы дать полезныхъ рецептовъ, еврейскіе для борьбы съ антисемитизмомъ...

Авторъ.

ЧАСТЬ I.

I. „Тропическая ночь“.

Бейзымъ уже надѣлъ пальто и шляпу, хотѣлъ спуститься въ кафе „Люрсъ". Уже потянулся гасить электричество, какъ въ дверь кто-то робко постучалъ.

— Прощу!

Тихо. Никто не входитъ и не стучитъ больше.

— Прощу же, прощу! — уже громче, съ досадою повторилъ Бейзымъ.

И тогда только нерѣшительно приотворилась дверь. Первое впечатлѣніе — дивные, черные, какъ тропическая ночь глаза, окаймленные такой темной окраскою, можно подумать, что они густо, густо и широко, широко подведены, чего на самомъ дѣлѣ не было.

Да и, вообще, всѣмъ обликомъ своимъ эта молодая брюнетка походила на тропическую ночь, томную, полную затаившейся нѣги и какого-то мягкаго, ласкающаго мерцанія.

Одѣта была „Тропическая ночь" бѣдно и не по сезону. Правда, августовскіе вечера уже довольно прохладные, но не настолько, чтобы облачаться въ синее, не первой свѣжести, драповое пальто съ поношеннымъ и вытертымъ обезьяньимъ воротникомъ.

Бейзымъ снялъ шляпу и, учтиво поклонившись, ждалъ. Незнакомка, смущаясь и отъ этого еще болѣе хорошѣя, съ усиліемъ произнесла груднымъ, приятнымъ грассирующимъ голосомъ:

— Я имѣю удовольствіе видѣть майора Бейзыма?

— Да, отставной майоръ Игнатій Бейзымъ къ вашимъ услугамъ! Прошу, — и онъ указалъ ей на кресло у письменнаго стола.

— Я вамъ помѣшала, вы хотѣли уйти? Но я, право же, на минуточку, господинъ майоръ... У меня къ вамъ очень важное дѣло. Вы будете добры выслушать?

— Повторяю — къ вашимъ услугамъ! А спѣшить, я никуда не спѣшу. Надоѣло сидѣть въ номерѣ одному и я думалъ потолкаться на людяхъ... Съ удовольствіемъ готовъ слушать васъ, — и этотъ гигантъ, казавшійся въ штатскомъ еще монументальнѣе и шире въ плечахъ, спокойно, выжидая, уставился сѣрыми глазами умнаго, сильнаго звѣря на молодую женщину.

Она не сразу отвѣтила. Во-первыхъ, все еще не оправившись отъ смущенія, собиралась съ мыслями, подыскивая слова, теряя, находя новыя. Во-вторыхъ, женскимъ инстинктомъ своимъ отмѣтила, что Бейзымъ, не въ примѣръ остальнымъ мужчинамъ, смотритъ на нее безъ вождѣленія и это было ей пріятно. Въ третьихъ, онъ показался ей такимъ простымъ и сердечнымъ и въ четвертыхъ, наконецъ, вѣря глазамъ своимъ, не вѣрила сознанію, что передъ нею онъ, этотъ самый легендарный Бейзымъ, силачъ и неустрашимый солдатъ, народный герой, имя котораго съ такимъ пламеннымъ восторгомъ повторяетъ каждый польскій офицеръ, каждый школьникъ, каждая дѣвушка.

И подъ взглядомъ майора и подъ звуки его голоса, женщина какъ-то вся понемногу оттаяла. Прошла робость. Чѣмъ-то страннымъ и несуразнымъ такимъ на фонѣ комфортабельнаго номера Европейской гостинницы, показалось ей висящее на стѣнѣ, сплетенное изъ тонкихъ ремней мексиканское лассо. И сразу вспомнилось все слышанное и прочитанное объ этомъ громадномъ человѣкѣ со скорпеннымъ лбомъ, съ приплюснутымъ носомъ съ горбинкою и съ густой, короткой шапкой курчавыхъ

волосъ. Голова и профиль могучаго фавна и въ то же время голова и профиль что-то гладиаторское напоминаютъ. Такимъ былъ, вѣроятно, Спартакъ.

Лассо... Этой страшной петлею и на югѣ Россіи, и потомъ на рубежахъ своей родной Польши ловилъ онъ военныхъ комиссаровъ, безпощадно преслѣдуя ихъ. Искусство набрасывать мертвую петлю постигнуто имъ въ степяхъ Америки, гдѣ онъ былъ и ковбоемъ, и солдатомъ пограничной стражи, и кинематографическимъ актеромъ въ Лосъ-Анжелосѣ, и... кѣмъ только онъ не былъ этотъ великанъ съ мятежной душою конквистадора, опоздавшій родиться лѣтъ на четыреста?

— Вы хотите знать зачѣмъ я пришла сюда и что меня привело, вообще? — спросила она, какъ будто еще отдаляя цѣль своего появленія у Бейзыма въ девятомъ часу вечера.

Онъ поощряюще кивнулъ головою и приготовился слушать долго и терпѣливо. Растегнулъ пальто, открылъ сигарный ящикъ.

— Курить позволите?

— Ради Бога, пожалуйста!

Маленькая пауза и когда Бейзымъ уже задымилъ длинной американской сигарой, — какихъ не привозятъ въ Европу, — незнакомка рѣшилась наконецъ сказать:

— Прежде чѣмъ обезпокоить васъ, я долго колебалась... Но вы единственный человѣкъ, единственный, который можетъ защитить меня отъ этихъ преслѣдованій, этихъ запугиваній...

— Я вамъ задамъ одинъ вопросъ, — съ мягкой улыбкой перебилъ недоумѣвающей Бейзымъ, — даже два вопроса? Почему вы рѣшили искать защиту у меня, частнаго человѣка, а не у соответствующихъ властей — это во-первыхъ, а затѣмъ, какъ вы узнали о моемъ возвращеніи? Вѣдь, я только вчера пріѣхалъ?

— Извините... Отвѣчу вамъ по порядку. Соответствующія власти, какъ вы ихъ называете, не могутъ мнѣ помочь въ моемъ дѣлѣ... Да и не возьмутся... Вы сами увидите... Что же касается возвра-

щенія вашего, это я узнала отсюда, протянула она Бейзыму номеръ газеты, съ окаймленной краснымъ карандашемъ замѣткою.

Бейзымъ съ полунасмѣшливымъ, полудовольнымъ лицомъ прочелъ:

Король экрана и сабли.

Вчера возвратился изъ Америки майоръ Игнатій Бейзымъ, знаменитый герой, гроза большевиковъ и организаторъ лихихъ партизанскихъ отрядовъ. За годъ своего отсутствія Бейзымъ въ Лосъ-Анжелосъ сыгралъ нѣсколько главныхъ ролей въ кинематографическихъ драмахъ. Одна изъ нихъ вскорѣ появится на экранахъ Варшавы. Нашъ славный соотечественникъ заработалъ прямо баснословный гонораръ — миллионъ долларовъ.

Ну и развѣдка поставлена у этихъ газетчиковъ! — воскликнулъ Бейзымъ, складывая и возвращая газету, — я не только ни съ кѣмъ изъ сотрудниковъ не говорилъ, даже еще никого изъ старыхъ друзей не успѣлъ повидать. А вотъ цифра гонорара сильно преувеличена. Хотя, не грѣхъ было бы получить и миллионъ. Сколько разъ я рисковалъ свернуть себѣ шею... Будтыхался въ море вмѣстѣ съ конемъ съ отвѣсной скалы съ высоты пятидесяти метровъ. Дрался ножомъ на крышѣ вагона курьерскаго поѣзда, ловилъ вотъ этой самой штукой, — онъ кивнулъ по направленію висячаго ласко, — дикихъ степныхъ буйволовъ. Впрочемъ, все это для васъ матерія скучная... Итакъ, я готовъ вамъ служить какъ могу и сдѣлаю все, что въ моихъ силахъ... Но отъ кого же мнѣ придется васъ защищать?

— Отъ большевиковъ... вѣрнѣе отъ большевика.

— О... это ужъ сразу становится интереснымъ! Я радъ любому предлогу только-бъ насолить этимъ мерзавцамъ! Я потому и примчался, что тамъ въ Америкѣ, сильно поговаривали и писали о возможности войны Польши съ Совдепией. Увы! Здѣсь меня ждало разочарованіе. Ни та, ни другая сторона и не помышляютъ о дракѣ. Жаль, очень жаль,

чортъ возьми! На этотъ разъ мы могли бы окончательно разгромить все это красное быдло, предводимое кучкою жидовъ... Однако, я опять отвлекся. Ради Бога извините, больше ни одного слова не пророню. Весь — вниманіе, — и, раскуривъ погасшую сигару, онъ приготовился слушать.

— Съ чего начать? Говорить все по порядку — боюсь утомить васъ.

— Не бойтесь! Я же сказалъ, что свободенъ весь вечеръ. Если только вы сами никуда не торопитесь.

— О, я никуда не тороплюсь!

— Вотъ и прекрасно! Мы съ вами поужинаемъ. Я велю подать въ номеръ. Кстати, я здорово проголодался, — вдохновенно сочинилъ Бейзымъ, обѣдавшій очень поздно и очень плотно. Женщина же эта съ лицомъ и глазами, какъ тропическая ночь, питается, если и не совсемъ впроголодь, то, во всякомъ случаѣ, весьма скудно. Потертый обезьяній воротничокъ подтверждалъ это. Подтверждала и сама незнакомка и вспыхнувшимъ на щекахъ румянцемъ и торопливою отговоркою.

— Благодарю васъ, но право же я сыта...

— Вѣрю! Но я то самъ голоденъ. А ѣсть въ одиночествѣ я не могу!.. Австрійскіе императоры — тѣ могли, имъ это полагалось по церемоніалу... А такъ какъ я не австрійскій императоръ, то соблаговолите поддержать мнѣ компанію. Я сейчасъ позвоню лакею, выберемъ по карточкѣ ужинъ и наконецъ-то я узнаю, какія у васъ неприятности и съ кѣмъ я буду имѣть дѣло?...

2. Одна изъ очень многихъ.

— Моя дѣвичья фамилія Лабенская, Магдалина Лабенская. Отецъ мой — русскій офицеръ, служилъ въ Петербургѣ въ главномъ артиллерійскомъ управленіи. Съ его стороны въ моихъ жилахъ течетъ польская кровь, со стороны мамы — грузинская. Она изъ рода князей Дадіани. Воспитывалась я въ гимназіи Оболенской. За годъ такъ до войны

мама простудилась и умерла отъ воспаления легких... Это было ужасно! Такая молодая еще, красивая, цвѣтущая полная жизни... Это былъ сильный ударъ для насъ, особенно для папы. Онъ боготворилъ покойницу. Мамина смерть, — начало несчастій, обрушившихся на нашу семью...

Прошелъ годъ. Папу узнать нельзя было, такъ онъ осунулся, ушелъ въ себя. Каждый день ѣздилъ на мамину могилу въ Александро-Невскую Лавру... Объявляютъ войну... Папа и могъ и долженъ былъ остаться. Не умѣю вамъ объяснить, но его считали специалистомъ по какой то части и его очень цѣнили... Папа нѣсколько мѣсяцевъ хлопоталъ, чтобы его отправили въ дѣйствующую армію... Позже для меня не было никакихъ сомнѣній... Онъ самъ искалъ смерти... Онъ былъ въ чинѣ генерала, ему дали бригаду. А черезъ мѣсяць, одинъ изъ его офицеровъ самъ, чуть не плача, подготавливалъ меня... Но это было лишнее... Мое предчувствіе еще раньше меня подготовило... Наблюдательный пунктъ буквально засыпался снарядами. Убило телефониста, батареинаго командира. Тогда папа самъ пошелъ... Удерживали силой его и офицеры и солдаты... Пошелъ и... разорвало въ кусочки... Не могли... не могли собрать частей тѣла... — закончила Магдалина Лабенская, уже сквозь всхлипыванія. Дрожаль подбородокъ, дрожали плечи. Брызнули изъ прекрасныхъ, темныхъ глазъ крупныя слезы.

Бейзымъ, не выносившій женскихъ слезъ, чувствовалъ себя въ такихъ случаяхъ преглупо. Засуетился, налилъ въ стаканъ изъ графина воды, но желѣзными пальцами своими такъ стиснулъ хрупкое стекло, что стаканъ лопнулъ.

— Не беспокойтесь, господинъ майоръ... Уже... Я вовсе не хотѣла ни васъ — разжалобить, ни себя мучить воспоминаніями, но такъ вышло... — она смотрѣла на него съ мягкой и кроткой виноватою улыбкою. — И вотъ я осталась одна-одинешенька, на восемнадцатомъ году жизни, только что окончивъ гимназію... Единственнымъ близкимъ человекомъ была тетя, мамина сестра, княжна Тамара

Дадіани фрейлина Маріи Θεодоровны. Но тетя жила съ Императрицею въ Кіевѣ и мы видѣлись рѣдко. Я поступила сестрой милосердія въ американскій госпиталь въ бывшемъ дворцѣ Сергѣя Александровича. Вы бывали въ Петербургѣ? Знаете на углу Фонтанки и Невскаго? Тамъ въ этихъ высокихъ, свѣтлыхъ залахъ я нашла свое счастье... Съ тѣмъ, чтобы черезъ... но не буду забѣгать впередъ... Къ намъ привезли съ фронта раненаго офицера Насакина.

— Николай Владиміровичъ Насакинъ? Павлоградскій гусарь? — привскочилъ всѣмъ громаднымъ мускулистымъ тѣломъ своимъ Бейзымъ.

— А вы его знали?

— Какъ же не знать? Я самъ бывший павлоградецъ и все время до этой подлой революціи воевалъ въ рядахъ лейбъ-Павлоградцевъ. Потомъ переишелъ въ первый польскій уланскій, который теперь называется Креховецкимъ. Какъ же, какъ же, Насакинъ... Отличный былъ офицеръ! Потомъ я потерялъ его изъ виду... Что съ нимъ? — хотѣлъ спросить Бейзымъ, и осѣкся, видя, что Лабенская вновь готова расплакаться.

Но „Тропическая ночь“ усиліемъ воли остановила готовыя заблестѣть на рѣсницахъ слезы и только судорожная тѣнь скользнула по ея красивымъ чертамъ.

— Николай былъ моимъ мужемъ...

— Былъ... вы говорите?

— Да, былъ... Его нѣтъ. — И опять по ея лицу пробѣжали скорбныя тѣни. — Я ухаживала за нимъ три мѣсяца и когда Николай поправился, мы обвѣнчались въ Дворцовой церкви. Это... это было такое чувство съ обѣихъ сторонъ... Больше года мы были безумно счастливы. Думали, что это наше счастье выдержать какія угодно испытанія, бури. Но вотъ налетѣлъ кровавый вихрь... Развѣялъ, размѣталъ все и оно оказалось такимъ призрачнымъ... Кто пережилъ въ Россіи большевизмъ, тому это знакомая, очень знакомая исторія. Грабежи подъ видомъ обысковъ и обыски подъ видомъ грабежей.

Наше уютное гнёздышко у Таврическаго сада разгромили. Уцѣлѣвшіе брилліанты я продавала, чтобы покупать хлѣбъ и картошку... По ночамъ хватали офицеровъ, увозили куда-то... Пьяныя банды вривались въ квартиры, безчинствовали на улицахъ... Шумъ автомобиля, подѣзжавшаго къ дому, бросалъ меня въ жаръ и холодъ... Не за себя, за Николая боялась...

Онъ рѣшилъ бѣжать на югъ въ Добровольческую армію. Сначала онъ проберется, а потомъ и я за нимъ. Ночью, наканунѣ отъѣзда, его схватили, повезли допрашивать въ чрезвычайку на Гороховую и въ эту же ночь... разстрѣляли... переведя духъ, Лабенская попросила: пожалуйста воды... глотокъ...

Бейзымъ прошелъ въ глубину алькова и взялъ съ умывальника другой стаканъ. Она отхлебнула съ жадностью ребенка, набѣгавшагося по жару. Вообще, въ ней было сейчасъ что-то безконечно милое, безпомощно-дѣвичье. Успокоившись, она продолжала:

— Я кинулась на Гороховую по горячимъ слѣдамъ Николая. Незадолго передъ этимъ убитъ былъ Урицкій. Его замѣнила Яковлева, женщина-звѣрь, женщина-монстръ... Всѣмъ орудовалъ ея фаворитъ наглый, откормленный еврей Геллеръ.

— Геллеръ? Тотъ жирный клопъ съ бритымъ лицомъ жидовскаго Нерона? — подхватилъ Бейзымъ. — Мы съ нимъ столкнулись на Гороховой, когда я былъ арестованъ въ Курскѣ и привезенъ въ Петербургъ. Онъ хотѣлъ меня ударить... меня польскаго офицера! Я пригрозилъ этому паршивцу, что не успѣетъ онъ сдѣлать движенія, задушу какъ щенка... Геллеръ? Это становится очень-очень... Извините, я васъ перебилъ...

— Ему доставляло наслажденіе собственноручно избивать офицеровъ, священниковъ, вообще, рускую интеллигенцію... Виѣ себя отъ горя, неизвѣстности, я умоляла его сказать, гдѣ Николай, что съ нимъ, отпустить... Онъ самодовольно смѣялся въ отвѣтъ: „Вотъ какъ мы сильны, пролетарская

власть! Вы, свѣтскія женщины, ползаете передъ нами на колѣняхъ... Я вамъ скажу, гдѣ вашъ мужъ, если вы мнѣ откроете, гдѣ ваша сятельная тетушка прячетъ и свои брилліанты, и тѣ, которые дала ей на сохраненіе вдова Александра III?“

— Не знаю! А если бъ и знала, то не купила бы цѣною такой подлости свѣдѣній о судьбѣ моего мужа.

— А если бы этой цѣною можно было купить его жизнь? — спросилъ Геллеръ? — Молчите — ваше дѣло! Все равно княжна Тамара Дадіани выдастъ все, когда я прикажу моимъ китайцамъ ее пытать...

Я ничего не отвѣчала, уже теряя послѣднія силы. Въ головѣ, въ сознаніи все путалось... Геллеръ, — это было въ его кабинетѣ съ глазу на глазъ, — схватилъ меня, бросилъ въ кресло, началъ цѣловать мокрыми губами. Такой физической брезгливости я никогда не испытывала. Больше трехъ лѣтъ прошло, а какъ сейчасъ чувствую противный запахъ его подбритой, напудренной шеи. Она вздрогнула, закрыла лицо руками, оттолкнувъ его, смутно, какъ сквозь сонъ слышала топотъ грубыхъ шаговъ... Конвойные ввели въ кабинетъ какую-то новую жертву. Очнулась въ общей камерѣ, грязной, кишасей паразитами, гдѣ вмѣстѣ съ такими, какъ я, контръ-революціонными дамами, содержались уличныя проститутки съ хриплыми голосами, въ синякахъ... Онѣ умудрялись доставать водку, пили — ахъ, какой это былъ кошмаръ!.. На другой день комендантъ — хулиганъ и хамъ, одѣтый съ иголочки во все офицерское, объявилъ мнѣ, что Николай разстрѣлянъ. Николая не было уже въ тотъ моментъ, когда Геллеръ его именѣмъ шантажировалъ меня, чтобы я выдала, гдѣ тетя Тамара прячетъ брилліанты. Меня охватилъ столбнякъ... Нѣсколько часовъ я была какъ истуканъ, не могла ни плакать, ни говорить, ни двигаться. Потомъ, сама удивляясь своему спокойствію, обратилась къ коменданту, чтобы мнѣ выдали тѣло мужа.

— Ну, будемъ мы канителиться со всякой бѣлогвардейскою падалью, — отвѣтилъ онъ мнѣ съ кривой, жестокой усмѣшкой. — Зарыли какъ собаку и вся недолга!

Дальше... Дальше — животное прозябаніе впроголодь. Я скрывалась подъ чужой фамиліей. Шли на рынокъ послѣднія тряпки. Геллеръ исполнилъ свое обѣщаніе... Тетю Тамару замучили китайцы, но и подъ пытками ничего не сказала, ничего не открыла... Кое-какъ я устроила себѣ дѣвичій польскій паспортъ и вотъ уже около года, съ первымъ польскимъ эшалономъ, вырвалась, наконецъ, изъ Совдепіи въ Варшаву. Здѣсь я получила мѣсто въ „Польскомъ Ллойдѣ“ на сорокъ тысячъ въ мѣсяць... Живу на Длугой въ отелѣ. Вчера является ко мнѣ Геллеръ, нахальный, самовлюбленный, какъ и тамъ въ чрезвычайкѣ. Я такъ и обомлѣла... языкъ отнялся. А онъ, помахивая тростью съ золотымъ набалдашникомъ, спрашиваетъ:

— Испугались? Не бойтесь! Я пришелъ къ вамъ по дѣлу. Я теперь занимаю видный постъ въ нашей совѣтской миссіи въ Варшавѣ. Вы должны мнѣ сказать, гдѣ тетушкины брилліанты? Будете упорствовать, вамъ же будетъ хуже! Я не дамъ вамъ покоя, буду васъ преслѣдовать и сдѣлаю такъ, что вы потеряете мѣсто. У насъ здѣсь всюду громадныя связи... Кромѣ того, если вы будете со мною поласковѣе, чѣмъ тогда, въ моемъ кабинетѣ, я вамъ куплю квартиру... у васъ будетъ автомобиль...

— Вотъ негодай, вотъ мерзавецъ! — воскликнулъ Бейзымъ. — Что же вы ему на это?

— Я его выгнала! Уже въ дверяхъ онъ угрозилъ, что даетъ мнѣ три-четыре дня сроку на размышленіе... Я не знала, куда броситься, у кого искать защиты... Знала, однако, — обратиться къ нашимъ властямъ — бесполезно. Они ничего не сдѣлаютъ... И вотъ мнѣ попалась газета и я рѣшила пойти къ вамъ... Вы такой сильный, смѣлый, великодушный, такъ ненавидите большевиковъ... Скажите — я не ошиблась?

— Нисколько! Отлично сдѣлали! Даю вамъ слово польскаго солдата и дворянина, что Геллеръ оставитъ васъ въ покоѣ. Скажите!.. Для меня новость, что онъ здѣсь, и въ этой разбойничьей миссіи большая персона...

Стукъ въ дверь и тотчасъ же появился лакей съ горячимъ ужиномъ въ металлическихъ кастрюлькахъ на большомъ, покрытомъ салфеткой, подносіи.

3. Благородное сердце.

Давно, очень давно у женщины, съ лицомъ и глазами тропической ночи, не было такъ ясно и такъ хорошо на сердцѣ. Удивительно успокаивающе дѣйствовали на нее Бейзымъ и своей физической силой, и своей исполинской фигурой, и еще чѣмъ-то славнымъ, задушевнымъ... Какъ будто Лабенская знала его не часъ и не два этой вечерней бесѣды, а цѣлые годы. И за все время съ той ужасной ночи, когда большевики разстрѣляли ея мужа, впервые почувствовала она себя не одинокой, не затерянной и безпомощной.

Разъ она подъ его защитой — теперь ничего не страшно. И глядя въ это „гладіаторское“ лицо со скошеннымъ лбомъ, съ полными какъ бы вывороченными, губами, лицо съ профилемъ Фавна и сѣрыми глазами, глазами не то звѣря, не то лѣснаго божка, Магдалина вспомнила все, что приходилось ей читать о Бейзымѣ въ Петербургѣ въ совѣтскихъ газетахъ. Каждая строка была смочена ядовитою слюною бѣшенной собаки.

Но и сами красные изумлялись:

„Не человекъ, а какой-то дьяволъ этотъ польскій бѣлогвардеецъ!..“

Особенно поражены были его бѣгствомъ изъ Одесской чрезвычайки. Онъ исчезъ наканунѣ разстрѣла, голыми руками выломавъ желѣзную рѣшетку съ прутьями толщиною въ добрый палецъ. А потомъ, бросившись въ море, плыль десять верстъ, пока не очутился на борту французскаго „истребителя“.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ о Бейзымѣ заговорила вновь вся красная печать, когда со своимъ партизанскимъ отрядомъ онъ, до дерзости смѣлымъ кавалерійскимъ налетомъ захватилъ подъ Варшавой въ Радзимицѣ штабъ арміи и весь этотъ штабъ вмѣстѣ съ главнымъ комиссаромъ, личнымъ врагомъ своимъ Динстлемъ и съ конвоемъ изъ башкиръ и чекистовъ перевѣшалъ на базарной площади.

О его подвигахъ и въ великой войнѣ у Станиславова, гдѣ Бейзымъ взялъ въ плѣнъ командира гановерскихъ уланъ князя Турнъ и Таксисъ, сорвавъ его съ лошади и бросивъ поперекъ своего сѣдла, о томъ, какъ онъ спасъ княгиню Изабелу Семигородскую, вытащивъ ее съ помощью своего лассо изъ предательской болотной трясины, объ этомъ и о многомъ еще другомъ, не менѣе чудесномъ и героическомъ Магдалина читала и слышала уже въ Варшавѣ.

И вотъ онъ, этотъ человѣкъ изъ волшебной сказки сидитъ передъ нею, общаетъ свое покровительство. Даже не вѣрится, хотя это самая что ни на есть подлинная явь. И вмѣстѣ съ глубокимъ успокоеніемъ охватываетъ какая-то родостная жуть...

Бейзымъ наблюдалъ перемѣны и колебанія въ настроеніи и въ лицѣ Магдалины. Хотя ей было двадцать пять лѣтъ, но что-то совсѣмъ юное институтское и въ грацирующей грудной скороговоркѣ, и въ переходахъ отъ томной мерцающей грусти къ веселому, беззаботному смѣху. И такъ же рѣзко мѣнялась экспрессія лица. Мѣнялись даже тѣни и краски. Въ моменты грусти опускались тяжелыя вѣки, опускались длинныя рѣсницы, погасалъ взглядъ и неподвижными становились черты лица, красота котораго была не въ четкой правильности формъ, а въ ихъ плавной мягкости, въ матовомъ румянцѣ щекъ, въ блескѣ сверкающихъ зубовъ и прелести глазъ, обведенныхъ густой, природной синевою.

Когда она собралась уходить послѣ ужина, — шель уже двѣнадцатый часъ, — Бейзымъ еще разъ подбодрилъ ее:

— Не волнуйтесь, прошу васъ!.. Спите спокойно! Тамъ, на границахъ Мексики, я укрощалъ дикихъ степныхъ лошадей. Это потрудитѣ, чѣмъ сдѣлать ручнымъ товарища Геллера и надѣть ему намордникъ... Я съ двойнымъ удовольствіемъ займусь этимъ. Вообще, надо проучить эту обнаглѣвшую совѣтскую сволочь, думающую, что въ Польшѣ ей все позволено, а, во-вторыхъ, вы женщина и вдобавокъ еще супруга моего однополчанина-павлоградца. Я же никогда не забуду, не могу забыть, что я бывшій русскій офицеръ.

Лабенская надѣла свое драповое пальто съ обезьянимъ воротникомъ и круглую бархатную, бронзоваго цвѣта, шляпу. Она уже вышла изъ моды, но была Магдалинѣ къ лицу.

Бейзымъ проводилъ ее на Длугую улицу до воротъ грязной гостиницы, гдѣ Лабенская снимала комнату.

— Охота вамъ жить въ такой трущобѣ? — спросилъ Бейзымъ.

— Поневоля приходится. Въ частной квартирѣ можно получить комнату или случайно, или же по большой протекціи. Да и все свободное уже давно реквизировано... Милости прошу какъ-нибудь въ мою конуру, — съ улыбкой приглашала Магдалина.

Вспыхнули, мерцая подъ вуалью, черные глаза и Лабенская исчезла въ темной подворотнѣ своего „отеля“.

— А за брамѣ, — грубо крикнулъ ей вслѣдъ сторожъ въ длинной шубѣ. Охваченная потокомъ новыхъ мыслей и ощущеній, она забыла сунуть двадцать марокъ за то, что онъ потрудился открыть калитку.

Лабенская, явившись къ Бейзыму на основаніи газетной замѣтки, была первой ласточкой. На другой день съ самаго ранняго утра началось паломничество. Приходили „бейзымчики“, что дрались противъ большевиковъ въ партизанскомъ эскадронѣ Бейзыма. И вотъ тѣ, кто шелъ тогда къ нему простыми охотниками, когда въ грозный для Варшавы часъ и графы, и князья и директора банковъ,

чиновники министерствъ и прикащики, студенты, ремесленники, мужики, все спѣшили провѣдать своего бывшего начальника, который на вѣки внушилъ имъ глубокое, неискоренимое обаяніе своимъ рыцарскимъ благородствомъ, неисчерпаемой доблестью, отвагою, умѣньемъ воевать и умѣньемъ владѣть какъ никто конемъ, огнестрѣльнымъ и холоднымъ оружіемъ.

Первымъ визитеромъ въ девятомъ часу утра, когда Бейзымъ, взявъ тутъ же у себя въ номерѣ холодную ванну, съ покраснѣвшимъ отъ студеной воды и растиранія мохнатой простынею, мускулистымъ тѣломъ, тренировался пудовыми гантелями, — былъ мальчикъ лѣтъ десяти, чистенькій, бѣло-головой, одѣтый въ суконную дешевенькую пару.

Бейзымъ, не переставая работать гантелями, — упругіе мышцы какъ живые переливались подъ кожей, и на груди, и на рукахъ, и на спинѣ, — взглянувъ съ высоты своего громаднаго роста на мальчика, узналъ въ немъ карапуза, два года назадъ явившагося въ Бристоль проситься въ „бейзымчики“.

Мальчикъ, едва успѣвъ поздороваться, съ полураскрытымъ отъ изумленія ртомъ, восхищенно глядѣлъ снизу, какъ вздымались и пружинились чудовищные бицепсы на рукахъ пана майора и какъ онъ легко дѣлалъ движенія гантелями съ чугунными шарами, каждый съ дѣтскую голову.

— Ты, братъ, выросъ! А какимъ малышомъ являлся ко мнѣ! Помнишь?..

— Помню? — просіялъ мальчикъ, — я то помню, а вотъ какъ панъ майоръ не забылъ, это удивительно!.. Панъ майоръ еще сказалъ мнѣ: „Авось и безъ тебя какъ-нибудь справимся съ большевиками“. Потомъ отецъ прочиталъ въ газетахъ, какъ панъ майоръ вѣшалъ этихъ дряней въ Радзиминѣ. Ну, теперь я уже большой... Вотъ и явился... Будетъ война, то теперь уже панъ майоръ возьметъ меня въ „бейзымчики“?..

— Войны не будетъ... А ты что дѣлаешь, какъ тебя зовутъ?... Павелекъ, я помню, ты говорилъ,

что отецъ твой сапожникъ Павелекъ. А имя?..

— Ясь, Ясь Павелекъ... Ну и память у пана майора! Вотъ память!.. Отецъ умеръ въ прошломъ году, а я теперь помогаю матери, — съ гордостью объявилъ Ясь, — служу въ Римскомъ отелѣ за пиколло.

— Въ Римскомъ отелѣ? — подхватилъ Бейзымъ, опуская гантели на полъ и запахиваясь въ широкій спортсменскій халатъ. — Малый, ты мнѣ будешь полезенъ... Ты знаешь наперечетъ всю эту совѣтскую банду?

— Еще бы не звать! Весь день между ними толкаюсь!.. Вотъ у кого денжищъ! Пьютъ, жрутъ, костюмы дюжинами заказываютъ. Сколько бриллиантовъ, сколько золота везутъ имъ оттуда изъ Бولیшевіи! Матеръ Божья, не сосчитать! Все церкви ограбили!

— Еще бы! Эти могутъ... Геллера знаешь?

— Геллера? Ха! Я ему каждый день за парикмахеромъ бѣгаю. До одиннадцати часовъ жидюга въ кровати валяется, а потомъ цѣлый часъ то съ бритьемъ, то съ ногтями. Шуруетъ до глянца всякой всячиной... А панъ майоръ знаетъ этого жида!

— Знаю... Вотъ что, Ясь, только ни гу-гу, ни слова!..

— Могила! — съ важнымъ видомъ ударилъ себя въ грудь кулачкомъ Ясь.

— Видишь ли, завтра утромъ передъ тѣмъ, какъ ты побѣжишь ему за парикмахеромъ, я хотѣлъ бы дружески побесѣдовать съ Геллеромъ, глазъ на глазъ. Можно пройти къ нему незамѣченнымъ?

— Можно, ей-Богу можно! — обрадовался пиколло. — Его номеръ въ самомъ концѣ корридора и какъ разъ противъ его двери — черный ходъ. Я могъ бы тудою провести пана майора, никто и не замѣтитъ... Мы стоворимся... — съ таинственнымъ видомъ сообщника подмигнулъ Ясь.

Бейзымъ сунулъ ему пять тысячъ марокъ для матери и отпустилъ.

Потомъ былъ директоръ банка панъ Феликсъ Верига, тоже „бейзымчикъ“ и участникъ доблестнаго кавалерійскаго дѣла подъ Радзиминомъ. Веригу смѣнилъ молодой графъ Ледоховскій, бывшій адъютантъ Бейзыма, а за нимъ пришелъ „квдратный“ Ласота съ плечами чудовищной ширины и кривыми, словно пустившими корни въ землю, ногами. Мужикъ родомъ изъ Сибири, Ласота, выросшій въ тайгѣ, былъ охотникъ и изумительный стрѣлокъ, а въ силѣ уступалъ развѣ одному Бейзыму. Квадратное чудовище въ синей блузѣ и съ мѣдной бляхой желѣзнодорожнаго носильщика, бросилось къ рукѣ Бейзыма.

— Ахъ, какъ я радъ! Вотъ радъ! Пане майоже, какъ прочиталъ въ „Курьеркѣ“, такъ сердце и запрыгало...

— Смотри, какъ бы оно совсѣмъ не выпрыгнуло, — улыбнулся Игнасъ, тронутый преданностью безхитростнаго „бейзымчика“. — А ты что же, въ носильщики записался?

— Надо же хлѣбъ ѣсть... Трудно теперь, пане майоже...

— Постой, постой, я придумаю тебѣ болѣе подходящее, чѣмъ таскать жидовскіе да спекулянтскіе чемоданы. У меня на Воляни есть кусочекъ лѣса, хочешь туда въ лѣсничіе? Охотиться будешь, воздухомъ дышать. Мнѣ какъ-разъ нуженъ вѣрный человѣкъ.

— Пане майоже, да вѣдь это... это... Какой же человѣкъ откажется отъ такой благодати? — и Ласота вновь принялся ловить руку Бейзыма.

— Ты навѣдайся деньковъ черезъ пять, можетъ быть вмѣстѣ и сѣздимъ. Это у самой большевистской границы. Часть моего лѣса къ нимъ отошла.

Квадратный человѣкъ ушелъ, не чуя отъ радости подъ собою кривыхъ своихъ ногъ крѣпкихъ какъ стволы вѣковыхъ деревьевъ. Въ самомъ дѣлѣ, будетъ съ него таскать жидовскіе да спекулянтскіе чемоданы!

Однимъ изъ послѣднихъ визитеровъ былъ давно не бритый человѣкъ лѣтъ тридцати, съ военной выправкой, въ измятой англійской шинели и въ такомъ же англійскомъ кителѣ, безъ всякихъ признаковъ бѣлья. И несмотря на колючую шетину, покрывавшую подбородокъ и щеки, на потрепанность нуждою, говорившей, что лучше не спрашивать, гдѣ онъ живетъ и ночуетъ, сразу угадывался человѣкъ хорошаго воспитанія и тонкой породы.

— Вы не узнаете меня?

— Полно, князь... Брось это „вы“... Мы съ тобой старые павлоградцы.

— Но я не зналъ какъ вы... какъ ты меня встрѣтишь... Люди теперь такъ мѣняются.

— Знаю! Грошъ имъ цѣна! А Бейзымъ какимъ былъ, такимъ и остался. Всегда счастливъ видѣть своего павлоградца. Какъ ты сюда попалъ? Про дѣла не спрашиваю, вижу, что плохи.

— Не говори! — вздохнулъ князь. — А попалъ я сюда... когда ты ушелъ въ первый польскій уданскій, я бѣжалъ къ Корнилову на Донъ. Два года былъ въ Добровольческой арміи, бился съ красными. Всего въ двухъ словахъ не расскажешь... Вмѣстѣ съ Бредовскими частями пробился къ вамъ въ Польшу... Былъ потомъ въ арміи Балаховича, а потомъ... работалъ на лѣсопильномъ заводѣ въ Бѣловѣжской Пушчѣ... Не вмоготу стало! Видишь какія руки у князя рюриковича? — и слезы градомъ хлынули у него изъ глазъ.

Игнасю больно было видѣть эти слезы и эти почернѣвшія, обезображенныя тяжелымъ физическимъ трудомъ, руки того, кто былъ первымъ богачемъ въ Павлоградскомъ полку и чаровалъ всѣхъ дивной игрою своей на рояли.

— Не надо нервничать... Не надо... какъ-нибудь вывернемся... Я тебѣ сейчасъ выпишу чекъ на двѣсти тысячъ марокъ. Пойди приодѣнься, купи бѣлья, сними комнату, а завтра ко мнѣ къ двумъ часамъ. За обѣдомъ поговоримъ и посоветуемся, куда бы тебя пристроить...

4. Послѣ войны и революціи.

Великая война съ ея нечеловѣческимъ напряженіемъ и съ такой же нечеловѣческой, охватившей Европу усталостью, съ обнищаніемъ однихъ и обогащеніемъ другихъ, при чемъ бѣднѣло все наиболѣе порядочное, благородное и честное, а обогащалось наоборотъ, все корыстное, подлое, тупое, безпринципное, — здѣсь уже и россійскій большевизмъ приложилъ свою липкую отъ крови плебейскую руку, — видоизмѣняла и виѣшность, и толпу западныхъ городовъ и столицъ.

Далеко не послѣдняя причина этого паденія моральныхъ устоевъ и цѣнностей. Все молодое отважное, героическое, цвѣтъ страны, ея гордость, легло на поляхъ славы и смерти. Въмѣсто милліоновъ прекрасныхъ жизней — милліоны могилъ, разбросанныхъ отъ Владивостока до Лиссабона. До Лиссабона потому, что и Португалія принимала участіе въ чудовищной міровой войнѣ. Лучшее оборонѣйшее тѣло подъ землей въ могилахъ, а на землѣ осталось худшее, такое, для котораго слова: „Честь, Долгъ, Родина“ не святыя слова, а пустой, или почти пустой звукъ.

Вотъ почему на улицахъ Парижа, Вѣны, Бѣлграда, Брюсселя, Рима, Варшавы стало меньше красивыхъ, видныхъ и рослыхъ мужчинъ. Вотъ почему люди не вѣрили другъ другу какъ раньше и cadaго считали мошенникомъ. Вотъ почему мало кто хотѣлъ добросовѣстно исполнять свои обязанности. Отрыжка большевизма удушливыми газами прошла по Европѣ. Чиновники хотѣли брать взятки и ничего не дѣлать, дворники не хотѣли мести улицъ, а городовые не хотѣли смотрѣть за порядкомъ.

Парижъ, никогда не щеголявшій особенной чистотой, сдѣлался еще грязнѣе. Это не былъ прежній блестящій Парижъ. Берлинъ сталъ тѣнью императорскаго Берлина, когда плевокъ и окурокъ сигары на выложенной панели являлись чуть ли не кощунствомъ, и монументальный шудманъ въ

каскаѣ штрафовалъ пѣшеходовъ и за плевокъ и за брошенный окурокъ.

Неузнаваема и Варшава, этотъ довоенный маленький Парижъ, чаровавшая даже иностранцевъ и своимъ наряднымъ видомъ, и своей эlegantной толпою. Получалось впечатлѣніе, словно вы смотрѣли на Варшаву сквозь тусклое, запыленное стекло. Даже хорошо и со вкусомъ одѣтые мужчины и женщины, даже они сквозь это запыленное стекло какъ-то теряли и блекли. На улицы, въ театры, кофейни, рестораны хлынули новые люди, которыхъ раньше не было, а если даже и были, то ихъ никто не замѣчалъ.

Съ горечью и со слезами въ голосъ и на глазахъ жаловались немолодые, стараго поколѣнія люди:

— Всю свою жизнь мы такъ пламенно мечтали о свободной Польшѣ... И вотъ она создалась и больно подумать, кто пожинаетъ плоды?... Интеллигенція, мозгъ страны, — затерта, принижена, забита. Правда, не въ такой рѣзкой степени, какъ въ Совдепѣ, но все же торжествуетъ хамъ!.. Ресторанные лакеи, дворники, швейцары гостинницъ, носильщики, чернорабочіе матеріально обставлены гораздо лучше, чѣмъ генералы, профессора, инженеры, художники, прокуроры, писатели...

И дѣйствительно, въ этой накипѣвшей горечи было много правды. Близкое сосѣдство Польши съ совѣтской Россіей весьма и весьма давало себя знать. Демократической свободой переоцѣнивать физической трудъ, вымогать, каждый свой шагъ обставлять грабительскими подачками, широко и безнаказанно пользовались всѣ тѣ, кому гораздо лучше жилось, чѣмъ генераламъ, профессорамъ, инженерамъ и писателямъ, создавшимъ свободную Польшу своимъ талантомъ, умомъ, знаніемъ, своей доблестью...

Офицерамъ, чиновникамъ, машинисткамъ военного министерства, жившимъ въ заброшенномъ большомъ и хаотическомъ отелѣ на Длугой, приходилось только облизываться, видя, какъ сытно,

обильно и вкусно ѣдят корридорные служащие со своими женами. Примусы, этой обнагльвишей, облѣннѣвшей, не желающей ударить палецъ о палецъ для гостей челяди, наполняли чадомъ и смрадомъ всѣ корридоры. Прислуга готовила себѣ кофе, какао, жарила бифштексы, свиные и куриные котлеты. Боже сохрани, если чей-нибудь звонокъ дерзкимъ дребезжаньемъ своимъ отрывалъ „пана номероваго“ или „пани номерову“ отъ ихъ кулинарнаго священнодѣйствія.

На лучшей конецъ, громко, на весь корридоръ посылая жильца или жилицу ко всѣмъ чертямъ, прислуга не торопясь шла на звонокъ, въ худшемъ же — не обращала ровно никакого вниманія... „Позвонить, позвонить и перестанеть...“

Вообще, всѣ эти субъекты „высочайше“ утвержденного лакейскаго образца, съ подкрученными усами, нахальные, злобные и дрожающія половины ихъ глубоко презирали мѣсячныхъ жильцовъ, отъ которыхъ очень мало корысти. Правда, еврей щедро платили чаевые, но и этихъ презирала челядь уже за то, что они евреи. Слово „жидъ“ посылалось то и дѣло вдогонку комиссіонерамъ, купцамъ и спекулянтамъ, въ изобиліи населявшимъ отель.

Въ крохотной комнатѣ жила Магдалина Лабенская. Большая половина жалованья уходила на эту неуютную шель съ желѣзной кроватью, шатающимся столикомъ и плюшевымъ стуломъ съ весьма и весьма вѣроломной спинкою готовую ежеминутно треснуть.

Въ предѣлахъ скудной возможности, Лабенская скрасила свою неприглядную комнатенку. Голую впадину окна стушевала зановѣскою. Дверь въ сосѣднюю комнату задрапировала кускомъ малиноваго цвѣта матеріи. На стѣнкахъ развѣсила фотографіи. Умывальную тумбочку превратила въ туалетный столикъ, убравъ кисею. Поддерживая чистоту, каждый день собственноручно моя полъ, она кое-какъ достигла впечатлѣнія нѣкотораго уюта.

Номеръ Лабенская получила далеко не безъ хлопотъ и не безъ труда. Пришлось дать пять тысячъ одному портъе, менѣе сговорчивому, потомъ другому — болѣе сговорчивому. А затѣмъ надо было терпѣливо ждать около мѣсяца, навѣдываясь и упрашивая.

Это вовсе не значило, что и въ самомъ дѣлѣ не было свободныхъ комнатъ. Нѣсколько номеровъ всегда оставлялось для ищущихъ уединенія парочекъ, щедро оплачивающихъ и свой пріютъ любви и благодѣтеля портъе и „номероваго“. Эти мимолетные гости — самые дорогіе, самые желанные въ отелѣ на Длугой. Да и не только въ отелѣ на Длугой, а и во многихъ остальныхъ.

Лабенская жила отшельницей. Не съ кѣмъ было знакомиться. Офицерская холостежь, отсутствуя цѣлый день, возвращалась только ночью. Еврейскія семьи? Лабенская по горло сыта была евреями-комиссарами за время своихъ петербургскихъ мытарствъ и встрѣчаться съ евреями, хотя бы и бѣженцами изъ Совдепіи, не было ни малѣйшей охоты. Оставалось еще нѣсколько петлюровскихъ семействъ, грязныхъ, невоспитанныхъ, нафанатизированныхъ ненавистью ко всему русскому и польскому и демонстративно говорившихъ между собою на „украинской мовѣ“. Въ общемъ это было какое-то уѣздное болото, напоминающее Васильковъ и Золотоношу, и отъ подобной компаніи — чѣмъ дальше, тѣмъ лучше!.

На другой день, какъ она была у Бейzyma, Лабенская, вернувшись съ вечернихъ занятій, встрѣтила въ тускло освѣщенномъ, узкомъ, пахнущемъ уборными, корридорѣ, молодого человѣка въ черномъ пальто и котелкѣ.

— Магдалина Брониславна! — окликнулъ онъ.

И она узнала его.

Князь Владиміръ Гагаринъ, однополчанинъ мужа. Покойный Николай, еще будучи женихомъ, представилъ ей Гагарина въ лазаретѣ. Цѣлый рои воспоминаній нахлынулъ, закружился...

— Вы какими судьбами? Откуда? Я так рада вас встрѣтить... Николай васъ очень, очень любил! Вы никуда не спѣшите? Пойдемъ ко мнѣ... Напою чаемъ.

— Благодарствую... Съ громаднымъ удовольствіемъ!..

Горитъ электричество, шумитъ примусъ, увѣнчанный синимъ эмалированнымъ чайникомъ. Гагаринъ оживившимся взглядомъ впивается въ дорога ему, дорога, какъ невозвратное прошлое, фотографіи. Вотъ Николай Насакинъ въ полной парадной формѣ, съ ментикомъ на плечахъ, въ венгеркѣ и мѣховой шапкѣ съ султаномъ. Вотъ группа снятыхъ на позиціи павлоградцевъ. Здѣсь тоже Николай, здѣсь онъ, Гагаринъ, еще нѣсколько офицеровъ и Бейзымъ. Этотъ выше всѣхъ на голову.

— Магдалина Брониславовна, какъ вамъ удалось вывезти снимки? Вѣдь за одно это, за нахождение подобныхъ фотографій... къ стѣнкѣ!..

— И не говорите! Прятала, дрожала, но разстаться, уничтожить — не могла! Это было бы сильнѣе меня. Поймите же, поймите, князь, это все, что осталось у меня послѣ человѣка, котораго я больше жизни любила... И замерцали темные, обведенные матовой синевою глаза, и дрогнувъ и осѣкся голосъ.

— Да, невыразимая утрата для васъ, — тихо молвилъ Гагаринъ. — Тамъ, на югѣ дошла ко мнѣ вѣсть о гибели бѣднаго Николая. Что они сдѣлали съ нашей Россіей эти мерзавцы? Уничтожить такую страну, довести богатѣйшія хлѣбомъ губерніи до людоедства?! Онъ умолокъ, придавленный тяжестью вызванныхъ картинъ и образовъ.

За чаемъ Лабенская рассказала о себѣ. Потомъ спросила:

— Ну, а вы, князь? Судя по виѣшнему виду, кажется, слава Богу, недурно?

— По виѣшнему виду?... — переспросилъ онъ смѣясь. Да знаете ли вы, Магдалина Брониславовна, что этотъ виѣшний видъ... Если-бъ нѣсколько

часовъ назадъ я предсталъ предъ ваши ясныя очи, вы не узнали бы меня! Ужъ больно отвратный былъ у меня „виѣшний видъ“. Засаленный, замызганный френчъ на голомъ тѣлѣ. Здѣсь, — онъ проведъ по гладко выбритому лицу, — густая щетина и, къ довершенію всего, я очутился на улицахъ Варшавы съ восемьюдесятью марками. Фунта, хлѣба не купишь... А сейчасъ... сейчасъ какъ видите, — новенькая пиджачная пара, крахмальное бѣлье, номерокъ въ вашемъ отелѣ, полученный благодаря обману и взяткѣ. Обманулъ, сказалъ, что комната мнѣ нужна только на одинъ день, а взятку далъ пану портъе. Если прибавить, что у меня осталось тысячъ сорокъ, то вы поймете, какой я сверхъестественный Крезъ! Да что Крезъ, прямо Ротшильдъ! Это почище всякихъ Крезовъ! А утромъ, дорогая, Магдалина Брониславовна, я былъ преисполненъ самыхъ мрачныхъ мыслей... Тяжелый физическій трудъ такъ меня вымоталъ... Больше не могъ бы за него взяться. И ничего кругомъ, ничего! Пуля въ лобъ или, если-бъ не хватило рѣшимости, воли, — опускайся на дно... Скидаться по ночлежкамъ, босячествовать, кишѣть паразитами... брр... Это мнѣ, мнѣ у котораго въ тысячелѣтнемъ роду были бояре, воеводы, генералъ-адъютанты и было девять святыхъ... И вотъ не угодно ли, точно въ сказкѣ. „Рядъ чудесныхъ метаморфозъ“, какъ писали на афишахъ Зоологическаго сада.

— Кто же виновникъ этихъ „чудесныхъ метаморфозъ“?

— Вы его знаете, нашъ же павлоградецъ — Бейзымъ!

— Бейзымъ?! Я вчера его видѣла!.. Какое благородное сердце!

— А я сегодня! Шель, признаться, съ дрожью въ душѣ, не приметъ пожалуй, а если и приметъ — официально съ холодкомъ: „Что вамъ угодно?“ Очень я ему нуженъ! Грязный, обтрепанный, нищій! И представьте, дивный приѣмъ! Барскій жестъ!

Даль мнѣ двѣсти тысячъ на экипировку, на приведение себя въ человѣческой видъ. Обѣщалъ куда-нибудь пристроить. У него громадныя связи. О, какъ безконечно я ему благодаренъ! Къ жизни вернулся! Боже, какимъ нечеловѣческимъ блаженствомъ было вымыться въ банѣ, надѣть бѣлье, побриться, почувствовать себя въ тонкихъ носкахъ и въ ботинкахъ, вмѣсто портянокъ и грубыхъ, стоптанныхъ дырявыхъ сапожищъ. Это были не сапоги, а испанская инквизиція! Я себѣ ими изранилъ и намозолилъ всѣ ноги. Вы на меня не гнѣвайтесь! Это прозаически и далеко не салонно посвящать даму въ такія подробности, но я такъ безумно счастливъ, такъ ярко переживаю всѣ мелочи... Да и вамъ ли не понять меня? Вамъ, столько переиспытавшей?...

— Понимаю и сочувствую!.. У меня самой до послѣдняго времени была только одна рубаха. Вымоешь вотъ въ этой самой чашкѣ и, — пока высохнетъ. Да и та уже стала разваливаться. На дняхъ сшила себѣ другую... И вѣрить не хочется, что когда то носила и любила тонкое бѣлье въ кружевахъ, съ прошивками, ленточками. И словно устыдившись этого признанія, Магдалина вспыхнула и опять, какъ вчера у Бейзыма, въ минуту смущенія казалась молоденькой наивной институткой.

— До чего безконечно я ему благодаренъ, — повторилъ князь. Вѣкъ не забуду!.. Есть же добрые люди на свѣтѣ! Просыпается жажда жизни. Хочется движеній, воздуха!.. Взять хорошую коляску, проѣхать по улицамъ, видѣть толпу, сознавать что можешь войти въ кафэ, въ ресторанъ, въ кинематографъ. Магдалина Брониславовна, вы сейчасъ свободны?

— Я свободна всѣ вечера. Я, вѣдь, никуда не хожу.

— Давайте прокатимся по городу! Потомъ — на Вѣнскій вокзалъ къ приходу курьерскаго поѣзда. Увидимъ спальные вагоны международного

общества, на которыхъ написано: „Парижъ—Берлинъ—Варшава“. Посмотримъ, какая публика выйдетъ оттуда. Вѣдь это же уголокъ настоящей Европы! А я полгода ничего не видѣлъ, кромѣ Бѣловѣжской Пущи и лѣсопильнаго завода. Самъ чуть не сдѣлался зубромъ. Кстати, ихъ тамъ уже нѣтъ, зубровъ. Всѣхъ нѣмцы къ себѣ угнали. Говорятъ, польское правительство требуетъ ихъ возвращенія... Такъ какъ же, идти? Годится? Вы не сердитесь. Можетъ быть я глупъ, и смѣшонъ, и недѣлъ въ своемъ желаніи встрѣтить публику международного вагона...

— Полно, князь! Ничуть не смѣшно и не глупо. Я сама съ удовольствіемъ прочту эту бѣлую табличку съ цвѣтными буквами „Парижъ—Берлинъ—Варшава“. Это не только кусочекъ Европы, но и кусочекъ собственного прошлаго...

— А потомъ поужинаемъ гдѣ-нибудь. Выпьемъ вина, послушаемъ музыку. Вспомнимъ Петербургъ, не Петроградъ, а именно Петербургъ нашъ родной прекрасный державный Петербургъ, завшивѣвшій теперь, загаженный, хамскій... Плакать хочется...

5. Кусочекъ Европы.

Лабенской передалось настроеніе Гагарина. Въ самомъ дѣлѣ, приходилось беречь каждую сотню марокъ, отказывать себѣ въ лишней булочкѣ, въ трамваѣ, — извозчикъ же былъ недосыгаемой роскошью. Объ ужинѣ въ ресторанѣ подъ музыку — объ этомъ и мечтать не смѣла!

А такъ хорошо уже осеннимъ вечеромъ холоднымъ пронестись въ коляскѣ по Новому Свѣту. Мелькаютъ огоньки фонарей, горятъ молочные шары кинематографовъ, залиты яркимъ свѣтомъ гигантскія зеркальныя окна кофейнь. Толпа входитъ, выходитъ, снуетъ взадъ и впередъ.

Лабенской было пріятно, легко и покойно. Покойно отъ сознанія, что рядомъ съ нею мужчина, который смотритъ на нее какъ на сестру, славными,

чистыми глазами и ни за прогулку, ни за ужинъ, ничего не потребуетъ. А теперь мужчинъ, ничего не требующихъ отъ дамъ, которыхъ они угощаютъ — немного, ихъ нѣтъ совсѣмъ почти.

Взявъ на Вѣнскомъ вокзалѣ „перонувки“ Магдалина и князь пошли встрѣчать „кусочекъ Европы“. Когда поѣздъ изъ нѣсколькихъ коричневыхъ вагоновъ, съ золотыми выпуклыми надписями во всю длину и съ горящими окнами, плавно задерживаясь, вытянулся у дебаркадера, у молодыхъ людей забились сердца. Моментъ щемящей тоски... Ахъ, почему не выйдетъ никто дорогой, желанный и близкій?... Почему?..

Высокій сѣдоусый и горбоносый панч, такой рѣдкій и породистый на фонѣ „демократической“ Варшавы, держа на цѣпочкѣ бѣлую какъ снѣгъ, чуть порозовѣвшую при свѣтѣ электричества, тоже породистую красавицу — борзую, встрѣтилъ жену. Глубокой трауръ, тонкое болѣзненное лицо. Вышло нѣсколько бритыхъ господъ шиберскаго типа съ новенькими англійскими чемоданами. Въ недавнемъ прошломъ — комивояжеры, или агенты по закупкѣ живого товара, теперь это крупные спекулянты, ворочающіе милліонами и не въ польской валютѣ, а въ настоящей.

— Вотъ кому живетъ хорошо на бѣломъ свѣтѣ!.. Вотъ онъ пришедшій хамъ, хамъ-завоеватель, — шепнулъ Магдалинѣ князь по-французски.

Она не слышала. Вниманіе отвлечено было пассажиркою въ длинномъ, широкомъ собольемъ манти. Воротникъ изъ пышной чернобурой лисицы и по чернобурой лисицѣ на каждомъ рукавѣ — густыя широкія манжеты съ висящими хвостами.

— Смотрите, смотрите, князь! — гроссирующей скороговоркой, воскликнула она, не сводя завороненныхъ глазъ съ царственного собольяго манти.

— Да, она красива... И этотъ шрамъ на щекѣ нисколько не портитъ ее, наоборотъ, даже какая-то оригинальная пикантность. Я бы даже сказала — таинственность. Быть можетъ это шифръ, ключъ

къ какой-нибудь драмѣ, — отвѣтилъ Гагаринъ, убѣжденный, что Лабенская интересуется не соболями, а ихъ счастливой обладательницей.

— Красива... Но какое поразительное совпаденіе: точь въ точь такое же собольево манти съ такими же черными лисицами было у моей, замученной большевиками тети Тамары. Она провела въ Сенатѣ какое-то дѣло одному сибирскому купцу и тотъ поднесъ ей эти мѣха.

— Конечно, случайное совпаденіе, — пожалъ плечами Гагаринъ.

Лабенскую онъ этимъ не убѣдилъ. Необъяснимый инстинктъ нашептывалъ ей, что врядъ ли могло быть еще другое манти, изумительно такъ похожее на тетушкино и по длинѣ, и по фасону и эти висящія у манжетъ лисьи хвосты...

Международнаго типа господинъ въ ботинкахъ съ песочнаго цвѣта гетрами, встрѣтилъ женщину въ соболяхъ и, бережно коснувшись ея локтя, помогъ сойти на перронъ. Перекинулись они двумя-тремя фразами. На какомъ языкѣ — трудно было разобрать.

Соскочилъ молодой человекъ въ модномъ широкомъ пальто и модной фетровой шляпѣ. Близорукий, въ пенсне. Выпученные глаза, развинченныя манеры. Бритое лицо, мелкія черты. При ближайшемъ разсмотрѣніи, онъ былъ скорѣе моложавъ, чѣмъ молодъ. Вся фигура, съ мальчишески вихляющими руками и ногами, — неустойчивая, словно выдернули изъ нея какой-то главный стержень.

Онъ встрѣченъ былъ депутаціей изъ евреевъ, одѣтыхъ частью въ „цивильное“, частью же „по восточному“ въ длинныхъ сюртукахъ и въ маленькихъ, черныхъ, съ крохотными козырьками фуражкахъ. Но и сюртуки дорожнаго сукна и шапочки все это было отмѣнное, первосортное, новенькое. Бородатые лица евреевъ дышали самоувѣренной, говорящей не только о достаткѣ, но и о богатствѣ, спокойной, знающей себѣ цѣну, выхоленной сытостью.

Видимо курносый брюнетъ, не знающій куда дѣвать руки и ноги, и, по страшной близорукости своей, готовый съ одинаковымъ успѣхомъ наткаться на одушевленные и неодушевленные предметы, былъ очень важнымъ гостемъ. И хотя половина депутаціи годилась ему въ папашу, всѣ кланялись ему въ поясъ и почтительно ловили пальцы, которые онъ торопливо тыкалъ въ воздухъ.

Выслушавъ краткое прѣвѣтственное слово, демонстративно громко, — пускай всѣ кругомъ слышать! — сказанное на жаргонѣ, развинченный господинъ отвѣтилъ въ свою очередь по-еврейски, такъ чеканя каждое слово, чтобы оно выходило менѣе всего нѣмецкимъ и болѣе всего жаргоннымъ.

Еще совсѣмъ недавно евреи, мало-мальски интеллигентные и по воспитанію и по виѣшнему виду избѣгали своего отечественнаго жаргона, предпочитая ломать какой угодно чужой языкъ, только-бы говорить на людяхъ „по своему“, а теперь именно въ публичныхъ мѣстахъ, именно на людяхъ, словно бросая кому-то вызовъ, болтали они „по своему“. Группа у спальнаго вагона вовсе не была исключеніемъ. Это наблюдалось въ трамваяхъ, въ спекулянтскихъ кофейняхъ, въ кинематографахъ, въ присутственныхъ мѣстахъ — вездѣ.

Это былъ весьма показательный штришокъ. Даже цѣлый штрихъ. Даже знаменье времени. Польскіе „жидзи“, гордые тѣмъ, что бывшей Россіей правятъ евреи, высоко подняли головы. Кто знаетъ, можетъ быть скоро пробьетъ ихъ часъ и здѣсь въ Польшѣ? Кто знаетъ?..

Въ двухъ шагахъ отъ Лабенской стоялъ невысокій, съ энергичнымъ, смуглымъ, некрасивымъ лицомъ, человекъ съ жиденькими, едва пробившимися усиками. Онъ помахивалъ тросточкой съ видомъ скучающаго фланера, который самъ не зная зачѣмъ, вѣрнѣе отъ бездѣлья, очутился у прибывшаго *via* Парижъ—Берлинъ—Варшава курьерскаго поѣзда. Но эта беззаботность была взвинченной, фальшивой. Онъ такъ смотрѣлъ и на женщину въ

соболяхъ, и на близорукаго въ пенсизъ, и на окружавшихъ его пиджачныхъ и лапсердачныхъ евреевъ, словно быстрые все время въ движеніи, и глаза его были фотографическимъ аппаратомъ. Сдѣлавъ нѣсколько моментальныхъ „снимковъ“, — каждое лицо, каждая подробность запечатлѣлись, — онъ отвернулся. Отвернулся, что-бы грудь съ грудью увидѣть блѣднаго человекъ съ изможденнымъ лицомъ и съ клинушкомъ темной бородки. Онъ сказалъ что-то блѣдному человекъ, скорѣй глазами, чѣмъ губами. Блѣдный человекъ, тоже отвѣтивъ глазами, мгновенно исчезъ. Этой коротенькой мимической сцены никто не замѣтилъ, да если-бы и замѣтилъ, — не понялъ бы.

Лабенская и Гагаринъ вышли на многолюдную, громыхающую, звенящую трамваями, Маршалковскую.

— Ну вотъ мы и увидѣли кусочекъ Европы, — разочарованно молвила Магдалина.

— Гм... Европы?... Я бы сказалъ кусочекъ... си-нагоги, — такъ, пожалуй, вѣрнѣе, — улынулся князь. Видимо этотъ прѣѣзжій съ манерами шенка переходнаго возраста — важная для нихъ шишка. То онъ боялся расплескать собственное достоинство, то несуразно тыкался во всѣ стороны. Совсѣмъ полугодовалый шенокъ! Встрѣтили его на двѣнадцать балловъ. А эта дама съ интригующимъ шрамомъ положительно интересна! Маленькій пуноцый ротъ, правильныя черты и все это въ богатѣйшей рамкѣ. Соболя потрясающіе! За такое манто польскими марками надо заплатить астрономическую цифру... миллионъ... миллионъ, пожалуй, двѣсти?... Но куда же мы отправимся съ вами принимать пищу, Магдалина Брониславовна?

— А вы не будете стыдиться своей дамы? Я такъ бѣдно одѣта.

— Какъ вамъ не стыдно? Теперь, болѣе чѣмъ когда бы то ни было „и въ рубишѣ почтенна добродѣтель“. Въ Константинополь я видѣлъ бывшихъ архимиллионерокъ, одѣтыхъ гораздо хуже чѣмъ вы...

Въ „Кавказъ“, я думаю? Тамъ насъ угостятъ превосходнымъ шашлыкомъ, да и оркестръ не плохой. О чемъ вы задумались, Магдалина Брониславовна? — спросилъ Гагаринъ, видя, что она не слышитъ его и, вообще, гдѣ-то далеко витаетъ мыслями.

— Такъ... Ни о чемъ...

А на самомъ дѣлѣ не выходило изъ головы манто въ чернобурыхъ лисицахъ. Необходимо узнать, кто она и откуда эта женщина со шрамомъ на лѣвой щекѣ?...

6. Гіена.

Когда Бейзымъ вошелъ въ магазинъ офицерскихъ и спортивныхъ вещей и предметовъ, всѣ приказчики и свободные, и занятые покупателями усталились на него. А главный управляющій, онъ же хозяинъ, не теряющій своего величія даже съ генералами, разлетѣлся во всю къ Бейзыму.

— А, пане майже! Какъ счастливъ пана видѣть! Читаль, читаль... Когда же будемъ мы любоваться первымъ фильмомъ съ паньскимъ участіемъ? Когда? Горю нетерпѣніемъ!

— Скоро, очень скоро... А вотъ что, миѣ нуженъ стэкъ, и даже не стэкъ, а хлысть.

— Жаль, что не стэкъ, пане майже! Мы получили новую партію. Испанскій камышъ! Тонокъ, гибокъ, но чувствителенъ для самой строгой лошади.

— Я предпочитаю хлысть.

— А, вѣроятно, для собаки?

— Нѣтъ! Собака — благородная тварь Божья. Для гіены! Я привезъ маленькую гіену.

Хлысты не понравились Бейзыму.

— Нѣтъ въ нихъ эластичности надлежащей! Вытянешь хорешенько — сломается... А вотъ что, — прищурился Бейзымъ, — нѣтъ ли у васъ хлыста изъ буйволовыхъ жилъ?

— Изъ буйволовыхъ жилъ? Это вышло давно изъ моды. Не держимъ. Хотя, кажется, одинъ есть. И хозяинъ самъ побѣждалъ въ примыкающую къ магазину комнату. Вернулся, бережно неся какъ

крупную драгоценность хлысть изъ буйволовыхъ жилъ, сплетенныхъ спиралью и протертый канифолью, чтобы въ моментъ удара не скользилъ, а ложился основательно.

— Какъ-разъ именно то, что миѣ надо, — опытнымъ глазомъ ковбоя и кавалериста оцѣнилъ Бейзымъ и взявъ хлысть, взмахнулъ имъ такъ, что все кругомъ засвистѣло! Одинъ изъ покупателей испуганно шархнулся въ сторону.

— Въ рукахъ пана майора — это страшная вещь! — замѣтилъ хозяинъ. Бѣдная маленькая гіена!

* * *

Геллеръ, какъ всегда, проснулся въ одиннадцатомъ часу у себя въ Римской гостинницѣ. Бейзымъ довольно мѣтко называлъ его еврейскимъ Нерономъ. Дѣйствительно въ бритомъ, мясистомъ ассиметричномъ лицѣ Геллера съ крупнымъ, массивнымъ подбородкомъ и съ копной рыжеватыхъ мелко-курчавыхъ волосъ надъ низкимъ, прямымъ лбомъ, въ бычачьей шеѣ и въ раскормленной не по лѣтамъ, тучной фигурѣ съ изряднымъ животомъ, круглившимся подъ стеганнымъ голубымъ атласнымъ одѣяломъ, во всемъ этомъ было что-то нероновское.

Это впечатлѣніе усугублялось самодовольнымъ тупо-жестокимъ выраженіемъ лица и холодными, тусклыми, свѣтлыми глазами, глазами человѣка, для котораго весь міръ — это лишь фонъ, существующій для оттѣненія его собственной безцѣнной особы.

Сынъ виленскаго переплетчика, выращенный въ пропахшей кислымъ запахомъ клейстера халупѣ, Геллеръ въ дѣтствѣ началъ рисовать домики съ дымящимися трубами. Отецъ рѣшилъ, что изъ него будетъ „второй Айвейзовскій“.

Исаакъ началъ ходить въ виленскую рисовальную школу, но дальше гипсовыхъ классовъ не пошелъ и былъ исключенъ за самую плачевнѣй-

шую бездарность. Такъ погибъ въ немъ „второй Айвейзовскій“.

Онъ поступилъ въ аптеку и въ промежутокъ между изготовленіемъ слабительныхъ пилюль и хинныхъ облатокъ, напичкивалъ себя социалистическими брошюрками. Хотѣлось революціи, хотѣлось власти, а тутъ, не угодно ли, какія-то слабительныя пилюли. Старая Вильна казалась ему скучной и тѣсной.

Геллеръ въ Петербургѣ, въ аптекѣ Берггольца, на углу Фонтанки и Невскаго. Онъ свой человѣкъ на студенческихъ сходкахъ. У него романъ съ краснощекой поповной, курсисткой-лесгавичкой. Она отдалась ему изъ принципа, изъ протеста, какъ одному изъ сыновей безправнаго, гонимаго народа.

Въ концѣ февраля 1917 года Геллеръ, обвиненный пулеметными лентами и ручными гранатами, носился по Петербургу на закопченномъ грузовикѣ съ высоко поднятымъ револьверомъ, носился въ обществѣ матросовъ, солдатъ и радикальныхъ акушеровъ. Черезъ мѣсяць Керенскій назначилъ его комиссаромъ одной изъ армій Юго-Западнаго фронта. Это комиссарство ознаменовалось цѣлымъ рядомъ убійствъ офицеровъ и грубыми арестами почтенныхъ боевыхъ генераловъ.

Черезъ годъ Геллеръ былъ восходящей звѣздой на кровавомъ горизонтѣ Сѣверной коммуны. Геллеръ допрашивалъ, разстрѣливалъ, избивалъ, обогащаясь, тратя громадныя деньги, одѣваясь у лучшихъ портныхъ. Налетчики обязаны были отдавать ему львиную часть своей добычи; если не хотѣли угодить — „къ стѣнкѣ“.

Грязный, вымершій Петербургъ надоѣлъ. Геллеръ вдоволь награбилъ — на всю жизнь хватить съ избыткомъ. Явилось желаніе отдохнуть за границей въ культурныхъ человѣческихъ условіяхъ. Зиновьевъ-Апфельбаумъ, другъ и покровитель Геллера, устроилъ ему черезъ Чичерина дипломатическій постъ въ варшавской совѣтской миссіи.

Геллеръ накопилъ тончайшаго бѣлья и нашилъ у знаменитаго Сквары тьму-тьмушую дорогихъ костюмовъ, пальто, шубъ, смокинговъ, фраковъ, — любой опереточный премьеръ позавидовалъ бы такому пышному гардеробу. Въ ресторанахъ онъ требовалъ кievскихъ котлетъ, зернистой икры, французскаго шампанскаго, всего, что было трудно получить и стоило безумныхъ денегъ. Онъ спѣшилъ сторицею вознаградить себя за нищенское дѣтство въ пропахшей клейстеромъ отцовской переплетнѣ и за годы прозябанія своей фармацевтической юности.

Катаясь на мощномъ посольскомъ „Ролль-Ройсѣ“, онъ увидѣлъ на Длугой возвращающуюся со службы Магдалину. Увидѣлъ, узналъ и черезъ своихъ агентовъ выслѣдилъ, гдѣ она занимается и гдѣ она живетъ. Онъ рѣшилъ соединить пріятное съ полезнымъ. Тогда, въ кабинетѣ на Гороховой ему „помѣшали“. Онъ упустилъ то, чего не хотѣлъ бы упустить здѣсь. Красивая женщина изъ хорошей семьи, вдова блестящаго бѣлогвардейца — это совсѣмъ другой привкусъ, чѣмъ обладаніе жрицами любви, которыхъ онъ покупаетъ въ Варшавѣ не малыми деньгами, но которыя ничуть не тѣшатъ плебейскаго тщеславія вышедшаго изъ грязи комиссара. А вотъ ее взять, ее гордую воспитанную, владѣющую языками дворянку — этосовсѣмъ другое дѣло! Онъ готовъ на эту прихоть вышвернуть нѣсколько милліоновъ. А если она откроетъ ему, гдѣ спрятаны брилліанты бывшей фрейлины Тамары Дадіани, онъ эти милліоны вернетъ съ лихвою и еще какой лихвою!

Правда, она выгнала его. Но, что значить — выгнала? Женщина — всегда женщина. Вчера выгнала, а завтра... почему знать, что будетъ завтра? Онъ ее запугалъ, срокъ ультиматума близокъ и, врядъ-ли она будетъ корчить изъ себя недотрогу-царевну...

Геллеръ сладко потянулся, спустилъ жирныя, голыя ноги и поймалъ ими новенькія, востроносія,

сафьяновые туфли на манеръ восточныхъ „бабушь“. Зная, что всѣ „люди общества“ спятъ въ пижамахъ, Геллеръ никакъ не могъ однако себя къ этому приучить и спалъ въ длинной шелковой сорочкѣ.

Лакей внесъ утренній кофе, вѣрнѣе цѣлый завтракъ — сыръ, масло, ветчина, медъ, сливки, варенье. Геллеръ не съѣдалъ и пятой доли всей этой благодати, но такъ завтракають джентельмэны. Англоманомъ Геллеръ сдѣлался съ тѣхъ поръ, какъ въ Петербургѣ, въ зданіи Великобританскаго посольства, застрѣлили военного агента капитана Кроми.

И хотя англійской дипломатической миссіи въ Варшавѣ было извѣстно, что Геллеръ убійца капитана Кроми, — однако этотъ убійца приглашался на рауты и обѣды миссіи.

Снявъ рубаху и надѣвъ на голое тѣло шолоковый японскій халатъ — кимоно, Геллеръ подѣлъ къ туалетному столику съ цѣлой парфюмерной витриною граненыхъ флаконовъ, туалетныхъ принадлежностей и сверкающихъ ножничекъ, напильничковъ, шипчиковъ. Вынувъ изъ плоскаго золотого порсигара съ брилліантовой короной — портсигаръ князя Оболенскаго, разстрѣляннаго Геллеромъ, — онъ закурилъ папиросу и, въ ожиданіи парикмахера, занялся шлифовкою ногтей, мягкихъ, квадратной формы, съ трудомъ поддающихся обработкѣ. Онъ всматривался въ овальное, въ старинной, массивной серебрянной рамѣ, екатерининское зеркало, выкраденное имъ изъ особняка графа Алексея Бобринскаго на Галерной улицѣ.

Шорохъ за дверью. „Этотъ осель парикмахеръ всегда чего-то возится себѣ, прежде чѣмъ постучать“. Короткимъ порывистымъ движеніемъ распахнулась дверь, тотчасъ же закрылась и на ея бѣломъ фонѣ Геллеръ съ изумленіемъ увидѣлъ широкоплечаго великана съ хлыстомъ въ рукахъ. Природа не обидѣла Геллера зрительной памятью. Онъ тотчасъ же узналъ Бейzyma, хотя видѣлъ его около трехъ лѣтъ тому назадъ и не въ штатскомъ, а въ формѣ польскаго улана.

Какъ онъ могъ войти? Внизу всякаго чужого человѣка фильтруютъ и допрашиваютъ самымъ инквизиторскимъ образомъ два здоровенныхъ чекиста. Промелькнулъ цѣлый рядъ желаній... Броситься къ звонку, къ дверямъ, къ револьверу, лежавшему въ ночной тумбочкѣ... Поднять неистовый животный крикъ... Но все это вмѣстѣ было невозможно, а выбрать что-нибудь одно не хватило рѣшимости... Паническое смятеніе Геллера заняло двѣ-три секунды...

Бейzymъ мгновенно повернулъ ключъ въ дверяхъ и съ непостижимой для его монументальной фигуры ловкостью, ловкостью лѣснаго звѣря, однимъ могучимъ броскомъ черезъ всю комнату очутился передъ Геллеромъ.

— Если ты вздумаешь кричать, жидъ, звать на помощь, клянусь Богомъ, живымъ не выйдешь отсюда! Слушай же: даю тебѣ три дня сроку, на четвертый ты долженъ покинуть Варшаву... Чтобы духу твоего здѣсь... Ты знаешь меня... Бейzymъ не любитъ понапрасно грозиться... И еще... ты долженъ разъ навсегда оставить въ покоѣ госпожу Лабенскую, вдову ротмистра Насакина. Понялъ?

Геллеръ съ ужасомъ въ холодныхъ глазахъ смотрѣлъ на Бейzyma. Не довѣряя самому себѣ, онъ закусилъ губы, чтобы не крикнуть, не издать ни одного звука. Распахнулся японскій халатъ на рыхлой бабьей груди и на мягкомъ, отвисающемъ животѣ.

Видъ перетрусившаго, блѣднаго Геллера съ дрожащимъ массивнымъ подбородкомъ, видъ комнаты съ атласнымъ одѣяломъ, туалетомъ въ кружевахъ, комнаты напоминавшей спальню кокотки, все это было омерзительно Бейzymу. Гибъ смѣнился чувствомъ презрѣнія, гадливости... Онъ не уйдетъ отсюда, какъ слѣдуетъ не проучивъ этого убійцу, грабителя...

— Только посмѣй крикнуть, только посмѣй! — и на голову, плечи, руки Геллера градомъ посыпались удары хлыста изъ буйволовыхъ жилъ. И каж-

дый ударъ оставлялъ на откормленномъ, холеномъ тѣлѣ, на мясистомъ лицѣ кровавую борозду. Геллеръ съѣхалъ съ круглаго пуфа на колѣни и, катаясь по полу, закрывая лицо руками, пытался защитить глаза, носъ, губы. Страхъ, что Бейзымъ убьетъ его, былъ сильнѣе адской физической боли и онъ молчалъ, молчалъ цѣною безумныхъ нечеловѣческихъ усилій.

А Бейзымъ, разжигая себя тѣмъ, что этотъ подлый трусъ, тамъ у себя въ Совдепѣ, чинилъ надъ беззащитными неистовыя звѣрства, опьяненный, продолжалъ полосовать его своимъ страшнымъ хлыстомъ. Въ кровь было разбито лицо и мѣстами копна рыжеватыхъ волосъ слиплась отъ крови. Геллеръ, стискивая зубы, глухо какимъ-то однотоннымъ тихимъ нутрянымъ звукомъ стоналъ:

— У... ууу... уууу...

Онъ потерялъ сознание и остался лежать ничкомъ на старинномъ безцѣнномъ коврѣ изъ Темиръ-Ханъ-Шуриной мечети.

Бейзымъ открылъ дверь, спокойно вышелъ на корридоръ и уже не чернымъ ходомъ, которымъ провелъ его Ясь Павелекъ, а парадной лѣстницею спустился внизъ и, миновавъ двухъ церберовъ — чекистовъ, покинули „Римскій отель“.

7. Скандалъ въ благородномъ семействѣ.

Красные дипломаты нашли своего товарища на полу въ крови и безъ чувствъ. Отъ японскаго кимоно остались одни лохмотья.

Вызванъ былъ съ верхняго этажа Каценельсонъ, врачъ миссiи, или, какъ онъ самъ себя называлъ, Лейба-медикъ. Онъ обмылъ пациента, гдѣ надо прижегъ йодомъ, гдѣ надо сдѣлалъ перевязку, а гдѣ и просто наложилъ пластырь.

Геллеръ, забинтованный и облѣпленный розовыми кружочками, лежалъ подъ стеганнымъ атласнымъ одѣяломъ, выслушивая отъ окружающихъ негодование по адресу „гнуснаго бѣлогвардейскаго

звѣря“ и соболѣзнованія по своему собственному, Геллера, адресу.

Два матроса-чекиста, долгоязыые, съ каторжными лицами, сочувствуя своему „товарищу“, никакъ не могли подавить, однако, профессиональнаго восторга.

— Экъ, отутюжилъ! Вотъ отутюжилъ! — пересмѣивались они между собою за дверьми.

— Да, рука, что и говорить, чижолая!

— Чижолая-то чижолая, а надобно и умѣние, товарищ! Бить больно ужъ гораздъ полякъ этотъ самый!

— Никакъ тотъ самый, что вышелъ промежъ насъ. Кабы знали, задержать слѣдовало!

— Какъ же, удержи такого! По росту да по плечамъ — силище дьявольское!

У изголовья Геллера толпился консилиумъ, но не медицинскій, а дипломатическій. Право голоса имѣлъ и потерпѣвшій. Впрочемъ, потерпѣвшій занять больше былъ своей сильно пострадавшей физиономіей. Поминутно глядѣлся въ ручное зеркало. Считавшій себя неотразимымъ красавцемъ онъ приходилъ въ мрачное уныніе. Да и было отчего. Одинъ глазъ кое-какъ смотрѣлъ, другой съ разсѣченными бровью и вѣкомъ вздулся, посинѣлъ и закрылся. вмѣсто губъ — какой-то безформенный запекшійся кровавый комокъ.

— Разбойникъ, что онъ со мною сдѣлалъ?! Такъ онъ же меня хотѣлъ убить! Это же, это же я не знаю что! Нарочно меня обезобразилъ... Товарищъ Каценельсонъ, я буду видѣть правымъ глазомъ?..

— Что значить буду? Конечно! Черезъ два дня глазъ немножко откроется, — утѣшалъ пациента маленькій волосатый, въ очкахъ и съ кустами сѣдѣющихъ волосъ въ носу и въ ушахъ Каценельсонъ.

А консилиумъ рѣшалъ важный вопросъ — какъ отнестись къ разыгравшемуся въ посольскихъ стѣнахъ скандалу? Раздуть его со всѣми послѣдствіями, включительно до дипломатической ноты, требующей удовлетворенія отъ польскаго правительства, или

же, наоборот, все замаять, замолчать и тихо сидѣть у себя, въ своемъ Римскомъ отелѣ?

Разбились на два лагеря — еврейскій и русскій. Евреи, болѣе экспансивные, самонадѣянные, требовали энергичнаго выступленія.

Особенно волновался товарищъ Вишневскій, не избравшій себѣ никакого псевдонима, такъ какъ фамилія могла сойти за польскую. Патлатый, въ прыщахъ, съ бородою, въ сюртукѣ, осыпанномъ перхотью, Вишневскій, брызжа слюною, заикаясь, выходилъ изъ себя, выплевывая и цѣлая фразы, и отдѣльныя слова.

— Товарищи, товарищи! Наша великодержавность... великодержавность совѣтской республики... мы шестая часть суши, — второпяхъ выплюнулъ онъ вмѣсто „суши“. — Мы не потерпимъ, чтобы какіе-то польскіе бандиты въ стѣнахъ миссіи, пользующейся экс... экс... экстерриториальностью... Да, экстерриториальностью. Оскорбляли грубымъ чело-вѣко-ненавистническимъ дѣйствіемъ нашихъ дипломатическихъ представителей... Это недопустимо... Шлемъ ноту въ самыхъ великодержавныхъ тонахъ!.. Можетъ быть мы наканунѣ великихъ событій. Австрія за убійство эрцъ-герцога Франца-Фердинанда этимъ сербскимъ сви... сви... свинопасамъ...

Это было уже черезчуръ. Русскіе улыбались. Насторожились менѣе темпераментные изъ евреевъ. Конторщикъ, — секретарь Украинской совѣтской миссіи изъ гостиницы „Викторія“, тихій, вкрадчивый, съ хитрыми глазами и козымъ профилемъ, насмѣшливо перебилъ:

— Такъ что-жъ, война, товарищъ Вишневскій?

— Война, такъ война, почему нѣтъ?... — вызываяще тряхнулъ патлатою головою Вишневскій и на плечи его посыпалась новая порція перхоти. Почему нѣтъ? Въ двадцатомъ году намъ не удалось войти въ Варшаву, мы войдемъ въ двадцать второмъ! Нашей пролетарской пятою мы раздавимъ этихъ буржуазныхъ полячишекъ. Обнаруживалъ все большую и большую воинственность Вишнев-

скій до своей большевистской карьеры, занимавшійся очень мирной и глубоко-штатской профессіей зубного врача.

Эти захлебывающіяся угрозы въ устахъ Вишневскаго были музыкою для слуха Геллера. Если бы изъ-за него, Геллера, красный Кремль объявилъ войну, „реакціонному Бельведеру“, какъ это было бы величественно! И Геллеръ вообразилъ себя на мгновеніе эрцъ-герцогомъ Францемъ-Фердинандомъ, только не убитымъ, а живымъ.

— Вы кончили, товарищъ? — обратился къ Вишневскому первый секретарь миссіи, бывший лицеистъ, бывший камеръ-юнкеръ и бывший графъ Челюстинъ, высокій блондинъ съ молочно-розовымъ поросычьимъ лицомъ.

— Да, я кончилъ, — гордо отвѣтилъ Вишневскій.

— Въ такомъ случаѣ я прошу слова... Порывъ товарища Вишневскаго горячъ, искрененъ и даже... благороденъ, если хотите. Но все это стрѣльба изъ пушекъ по воробьямъ, или же буря въ стаканѣ воды. Если бы польскій майоръ застрѣлилъ товарища Геллера? Въ данномъ же случаѣ, какъ вы сами изволили выразиться, имѣло мѣсто насиліе. Протестуя, раздувая этотъ... этотъ печальный инцидентъ, мы ставимъ себя въ смѣшное положеніе а ничто такъ не убиваетъ, какъ смѣшное. По моему, есть очень красивый выходъ, это — если бы товарищъ Геллеръ послалъ майору Бейзыму своихъ секундантовъ.

— Что такое? Дуэль? Этотъ буржуазно-зоологическій пережитокъ? — возмущился Вишневскій.

— Я хотѣлъ бы знать мнѣніе по этому предмету самого потерпѣвшаго? — спокойно молвилъ Челюстинъ, поворачиваясь къ Геллеру.

Тотъ замахалъ руками и даже задрыгаль ногою подъ стеганнымъ одѣяломъ.

— Чтобы я дрался на дуэли?... Съ кѣмъ? Съ этимъ проклятымъ Безымомъ? Оставьте, пожалуйста, ваши графскія манеры, товарищъ Челюстинъ! Не морочьте мнѣ голову!

— Я высказалъ свой взглядъ, а тамъ ваше дѣло, — пожалъ плечами бывший человекъ, въ паденіи своемъ и въ погонѣ за благами жизни, докатившійся до службы въ разбойничьемъ притонѣ „Римскаго отеля“. Но разъ такъ, вамъ остается одно, — опять это мое личное мнѣніе — покинуть Варшаву возможно скорѣе, какъ только позволитъ здоровье.

— Я и самъ рѣшилъ уѣхать! Мнѣ не надо чужихъ совѣтовъ, у меня своя голова на плечахъ, — огрызнулся Геллеръ.

Челюстинь улыбался съ видомъ скромнаго побѣдителя. Да и въ самомъ дѣлѣ побѣда осталась за нимъ. Во внѣшней политикѣ онъ былъ для большевиковъ круглый ноль, во всемъ же, что касалось этикета, церемоніала, хорошаго тона — здѣсь съ нимъ весьма считались. Онъ былъ при посольствѣ чѣмъ-то вродѣ Петронія. Онъ училъ всю эту разномастную, Богъ вѣсть изъ какихъ подворотень хлынувшую рвань одѣваться, ѣсть, держать себя на парадныхъ обѣдахъ. Если обѣды эти давались въ миссіи, онъ тщательно продумывалъ ихъ, начиная отъ цвѣтовъ, сервировки, закусокъ, винъ и кончая ликеромъ и сигарами. Онъ говорилъ, когда слѣдуетъ надѣть визитку, фракъ, смокингъ, какіе при семъ полагаются галстуки и слово его въ этомъ отношеніи было закономъ. За это платили ему три милліона марокъ въ мѣсяцъ на всемъ готовомъ. Онъ катался какъ сыръ въ маслѣ и жилъ припѣваючи. А что бывшіе липенсты не узнавали его при встрѣчѣ, это если и коробило его, то развѣ слегка, чуть-чуть...

Хотя рѣшено было замаять эту скверную исторію, но скандалъ еще утромъ облетѣлъ всю столицу. Заговорили во всѣхъ министерствахъ, посольствахъ, кофейняхъ, въ Сеймѣ, въ военныхъ кругахъ, въ банкахъ, вездѣ и повсюду.

Кое-кто выразилъ потерпѣвшему соболѣзнованіе. Совѣтникъ англійскаго посольства забросилъ карточку убійцѣ капитана Кроми. Примѣру его по-

слѣдовали нѣкоторые дипломаты новыхъ Балтійскихъ государствъ.

Неизмѣримо пышнѣе и ярче былъ триумфъ Бейzyma. Онъ получилъ много цвѣтовъ. Была тьма тьмущая визитеровъ. У портье накопилась груда визитныхъ карточекъ, а телефонъ трещалъ безъ умолку.

Бейzymъ былъ первымъ героемъ дня, вторымъ былъ Геллеръ, а третьимъ — хозяинъ магазина офицерскихъ и спортивныхъ вещей. Онъ съ гордостью рассказывалъ всѣмъ, что хлысть, которымъ Бейzymъ такъ жестоко обработалъ совѣтскаго дипломата, купленъ у него. Именно у него.

Въ „сферахъ“ ждали политическаго осложненія. Министерство иностранныхъ дѣлъ приготовилось къ полученію изъ „Римскаго отеля“ рѣзкой ноты. Нервничалъ и Олимпъ административный. Съ обыкновеннымъ офицеромъ въ отставкѣ не особенно поцеремонились бы. Выслать и вся недолга.

Но Бейzymъ, Бейzymъ этотъ герой, знаменитый далеко за предѣлами своей родины? Бейzyma знаетъ вся Польша, начиная съ Начальника Государства и кончая послѣдней мужицкой хатою, гдѣ къ стѣнѣ хлѣбнымъ мякишемъ приклеена открытка съ его изображеніемъ. Извольте-ка его выслать! Да и не изъ тѣхъ онъ, что-бъ покорился, — скажете — мнѣ и здѣсь хорошо, — поди, поговори съ нимъ!..

Никакой ноты Римскій отель не послалъ. Претензій никакихъ не заявилъ, и ко всеобщему удовольствію, тучи разсѣялись. Висѣвшая въ воздухѣ гроза прошла, настроеніе улеглось.

Бейzyma посѣтилъ смуглый, некрасивый человекъ съ лицомъ тридцатипятилѣтняго мужчины и съ едва пробившимися усиками. Онъ хорошѣлъ въ мазуркѣ, отплясывая этотъ національный польскій танецъ и лихо, и съ темпераментомъ, и съ большимъ искусствомъ. У него были два таланта, обнаружившіеся еще въ Петербургѣ въ студенческіе годы — мазурка и артистическая игра въ лю-

бительскихъ спектакляхъ. Третій талантъ у доктора правъ Михаила Винарскаго обнаружился значительно позже, въ Варшавѣ, когда онъ занялъ видный постъ въ тайной политической развѣдкѣ. Насколько это было возможно въ предѣлахъ широкой конституціи, онъ съ успѣхомъ боролся съ большевиками и коммунистами, какъ со своими собственными, такъ и съ „экспортомъ“ изъ Совдепѣи. Онъ открывалъ самыя конспиративныя организаціи, распылялъ агитаціонныя ячейки, сотнями арестовывалъ большевиковъ и сотнями пудовъ — ихъ литературу.

— А, пане Винарскій!

— Занять по горло, а все же урвать минуту, чтобъ пожать вашу благородную руку, пане майорже... Вы надолго вывели изъ строя этого мерзавца... недѣль на шесть...

— Ого, какая точность! Впрочемъ, кому же и знать, какъ ни вамъ, пане Винарскій... Сихъ дѣлъ мастеръ!

— Да, хоть намъ отпускаютъ суціе гроши, но развѣдка поставлена у меня не такъ уже плохо, улыбулся Винарскій. Я вамъ больше скажу, рни тамъ совѣщались, какъ быть: поднять гвалтъ, или сидѣть себѣ тихо. Жидамъ хотѣлось гвалта, но русское теченіе въ лицѣ бывшаго графа Челюстина побѣдило. Ну, вотъ и все... Бѣгу! Миѣ сегодня надо еще допросить пятьдесятъ восемь коммунистовъ, изъ коихъ пятьдесятъ шесть соплеменники вашего сегодняшняго крестника.

— Есть крупныя каналы?

— Нѣтъ, больше мелочь... шпана, выражаясь русскимъ тюремнымъ языкомъ. А вотъ выслѣживаю одну птицу очень высокаго полета, изъ далека, пожаловшую къ намъ на гастроли... Мое почтеніе!

— Пообѣдаемъ какъ-нибудь вмѣстѣ?

— Съ удовольствіемъ! Звоните въ бюро, прямо на мой письменный столъ. Еще разъ сердечное спасибо за Геллера! Онъ здѣсь вѣдалъ всей пропагандой, сыналъ большіе милліоны и то, что вы

его вывели изъ строя — онъ уѣдетъ, какъ только поправится — очень миѣ на руку, именно теперь, когда началась предвыборная агитація...

Въ дверяхъ Винарскій столкнулся съ полнымъ чистенькимъ, круглымъ молодымъ человѣкомъ. Пухлое мальчишеское лицо, мягкія манеры. Панъ Струсь, инженеръ и военный летчикъ на французскомъ фронтѣ. Въ Варшавѣ открылъ недавно кинематографическую фабрику.

— И вы съ выраженіемъ сочувствія?

— А какъ вы думали?! Полякъ же я, чертъ возьми! Bravo, bravo, пане Бейзымъ! Это именно въ вашемъ жанрѣ. Отъ васъ всегда ждешь „что-нибудь особенное“, какъ говорятъ въ славномъ русскомъ городѣ Одессѣ-мамѣ... Но, сочувствіе сочувствіемъ, а дѣло — дѣломъ. Довольно вамъ играть въ американскихъ фильмахъ! Поддержите изъ патриотизма польскую кинематографію... Не дѣлайте такого страдальческаго лица, — замахалъ руками Струсь, — напередъ знаю, все у насъ, молъ, пока еще такое маленькое, мизерненькое, вамъ и размахнуться негдѣ будетъ. Нѣтъ! Я ставлю дѣло на широкую ногу, вливается солидный французскій капиталъ и мы заработаемъ на славу! Уже оборудована лабораторія, архитекторъ Евгений Шретеръ сифшино водвигаетъ громадный павильонъ. Подписывайте контрактъ на двѣнадцать драмъ съ вашимъ главнымъ участіемъ. Такіе трюки выдумаемъ и поставимъ — передъ вашими американцами не будетъ стыдно! По рукамъ?

— О, да. Сами вы настоящій американецъ! Дайте подумать, сообразить.

— Двадцать четыре часа?

— Нѣтъ, больше. Дня три дайте!

— Ну, Богъ съ вами! Черезъ три дня буду къ вамъ за отвѣтомъ, выработаемъ условія и свяжемся контрактомъ.

Проводивъ Струсю до дверей, майоръ встрѣтилъ своего „бейзымчика“, директора банка пана Веригу. Бейзымъ не далъ ему раскрыть рта.

— Тронуть и польщенъ! Вотъ ужь никакъ не ожидалъ, что отхлеставши совѣтскаго жида, уви-чаюсь такими лаврами. Пана Верига, найдется у васъ мѣстечко въ банкѣ?

— Для кого?

— Мой бывшій однополчанинъ, ротмистръ князь Гагаринъ.

— А что онъ умѣетъ?

— Знаетъ въ совершенствѣ три языка: англійскій, французскій и нѣмецкій.

— Такъ давайте же! Намъ нуженъ заграничный корреспондентъ.

— Благодарю васъ! Завтре же онъ будетъ у васъ въ банкѣ, — и Бейзымъ такъ стиснулъ своими желѣзными пальцами руку пана Вериги, тому вся кровь хлынула въ лицо.

8. Страничка біографіи Бейзыма.

До двухъ часовъ не смолкала телефонная трескотня и не запиралась дверь. Въ два часа пришелъ Гагаринъ.

— Какимъ франтомъ! Цай посмотрѣть на тебя!

Гагаринъ былъ хорошаго мужского роста, но Бейзымъ какъ ребенка взметнулъ его на воздухъ, схвативъ спереди за локти.

— Все благодаря тебѣ, — отвѣчала сия блаженствомъ Гагаринъ уже холеный, выбритый со свѣтлыми, подстриженными усами. Готовое платье сидѣло какъ на заказъ на его стройной фигурѣ.

— Пусти, пусти, Бейзымъ! Хватить!

— Не пущу, — расшалился Бейзымъ.

Гагаринъ и смекнуть не успѣлъ, какъ это случилось. Мгновенный бросокъ всего тѣла вверхъ и онъ уже сидѣлъ на ладони вытянутой руки Бейзыма, а собственными руками, невольно ища точки опоры, хватался за потолокъ.

— Чертъ, ну и силища! Я знаю, что ты атлетъ, но, помилуй Богъ, во мнѣ четыре съ половиной пуда!

— Дѣло, дружище, не такъ въ силѣ, какъ въ умѣнии и въ темпѣ. Надо поймать темпъ. Тоже самое, что и въ нашемъ конскомъ спортѣ, да и не только спортѣ. Темпъ въ жизни и въ политикѣ — вещь не малая!

— Пусти, — взмолился сверху Гагаринъ. — На полу я буду чувствовать себя тверже и, по крайней мѣрѣ, въ своей стихіи...

Когда они вновь стояли другъ передъ другомъ майоръ сказалъ своему пріятелю:

— Могу тебя поздравить: ты съ завтрашняго дня служишь въ Мазовецкомъ банкѣ заграничнымъ корреспондентомъ.

— Не можетъ быть? Шутить?

— Это была бы дурацкая шутка, мой милый. Передъ тобою былъ у меня вліятельный директоръ банка, солдатъ-охотникъ моего партизанскаго эскадрона. Мы съ нимъ въ два слова рѣшили твою судьбу.

— Я... я не знаю... совсѣмъ какъ въ сказкѣ... Ты... ты моя благодѣтельная фея, — голосъ Гагарина дрогнулъ и брызнули по щекамъ слезы.

— Ну, ну будетъ... не надо... Терпѣть не могу ни когда благодарять, ни когда плачуть, а на фею-благодѣтельницу вотъ ужь, кажется, меньше всего похожъ, — разсмѣялся Бейзымъ и могучій хохотъ его перекликаками понесся на корридоръ.

Но... ты не понимаешь... Ты меня вернулъ къ жизни... я опускался на дно.

— Э, какое тамъ „дно“! Ресторанъ такой былъ „Дно“ въ Петербургѣ. Вотъ мы сейчасъ спустимся внизъ и пообедаемъ, вспырснемъ твои погоня заграничнаго корреспондента Мазовецкаго банка, но только не здѣсь, не въ общемъ залѣ, здѣсь не оставятъ меня въ покоѣ... Я сегодня на положеніи моднаго боксера Демпси послѣ побѣды надъ Карпантье.

— Ахъ, да, — спохватился Гагаринъ.

— И ты знаешь?

— Еще бы! У насъ вся гостинница только и говорить о тебѣ, о твоёмъ новомъ подвигѣ! Молодецъ! Честь и слава! Побольше бы такихъ выступлений, вся эта красная рвань не посмѣла бы и носу показать за границую. Стыдъ и срамъ, всѣ эти Литвиновы, Красины, Радеки и прочая сволочь безнаказанно катаются по Европѣ... Да что катаются, диктуютъ Европѣ!.. Этотъ жиденокъ Собельсонъ, именующійся Радекомъ, бывший карманный воришка и сынъ хозяйки публичнаго дома въ Краковѣ, сидя въ Берлинѣ, нагло подготовляетъ коммунистическій переворотъ... Нѣтъ, старушка Европа совѣмъ изъ ума выжила! Примѣръ нашей бѣдной Россіи никому ее не научилъ, да и врядъ ли научить...

Въ ресторанѣ Лиевскаго, въ отдѣльномъ кабинетѣ Бейзымъ на славу приснудъ банковскіе „погоны“ Гагарина. Чокаясь холодной водкой подтонкія разнообразныя закуски, подававшіяся только избраннымъ гостямъ, вспоминали великую войну, боевыя дѣйствія павлоградцевъ... То, что ушло и уже никогда, никогда не вернется...

Подъ впечатлѣніемъ интимной бесѣды и выпитаго, Бейзымъ вдругъ разоткровенничался, а это съ нимъ бывало очень рѣдко.

Опустивъ на широкую, выпуклую грудь свою большую голову съ лицомъ лѣснаго фавна и сѣрыми глазами сильнаго могучаго звѣря, онъ смотрѣлъ не на Гагарина, а куда-то мимо.

— Пусто... Одинокъ я... Не для чего и не для кого жить... я задыхаюсь въ мирныхъ культурныхъ условіяхъ. Ты, вѣдь, отчасти знакомъ съ моею Одиссеей... Выгоняли изъ одной гимназіи за громкое поведеніе и тихіе успѣхи, дядя спѣшилъ опредѣлить меня въ другую... Я ребенкомъ рано осиротѣлъ. Дядя былъ скупой, суховатый старикъ-ворчунъ, придира, но я лишь потомъ узналъ, какимъ трогательнымъ и нѣжнымъ чувствомъ онъ любилъ меня—сорванца, драчуна, шелопаю. И вотъ онъ давно уже умеръ, а у меня до сихъ поръ сжимается сердце, какъ вспомню, что я мало его цѣнилъ,

огорчалъ, грубъ, непочтителенъ былъ... Помню его костистое лицо съ сѣрыми подусниками, помню его выдвѣтшую фуражку съ бирюзовымъ околышемъ. Онъ тоже старый павлоградецъ. У себя въ имѣніи, въ нашихъ Бейзымахъ, до семидесяти шести лѣтъ ѣздилъ верхомъ какъ молодой тренированный штабсъ-ротмистръ. Онъ изводилъ и меня и еще больше безотвѣтную pannу Ядвигу, троюродную племянницу, на которой лежало все хозяйство... И панна Ядвиги нѣтъ, и ее жаль... Она умерла вскорѣ послѣ того, какъ мы расчехвостили большевиковъ. Я былъ порядочнымъ скотомъ* по отношенію къ этому незлобивому добрѣйшему существу. Отпускалъ шпильки разныя, хамилъ, подшучивалъ надъ ея религіозностью, а вотъ теперь самому стыдно... Одинъ... одинъ какъ палецъ на всемъ бѣломъ свѣтѣ.

— А ты никогда не влюблялся? Цѣликомъ, захватывающе? Не было у тебя большихъ, настоящихъ романовъ? — тихо спросилъ Гагаринъ.

— Большихъ, настоящихъ? — переспросилъ, поднимая голову, Бейзымъ и рѣшительно сказалъ — Нѣтъ, не было! Лѣзли на меня бабы, какъ лѣзутъ на цирковыхъ борцовъ и опереточныхъ премьеровъ. Я ихъ бралъ, однѣхъ — какъ молодое здоровое животное, другихъ изъ „вѣжливости“. Вотъ и все. Чего-нибудь крупнаго, что заполнило бы жизнь, или хотя кусочекъ жизни — такого не было. Да и въ сущности не имѣлъ времени. Нелегкая носила меня по всему свѣту... Служба въ иностранномъ легіонѣ въ глухой марокканской дырѣ Сиди-Бель-Абессъ. Пьянство, одичавшіе въ пустыніи легіонеры, склонные больше къ молодымъ арабчонкамъ и другъ къ другу... Противно было... Да и затишье, никакихъ боевъ... Уѣхалъ въ Америку. Грузчикомъ былъ въ Нью-Йорскомъ порту. Выудилъ меня тамъ знаменитый боксеръ-негръ Джефрисъ, сдѣлалъ своимъ тренеромъ. Все готовое и двѣсти долларовъ въ мѣсяцъ. Сулилъ мнѣ карьеру чемпиона. Надоѣло каждый день наколачивать ему

морду и свою собственную подставлять — нанялся в пограничную стражу... На мексиканской территории повѣсилъ мексиканскаго генерала, повѣсилъ на мексиканскомъ лассо, такомъ же самымъ какъ это мое... Генераль — маргариновый, не то чистильщикъ сапогъ, не то бѣглый каторжникъ, но все какъ слѣдуетъ быть: ордена, треуголка съ плюмажемъ, мундиръ расшитый золотомъ, ботфорты, шпоры со звѣздочками-репейками... Такъ я его во всемъ блескѣ и вздернулъ...

— Что же тебѣ было за это? — подлюбопытствовалъ съ горящими глазами Гагаринъ.

— Шесть недѣль въ казематѣ пограничнаго степного форта и „убирайтесь вонъ!“ Могло быть хуже...

— А дальше?

— Дальше — сдѣлался ковбоемъ.

— Еще бы, всѣхъ насъ поразилъ умѣниемъ владѣть лассо.

— Были почище меня мастера!.. А потомъ директоръ кино-фабрики въ Лосъ-Анжелоссъ почтеннѣйшій мистеръ Уайтъ увезъ меня къ себѣ и уже черезъ годъ я былъ „королемъ экрана“. Тутъ война. Прочелъ я воззваніе Великаго Князя... Забилося сердце, вспомнилъ, что я полякъ, заговорила кровь... Черезъ шесть недѣль я уже шелъ въ атаку въ рядахъ павлоградцевъ.

— Да, ты вѣдь раньше отбывалъ повинность въ нашемъ полку еще до меня... Тогда у тебя какая-то исторія вышла?

— Никакой особенной исторіи, — пожалъ плечами Бейzymъ. — Въ первый день Пасхи на улицѣ я ударилъ поручика Лембовецкаго. Описавъ кривую, онъ полетѣлъ съ тротуара въ грязь.

— По всѣмъ законамъ баллистики, — усмѣхнулся Гагаринъ, — сочувствую!.. Лембовецкій — большое дрянцо! Онъ потомъ окалачивался при Поливановѣ. А за что воспослѣдовало такое строгое внушеніе?

— Онъ меня оскорбилъ, назвавъ поганымъ полячишкой.

— Вотъ, вотъ! Какъ разъ его ампуа! Издѣваться... Постой, постой, на одно ухо онъ какъ пень глухъ — твоя работа?

— Можетъ быть... Во всякомъ случаѣ, не контузія. Этотъ подлый трусъ вертѣлся все время въ штабахъ.

Два лакея убрали закуски и поданъ былъ въ большой серебрянной вазѣ жирный борщъ, обильно заправленный сметаной.

— Откуда сіе царственное великолѣпіе? — изумился Гагаринъ. Эта ваза, эти закуски! Тебя чествуютъ здѣсь, какъ Начальника Государства.

— А видишь ли, хозяинъ этого симпатичнаго учрежденія, панъ Кухарскій питаетъ ко мнѣ слабость. Мы съ нимъ товарищи по оружію, оба конники. Онъ — бывший Гродненскій гусаръ. Великолѣпный поваръ, художникъ своего дѣла... А вотъ и онъ самъ...

Вошелъ румяный, полнолицый, съ густой шапкой пепельно-сѣдыхъ волосъ панъ Кухарскій. Бейzymъ, познакомилъ его съ Гагаринымъ.

— Въ моемъ погребѣ, — началъ панъ Кухарскій, — есть нѣсколько бутылокъ настоящаго французскаго шампанскаго. Двѣ — стараго „Кардонъ-Ружъ“. Я приказалъ уже заморозить для пана Бейzymъ, но съ условіемъ: это мое, такъ сказать, угощеніе въ знакъ признательности за то, что панъ Бейzymъ окрестилъ большевистскаго жида въ христіанскую вѣру.

— Польщенъ и принимаю... Но панъ Кухарскій долженъ выпить бокалъ вмѣстѣ съ нами.

— Благодарю за чѣсты!.. Забѣгу!..

Когда подано было второе „котлеты по Кіевски“, а въ мельхиоровыхъ ведрахъ, зажатое льдомъ, золотилось головками своими „Кардонъ-Ружъ“, — появился вновь панъ Кухарскій. Чокнувшись съ гостями, осушилъ искрящійся бокалъ и опять — на свой обычный постъ за буфетной стойкою.

Гагаринъ и Бейзымъ не спѣша смаковали холодное, въ острыхъ иглахъ и въ пѣнящихся пузырькахъ шампанское.

— До чего мы дожили, — сѣтовалъ Гагаринъ, — вино, которое въ мирное время въ полку замѣняло намъ квасъ, теперь почти недосыгаемая рѣдкость и, главное, не по карману. Поди, тысячь сто бутылка?...

— Не меньше... Гагаринъ, какъ ты устроился съ комнатою?

— Получилъ въ отелѣ на Длугой. Безъ „лапвки“ не обошлось конечно! Трущоба порядочная, прислуга — отчаянное хамье! Нагдая, распущенная, но спасибо и за это. Послѣ сырой землянки, въ бѣловѣжскихъ дебряхъ, мой неуютный, грязный номеръ, кажется мнѣ парижскими „Ритцемъ“, „Мажестикомъ“ и „Клариджемъ“ вмѣстѣ взятыми. Вѣдь, было же время, было же, чертъ возьми, когда я останавливался у „Ритца“, швырялъ деньгами...

— На Длугой, на Длугой, — перебилъ Бейзымъ, — тамъ живетъ вдова нашего Николая Насакина?

— Какъ же, какъ же! Я вчера провелъ въ ея обществѣ цѣлый вечеръ. Душой отдохнулъ! Такая она милая, славная!.. Такъ хорошо переносить свою бѣдность. Гордо, съ такимъ достоинствомъ... И красавица... эти глаза...

— Глаза удивительные! Немного полна пожалуй, но и это идетъ ей. Не нарушаетъ ни плавности, ни стройности фигуры. Непремѣнно загляну вечеркомъ сегодня. Очень хотѣлъ бы ей помочь, но не знаю, какъ это сдѣлать? Самолюбивая! Ты вѣрно сказала — гордая. Именно гордая. Въ своемъ этомъ дурацкомъ „Ллойдѣ“ получаетъ гроши. Вотъ что... Придумалъ! Есть!.. Сдѣлаю изъ нея кинематографическую артистку. Будетъ хорошо зарабатывать. У нея на рѣдкость кинематографическія виѣшнія данныя. Похудѣть немного и лучше не придумаешь!

— Но позволь, какъ же? А если она никогда не играла?

— Ничего не значить! Въ кинематографіи прежде всего для женщины — виѣшность, а потомъ уже талантъ и умѣніе. Какое у нея экспрессивное лицо! Какъ оно волшебнo мѣняется! Съ такимъ лицомъ можно творить чудеса на экранѣ... У меня, братъ, глазъ наметался.

— Еще бы! Самъ король экрана!

— Ну, какой тамъ король! Фигура, сила и годоволомные трюки сдѣлали меня „королемъ“.

— А этого мало?! Ты настоящий кладъ для кино: боксеръ, наѣздникъ, фехтовальщикъ, гимнастъ, ковбой, прыгунъ, пловецъ, — чего же еще? Знаменитый итальянскій Маццетъ, даже онъ не чета тебѣ... А относительно Лабенской — прекрасная мысль! Въ добрый часъ!

— Я изъ нея сдѣлаю большую артистку, — съ убѣжденіемъ молвилъ Бейзымъ.

Панъ Кухарскій окончательно плѣнилъ своихъ избранныхъ гостей, приславъ имъ въ концѣ обѣда къ ликерамъ и кофе парочку большихъ гаванскихъ сигаръ, четырехвершковыхъ „Педро-Муріасъ“. Такихъ днемъ съ огнемъ не найти во всей Варшавѣ. Въ облакахъ нѣжно-синеватаго дыма друзья вспоминали прошлое, скользили по настоящему, приподнимали завѣсу будущаго.

Бейзымъ, вернувшись къ себѣ въ „Европейскую“, засталъ принесенное посыльнымъ письмо. Незнакомый почеркъ, большой узкій конвертъ съ графской короной, плотная шероховатая бумага. Письмо было написано по-французски.

Мосье Бейзымъ!

„Я не имѣю удовольствія лично знать Васъ, но какъ національнаго героя, какъ рыцаря славной Польши и „короля экрана“ знаю давно. Не откажите въ любезности пожаловать ко мнѣ въ „Бристоль“, по дѣлу, которое быть можетъ заинтересуетъ Васъ. Буду ждать завтра къ часу дня“.

Графиня Юлія Сапари.

— Кто она эта венгерская графиня и чего ей от меня нужно? — нахмурил брови Бейзымъ, еще разъ пробѣжавъ письмо, благоухающее пряными, тонкими неизвѣстными духами.

9. У двухъ женщинъ.

Вечеромъ Бейзымъ пошелъ къ Лабенской. Узкій, слабо освѣщенный корридоръ, пропитанный запахомъ уборныхъ. Звукъ разбитаго пианино — аккомпаниментъ молоденькой еврейкѣ пѣвшей по русски, — безцеремонное насвистываніе лакея возмущаюся съ примусомъ. Бейзыму стало неприятно, что здѣсь, въ этой обстановкѣ живетъ Магдалина.

Ея маленькій квадратный номерокъ, онъ наполнилъ исполинской фигурой своею и сразу стало тѣсно.

Распашная, вязанная, малиноваго цвѣта кофточка, стянутая вокругъ талии и съ острымъ вырѣзомъ на груди. Что то домашнее, уютное и въ кофточкѣ этой и въ томъ, какъ Лабенская носила ее. Вырѣзъ открывалъ, въ мѣру полную, стройную шею и часть высокой груди. И шея, и грудь сверкали матовой бѣлизною, а лицо, съ его персиковымъ румянцемъ, было смуглое.

Просто, довѣрчиво гибкими пальцами своими пыталась она схватить громадныя руки Бейзыма.

— Ахъ, пане майже, натворили вы дѣль! Я и счастлива и благодарна и... волновалась все время...

— Волновались? Чего? — спросилъ онъ, беря ея теплую, мягкую руку и поднося къ губамъ.

— Какъ чего? Во-первыхъ, вы рисковали! Эти бандиты могли „что-нибудь“ съ вами сдѣлать! Вѣрно, вѣрно, — закивала она, встрѣтивъ его ласково-иронической взглядъ, и была въ этотъ моментъ наивная, совсѣмъ, совсѣмъ юная институтка.

— Вы забываете, пани Магдалина, это же отявленные трусы! Подлый, свирѣпый палачъ всегда трусъ и смѣлъ только съ беззащитной жертвой — это разъ. Потомъ, они хорошо знаютъ, что свя-

зыватья со мною — вещь опасная. Такимъ образомъ, ваше „во-первыхъ“ отпадаетъ. А ваше во-вторыхъ?

— Во-вторыхъ, я боюсь, вы будете имѣть неприятности со стороны нашихъ польскихъ властей. Какъ-никакъ избили дипломата, пользующагося неприкосновенностью...

Последнія слова Магдалины заглушились громкимъ хохотомъ Бейзыма. Окно такъ задрожало, словно кто-то бросилъ въ стекло пригоршню мелкой бекасиной дробы.

— Ха... ха... ха... дипломатъ... Неприкосновенная личность Ицко Геллеръ грабитель, убійца? Вотъ уморили! Давно уже не было мнѣ такъ весело! Пани Магдалина, успокойтесь! И ваше „во-вторыхъ“ отпадаетъ. Меня не тронуть, я слишкомъ много сдѣлалъ для Родины, а это не забывается... Но вы то, какъ и когда узнали?

— У насъ въ „Ллойдъ“ уже утромъ все разнеслось. Такая сенсация... На четверть часа во всѣхъ отдѣленіяхъ прерваны были занятія... По силѣ впечатлѣнія можно сравнить... ну, какъ вамъ сказать, съ объявленіемъ войны, что ли... Но какой же вы смѣлый, какой рыцарь! Если бы всѣ такъ поступали съ большевиками, они и показаться не смѣли бы въ чужія страны...

— Это же самое сказалъ Гагаринъ...

— Это скажетъ всякій порядочный человекъ... Гагаринъ положительно влюбленъ въ васъ. Мы только о васъ и говоримъ! Онъ мнѣ очень много рассказывалъ.

— Что же онъ рассказывалъ?

— Напримѣръ, какъ вы бились на войнѣ. Правда, что вы зарубали непріятельскихъ всадниковъ до середины груди?

— Случалось... Это зависѣло отъ удара.

— Онъ говорилъ, послѣ каждой атаки наши офицеры ходили смотрѣть зарубленныхъ вами. Сейчасъ можно было узнать. Странно, nepocтижимо... Вы такой добрый, великодушный и это... до сере-

дины груди. Это, пане Бейзымъ, ужасно... Гляжу на васъ и не вѣрю.

— Въ бою человѣкъ звѣрветъ. Хотя во мнѣ, вообще, сидитъ звѣрь. Съ большевиками я и внѣ боя всегда былъ жестокъ. Никогда, правда, не пыталъ и не мучилъ, не шляхетское это дѣло, но перевѣшалъ и разстрѣлялъ безъ счета... Это не было даже казнью, я ихъ истреблялъ, какъ истребляютъ вредныхъ насѣкомыхъ и гадовъ... Итакъ, все хорошо, что хорошо кончается. Вы можете быть спокойной, пани Магдалина, Геллеръ, я думаю, постарается забыть о вашемъ существованіи. Постарается, хотя этотъ господинъ, съ лицомъ еврейскаго Нерона, злобенъ и мстителенъ...

— О! Я теперь имѣю такого защитника! И ничего, и ни кого не боюсь... Хотя... Лабенская какъ-то значительно умолкла, измѣнилась въ лицѣ, опустили тяжелыя, томныя вѣки, дрогнули и погасли тѣни.

— Хотя? — повторилъ Бейзымъ.

— Не знаю... можетъ быть это глупо и не слѣдовало бы говорить, но у меня вдругъ явилось предчувствіе, что Геллеръ этого не забудетъ и такъ не оставитъ... И, вообще, насъ съ вами ждуть... я не могу уловить, не могу сказать — неприятности, это банально. Ну, прикрикните же на меня, зачѣмъ я говорю глупости! — и съ мерцаніемъ въ глазахъ, она просила всѣмъ вспыхнувшимъ лицомъ, своимъ у этого громаднаго человѣка снисхожденія, пощады и чего-то еще, сама не знала, — чего.

Зашумѣлъ примусъ, этотъ неизмѣнный спутникъ скитальческо-бѣженскаго обихода, этотъ вѣрный другъ, благодѣтель и кормилецъ. Давно не пилъ Бейзымъ такого вкуснаго чая. Вкусъ всегда зависитъ отъ настроенія, а настроеніе создалось на рѣдкость. И комната казалась уютной и хорошо сидѣлось, смотрѣлось и думалось въ присутствіи женщины съ глазами и лицомъ, подобными темной и душистой тропической ночи.

Когда онъ сказалъ, что хочетъ сдѣлать изъ нея кино-артистку, она такъ и загорѣлась.

— Ахъ! Это было давно моей мечтой! Я, вообще, мало вѣрю въ себя, въ свои силы, но мнѣ кажется, я играла бы не хуже многихъ.

— Не кажется, а навѣрное! Есть у васъ какія-нибудь ваши фотографіи?

— Любительскія...

— Тѣмъ лучше! Онѣ безъ ретуши и легче судить, какъ выходите вы на снимкѣ. Ну, конечно! — взглядывался Бейзымъ въ фотографіи Лабенской. У васъ кинематографическое лицо. Вы на фильмѣ выйдете еще лучше, чѣмъ въ дѣйствительности... А вотъ, признаться, классическія красавицы часто совсѣмъ теряютъ... Нѣтъ, мы съ вами этимъ дѣломъ займемся серьезно...

— Господи... Если... вѣрить не хочется! Хотя, съ вашимъ, въ этой области именемъ, влияніемъ, связями... Съ какимъ наслажденіемъ бросила бы я свой „Ллойдъ“.

— Бросите, бросите — ободрялъ Бейзымъ.

Засидѣвшись до полуночи, онъ спохватился:

— Говите меня вонъ! Вы, вѣдь, рано встаете...

Проходя по корридору, Бейзымъ наткнулся на сценку: номеровой съ угодливо-хамской и наглой улыбкой распахнулъ дверь въ комнату передъ парочкой, — дѣвица въ бѣломъ боа изъ перьевъ и толстенькій мужчина спекулянтскаго типа. Бейзымъ безразлично отвернулся и еще разъ подумалъ, что не мѣсто Лабенской въ этомъ грязномъ притонѣ.

На слѣдующій день зеркальный, сверкающій металлическими частями лифтъ безшумно и быстро мчалъ его на третій этажъ „Бристоля“ къ графинѣ Сапарі.

Глубокіе апартаменты въ коврахъ, драпировкахъ, зеркалахъ, въ бронзѣ, обставленные съ безпокойной крикливой роскошью первоклассныхъ отелей, пропитаны были тѣми самими духами, которыми благоухало письмо на плотной, шероховатой бумагѣ. Каминъ съ горящими глыбами антрацита-

дышал сухимъ тепломъ. Кутаясь въ яркую восточную шаль, сидѣла женщина съ маленькимъ, въ мѣру сочнымъ — не нарушалась четкая линия губъ — ртомъ и съ правильнымъ точенымъ, въ мѣру опять таки, чуть-чуть вздернутымъ носикомъ. Всѣ черты нѣжно-розоваго лица правильны были ровно настолько, чтобъ это не было строго законченнымъ, холоднымъ и поэтому — скучнымъ. Ни румянъ, ни пудры никакихъ косметиковъ ничего, за исключениемъ слегка подведенныхъ глазъ.

Эти карые глаза внимательно испытующе окинули всю фигуру Байзыма и уже потомъ улыбнулись съ привѣтливимъ кокетствомъ женщины, убранный въ своей неотразимости.

— Очень, очень рада васъ видѣть, мосье Бейзымъ и познакомиться, — звонко начала графиня по-французски. — На какомъ языкѣ мы будемъ говорить съ вами? Вы, говорятъ, полуамериканецъ? По англійски я понимаю, но объясняюсь съ трудомъ. Вашему родному польскому я буду учиться въ Варшавѣ... Остается французскій, нѣмецкій, итальянскій и русскій.

А венгерскій? — Хотѣлъ спросить Бейзымъ, убѣжденный, что графиня венгерка. Онъ отвѣтилъ:

— Если вамъ все равно, будемъ говорить по русски. Французскимъ я владѣю менѣе свободно, — и сидя въ двухъ шагахъ отъ нея, онъ сѣрыми глазами лѣсного языческаго полубога разсматривалъ свою собесѣдницу; ея круглый шрамъ на щекѣ, ея крупные брилліанты на пальцахъ, зажавшіеся теплымъ трепетнымъ, синевато-розовымъ сіяніемъ въ горящихъ отвѣтахъ пылающаго камина.

— Васъ удивило мое письмо? Впрочемъ, вы, безъ сомнѣнія, столько получали женскихъ писемъ, что давнымъ давно и потеряли имъ счетъ и перестали удивляться... Но, Бога ради не подумайте, что я пригласила васъ пожаловать изъ весьма понятнаго дамскаго любопытства. Я женщина дѣловая, очень дѣловая! — подчеркнула она не безъ лукавства, какъ бы приглашая гостя усумниться въ этомъ.

Но гость не усумнился и смотрѣлъ выжидающе.

Въ двухъ словахъ... Я... графиня Юлія Сапари, являюсь представительницею группы англичанъ, желающихъ часть капиталовъ своихъ вложить въ большое кинематографическое предпріятіе, которое они рѣшили создать въ Варшавѣ. Вы, надѣюсь, начинаете понимать, гдѣ „зарыта собака“?

— Начинаю. Но только не совсемъ понятно, зачѣмъ вы капиталисты избрали для этой цѣли именно Польшу?

— А я вамъ сейчасъ объясню. Польша съ ея старинными городами, съ ея природою на Волыни, съ живописными Карпатами, новый эффектный фонъ для кино-пьесъ. Мѣстные же кино-фабрики бѣдны, имъ не по силамъ ставить крупныя обстановочныя вещи, не по силамъ привлечь дорого оплачиваемыхъ знаменитостей экрана. Словомъ, намъ желательно поставить это дѣло въ широкомъ европейскомъ масштабѣ. Попутно будемъ исполнять работы чисто-корреспондентскаго характера. Бытовые снимки, жизнь польской арміи, жизнь горцевъ, крестьянъ, религиозныя и патріотическія процессіи, все это пойдетъ и на западъ и даже въ Америку. Вотъ вамъ въ нѣсколькихъ словахъ наша программа. Привлекаетъ насъ безусловно и коммерческая сторона. Дешевизна польской валюты удешевитъ и производство. Мы будемъ тратить ваши марки, а продавать будемъ на фунты, доллары, франки. Я видѣла васъ, мосье Бейзымъ, на экранѣ, знаю, чего вы стоите. Намъ нужна ваша феноменальная сила, ваше искусство во всѣхъ видахъ спорта... Контрактъ на два года и тысяча фунтовъ въ мѣсяцъ. Годятся вамъ эти условія?

— Условія подходятъ, но...

— Никакихъ „но“, слышите, мосье Бейзымъ? Никакихъ „но“! Будь мы хорошіе знакомые, я зажала бы вамъ ротъ. Физически зажала бы... Какъ это высокопарнымъ слогомъ? „Положить на уста печать молчанія“. Нѣтъ, безъ шутокъ, мосье Бейзымъ, какія вы имѣете возраженія? Связаны еще съ

мистеромъ Уайтомъ, или уже успѣли законтрактоваться здѣсь? Насчетъ послѣдняго, впрочемъ, сомнѣваюсь. Мѣстные кино-фабрики слишкомъ бѣдны, чтобъ доставить себѣ такую роскошь не по карману...

— Вотъ именно, графиня, одна изъ мѣстныхъ кино-фабрикъ, тоже субсидируемая иностранцами, зоветъ меня къ себѣ.

— Зоветъ? Это еще ничего, или, по крайней мѣрѣ, очень мало. Чернымъ по бѣлому? Контрактъ подписанъ?

— Я обѣщала подумать.

— Кто обѣщала подумать, тотъ можетъ и раздумать. Милый мосье Бейзымъ, идите къ намъ! Или я произвела на васъ такое впечатлѣнiе, что вамъ не хочется имѣть меня своей директриссой? Право, это будетъ не такъ уже плохо, — и бросивъ на него задорный, много-обѣщающій взглядъ, Юлія Сапари, откинувшись, забросила ногу на ногу. Бейзымъ увидѣлъ эти стройныя, въ туго натянутыхъ шелковыхъ чулкахъ ноги почти до колѣнъ. Раскачивая острымъ носкомъ лакированной туфельки, графиня переводила кокетливо прищуренный взглядъ съ туфельки на Бейзыма и обратно.

Какіе-то горячіе нервные токи исходили отъ этой прѣяной, сладковатыми духами пропитанной, женщины. Бейзымъ почувствовалъ себя тѣмъ здоровымъ и сильнымъ звѣремъ, о которомъ была рѣчь съ Гагаринымъ въ отдѣльномъ кабинетѣ ресторана Діевскаго. Взглядъ сталъ тяжелымъ, сумрачнымъ и въ глубинѣ зрачковъ вспыхнули шальные, дикіе огоньки.

Ободренная успѣхомъ, Юлія рѣшила довести до конца свою атаку. Распружинилась хищнымъ рѣзкимъ движеніемъ. Пестрая шаль упала на коверъ и просторная модная кофточка съ короткими рукавами дала возможность оцѣнить по достоинству и круглыя плечи, — одно изъ нихъ совсѣмъ обнажилось, — и точеныя руки съ голубенькими жилками у локтевыхъ сгибовъ.

Графиня подошла къ Бейзыму вплотную и тихо, значительно спросила съ дрогнувшими ноздрями точенаго носика:

— Желаете имѣть меня своей директриссой?

— Желаяю! — глухо отвѣтилъ онъ пересохшими губами.

Испытавъ свои чары, она взяла уже дѣловой тонъ.

— Сегодня же телеграфирую моимъ англичанамъ, что вы согласны, и сегодня же мой юристъ-консулъ займется составленіемъ контракта. Подписавъ, вы получите шесть тысячъ фунтовъ за полгода впередъ.

Она сѣла въ кресло и вновь закуталась въ шаль. Исчезли подъ нею обнаженныя плечи и руки, но отъ этого ничуть не погасъ чувственный хмѣль Бейзыма. Сумрачно глядя на графиню, смутно чувствовалъ онъ, что теряетъ частицу своей воли, самостоятельности. А она продолжала:

— Мои англичане — народъ практическій, реальный. Они захотятъ узнать, что вы имъ предложите для первой вещи. Сценарій — дѣло второстепенное. Вы дадите канву, дадите главные трюки, а ужъ къ нимъ можно будетъ подогнать интригу и общее содержаніе.

— Но у васъ нѣтъ еще павильона...

— Онъ будетъ! Мы получимъ въ готовомъ видѣ стеклянныя части и мой архитекторъ построитъ его въ мѣсяць. Вы спросите, гдѣ? Мы покупаемъ площадь на Мокотовомъ полѣ... Итакъ, отвѣтъ за вами?..

— Что я могу предложить... — соображалъ Бейзымъ. — Я имѣю въ виду трюкъ еще никѣмъ и нигдѣ не использованный: охота съ ножомъ на медвѣдя... Одинъ на одинъ...

— О да это дьявольски интересно! Можно узнать детали?

— Детали... Придется подождать зимы. Это не за горами. А пока мы займемся павильонными сценами и другими на чистомъ воздухѣ. На Воляни

есть у меня усадьба съ кусочкомъ лѣса. Въ этомъ лѣсу водятся медвѣди... Когда выпадеть снѣгу, мой новый лѣсничій, опытный сибирскій охотникъ, выслѣдитъ берлогу. Мы поднимемъ звѣря, я пойду на него съ ножомъ и убью! Операторъ будетъ снимать въ нѣсколькихъ шагахъ. Повторяю, ничего подобнаго не было еще...

— Потрясающе интересно! — воскликнула графиня. Фильму съ такимъ эффектнымъ трюкомъ у насъ раскупятъ во всѣ страны. Борьба человѣка съ медвѣдемъ... И все будетъ видно, и ударъ ножомъ и кровь на снѣгу... все?

— И ударъ ножомъ, и кровь на снѣгу. Мы возьмемъ двухъ, даже трехъ операторовъ. Они будутъ „крутить“ съ разныхъ точекъ, а затѣмъ на прсмотрѣ мы выберемъ удачнѣйшіе моменты.

— Согласятся ли операторы? А если вы промахнетесь и животное кинется на васъ?

— Звѣрь, — поправилъ Бейзымъ.

— Я сдѣлала дѣйствительно гаффу. Животное — это относится къ домашнимъ четвероногимъ?

— И къ тѣмъ, которыя на волѣ, но не хищныя... Медвѣдь — хищникъ и поэтому звѣрь... Что же касается вашего сомнѣнія, то во-первыхъ, я за себя ручаюсь, а во-вторыхъ, если бы даже и не удалось мнѣ покончить съ медвѣдемъ, я поставлю въ шагахъ двадцати, — онъ, конечно, не выйдетъ на фильмъ, — моего лѣсничаго со штуцеромъ. Это легендарный стрѣлокъ. Мы и его кстатя используемъ въ другомъ какомъ-нибудь эпизодѣ. Операторамъ ничего не грозитъ. Да и, вообще, операторъ не долженъ быть трусомъ. Въ Америкѣ ихъ подвергаютъ испытаніямъ.

— Ахъ, какъ это все захватываетъ! Съ такимъ человѣкомъ, какъ вы, будетъ адски интересно работать! Но, мосье Бейзымъ, соловья баснями не кормятъ. Два, — взглянула графиня на комнатные часы, — вы не откажите со мной отобѣдать? Намъ подадутъ сюда въ мои апартаменты. Кстатя, что-

бы на сегодня покончить съ дѣломъ... Вы возьмете на себя подборъ соответствующей труппы?

— Возьму... Уже есть у меня кое-кто на примѣтѣ.

— Отлично! А теперь... Какія водки, ликеры и вина вы предпочитаете?

10. Вайсбергъ-Бѣлогоровъ-Монтебланко.

Михаиль Винарскій казался очень молодымъ для своего поста. Глядя на худенькую, подвижную фигурку, съ безусымъ и безбородымъ лицомъ, съ уже сѣдьющими волосами, не особенно желавшими подчиняться щеткѣ и гребню, какъ-то не вѣрилось, что этотъ молодой человѣкъ стоитъ во главѣ сложной, запутанной сѣти и даже не сѣти, а скорѣй паутины, какою являетъ собою политическая развѣдка.

Если Начальникъ Государства могъ спокойно спать въ своемъ Бельведерѣ, а министры и прочіе обыватели въ своихъ квартирахъ, то за нихъ цѣлая ночь напролетъ сплошь да рядомъ не смыкала глазъ Винарскій. Вдумчиво направлялъ онъ куда слѣдуетъ и свою энергію и свою изумительную работоспособность. И то и другое у него било черезъ край фонтаномъ.

Коммунистическая пропаганда въ Польшѣ, пропаганда, на которую тратились Москвою милліарды, пропаганда, имѣвшая тысячи великолѣпно выдрессированныхъ и натасканныхъ въ Совдепѣи и въ Германіи агентовъ, нагло, заранѣе убѣжденная въ успѣхъ, бросила Винарскому свою липкую отъ крови перчатку. Онъ смѣло принялъ вызовъ и загорѣлся поединокъ, такой же неравный по первому впечатлѣнію, какъ и единоборство маленькаго Давида съ исполинскимъ страшнымъ Голиафомъ.

Скорѣй большевики убѣдились, что бывшій помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Петербургѣ, лихой мазуристъ и даровитый актеръ-любитель, — противникъ столь же серьезный, сколь и опасный,

и тѣмъ болѣе серьезный и опасный, что пришелся „не по карману“ богатѣйшему агитаціонному фонду третьяго интернаціонала. Его нельзя было купить. Это былъ идейный борецъ, во-первыхъ, какъ сынъ своей Родины, желавшій спасти ее отъ развала, гніенія и гибели, а во-вторыхъ, вообще, какъ смертельный врагъ большевизма. Его нельзя было купить! Онъ, имѣвшій цѣлую армію агентовъ и въ Варшавѣ, и на территоріи Польши, и за границей, онъ, могущій арестовать и допросить любого по малѣйшему подозрѣнію, жилъ въ одной комнаткѣ, жилъ по студенчески, хотя при желаніи могъ реквизировать себѣ квартиру. Мало ли что могъ бы онъ имѣть при желаніи? „Римскій отель“ за освобожденіе самого захудалаго коммуниста, готовъ былъ платить по сто милліоновъ марокъ „съ головы“.

Вождь польскихъ коммунистовъ Данциускій доносилъ въ Москву въ началѣ сѣнтября.

— „Мы въ отчаяніи! Опускаются руки. Чуть ли не каждую ночь этотъ проклятый Винарскій производитъ опустошенія въ нашихъ рядахъ, выхватывая десятки лучшихъ товарищей. Не помогаетъ самая строгая конспирація. Вся наша предвыборная работа сводится почти на нѣтъ. Еще мѣсяцъ — другой и партія будетъ разсѣяна, обезглавлена, обезглавлена, и если дасть хоть одного депутата въ Сеймъ, это будетъ едва ли не чудомъ. Во всякомъ случаѣ, великимъ для насъ счастьемъ. Агитаціонныя ячейки въ войскахъ разгромлены. Армію волей неволей приходится надолго оставить въ покоѣ. Только физически уничтоживъ Винарскаго, мы сумѣемъ наладить расшатанный, разобранный по частямъ аппаратъ!..

Для Винарскаго не было тайною, что враги хотятъ его „уничтожить“. Онъ получалъ анонимныя письма съ красной пятиконечной звѣздой съ черепомъ посерединѣ. Мутныя потоки площадной брани смѣнялись бѣшенными угрозами добратся до его „шкуры“.

Винарскій съ улыбкою пробѣгалъ все это и пачка за пачкою сдавалъ своему секретарю для приобшенія къ архиву. Угрозы не только не охлаждали его, а наоборотъ, являлись какимъ-то возбуждающимъ средствомъ. Развивая нечеловѣческую энергію, работая по восемнадцати часовъ въ сутки, до воспаленныхъ безсонницею глазъ, онъ продолжалъ эту интересную, захватывающую борьбу не на жизнь, а на смерть. Частью не довѣряя своимъ агентамъ, частью же не полагаясь на ихъ опытность, Винарскій иногда самъ, переодѣтый, загримированный, выслѣживалъ тайныя собранія коммунистовъ, ихъ типографіи и склады агитаціонной литературы. А черезъ день-два усиленный конвой полицейскихъ велъ на допросъ толпу большевиковъ. Рядомъ съ небритыми хулиганскаго вида товарищами, шли нога въ ногу прилично одѣтые крючконосые „финкійцы“ въ шляпахъ и въ бѣлыхъ студенческихъ фуражкахъ.

Эту теплую компанію обгонялъ грузовикъ съ двумя-тремя жандармами, сидѣвшими на „монбланѣ“ изъ тюковъ съ прокламаціями, воззваніями и брошюрами.

Будь Винарскій зауряднымъ чиновникомъ, онъ по отношенію къ своимъ агентамъ и помощникамъ ограничивался бы строго-начальнической ролью. Ролью нажимателя послушныхъ „человѣческихъ кнопокъ“.

— Отправляйтесь туда-то, слѣдите за такимъ-то, должны узнать то-то и то-то.

И агентъ, далеко не всегда человѣкъ образованный и культурный, такъ же механически, по чиновничьи, только-бъ отработать свое жалованье и свои расходы, выполнялъ бы порученіе чисто вѣише не выполнилъ бы, нисколько не вдаваясь въ его сущность, въ „его душу“.

Винарскій смотрѣлъ на дѣло иначе. Самъ горя, хотѣлъ, чтобы и всѣ его подчиненные „горѣли“.

— Въ извѣстныхъ границахъ мои агенты должны быть въ курсѣ дѣла, — высказывался Винар-

ский, — я их стараюсь заинтересовать, если можно так выразиться — беллетристически. Да, беллетристически! Пусть каждое новое дѣло является для нихъ живымъ документальнымъ романомъ. Попутно я просвѣщаю ихъ политически, насколько это въ данномъ случаѣ желательно и полезно. Набрасываю портреты характеристики и біографіи тѣхъ, кто подлежитъ наблюденію. Я замѣчалъ, какъ это захватывало самыхъ прозаическихъ, самыхъ будничныхъ ремесленниковъ сыска...

И сейчасъ, поздней ночью, у себя въ служебномъ кабинетѣ, Винарскій просвѣщалъ въ такомъ же духѣ своего помощника. Этотъ бравый, лысый, съ громадными усищами и глазами на выкатѣ комиссаръ, носилъ весьма образную для полицейскаго чиновника фамилію. Хватъ. Панъ Хватъ. Отважный человекъ, панъ Хватъ, съ браунингомъ въ одномъ карманѣ и желѣзными наручниками въ другомъ, безъ колебаній и сомнѣній готовъ былъ пуститься въ самую рискованную авантюру.

Онъ ходилъ то въ формѣ, то въ штатскомъ. Теперь онъ былъ въ формѣ и твердый, расшитый серебромъ воротникъ упруго упирался въ гладко выбритый, двоящийся подбородокъ.

— Ситуація такая, панъ Хватъ, — говорилъ Винарскій, то чертя карандашемъ на клочкѣ бумаги фигурки, то поднимая на комиссара свои покраснѣвшія отъ бессонницы голубоватые глаза.

Панъ Хватъ внимательно слушалъ, поглаживая свои великолѣпные полицейстерскіе усы. При свѣтѣ электрической люстры его лысина блестяла какъ билліардный шаръ изъ пожелтѣвшей слоновой кости.

— Ситуація такая, — повторилъ Винарскій — теперь онъ англійскій подданный и, натурально-паспортъ у него англійскій, въ которомъ онъ значится подъ именемъ Артура Монтебіанко. По италянски Монтебіанко — Бѣлая гора. Рожденный же онъ — Вайсбергъ, Аронъ Вайсбергъ. Когда онъ былъ русскимъ журналистомъ, онъ подписывался Бѣлогоровъ.

— Ото жидюга! — фыркнулъ панъ Хватъ.

Винарскій продолжалъ:

— Послѣ революціи 1906 года, въ которой конечно онъ былъ замѣшанъ, Вайсбергъ-Бѣлогоровъ, вполнѣдствіи Монтебіанко, исчезъ изъ Россіи, чтобы вынырнуть въ Палестинѣ. Тамъ онъ сразу сталъ замѣтною фигурой, сдѣлавшись однимъ изъ столповъ сіонизма и заодно богатымъ человекомъ. Политика, особенно жидовская — одно изъ тѣхъ ремеселъ, которыя отлично кормятъ тѣхъ, кто къ нимъ присасывается. Къ моменту великой войны Вайсбергъ, уже Артуръ Монтебіанко успѣлъ принять англійское подданство. Когда Великобританское командованіе разрѣшило формировать еврейскіе отряды, Монтебіанко уже имѣлъ чинъ лейтенанта. О его подвигахъ я ничего не слышалъ, но къ концу войны онъ былъ уже чуть ли не полковникомъ съ орденами „за храбрость“.

— Пся кровь! — подалъ панъ Хватъ лаконическую реплику.

— Итакъ, англійскимъ полковникомъ, или чѣмъ то вродѣ этого, плюгавый, подслѣповатый еврейчикъ вернулся въ Палестину, чтобы приложить руку къ созданію своего новаго отечества. Вернулся съ громадными связями, до панибратства съ самимъ Ллойдъ-Джорджемъ, включительно. Въ его распоряженіе поступали колоссальныя суммы отъ мировыхъ банкировъ — Американскаго Якова Шифа и англійскихъ Альфреда Мондта и Сасуна. Впрочемъ, послѣдніе два, кажется больше крупныя нефтяныя акулы, чѣмъ банкиры! Словомъ, Артуръ Монтебіанко почувствовалъ подъ собою очень твердую почву. Каждому еврею до смерти хочется быть военнымъ, командовать, носить форму, принимать честь, козырять. Все это, конечно, въ глубокомъ тылу, не подставляя своего драгоценнаго лба подъ пулю. Такъ и Артуръ Монтебіанко. Щеголяя своею формою англійскаго полковника приступалъ онъ организациі еврейскихъ батальоновъ. Онъ сдѣлалъ себя чѣмъ-то вродѣ военнаго министра Палестины.

Его баталіоны держались вызывающе по отношению къ туземнымъ арабамъ. Воинственное конное племя, вмѣстѣ съ Магометовымъ Кораномъ впитавшее презрѣніе къ жидамъ, арабы немного потрепали обнаглѣвшихъ легіонеромъ Вайсберга. Ну, конечно, гвалтъ на весь свѣтъ — арабы громятъ евреевъ! Намѣстникъ Палестины еврей, какъ и подобаетъ англійскому намѣстнику, поставленный Ллойдъ-Джорджемъ, нѣкій сэръ Самуэль, началъ съ помощью англійскихъ штыковъ кровавую репрессию противъ арабовъ. Душою этихъ карательныхъ экспедицій былъ Артуръ Монтебіанко.

Одинъ англійскій полковникъ, настоящій, не маргариновый полковникъ, славный боевой офицеръ, покрытый знаками отличія и ранами, отказался выступить со своею частью, вѣрнѣе — отказался избивать арабовъ. Тогда Артуръ Монтебіанко нагрянулъ къ нему со своими легіонерами. И когда тѣ схватили полковника, онъ ударилъ его по лицу.

— На милость Бога! — воскликнулъ панъ Хвать, сжимая кулаки.

— Полковникъ послалъ оскорбителю своихъ секундантовъ. Монтебіанко не принялъ вызова.

Стоять въ двадцати шагахъ подъ пистолетомъ противника значительно опаснѣе, чѣмъ бить этого самого противника, когда его держать за руки. Почтенный же сэръ Самуэль взялъ Вайсберга подъ свое высокое покровительство. Онъ потребовалъ къ себѣ благороднаго солдата, разнесъ его, запугалъ... Вернувшись къ себѣ на квартиру униженный, опозоренный полковникъ застрѣлился.

— Езусъ Марья, можетъ ли это быть! Значить Англія совсѣмъ ожиждѣла?

— Чего же вы хотите, панъ Хвать? Страна, гдѣ премьеръ-министръ картонный паяцъ въ рукахъ Сасуновъ, Мондтовъ и Ротшильдовъ, дѣлающій то, что они приказываютъ? Чего же вы хотите?... Да, мое повѣствованіе приближается къ концу. Этотъ самый Вайсбергъ-Бѣлогоровъ-Монтебіанко, въ данный моментъ гость Варшавы и не

такъ самой Варшавы, какъ Налевокъ. И мѣсто-жительство его — Налевки. Домовладѣлецъ, богатъ, нефтяникъ, банкиръ и лѣсопромышленникъ Кушеръ-Перльмутеръ отвелъ ему двѣ комнаты въ своей квартирѣ.

— Зачѣмъ же онъ пріѣхалъ этотъ англо-жидовскій полковникъ?

— Зачѣмъ? Ясно, какъ день! Въ его распоряженіи громадныя деньги. Онъ будетъ субсидировать предвыборную агитацію, будетъ руководить ею. Какъ и въ какомъ направленіи — догадаться не трудно! Будетъ информировать своего пріятеля Ллойдъ-Джорджа о польскихъ дѣлахъ. Надо ли пояснять характеръ этой информации? Поляки, молъ, страшные озвѣрѣлые антисемиты. Полякъ не сядетъ за столъ пока ему не подадутъ на столъ зажареннаго еврейскаго младенца. Словомъ, обычная гнусная чепуха, посредствомъ которой эти господа пытаются, и не безуспѣшно, убѣдить Англію и Америку, что мы некультурные варвары, погромщики, что насъ надо держать въ черномъ тѣлѣ, а нашу марку надо обезцѣнить до уровня австрійской кроны, или совѣтскаго рубля. Не такъ развѣ? — улыбнулся Винарскій, своимъ неправильнымъ, энергичнымъ, одухотвореннымъ лицомъ.

Побагровѣвшій панъ Хвать сопѣлъ изъ подъ рыжихъ усовъ. Глаза совсѣмъ выкатились. Винарскій, самъ объ этомъ не думая, желая только дать яркій портретъ человѣка, за которымъ надо слѣдить, нафанатизировалъ своего помощника.

— Что-жъ это такое? — съ усиленіемъ вымолвилъ панъ Хвать. — Они желаютъ превратить нашу Родину въ то же самое, во что уже превратили Россію. Да мы имъ устроимъ такую кровавую баню...

— Панъ Хвать! Я запрещаю вамъ говорить подобныя вещи — строго оборвалъ Винарскій — запрещаю какъ вашъ начальникъ и, просто какъ человѣкъ. Мы не были погромщиками и не будемъ! Это жестоко отвратительно! Это влечетъ за собою неповинныя жертвы и не достигаетъ цѣли. Борьба

съ пятиконечной красной звѣздою дьявола необходима, но борьба культурная безъ насилія и крови. Панъ Хватъ, вѣрьте мнѣ, для евреевъ, желающихъ погубить Польшу, такая борьба гораздо страшнѣе, чѣмъ жестокой, внушающей отвращеніе погромъ. Здоровый національный подъемъ, національная сплоченность, патриотизмъ — вотъ наше оружіе! Но объ этомъ подробнѣе съ вами какъ-нибудь въ слѣдующій разъ побесѣдуемъ, а сейчасъ приказываю установить самое тщательное наблюденіе надъ квартирою Кушера-Перельмутера. Кто бываетъ у англійскаго „полковника“? Куда и какія протягиваются нити? Связь съ большевистскою миссіей, — „Римскимъ отелемъ“ и „Викторіей“. Словомъ, не мнѣ васъ учить. Поняли?

— Понялъ, господинъ начальникъ! Все будетъ въ аккуратѣ. Всю душу вложу!

— Богъ вамъ помощь!

11. Тирпицъ „просто“.

Винарскій не сомнѣвался, что и самъ панъ Хватъ и тѣ кто будетъ работать съ этимъ бравымъ комиссаромъ, толково, честно и добросовѣстно выполнятъ заданіе въ предѣлахъ своихъ способностей и силъ. Но это было еще далеко не все. Вѣриѣе, было очень мало. Необходимъ свой человѣкъ въ домъ Кушера-Перельмутера, человѣкъ, который для Винарскаго былъ бы такими же въ миниатюрѣ, глазами и ушами этого дома, какими самъ Винарскій является въ крупномъ масштабѣ для всего государства.

Но какъ и гдѣ найти такого агента? Онъ долженъ быть еврей. Непремѣнно долженъ. Самаго рьянаго коммуниста изъ поляковъ подпустить, развѣ только послѣ долгаго тщательнаго искуса къ весьма оберегаемой, священной особѣ Артура Монтебланко. Вообще, Винарскій давно мечталъ приобрести внушающаго довѣрію агента-еврея, чтобы использовать для „жидовскихъ дѣлъ“.

Долго не наклеивалось ничего, но въ концѣ концовъ, не даромъ же говорятъ: „на ловца и звѣрь бѣжитъ“. На другой день, послѣ бесѣды съ паномъ Хватомъ, на письменномъ столѣ въ кабинетѣ Винарскаго затрещалъ телефонъ. Это было утромъ часовъ въ одиннадцать. Винарскій имѣлъ нѣкоторыя основанія услышать мелодичный женскій голосъ. Этотъ человѣкъ съ землистымъ цвѣтомъ лица пользовался успѣхомъ у женщинъ. Ихъ влекла къ нему его сильная воля, энергія, настойчивость въ достиженіяхъ. Все это съ успѣхомъ замѣняло ему красоту.

Но вмѣсто мелодичнаго женскаго голоса, рѣзкій, мужской, молодой, такъ по-русски чеканящій каждое слово, — сразу угадывался еврей, хотя и говорившій чисто, правильно и почти безъ акцента.

— Господинъ Винарскій у телефона? Самъ господинъ Винарскій?...

— Да, это я. Кто говорить?

— Моя фамилія врядъ ли вамъ что-нибудь скажетъ. Я — Тирпицъ.

— Тирпицъ... Тирпицъ... Что-то знакомое...

— Тирпицъ, — бывшій императорскій морской министръ въ Германіи. Фонъ-Тирпицъ, а я Тирпицъ просто, — усмѣхнулся молодой человѣкъ.

— Что же вамъ угодно отъ меня, господинъ Тирпицъ-просто? — усмѣшкой же отвѣтилъ Винарскій.

— Я хочу побесѣдовать съ вами. Я имѣю основанія думать, что вы этой бесѣдой останетесь довольны, господинъ Винарскій. Если можно, встрѣтимся не въ бюро нашемъ, а гдѣ-нибудь на болѣе интимной почвѣ.

— Прекрасно! Въ такомъ случаѣ, зайдите сегодня ко мнѣ въ десять часовъ вечера. Это васъ устраиваетъ?

— Вполнѣ!

— Я васъ жду. Мой адресъ — Вспульная 47. А вы сами гдѣ живете, господинъ Тирпицъ?

— Въ „Славянскомъ“ отелѣ, на Подвалѣ, комната 48.

— Итакъ, до вечера.

— До вечера, господинъ Винарскій!

Позвонивъ, Винарскій приказалъ вошедшему въ кабинетъ жандарму:

— Пана Дзеная!

Оглы-Дзенаю, маленькому, крѣпко сбитому изъ литовскихъ татаръ-мусульманъ, было поручено:

— Османъ, узнай, что такое представляетъ собою Тирпиць, молодой, судя по голосу, двадцати двухъ лѣтъ человекъ, еврей, живущій въ „Славянскомъ“ отелѣ.

— Есть! — весело ухмыльнулся живымъ, лукавымъ лицомъ Дзенаю, товарищъ своего патрона по минской гимназій, похожій на него какъ братъ родной только болѣе миниатюрный.

Къ вечеру Дзенаю, переливающейся какъ ртуть живчикъ, доставилъ слѣдующія свѣдѣнія:

— Семень Тирпиць — студентъ-вольнослушатель Варшавскаго университета. Двадцатидвухлѣтній бѣженецъ изъ Совдепій, киевлянинъ. Живетъ съ отцомъ и матерью. Въ Кіевѣ у Тирпицовъ было крупное дѣло — торговля типографскими машинами. Совѣтская власть разгромила квартиру, магазинъ и складъ Тирпицы бѣжали въ Польшу. Дядя Семена, братъ его отца, разстрѣлянъ чрезвычайкою. Въ Варшавѣ Тирпицы живутъ кой-какими уцѣлѣвшими отъ прежняго богатства крохами, пытаются наладить комисионную торговлю типографскими машинами. Въ Польшѣ молодой Тирпиць чикакой политикой не занимается. По убѣжденіямъ, которыхъ съ юншескою прямоотою не скрываетъ, правый, даже очень правый, едва ли не монархистъ.

Эта информация вполне удовлетворила Винарскаго. Онъ рѣшилъ принять Семена Тирпица.

Винарскій былъ одинъ не только у себя въ комнатѣ, — жена его ушла на весь вечеръ, — но и во всей квартирѣ, — хозяйева тоже куда-то ушли

Просматривая захваченныя изъ бюро свѣжія совѣтскія, французскія и нѣмецкія газеты, онъ либо вырѣзывалъ ножницами, либо отмѣчалъ цвѣтнымъ карандашомъ то, что могло ему пригодиться.

Звонокъ. Винарскій впустилъ Тирпица и тотчасъ же зоркимъ, прицѣвливающимся взглядомъ своимъ снялъ съ него „моментальную фотографію“.

Средняго роста, худой, впадавшій въ сухощавость, Семень Тирпиць не имѣлъ рѣзко выраженнаго еврейскаго типа, даже при своемъ крупномъ съ горбинкою, хищно-загнутомъ книзу носѣ. Надѣтъ на него феску и — уроженецъ Востока, левантинецъ, грекъ, армянинъ, съ одинаковымъ успѣхомъ, — еврей. Нѣжно-матовое лицо казалось блѣднымъ, отгнѣяемое черными волосами и темными круглыми, какъ у птицы глазами. Эти глаза горѣли веселыми, смѣющимися огоньками.

Винарскій усадилъ Тирпица, самъ сѣлъ и подвинулъ ему папиросы. Цѣпкими, длинными пальцами Тирпиць взялъ папиросу и закурилъ.

Тирпиць произвелъ на Винарскаго пріятное впечатлѣніе и своей виѣшностью и своимъ костюмомъ и спокойнымъ, некричащимъ галстухомъ, и манерою держаться свободно и безъ всякаго подхалимства.

— Я, господинъ Винарскій, возьму быка прямо за рога, — началъ Тирпиць. Лично я не имѣлъ удовольствія знать васъ, но очень много слышалъ. Я у васъ для того... и затѣмъ, чтобы предложить свои услуги. Я хочу у васъ и вмѣстѣ съ вами работать.

— Въ какой именно плоскости?

— Въ плоскости борьбы съ большевиками.

— Я очень былъ бы радъ имѣть въ вашемъ лицѣ живого и, видимо, темпераментнаго сотрудника, но долженъ предупредить, господинъ Тирпиць... бюджетъ нашъ пока очень ограниченъ, мягко выражаясь... штатъ сотрудниковъ полонъ и...

Тирпиць остановилъ его движеніемъ руки.

— Мое первое, необходимое условие — материальный вопрос долженъ быть исключенъ! Я именно потому такъ смѣло и пошелъ къ вамъ съ предложеніемъ услугъ, что ни подь какимъ видомъ не хочу быть платнымъ агентомъ.

— Въ такомъ случаѣ...

— Въ силу какихъ мотивовъ я пришелъ къ вамъ, угодно вамъ знать? — подхватилъ Тирпицъ. Мотивы двоякаго сорта — идейные и личные. Во-первыхъ я ненавижу большевиковъ и большевизмъ, а во-вторыхъ, — жажда мести! Эти мерзавцы разорили всю нашу семью и разстрѣляли моего дядю, человѣка образованнаго, порядочнаго. Онъ жилъ за границей, зналъ языки. Его таскали по чрезвычайкамъ, вымотали здоровье, душу и состояніе и въ концѣ-концовъ — к стенке. — Тирпицъ такъ и сказалъ „к стенке“, соблюдая совѣтское правописаніе. Вырвавшись изъ Кіева, мы съ отцомъ и матерью живемъ здѣсь. Но развѣ это жизнь? Послѣ барской квартиры ютимся въ одной комнаткѣ. О, какъ я мечтаю, господинъ Винарскій, однимъ изъ первыхъ вернуться въ Кіевъ, когда уйдетъ власть этихъ кровопійцъ и бандитовъ! Я самъ буду охотиться за черепами въ буквальный смыслъ этого слова. Я намѣтилъ себѣ для начала три жертвы. Эти три черепа я дамъ отпалировать, оправлю серебромъ и на каждомъ будетъ выгравировано имя „владѣльца“. Двумя я украшу свой письменный столъ, а третій будетъ мнѣ служить за пепельницу.

Горѣли глаза Терпица. Онъ зажегъ своего собесѣдника.

— Я не ошибся, у васъ большой темпераментъ, — сказалъ Винарскій. Мнѣ по душѣ клопочущая въ васъ жажда мести, и, вы извините мою откровенность, я съ особеннымъ удовольствіемъ слышу это именно изъ устъ еврея.

— Вы затронули мое больное мѣсто. Да, я еврей и останусь имъ! Никогда этого не скрывалъ и скрывать не буду. Но евреевъ-большевиковъ ненавижу,

гораздо болѣе острой и жгучей ненавистью, чѣмъ большевиковъ — русскихъ. Если вторымъ нѣтъ оправданія, нѣтъ прощенія, то первымъ — тѣмъ паче! Русскіе большевики губили и заливали кровью свою собственную родину, большевики — евреи губятъ и заливаютъ кровью чужую, чужую, такъ какъ у нихъ нѣтъ своей. По этому поводу мнѣ часто приходилось спорить съ евреями. Они говорятъ: евреи живущіе въ Россіи — русскіе, во Франціи — французы, въ Германіи — нѣмцы и т. д. Неправда! И въ Россіи, и во Франціи, и въ Германіи, вездѣ мы пришельцы и въ расовомъ отношеніи, по крови, по религіи, по духу, по психологіи, по тысячелѣтнимъ традиціямъ, по всему! Я любилъ Россію, родился въ ней, выросъ, воспитался, но творить политику, творимую евреями, которые правятъ въ данное время Россіей, я считалъ бы чудовищнымъ преступленіемъ. Вѣдь, не мы создавали Россію, а русскіе люди. Создавали ее Владиміръ Мономахъ, Александръ Невскій, Ермакъ, Петръ Великій, Екатерина, Суворовъ, Менделеевъ, Толстой, Пушкинъ, Столыпинъ, создавали ее тѣ, на чьихъ костяхъ построены Петербургъ, тѣ кто прокладывалъ великій Сибирскій путь, тѣ, чьи могилы разбросаны въ Туркестанѣ, на Сѣверномъ Кавказѣ, на всемъ пространствѣ отъ Ледовитаго Океана до Севастополя и отъ западной границы до Тихаго Океана. По какому же праву мы, евреи, смѣли навязывать русскому народу свою власть? По какому? Нужна ли была Россіи революція — это другой вопросъ. Но если допустимъ, что нужна, то не Нахамкесъ съ Бронштейномъ, не Апфельбаумъ-Зиновьевъ, не Собельсоны-Радеки, не должны были, не смѣли „углублять“ ее, разоряя великую страну и физически уничтожая русскій народъ.

Тирпицъ умолкъ съ негодующе-вдохновеннымъ лицомъ. Винарскій молча смотрѣлъ на Тирпица подь впечатлѣніемъ искреннихъ, полныхъ бушующей страсти, словъ его. Потомъ сказалъ:

— Жаль, мучительно жаль, господинъ Тирпицъ, что вы, такъ прекрасно только что сказавшій, увы, исключеніе! Если бы на десять евреевъ одинъ такъ поступалъ, какъ вы, только одинъ, не было бы навѣрное того, что есть. Теперь я вижу, съ кѣмъ имѣю дѣло. Давайте же, не теряя дорогого времени, перейдемъ къ прямой цѣли вашего визита...

12. Въ „Кино-Паласѣ“.

„Человѣкъ, не знающій страха“

Такъ называлась, конечно, сенсационная, конечно американская и конечно въ шести частяхъ съ прологомъ, новая драма, шедшая въ двухъ крупныхъ кинематографахъ. Двойная сенсация какъ сама по себѣ вообще, такъ и для Варшавы въ частности. У „Паласа“ на Хмѣльной и на Новомъ Свѣтѣ воалѣ „Пана“ вытягивались вереницы собственныхъ и казенныхъ автомобилей. Титулованная знать, министры, депутаты Сейма, генералы, студенты, офицеры, вся столица густой человѣческой волною валила посмотреть Бейзыма.

„Человѣкъ, не знающій страха“ — былъ онъ.

„Трюковая фильма“ не отличалась особенной психологической глубиной. Все дѣйствіе, все стремительное движеніе являлось лишь рамкою, фономъ для героя, дабы онъ могъ блеснуть своей силой, акробатической ловкостью и совершеннымъ знаніемъ всѣхъ видовъ спорта.

Бейзымъ одинъ боролся съ многочисленнымъ врагомъ — фальшивомонетчиками, политическими шпіонами, авантюристами высокаго полета, мексиканскими бандитами. И онъ ихъ преслѣдовалъ и они его — съ перемѣннымъ счастьемъ. Онъ разбрасывалъ какъ мальчишекъ, своихъ недруговъ, но, въ концѣ концовъ, они одолевали его, набрасываясь цѣлымъ скопомъ. Связавъ, упрятывали въ мѣшокъ и бросали съ отвѣсной скалы въ морскую пучину. Бейзымъ ножомъ разрѣзалъ въ водѣ мѣшокъ и, приплывъ къ берегу, неожиданно обруши-

вался на своихъ противниковъ, считавшихъ его мертвымъ.

Не менѣе эффектенъ финалъ. Мексиканскіе бандиты привязали Бейзыма къ дереву, обнаживъ до пояса богатѣйшую мускулатуру гигантскаго атлета. На груди, тамъ, гдѣ бьется сердце, нарисовали черный кружокъ. Бродячихъ индѣйцевъ заставляютъ стрѣлять изъ лука по этой живой мишени. Стрѣлы впиваются надъ самой головою Бейзыма. Жуткій, бьющій по нервамъ моментъ. Бейзымъ съ искаженнымъ лицомъ, дѣлаетъ чудовищныя усилія освободиться отъ веревокъ. И вотъ неожиданно вдругъ налетаетъ конный отрядъ подъ предводительствомъ шерифа. Мексиканцы бѣгутъ. Бейзымъ послѣднимъ усиліемъ разрываетъ стягивающія его тѣло веревки, однимъ прыжкомъ садится на коня, вмѣстѣ съ шерифомъ преслѣдуетъ бандитовъ и броскомъ своего лассо ловитъ смертельнаго врага, побѣдно волоча его за собою по степи.

Вся драма и въ „Паласѣ“ и въ „Панѣ“ шла подъ немолчный громъ аплодисментовъ. Въ „Паласѣ“ на первое представленіе явился виновникъ торжества посмотреть самого себя. Этой картины ему не удалось увидѣть въ Америкѣ на обычномъ для дирекціи и артистовъ просмотрѣ. Театръ, какъ одинъ человѣкъ устроилъ Бейзыму овацію. Волей-неволей онъ долженъ былъ подняться во весь свой громадный ростъ и, кланяясь благодарить съ блаженнымъ лицомъ, — онъ чувствовалъ себя преглупо, — шумящую, грохочущую, изступленную публику. Рядомъ съ нимъ сидѣла графиня Юлія Сапарі въ своемъ соболѣмъ манто и кругломъ восточномъ тюрбанѣ изъ старинной дорогой парчи, — послѣдняя парижская новинка, послѣдній крикъ моды.

Въ боковой ложѣ, почти у самаго экрана — большая компанія. Подслѣповатый въ пенснэ Артуръ Монтебланко на первомъ планѣ, а зади него свитою группировались уже всѣ остальные. Бритый, полный, лѣтъ пятидесяти еврей съ сѣдѣющими, какъ мѣхъ кенгуру, волосами и съ громад-

ной жемчужиной въ галстухъ. Когда онъ улыбнулся, заблѣстѣли въ мокрой улыбкѣ передніе платиновые зубы. Справа и слѣва двѣ дочери — носатая, напудренные брюнетки, въ брилліантахъ и дорогихъ мѣхахъ. Два молодыхъ человека, тоже носатые, — одинъ съ мягкими оттопыренными красными ушами — сыновья. А въ общемъ это было семейство тѣхъ самыхъ Кушеръ-Перльмутеровъ, на долю которыхъ выпала высокая честь оказать гостепріимство другу Ллойдъ-Джорджа. Позади обладателя красныхъ оттопыренныхъ ушей, сидѣлъ блѣдно-матовый съ крупными птичьими глазами Семень Тирпиць.

Сосѣдомъ ложи оказался Винарскій, имѣвшій боковое кресло въ третьемъ ряду. Онъ и Тирпиць обмѣнялись короткимъ пристальнымъ взглядомъ и уже больше не замѣчали другъ друга.

Женскому тщеславію графини Юліи Сапари льстило, что ея кавалеръ — центръ всеобщаго вниманія. Двойного вниманія, и какъ живой во плоти и крови, сидящей рядомъ съ нею, и какъ главное лицо, мелькающей на экранѣ драмы. И графиня, щурясь въ лорнетъ, переводила взглядъ съ кавалера на фильму.

И сама она была замѣтной для Варшавы новинкой. Новинкой эффектной съ привкусомъ чего-то загадочнаго. Говорили о ней, о ея соболахъ, о томъ, какъ она широко, не стѣсняясь, живетъ въ „Бристолѣ“. И конечно, — это всегда въ такихъ случаяхъ, — нашлись всезнайки, для которыхъ біографія Юліи Сапари не имѣла никакихъ пробѣловъ, не оставляла никакихъ сомнѣній.

Ея мужъ, богатый венгерскій магнатъ, полковникъ Арпадъ Сапари, погибъ въ началѣ войны, когда бросилъ своихъ гусаръ въ атаку на русскую пѣхоту. А его жена значительно позднѣе уже, въ дни революціи, очутилась въ Россіи. А этотъ шрамъ? Его происхождение угодно вамъ знать? Извольте! Она попала въ чрезвычайку и жидь-чекистъ приказалъ ей открыть ротъ, вставилъ между зубами

свой браунингъ и... Но благодаря невѣрно взятому направленію, пуля вмѣсто того, чтобы разнести черепъ вмѣстѣ съ мозгами, прострѣлила щеку.

Такъ въ одной изъ верхнихъ ложъ говорилъ своей дамѣ ея вылощенный кавалеръ съ моноклемъ. И заинтригованная дама во всѣхъ антрактахъ, когда вспыхивалъ свѣтъ, лорнировала графиню Сапари.

Этими же антрактами пользовался и Винарскій. Предметомъ его наблюденій была семья Кушеръ-Перльмутеровъ. Онъ изучалъ каждаго члена этой почтенной семьи въ отдѣльности, какъ изучаетъ живописецъ, рисовальщикъ или скульпторъ своихъ натурщиковъ.

Наблюденія началъ онъ съ Артура Монтебьянко. Мысленно откинувъ назадъ, атакъ лѣтъ пятнадцать, Винарскій представилъ себѣ курносаго молодого человека, привезшаго въ холодный сѣверный Петербургъ изъ солнечной экзотической Одессы-мамы тощій чемоданчикъ и большую развязность. Вотъ онъ въ редакціи крупной газеты юный Вейсбергъ, подписывающій „Бѣлогоровымъ“ свои отчеты о собачьихъ выставкахъ, о митрополичьемъ служеніи и о продовольственныхъ засѣданіяхъ городской думы. Черезъ годъ это уже передовикъ лѣвой „идеиной“ газеты, а черезъ пятнадцать лѣтъ неофіціальнй диктаторъ Палестины, безнаказанно раздающій пощечины офицерамъ Его Величества Короля Англіи, императора Индіи... Дальше, дальше мокрая улыбка и мокрые платиновые зубы Перльмутера-папаша. Сыновья не похожи на него, но похожи другъ на друга съ тою лишь разницею — у старшаго, съ красными оттопыренными ушами нижняя челюсть съ нижней толстой губою выдвинуты впередъ, настолько выдвинуты, что получается впечатлѣніе обрубленнаго хобота. У младшаго же наоборотъ, верхняя челюсть съ верхней губою выпираемая зубами, зубами, которымъ тѣсно, ушла впередъ.

Тирпиць что-то лукаво нашептываетъ барышнямъ съ напудренными лицами. Онѣ улыбаются съ кислой, самодовольной кокетливостью. Среди еврейскихъ дѣвушекъ, если попадаются красивыя, то ужь красавицы писанныя, яркія, глазъ не оторвешь! Большинство же расплывчатыя, неграціозныя, коротконогія. Дѣвицы Кушеръ-Перльмутеръ принадлежали ко второму типу. Сами же были значительно лучшаго о себѣ мнѣнія. А во вторыхъ, мѣха, брилліанты, и папашины милліарды могли скрасить въ глазахъ жениховъ еще не такіе физическіе недочеты. Милліонное приданное выпрямляетъ какую угодно горбатую спину невѣсты.

Винарскій изъ этого, наполненного тысячной толпою кинематографическаго зала перенесся въ свой кабинетъ. Ему почудилось, что онѣ допрашиваетъ обоихъ Перльмутеровъ и того, у котораго нижняя челюсть господствуетъ надъ верхней и того, у котораго верхняя челюсть выступаетъ надъ нижней.

А далеко позади вверху на дешевыхъ мѣстахъ балкона, сидѣли рядомъ Лабенская въ своемъ драповомъ пальто съ обезьянимъ воротникомъ и Гагаринъ, уже получившій мѣсто заграничнаго корреспондента въ Мазовецкомъ банкѣ. Ихъ оцѣнила драма. Имъ казалось фантастическимъ, прямо чудеснымъ, что двойникъ Бейzyma, сидящаго въ первомъ ряду, — въ нѣсколькихъ шагахъ появляется на экранѣ, то среди живописныхъ и дикихъ скалъ, то въ пустынѣ, то на морѣ, ночью, трепещущемъ жидкимъ серебромъ легкой баюкающей зыби, то въ дебряхъ дѣвственнаго мощнаго лѣса, то въ пограничномъ кабачкѣ, гдѣ собираются ковбои, черномазые бандиты и человѣческія лохмотья, выплунутые за бортъ житейскаго корабля.

— Но какъ онѣ играетъ... какъ онѣ играетъ! — восхищалась Магдалина.

— А вы думали, онѣ только и способенъ, что на головоломные трюки? Талантъ! — горячо восхищался Гагаринъ, замѣчая украдкою, что Лабенской не по себѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, странное чувство волновало ее. Бейzyma она видѣла всего два-три раза. За его сердечное отношеніе къ ней, она платила глубокой признательностью. Что же еще? Они друзья. У него даже и тѣни ухаживанья не было. И для нея, которая до сихъ поръ еще вся во власти воспоминаній о мужѣ, онѣ, Бейzymъ, только человѣкъ большого, благороднаго сердца, только внимательный и участливый другъ... А, между тѣмъ, ей неприятно, ее коробитъ его появленіе въ обществѣ этой „графини“ въ соборяхъ, такъ разительно похожихъ на мanto замученной тети Тамары. Правда, у нихъ общее дѣло — вчера Бейzymъ былъ вечеромъ у Магдалины и сказалъ, что начинается большое кинематографическое предпріятіе. Звалъ и ее играть, обѣщаль авансъ, рисоваль блестящія перспективы. Все это такъ, а между тѣмъ... И было какое-то смутное сознаніе отравленнаго удовольствія и неприязнь къ графинѣ, явившаяся въ первый же моментъ на Вѣнскомъ вокзалѣ, росла, увеличивалась. И вмѣстѣ съ этимъ рождалось предчувствіе чего-то недобраго, мрачнаго сулящаго тревогу и невѣдомыя испытанія.

13. „Пантера“.

Юристоконсультъ графини составилъ контрактъ. Бейzymъ его подписалъ. Юристоконсультъ оказался господиномъ международнаго типа въ песочныхъ гетрахъ, встрѣчавшимъ свою патронессу. Извольте И фамилія его была международная — Гайлла. разобраться — кто: англичанинъ, нѣмецъ, голландецъ, латышъ, еврей?..

Относился юристоконсультъ къ своей патронессѣ съ какой-то особенной, чрезмѣрной почтительностью. Она же третировала его во всю, подчеркивая это на каждомъ шагу.

Въ присутствіи Бейzyma юристоконсультъ читалъ вслухъ черновой набросокъ договора, Юлія Сапарі то и дѣло обрывала Гайлла.

— Стопъ, Гайллэ! Стопъ! Замолчите же! Дайте вдуматься въ смыслъ. Такъ, такъ! Дальше! Ну, это совсѣмъ неясно, здѣсь ничего не поймешь. Когда же вы наконецъ научитесь по человѣчески излагать самыя простыя мысли?..

— Графиня!

— Да, Графиня, сама знаю! Что подумаетъ о насъ мосье Бейзымъ? Большое затѣваемъ дѣло, а не умѣемъ составить бумажки. Еще кандидатъ правъ, докторъ... Докторъ чего, безграмотности? Невѣжественности?..

Гайллэ покорно отмалчивался, плотно сжимая губы.

— Что подумаетъ о насъ мосье Бейзымъ? — сказала она. Определеннаго мнѣнія Бейзымъ еще не успѣлъ составить, но угадывалось что-то не совсѣмъ солидное въ этомъ кино-предпріятіи. Вѣрнѣе, не настолько солидное, какъ это вначалѣ можно было думать. О павильонѣ, который долженъ прибыть со дня на день въ разобранномъ видѣ, — графиня уже не вспоминала. Когда самъ Бейзымъ напомнилъ, то услышалъ въ отвѣтъ:

— Ахъ, да! Получила телеграмму изъ Лондона. Тамъ у нихъ вышелъ какой-то новый законъ, билль или декретъ... Право не знаю... Однимъ словомъ, изъ Англій нельзя теперь вывозить стеколь... Но зачѣмъ намъ павильонъ? Зачѣмъ? Когда мы будемъ пользоваться на прокатныхъ условіяхъ... Я ѣздила вчера на Лешно смотрѣть павильонъ. Большой, глубокой, свѣтлый! Прелесть! И тутъ же лабораторія.

— Знаю. Въ немъ можно работать, — согласился Бейзымъ.

Когда договоръ былъ уже подписанъ, графиня сказала своему юрисконсульту:

— Гайллэ, потрудитесь выплатить сейчасъ же мосье Бейзыму обусловленный авансъ въ размѣрѣ шести тысячъ фунтовъ. Вооружитесь карандашемъ и подсчитайте, сколько это будетъ по сегодняшнему курсу въ польскихъ маркахъ?

— Гайллэ нерѣшительно взялся за карандашъ и еще нерѣшительнѣе взглянулъ на свою патронессу.

— Графиня, сегодня всей этой суммы уплатить мы не можемъ.

— Какъ это не можемъ?!

— Не можемъ, — тихо повторилъ Гайллэ. Вотъ если господинъ майоръ удовлетворится пока чекомъ въ тысячу фунтовъ, — искательно повернулся Гайллэ въ сторону Бейзыма.

Бейзымъ хотѣлъ что-то сказать, но выхоленная ручка графини, мягко и нѣжно коснулась его руки. Лишній разъ испытывая магическую силу теплыхъ волнующихъ „токовъ“...

— Милый майоръ, вы не очень разсердитесь? Тысячу фунтовъ сейчасъ, остальные же пять... Гайллэ, когда? Черезъ недѣлю? Ну! Что же вы молчите?

— Черезъ недѣлю, пожалуй, подоспѣтъ новый переводъ изъ Лондона.

— Милый майоръ, это васъ устраиваетъ? — и задорный кокетливый, многообѣщающій взглядъ.

— Ради Бога! Мнѣ вовсе не такъ ужъ и къ спѣху.

— Гайллэ, карандашъ!..

По сегодняшнему курсу фунтъ равняется... Сейчасъ, сейчасъ... сорока двумъ тысячамъ марокъ. Да сорока двумъ, — подсчитывалъ юрисконсультъ. Тысяча фунтовъ дѣлаетъ... дѣлаетъ... сорокъ два миліона польскихъ марокъ.

— Чековая книжка, Гайллэ?!

— У меня въ номерѣ.

— Ступайте, выпишите чекъ и возвращайтесь!

Гайллэ, молча поклонившись, безшумно исчезъ.

Графиня прямо, зрачки въ зрачки, смотрѣла остановившимся, немигающимъ взглядомъ на майора. Карые глаза потемнѣли и, словно отъ сдерживаемой страсти, затрепетали ноздри точенаго носика.

Бейзымъ отвѣчалъ тяжелымъ, сумрачнымъ взглядомъ.

Вотъ уже больше недѣли встрѣчаются они. Эта женщина глубоко сидитъ у него въ нервахъ, дразнить воображеніе, будить буйную чувственность и своимъ маленькимъ, умѣющимъ такъ то-мо, грѣшно и зовуще, раскрываться ртомъ и смѣхомъ и всей своей гибкой фигурой, за которую онъ ее прозвалъ Лианой.

— Да, я Лиана! Это очень тонко подмѣчено. Лиана! И если кого полюблю, то обовьюсь такой цѣлкой тропической лианой, отъ которой уже нѣтъ спасенія...

Одно это сулящее блаженство, цѣльное вызова обѣщаніе туманило Бейzyma. Онъ пытался разобратъ въ этой женщинѣ, такой же прянной, какъ и ея духи. Пытался, но на полдорогѣ уже пугались обрывки мыслей и онъ махалъ рукою... Не все ли равно ему, кто она? Связывать съ нею судьбу свою на всю жизнь, на вѣки, онъ не собирается. Но какъ любовнику желаетъ ее, желаетъ безумно, нисколько не идеализируя эту „графиню“, не закрывая глаза на то недоговоренное и странное, что видитъ въ Юліи Сапари, не можетъ не видѣть... Чего-то не хватаетъ ей, чтобы казаться дамою общества, но и чтобы назвать ее типичной авантюристкою, такъ же не хватаетъ чего-то. Говорить по-французски свободно и легко, но не какъ француженка и не какъ аристократка, для которой съ дѣтства языкъ этотъ былъ роднымъ. Ей знакомы всѣ крупные европейскіе центры. Она жила и на теплой Ривьерѣ и въ Остенде, въ Біарицѣ. Она знаетъ, какъ ѣздятъ у Ларю и у Пайяра, но ее нельзя назвать шикарной монденкой. Иногда проскальзываетъ какой-то чуть замѣтный провинциализмъ и въ рѣвности манеръ и въ недочетахъ дорогихъ туалетовъ.

Бейzymъ въ скитальческой жизни своей видѣлъ свѣтъ, научился распознавать людей и относительно графини Сапари не тѣшилъ себя иллюзіями. Онъ такую бралъ ее, какою она была въ его глазахъ. Но это ничуть не охлаждало его чувственного вле-

ченія, а, наоборотъ, даже окрашивало это влеченіе особенной остротою.

— Я очень уважаю, отношусь съ большимъ почтеніемъ къ добродѣтельнымъ женщинамъ, — высказывался онъ въ мужской компаніи, — но я предпочитаю наблюдать ихъ издали. Напримѣръ, черезъ рѣшетку, вродѣ той, что въ костелѣ на Краковскомъ предмѣстьи, сквозь которую мы грѣшныя можемъ созерцать молящихся монахинь-„визитокъ“.

Не отличавшійся самовлюбленностью Бейzymъ, не переоцѣнивалъ многообѣщающаго кокетства графини по своему адресу. Кокетства, скорѣй наиграннаго въ такой же мѣрѣ, какъ и ея трепеть, поздрей, якобы подъ томленіемъ съ трудомъ сдерживаемой страсти. Онъ не вѣрилъ въ темпераментъ графини, не вѣрилъ, но это еще больше распяляло въ немъ жажду обладанія. Есть женщины и женщины... Однѣхъ берутъ съ какимъ-то благоговѣйнымъ обожаніемъ, чуть ли не въ святомъ молитвенномъ экстазѣ, другихъ, при всей ихъ интересности, неотразимыхъ физически, берутъ самецки-грубо, не безъ отчасти злораднаго, отчасти презрительнаго чувства. Для Бейzyma Юлія Сапари была женщиною второго типа.

И вотъ, когда она смотрѣла ему зрачки въ зрачки, словно изнемогая отъ накопившейся истомы, словно не отвѣчая за себя, у него явилось желаніе поднять ее на воздухъ и, тиская жадно и властно, до боли, до синяковъ, унести въ сосѣдную съ салономъ спальню, откуда сквозь раскрытую дверь изъ полутьмы блестѣла широкая металлическая кровать. Онъ сдерживалъ себя. Онъ ждалъ болѣе прозрачныхъ авансовъ. Она же въ своихъ полуобѣщаніяхъ балансировала на извѣстной грани...

Въ немъ поднималась глухая ненависть женщины, воля котораго не была сломлена до сихъ поръ женщиною. Сумрачный взглядъ сѣрыхъ глазъ дѣснаго фавна говорилъ:

— Я тебѣ нуженъ для дѣла. Твоему тщеславію льститъ показываться на людяхъ со мною, котораго знаютъ всѣ. И ты хочешь удержать меня при себѣ, заманивая какъ сирена. Погоди же, я тебѣ отплачу за это!...

Вернувшійся Гайллэ далъ графинѣ для подписи продолговатый чекъ.

Юлія размашистымъ почеркомъ написала внизу свой титулъ и свою фамилію.

— Пожалуйста, мосье Бейзымъ... Еще разъ очень извиняюсь, что невольно пришлось пока уменьшить сумму. Чтобы не затруднять васъ, я прикажу Гайллэ съѣздить въ банкъ и завтра утромъ онъ доставитъ вамъ деньги въ „Европейскую“. Тѣмъ болѣе это будетъ объемистый пакетъ, фунтовъ... фунтовъ въ двадцать.

— Какъ вамъ угодно, графиня. Но вотъ въ чемъ дѣло: деньги то я беру, а мы до сихъ поръ еще ничего не предприняли.

— Остановка за вами, дорогой майоръ! Вы обѣщали подготовить канву перваго сценарія.

— Я уже намѣтилъ въ общихъ чертахъ...

— Только пожалуйста безъ политики! Политика осточертѣла! Политическихъ драмъ не любятъ на международномъ рынкѣ. Никакихъ большевиковъ! Ничего этого не надо! Занимательная фабула, трюки, бандиты, сыщики, нарядныя красивыя женщины. Кстати, будутъ у васъ интересныя женщины? Вы обѣщали позаботиться о трупѣ?

— Будутъ... А вы, графиня, вы не хотѣли бы сыграть?

— Знаете, это идея! Это будетъ занятно! Если вы натаскаете меня, съ удовольствіемъ! вмѣстѣ съ вами я хотѣла бы разработать свою роль, только я не хочу писать писемъ, плакать и цѣловаться. Дайте мнѣ роль женщины... женщины пантеры.

— Вы хотите и на фильмѣ остаться вѣрной себѣ?

— А развѣ я въ жизни пантера? Гайллэ, пожожа я на пантеру?

Гайллэ посмотрѣлъ на Юлію и ничего не сказалъ.

14. Печальная дѣйствительность.

На слѣдующее утро Гайллэ привезъ Бейзыму деньги изъ банка. Въ самомъ дѣлѣ это былъ внушительный пакетъ добрыхъ полъ пуда вѣсомъ. Гайллэ предложилъ пересчитать, но Бейзымъ лишь отмахнулся въ отвѣтъ.

— Что вы, что вы, господинъ Гайллэ! Терпѣть не могу заниматься такими скучными вещами. Въ кассеры и счетоводы не гожусь!

— А если окажется нехватка?

— Сомнѣваюсь. Но, допустимъ даже, миллиономъ меньше, — не все ли равно, сколько ихъ тамъ сорокъ два, или сорокъ одинъ?

Гайллэ, пожалавъ плечами, откланялся. Глядя вслѣдъ этому бритому человѣку, — ему съ успѣхомъ можно было бы приписать полъ дюжины разныхъ національностей. — Бейзымъ спросилъ себя, что за отношенія у Гайллэ съ графинею? Любовникъ ли онъ ея въ настоящемъ или въ прошедшемъ? Либо — ни то, ни другое, либо — скорѣй послѣднее. Такъ третировать, какъ она его, можно только мстя за погасшее увлеченіе, котораго женщина простить себѣ не можетъ. Ея обращеніе съ нимъ, — обращеніе съ собакою, а онъ глядитъ съ кроткимъ печальнымъ укоромъ и виляетъ хвостомъ.

Затрещалъ телефонъ.

— Алло, — подносить Бейзымъ къ уху трубку и узнаетъ сочный, слегка хриповатый голосъ генерала Паць-Помарнацкаго.

— Въ два пообѣдаемъ вмѣстѣ въ вашей „Европейской“, хорошо? Надо кой о чемъ поговорить съ вами, пане Бейзымъ.

— Съ удовольствіемъ, пане генерале!

Съ двухъ часовъ они сидѣли въ ресторанѣ отеля за круглымъ столикомъ. Паць-Помарнацкій невысокій, плотный съ великолѣпной выправкой,

весело поблескивая глазами, отвѣчалъ направо и налево на поклоны и самъ раскланивался. И его плавныя манеры, и хриповатый баритонъ, и вкусы привычки, все это было отмѣнно-барское, отзвучавшее свѣтскимъ Петербургомъ, скачками, балетомъ и, — отчего-же не посмѣяться, — опереткою и сабуровскимъ фарсомъ.

Поль жизни своей Помарнацкій провелъ въ Петербургѣ, имѣлъ знакомства, связи, постоянное кресло въ балетѣ, ѣздилъ на скачки, а по субботамъ бывалъ въ циркѣ Чинизелли.

Четвертый годъ въ мундирѣ польскаго генерала, полякъ по крови, по убѣжденіямъ, онъ все же еще до сихъ поръ считалъ себя „обломкомъ“, одушевленной частицею того великолѣпнаго, державнаго Петербурга, въ которомъ такъ удобно, легко и красиво жилось.

И здѣсь въ этомъ свѣтломъ залѣ французскихъ и польскихъ мундировъ, штатскихъ пиджаковъ, дамскихъ туалетовъ, метръ-д'отелей, словно выдѣлывающихся какія то жеманныя на подѣ звуки оркестра, онъ видитъ разсѣянныя тамъ и сямъ „обломки“ того прекраснаго Петербурга, который больше никогда не вернется и не воскреснетъ. Одному онъ успѣлъ привѣтливо кивнуть, другому также привѣтливо сдѣлать „ручку“. Вотъ Поклевскій-Козелль постарѣвшій, осунувшійся, разоренный въ пухъ и прахъ „великой безкровной революціей“. А давно ли онъ былъ магнатомъ, уральскимъ горнопромышленникомъ — крезомъ и въ мирное время доходы его простирались далеко за полумилліонъ въ годъ.

Вотъ сухощавый, подвижной, съ костистымъ, нервнымъ пергаментнымъ лицомъ и самъ весь изъ нервовъ Кнаппъ. Генераль помнилъ Кнаппа, какъ онъ въ красномъ рейтъ-фракѣ въ Михайловскомъ манежѣ по воскресеніямъ принималъ участіе въ барьерныхъ состязаніяхъ. Кнаппъ, не служившій ни одного дня въ конницѣ и, вообще, въ войскѣ,

„биль“ выдающихся ѣздоковъ гвардейской кавалеріи.

Кнаппъ не изъ тѣхъ которые унываютъ и падаютъ духомъ. Въ Россіи онъ потерялъ цѣлое состояніе, въ Польшѣ создаетъ новое. Въ финансовыхъ кругахъ злоба дня — англійскій банкъ, открываемый Кнаппомъ въ Варшавѣ.

А вотъ и еще фигура знакомая по Петербургу. Онъ мелькалъ на фонѣ русской столицы, чтобы умчаться въ Копенгагенъ, въ Парижъ, въ Брюссель. Блондинъ, съ открытымъ, яснымъ лицомъ датчанинъ Свенсенъ, купившій за послѣднее время въ Польшѣ такое количество лѣсныхъ имѣній, что изъ нихъ смѣло можно было бы выкроить нѣсколько германскихъ княжествъ.

Вмѣстѣ со Свенсеномъ завтракалъ бронеетъ лѣтъ сорока пяти, съ красивымъ, правильнымъ лицомъ и молодыми, чарующими бархатными глазами. Это бывший русскій генераль Олсуфьевъ. Тоже одинъ изъ обломковъ блестящей Императорской Гвардіи.

Къ дѣлу Паць-Памарнацкій приступилъ уже за кофе и сигарами. Съ благодушіемъ сытаго и въ мѣру выпившаго человѣка, съ заигравшимъ румянцемъ на еще крѣпкомъ, не поддающемся морщинамъ и старости лицѣ, генераль обратился къ своему собесѣднику:

— Дорогой Бейзмъ, просили меня поговорить съ вами въ порядкѣ частнаго дружескаго собесѣдованія.

— О чемъ? — насторожился Бейзмъ, слегка придвигаясь къ генералу.

— А вотъ о чемъ: не хотите-ли вы опять надѣть мундиръ? Для начала васъ сдѣлаютъ подполковникомъ и дадутъ кавалерійскій полкъ. Что бы вы сказали на это?

— Что бы я сказалъ? — переспросилъ Бейзмъ. Генераль, я отношусь къ вамъ съ довѣріемъ, уваженіемъ и, вы мнѣ позволите быть откровеннымъ?

— Что за вопросъ? Конечно, конечно!..

— По возвращеніи изъ Америки, мы видались съ вами такъ мимолетно, и двумя словами не успѣли перекинуться. Я потому и примчался, думаль — будетъ война, отечество въ опасности. А я люблю свое отечество, люблю войну! Если-бъ грянулъ громъ, я, не задумываясь, простымъ солдатомъ пошелъ бы защищать Польшу отъ новой жидовской карательной экспедиціи съ Востока.

— Жидовской карательной экспедиціи?... Хорошо сказали, дорогой мой, — кивнулъ одобрительно Помарнацкій. — Дальше...

— Дальше... Тревога оказалась впустую, громъ не грянулъ, вмѣсто войны — миръ и я предпочитаю не одѣвать мундира, оставаясь штатскимъ...

— Но позвольте, какъ же такъ? Вы солдатъ съ ногъ до головы, солдатъ Божіей милостью, любите нашу польскую армію и рыцарствомъ своимъ способствовали въ ея славѣ и доблести... Объясните?...

— Извольте, пане генерале. Именно потому, что я солдатъ, именно потому, что я люблю нашу армію, я не хочу одѣвать дорогой миѣ мундиръ, который я такъ уважаю...

— Слуга покорный, темно и непонятно! — плавно развелъ руками Помарнацкій.

— Сейчасъ поймете, и не только поймете, а и согласитесь со мной. Съ болью, оскорбительною болью въ душѣ я смотрю, какъ поставленъ у насъ офицерскій корпусъ. Польскій офицеръ — это какое-то безправное существо. Вѣрнѣе, у насъ есть одно только право защищать родину и сложить за нее свою голову. А въ мирное время? Польскаго офицера можетъ оскорбить всякій, кто хочетъ — ресторанный лакей, трамвайный кондукторъ, жидъ и офицеръ лишень возможности защищать и свою личную человѣческую честь и честь мундира, честь арміи. Нашъ офицеръ не имѣетъ права появляться въ общественныхъ мѣстахъ и въ городѣ съ оружіемъ, если онъ только не при исполненіи служебныхъ обязанностей. Я не говорю, что офицеръ долженъ выхватывать саблю и рубить тѣхъ, чья

физиономія ему не нравится. Но если онъ воинъ, рыцарь, представитель касты, да касты, потому что военное сословіе каста, и офицера иначе какъ воинъ и рыцаря я не понимаю, — онъ обязанъ и долженъ имѣть при себѣ оружіе.

— Подписываюсь обѣими руками! Офицерскій корпусъ у насъ, увы, слишкомъ демократизированъ.

— Кланяюсь и благодарю. Теперь дальше. Вы изволили сказать, что миѣ обѣщаютъ полкъ. Прекрасно, а тѣ которые обѣщаютъ увѣречы ли они, что мое назначеніе будетъ одобрено жидами?

— Какими жидами? удивился Помарнацкій.

— Обыкновенными. Съ Налевокъ, съ Праги, съ Твардой улицы, со всей Варшавы.

— Темно и непонятно. Расшифруйте, дорогой Бейзымъ.

— Шифръ вы найдете въ сегодняшнихъ газетахъ, читали?

— Просмотрѣлъ кое-какъ наспѣхъ. Не было времени.

— Жаль! Вамъ бросилась бы въ глаза весьма поучительная вещь. Къ Предсѣдателю Совѣта Министровъ Пониковскому является депутатъ сейма Гринбаумъ и заявляетъ: „Жидамъ не угодно, молю, чтобы военный министръ генераль Сосновскій оставался на своемъ посту, не угодно, ибо онъ противъ жидовъ-офицеровъ въ польской арміи“.

— Быть не можетъ! Какая наглость! — возмутился Помарнацкій.

— Такая наглость — дальше идти некуда! Стыдъ и позоръ для насъ, поляковъ и еще горшій позоръ и стыдъ, что Пониковскій, выслушавъ Гринбаума, не спустилъ его съ лѣстницы. Такъ какъ же вы хотите, чтобы я принялъ полкъ? Гринбаумъ можетъ поднятъ гвалтъ въ Сеймъ: „Помилуйте, Бейзыму, который звѣрски избилъ дипломата дружественной державы, дають отдѣльную часть!“ Если этотъ наглець съ военнымъ министромъ не поцеремонился, то будетъ ли онъ церемониться съ командиромъ какого-то полка? Такъ вотъ, мой до-

рогой генераль, до тѣхъ поръ, пока у насъ будутъ дѣлать политику жида и это будетъ поощряться, до тѣхъ поръ меня въ армию никакимъ калачемъ не заманишь...

— Ну скажите, не правъ я?

— Тысячу разъ, дорогой мой. Тысячу разъ... Вижу все, понимаю, крѣплюсь и молчу. И если вамъ молодому, тяжело и больно все это наблюдать, каково же мнѣ, въ мои годы? Будь свободныя деньги, одѣлся-бы съ ногъ до головы въ штатское, чтобы не появляться въ генеральской формѣ. Впрочемъ, между нами говоря, осталось уже не долго носить ее, — понизилъ голосъ Помарнацкій. — Я выхожу въ отставку, чтобы на свободѣ заняться политической дѣятельностью. Кстати, итальянцы то, итальянцы! Вотъ не ожидалъ! Фашизмъ? Вѣдь это прелесть что такое! А главное, какая переоцѣнка цѣнностей. Всѣ думали, и мы тоже самое, что социализмъ и социалисты — сила, сила съ которой элементамъ законности и порядка не справиться. Стихийное движеніе. Мошь грубаго хамья, звѣря выпущеннаго изъ клѣтки. И что же получилось: фантомъ, призракъ, огородное пугало! Нѣсколько десятковъ тысячъ патриотовъ сплотилось, организовалось и вооружилось подъ предводительствомъ вождя своего Муссолини, и всѣ итальянскіе большевики и социалисты, поджавши хвостъ, тише воды, ниже травы стали! Дай Богъ, чтобы итальянскій фашизмъ былъ назидательнымъ примѣромъ для всей Европы. Тогда бытъ можетъ господству разнуздавшагося хама наступитъ конецъ. Побѣда надъ этимъ, съ позволенія сказать, пролетариатомъ будетъ побѣдою надъ жидовскимъ штурмомъ христіанскаго міра, потому что пролетаріатъ ничто иное, какъ пушечное мясо, презрѣнное быдло въ рукахъ жидовъ. Какъ это я пропустилъ требованіе Гринбаума къ предсѣдателю совѣта министровъ? Позвольте я что-то не помню... Развѣ Сосновскій высказывался за недопущеніе въ офицерскій кор-

пусъ жидовъ? Это противорѣчило бы нашей конституціи.

— Передержка, шуллерскій вольтъ, — пожалъ плечами Бейзымъ. Военный министръ формулировалъ совершенно иначе. Вотъ вамъ дословно. „Офицерами польской армии могутъ быть лишь тѣ изъ гражданъ государства, чей патриотизмъ внѣ всякихъ сомнѣній.“

— О, это уже совѣмъ изъ другой оперы... Такъ почему же Гринбаумъ?

— Да потому, что „на ворѣ шавка горитъ“. Жидъ можетъ быть только жидовскимъ патриотомъ, но никакъ не польскимъ. Это они блестяще доказали во дни наступленія красныхъ ордъ. Я ихъ не видѣлъ на фронтѣ, но видѣлъ въ тылу. Съ какимъ плохо скрываемымъ злорадствомъ ожидали они прихода своихъ, ждали „своей власти“. Они готовили уже торжественную встрѣчу своему цезарю Бронштейну-Троцкому.

— Они погубятъ Польшу, если въ насъ не проснется здоровое національное чувство, — молвилъ Помарнацкій поглядывая на часы. — Однако уже три, мнѣ пора. Вы разрѣшаете передать одинъ только голый отвѣтъ вашъ, или вмѣстѣ съ мотивами отказа?

— Очень прошу именно съ „мотивами“. Я всегда отвѣчаю за каждое свое слово...

15. Туземцы съ Налевокъ.

Семень Тирпицъ еще до знакомства своего съ Винарскимъ, былъ знакомъ съ однимъ изъ братьевъ Кушеръ-Перльмутеровъ, тѣмъ, у котораго нижняя челюсть съ выпяченной мягкой, какъ будто вѣчно что-то жующей губой, напоминала недоразвившійся хоботъ. Звали молодого человѣка Эдуардомъ и, подобно Тирпицу, Эдуардъ Кушеръ-Перльмутеръ былъ вольнослушателемъ университета.

Въ университетъ Эдуардъ заглядывалъ рѣдко и бѣлую съ малиновымъ околышемъ студенческую

шапочку носить частью из снобизма, частью из других соображений.

Опять таки, до знакомства съ Винарскимъ, Тирпицъ нѣсколько разъ былъ у Эдуарда. Съ нимъ Тирпицъ держался дипломатомъ, не открывалъ своихъ политическихъ картъ и обладатель красныхъ оттопыренныхъ ушей имѣлъ свои виды на молодого, энергичнаго и неглупаго юношу съ блѣдно-матовымъ лицомъ и круглыми птичьими глазами.

За недѣлю передъ тѣмъ, какъ Семень Тирпицъ былъ у Винарскаго вечеромъ на дому, Тирпицъ встрѣтилъ Эдуарда на Бѣлянскои улицѣ у витрины ювелирнаго магазина.

— Колечко присматриваете съ брилліантомъ? Буржуй вы этакій! — остановился вплотную рядомъ съ нимъ Тирпицъ съ обычной веселой насмѣшливой улыбкой.

— А почему нѣтъ? Вы какъ разъ угадали, Тирпицъ. Что такое польскіе марки — пипифаксъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ будетъ хуже, а брилліанты поднимаются. Это же валюта! Эдуардъ схватилъ Тирпица за локоть. — Ахъ, я же вамъ совсѣмъ забылъ сказать, вы сейчасъ превратитесь въ соляной столбъ.

— Случилось что-нибудь потрясающее?

— Натурально, потрясающее! Приѣхалъ и гоститъ у насъ Артуръ Монтебланко.

— Тотъ самый, который изъ Палестины?

— А развѣ есть другой Артуръ Монтебланко? Другого нѣтъ на цѣломъ свѣтѣ! Вы понимаете, самъ дѣдушка встрѣчалъ его на вокзалѣ, дѣдушка Аврамъ, который почти не выходитъ. Ну, скорѣй же, скорѣй, обращайтесь въ соляной столбъ! — требовалъ Перльмутерь, видя, что Тирпицъ далеко еще не проникся надлежащимъ благоговѣніемъ.

— Я уже таки да безъ пяти минутъ соляной столбъ, — улыбался Тирпицъ, имитируя одесскій жаргонъ. — Помилуйте, такая персона! Нѣтъ, нѣтъ я вполне серіозно. Онъ едва ли не на ты съ самимъ Ллойдъ-Джорджемъ.

— Ой, такъ это же человѣкъ! Это же голова! Хотите, я васъ ему представлю?

— Буду очень радъ познакомиться. А скажите, Перльмутерь, зачѣмъ онъ собственно приѣхалъ? — съ наивнымъ видомъ спросилъ Тирпицъ.

— Вы хотите, чтобы я вамъ сказала? Тутъ на Бѣлянскои? Гдѣ шляются "дефензивы, эти паскудники? Ша! — приложилъ Эдуардъ палецъ къ губамъ.

И вошелъ въ ювелирный магазинъ.

Налевки — типичное варшавское гетто, вѣрнѣе пережитокъ средневѣковаго гетто, когда огненный кругъ еврейской осѣдлости въ городѣ ограничивался извѣстными улицами и кварталами. Вотъ почему и нынѣшнія Налевки — замкнутое еврейское царство. Здѣсь не звучитъ польская рѣчь и полякъ пѣшеходъ — явленіе исключительное. Здѣсь свои еврейскія кофейни, лавки, парикмахерскія, все сплошь подъ вывѣсками на еврейскомъ языкѣ и даже свои извозчики, обслуживающіе только еврейскіе кварталы. Мужчины почти все въ длинныхъ лабсердакахъ и черныхъ, тѣсно сидящихъ на макушкѣ фуражкахъ съ крохотнымъ козырькомъ. Попадаются сѣдобородые старики въ пейзахъ и въ мѣховыхъ шапкахъ, точно сошедшіе съ рембрандовскихъ портретовъ. Старухи вѣрны своимъ примитивнымъ парикамъ, прикрытымъ чепцами, или наколками изъ желтыхъ кружевъ.

Все это вмѣстѣ съ оживленной, галдящей жестикулирующей толпой, скученностью населенія биткомъ набитыхъ человѣческимъ мѣсивомъ, грязныхъ, облупившихся домовъ, даетъ впечатлѣніе чего-то восточнаго, перенесеннаго изъ далека сюда подъ это блѣдное, хмурающееся небо сѣвера.

Торговая жизнь бьетъ ключемъ. Изъ подваловъ, изъ глубокихъ оптовыхъ складовъ выносятся какіе-то громоздкіе товары, грузятъ ихъ на ломовыя подводы и ручныя тѣлѣжки. Лязгъ желѣза, грохотъ колесъ, выбивающіяся изъ силъ заѣзженныя лошади, гортанныя понуканія, крики, удары кнута. Въ полутемныхъ, неварачныхъ мѣняльныхъ

лавкахъ идетъ купля-продажа валюты, кружится вихрь многомилліонныхъ операцій.

Средь всей этой кипѣни Налевокъ, пятиэтажной громадою подымался домъ Кушеръ-Перльмутеровъ, съ фасада, съ улицы такой внушительный. А со двора — это цѣлый рядъ флигелей, побольше и поменьше, построенныхъ прямоугольниковъ. Въ трехъэтажномъ флигелѣ — третьеразрядная гостинница, трупповная клоака, приносившая значительный доходъ.

Въ главномъ корпусѣ изъ частныхъ квартиръ — одна лишь квартира домовладѣльцевъ. Во всѣхъ остальныхъ помѣщались конторы, частью чужія, частью связанныя съ предіриятіями Перльмутеровъ, дѣсными, нефтяными, торговыми. Лѣстница каменная, въ ненастные, дождливые дни мокрая и скользкая, съ обмызганными ступенями.

Квартира Кушеръ-Перльмутеровъ комната въ двѣнадцать. Пять, высокихъ большихъ парадныхъ, остальные — къ нимъ вель длинный корридоръ, — въ глубинѣ гдѣ-то — маленькія, тѣсныя, съ окнами во дворъ. На этой непарадной половинѣ каждый изъ членовъ семьи имѣлъ по комнатѣ. Видъ показныхъ апартаментовъ — неуютный, холодный, нежилой. Внушительная столовая съ мраморнымъ каминомъ, рѣзнымъ, упирающимся въ потолокъ, буфетомъ и тяжелыми стульями съ прямыми, высокими спинками. Но когда Перльмутеры садились обѣдать и ужинать, сервировка далеко не отвѣчала ни буфету, ни камину, ни тяжелымъ стульямъ и висѣвшей у потолока бронзовой люстрѣ. Скатерть силошь да рядомъ несвѣжая, съ пятнами отъ горчицы и соусовъ. Въ такомъ же духѣ — салфетки. Разнокалиберная посуда отъ нѣсколькихъ сервировъ. Ножи и вилки — частью серебрянныя, частью „фражетовская“ дешевка. Бѣли обильно и сытно, не жалѣя денегъ на провизію, но и мясо, птица и рыба — неаппетитно, кое-какъ укладывались на блюдахъ. Хозяйки въ домѣ не было. Перльмутеръ-отецъ и Перльмутеръ-дѣдъ овдовѣли нѣсколько

лѣтъ назадъ, почти въ одинъ годъ, а напудренные дѣвицы, коротконогія, полныя, съ кислыми улыбка-ми валялись до одиннадцати. Утренней кофе прислуга подавала имъ въ постель.

Идя въ театръ, въ кинематографъ, въ кафе, въ гости, вообще, въ толпу, барышни начинали мыться, наряжаться, душиться, а дома ходили въ несвѣжихъ, измятыхъ капотахъ и съ заспанными лицами.

Въ общихъ гостинныхъ, въ залѣ, и въ кабинетѣ Кушера-отца дорогая, аляповатая мебель расставлена съ окаменѣлой, бездушной симметричностью. Гигантскія трюмо въ оправѣ чернаго и краснаго дерева отражали золоченые диваны и кресла и дешевую мазию въ пышныхъ, дорогихъ рамахъ. Пепельницы, бездѣлушки — все это массивное, тяжелое точно въ пріемной врача, или нотариуса, съ умысломъ рассчитанное, чтобъ кліентъ, пациентъ, или случайный посетитель не могъ ничего унести съ собою!

Знатному гостю хозяева отвели двѣ комнаты. Перльмутеръ-отецъ уступилъ свой кабинетъ, а одна изъ сосѣднихъ гостинныхъ была превращена въ спальню.

Семидесятишестилѣтній Авраамъ Кушеръ-Перльмутеръ-дѣдъ, нажившій и этотъ домъ и еще нѣсколько другихъ на Железной и Твардой, устранился отъ всякихъ дѣлъ и отдыхалъ на покой, върный патриаршей сѣдой бородѣ, закрученнымъ пейсамъ, длинному ниже колѣнъ сюртуку. Дома не выдѣзаль изъ бархатныхъ сапогъ съ мѣховыми отворотами. Авраамъ былъ еще крѣпокъ съ его вишніестью праотца-тезки и зубы имѣлъ свои собственные, не къ примѣрѣ платиновымъ зубамъ сына и золотымъ обоимъ внуковъ и обѣихъ внучекъ. Эти внуки и внучки относились къ дѣду уже безъ той почтительности, что свойственна такъ была еврейскимъ семьямъ, гдѣ, какъ и у мусульманъ, чтились преклонный возрастъ и бѣлая почтенная сѣдина. Молодежь не подходила къ рукѣ

дѣда, не вставала при его появленіи, ограничиваясь небрежнымъ кивкомъ. Перльмутерь-отець былъ гораздо внимательнѣй къ старику и въ присутствіи древняго Авраама не чувствовалъ своихъ пятидесяти лѣтъ. Его не коробило какъ внуковъ, что отецъ почти все ѣстъру ками, не прибѣгая къ вилкѣ и не снимаетъ въ комнатѣ по буднямъ маленькой черной фуражки, а по субботамъ старосвѣтскаго, съ прямыми полями цилиндра.

Когда на Бѣлянской Тирпиць спросилъ Эдуарда Перльмутера, зачѣмъ пріѣхалъ въ Варшаву Монтебіанко, Эдуардъ приложивъ палець къ губамъ, сказалъ „ша!“ Это его „ша“ относилось къ неофициальной мисси Вайсберга-Бѣлогорова-Монтебіанко. Официально же Вайсбергъ пріѣхалъ съ цѣлями филантропическаго характера, — узнать каково положеніе находящихся въ Польшѣ еврейскихъ бѣженцевъ изъ Совѣтской Россіи и проконтролировать дѣятельность американско-еврейскаго комитета, снабжающаго этихъ самыхъ бѣженцевъ деньгами, платьемъ, бѣльемъ, обувью и консервами.

Монтебіанко былъ слишкомъ важнымъ тузомъ, чтобы самолично заглядывать въ комитетъ. Съ докладами, отчетами къ нему ѣздили на домъ и управляющій и секретари и завѣдывающіе Отдѣлами. Всѣ эти солидные, обеспеченные люди, входя въ кабинетъ Артура Монтебіанко, испытывали едва ли не приступъ медвѣжьей болѣзни, такой страхъ и трепетъ внушалъ имъ поделѣповатый молодой человекъ съ вздернутымъ носомъ и длинными красными руками, которымъ было тѣсно въ бѣлоснѣжныхъ манжетахъ, которые онъ не зналъ куда дѣвать и которыя поэтому были вѣчно въ движеніи.

Во время доклада Монтебіанко сидѣлъ въ креслѣ, курилъ папиросу за папиросой и такъ, нервно, — только искры летѣли во всѣ стороны. Докладчики стояли почтительно, какъ передъ высокимъ, очень высокимъ сановникомъ. По окончаніи доклада Монтебіанко милостиво разрѣшалъ присѣсть. Господа изъ комитета не только охотно

подчинялись этой субординаціи, а еще всячески щеголяли ею, сами повеличивая и безъ того великаго Артура Монтебіанко. Эта субординація, эта дисциплина давала имъ иллюзію, — иллюзію, впрочемъ, весьма и весьма близкую къ дѣйствительности, — еврейскаго правительства со строгой іерархической лѣстницею и такой же строгой табелью о рангахъ.

Эти чиновники сидя на кончикѣ стула и слѣдя за вѣчнымъ мельканіемъ большихъ, красныхъ рукъ, то зажигающихъ папиросу, то жестикулирующихъ передъ самой физиономіей собесѣдника, топравляющихъ пенснэ думали:

— Этой самой рукой онъ можетъ подписать такую бумагу... такую бумагу... — духъ захватывало при одной мысли о колоссальномъ политическомъ значеніи бумаги, подписанной Артуромъ Монтебіанко... эту самую руку пожимали такіе міровые финансисты, какъ Сассунъ, Яковъ Шифъ, Ротшильды, Мендельсонъ и такіе распорядители судьбами Европы какъ Ллойдъ-Джорджъ, Вильсонъ, Клемансо и, наконецъ, эта самая рука дала пощечину англійскому полковнику. И вотъ ему какъ съ гуся вода, Артуру Монтебіанко, а королевскій полковникъ застрѣлился. Христіанское офицерство и евреи помѣнялись ролями. Прежде, еще совсѣмъ не такъ давно, первые били вторыхъ, а теперь вторые бьютъ первыхъ...

Особенно восхищалась молодежь. Подвигъ Артура Монтебіанко вдохновлялъ ее на такіе же подвиги. Спустя нѣсколько дней по его пріѣздѣ въ Варшаву, кучка евреевъ-студентовъ однажды вечеромъ у себя на лонѣ родныхъ Налевокъ, избилъ польскаго офицера. Одинокій, безоружный офицеръ защищаться не могъ и вошедшая въ азартъ молодежь изрядно его потрепала.

Не было конца горделивому упоенію, когда англійскій посланникъ первый нанесъ визитъ Артуру Монтебіанко. У дома Перльмутеровъ остановился сверкающій мощный „Ройль-Рейсъ“.

Выѣздной лакей въ расшитой ливреѣ и въ треуголкѣ съ султаномъ, распахнувъ дверцу, помогъ выйти представителю, короля Георга. Визитъ продолжался около часу. Всѣ въ домѣ ходили на цыпочкахъ вокругъ кабинета, гдѣ съ глазу на глазъ бесѣдовали Артуръ Монтебланко и его гости, царил торжественная, мертвая тишина.

Монтебланко въ этотъ же день, какъ и полагается по этикету въ сановно-дипломатическомъ мірѣ, отдалъ визитъ посланнику Великобританіи.

Еврейскія газеты и жаргонныя и печатающіеся на польскомъ языкѣ, жирнымъ шрифтомъ на первой страницѣ отмѣтили это событіе.

16. Монтебланко приподнимаетъ завѣсу.

Тирница считали своимъ. Онъ попалъ на интересное собесѣдованіе. Вѣришь, говорилъ одинъ Артуръ Монтебланко, а трое внимательно, болѣе чѣмъ внимательно, слушали. Въ самомъ началѣ Тирница неудержимо тянуло ко сну. Сидя въ полумракѣ, въ углу дивана, такого же монументальнаго, какъ и все въ этомъ тяжеловѣсномъ кабинетѣ, молодой человѣкъ съ блѣдно-матовымъ лицомъ дѣлалъ неимоверныя усилія, чтобы не зѣвнуть на всю комнату. Онъ весело провелъ ночь, а за обѣдомъ выпилъ нѣсколько рюмокъ водки.

Смыкались вѣки круглыхъ, птичьихъ, глаза, мучительно до судорогъ хотѣлось вытянуться на диванѣ. Но съ первыхъ же словъ Артура Монтебланко, Тирницъ встрепенулся, взялъ себя въ руки и уже не закрывались глаза, не сводила челюстей зѣвота. У братьевъ Эдуарда и Моисея полураскрыты рты и при свѣтѣ настольной электрической лампы поблескивали у обоихъ золотые передніе зубы.

За окнами съ кѣмъ то, или съ чѣмъ то сводила счеты сварливая, мокрая осень, а въ кабинетѣ было жарко натоплено и казенно-сухая комната представлялась въ этотъ вечеръ уютной. Артуръ

Монтебланко не хотѣлъ никуда выходить и подставлять свою особу всякой дряни, падающей съ низко нависшихъ облаковъ. И вотъ онъ позвалъ къ себѣ молодежь.

— Что болтаютъ въ сегодняшнихъ польскихъ газетахъ? полюбобытствовали онъ съ пренебрежительною улыбкою на маленькомъ, съ кулачекъ моложавомъ лицѣ своемъ.

Пытался отвѣтить Моисей съ выдвинутой верхней губою, но Эдуардъ предупредилъ его, какъ образцовый ученикъ, желающій отличиться въ глазахъ уважаемаго, стараго учителя. Онъ даже еле-еле удержался отъ поднятія вверхъ правой руки, какъ это дѣлалъ нѣсколько лѣтъ назадъ на гимназической скамьѣ.

— Проклятая „Двугрошувка“...

— Опять какое-нибудь очередное человѣконенавистничество?

— А то какъ же иначе, — сдвинулъ Эдуардъ покатыми, узкими плечами. — Эти мерзавцы подобрали сегодня цѣлый антисемитскій букетъ. Букетъ! — повторилъ онъ, видимо довольный своимъ образнымъ сравненіемъ — отмѣчаютъ антисемитскія выступленія вѣнскихъ, будапештскихъ и пражскихъ студентовъ, бойкотирующихъ евреевъ-коллегъ и евреевъ профессоровъ...

Монтебланко ткнулъ огнемъ въ пепельницу недокуренную папиросу, зажегъ новую и, бросивъ по близорукости горящую спичку вмѣсто пепельницы на малиновое сукно письменнаго стола, сдѣлалъ какой-то неопредѣленный вольтъ красной, большой рукой.

— Надъ этимъ можно только посмѣяться! Все это эпизодическое, случайное, мальчишески-темпераментное, но отнюдь не серьезное, отнюдь! — помахалъ Монтебланко пальцемъ у собственного носа. Трудно, очень трудно бороться съ нами. Кто-то, не помню кто именно, давно сказалъ, что самая совершенная въ мірѣ организациа двѣ, это, — германскій административный и военный аппаратъ и

— католицизмъ. Онъ забылъ третью организацію, которая сильнѣе германской, потому что германская мощь рухнула, и, во всякомъ случаѣ, не уступаетъ католицизму, съ которымъ ведетъ борьбу за первенство надъ міромъ. Это мы, евреи! — выкрикнулъ пѣтушинымъ, сорвавшимся голосомъ Артуръ Монтебланко и весь ходуномъ заходилъ и головою на тонкой шеѣ, руками и ногами. Сорвалось пенснэ съ переносицы и просыпался на пиджакъ пепель папирасы.

Братья Кушеръ-Перльмутеръ подвинулись ближе къ своему оракулу, а Тирпицъ отдѣлилъ на вершокъ спину отъ холодной кожи дивана.

Поймавъ на колѣняхъ пенснэ и водрузивъ его по назначенію, Монтебланко продолжалъ:

— И развѣ можетъ быть иначе? Отнюдь, нѣтъ! Въ теченіи двухъ тысячилѣтій насъ ненавидѣли, преслѣдовали, насъ жгли на кострахъ и, какъ зачумленныхъ, загоняли въ гетто. Мы, затравленные, крѣпко стиснувъ зубы, накапливали ненависть, энергію и матеріальныя блага, твердо помня и завѣщая изъ поколѣнія въ поколѣніе, что власть надъ человѣчествомъ дастъ золото. Реакціонныя газеты пишутъ: „У евреевъ разбросанныхъ по всѣму свѣту есть свое тайное правительство“. Мы отвѣчаемъ въ своей печати, а наша печать, — восемьдесятъ процентовъ всѣхъ газетъ земного шара, — отвѣчаемъ, что это ложь, злостная клевета погромщиковъ — антисемитовъ. Это для широкой публики, а на самомъ дѣлѣ между нами, авгурами это — отнюдь не ложь! Такая организація какъ наша, при необыкновенной расплывчатости еврейства, немислима безъ объединяющаго центра, откуда исходятъ приказы, директивы, исходить все то, что, повинувся желѣзной дисциплинѣ, осуществляется. Конечно, я многого не скажу вамъ, многого не открою, ибо знать — это удѣлъ посвященныхъ, избранныхъ, да и незачѣмъ вамъ это знать. Но я охотно продемонстрирую вамъ сейчасъ не голословно, а опираясь на цѣлый рядъ фактовъ, нашу мощь. Да,

мощь народа, который не имѣя собственной территоріи, не имѣя собственной арміи, не имѣя государственнаго аппарата, явнаго, по крайней мѣрѣ, играетъ такую рѣшающую роль въ судьбахъ человѣчества. У насъ нѣтъ арміи, — усмѣхнулся Монтебланко, — зачѣмъ? Зачѣмъ проливать кровь древней благородной расы, когда къ нашимъ услугамъ христіанскія арміи для непосвященнаго глаза, ведомыя своими правительствами и вождями, а на самомъ дѣлѣ... Хотя можно теперь съ увѣренностью сказать, что у насъ есть уже своя собственная армія, созданная на принудительно-наемныхъ началахъ. Вы догадываетесь?

Моисей еще колебался, а первый ученикъ Эдуардъ поспѣшилъ предупредить брата:

— Красная армія!

— Хвалю, — поощрилъ Монтебланко догадливаго ученика. Да, это наша армія съ нашимъ вождемъ во главѣ Троцкимъ. Что такое Троцкій?... Сильный, дьявольской энергіи человѣкъ, но Троцкій и 24-хъ часовъ не просуществовалъ бы, если бы онъ не былъ нуженъ тѣмъ, подходя къ которымъ, я, вы не обижайтесь, молодые люди, ставлю твердую точку. Въ любой моментъ и въ любомъ направленіи мы можемъ бросить два-три даже четыре милліона этой сѣрой скотинки, какъ называлъ ее знаменитый Драгомировъ, только нѣсколько подругимъ угломъ, чѣмъ называемъ мы; Драгомировъ ее жалѣлъ, — намъ ее ничуть не жалко! Перефразируя слова Бисмарка мы можемъ сказать, что русскій народъ — это навозъ для удобренія посѣва еврейской мощи, еврейскаго величія. Красная армія — это пугало, которымъ мы шантажируемъ одряхлѣвшую, страдающую старческимъ маразмомъ тѣла и воли Европу. Красная армія — наше пушечное мясо. Россія нашъ плацдармъ. Европа больше боится этой вшивой, голодной, одичавшей пустыни съ ея арміей, идущей подъ красною звѣздой, чѣмъ боялась Россіи императорской, на знаменахъ которой было написано „Богъ, Царь и Отечество“. А

почему? Совѣтская Россія такъ сильна? Нѣтъ, отнюдь нѣтъ! Но, царская Россія правила въ перчаткахъ, жеманно кокетничала съ Западомъ, а мы надѣли ежевья, утыканныя иглами, рукавицы и не признаемъ никакихъ условныхъ сантиментальностей.

Никакихъ! — проведъ Монтебианко по воздуху ребромъ ладони, закуривая слѣдующую папиросу. — Итакъ, молодые друзья, въ образахъ, въ историческихъ именахъ и событіяхъ, я продемонстрирую передъ вами нашу силу. Былъ данъ ключъ по всей боевой линіи — „Долой монархіи и монарховъ!“ И зашаталась престолы, и полетѣли короны, а нѣкоторыя за компанію — вмѣстѣ съ головами своихъ августѣйшихъ обладателей. Намъ не нужны монархи, намъ нужны республики. Намъ не нужны императоры и короли, въ блестящихъ мундирахъ, въ мантияхъ съ тысячелѣтними династіями, со всей этой декоративной мишурою. Намъ нужны президенты въ пиджачкахъ, свои люди, которыхъ можно поощрять, если они намъ полезны и выгонять, какъ проворовавшихся лакеевъ, если они намъ не нужны больше. Обратите вниманіе, съ какой неумолимой послѣдовательностью проводится это... Судьба Николая, судьба Вильгельма, Карла Габсбурга? Съ этимъ молодымъ человѣкомъ, желавшимъ вернуть себѣ хотя бы венгерскую корону, обошлись какъ съ непроказничавшимъ лейтенантомъ. Посадили на миноносецъ и отправили на Мадейру. Вы думаете онъ умеръ естественной смертью, какъ писали въ газетахъ? Отнюдь нѣтъ. На Мадейрѣ даже и умирающие выздоравливаютъ. Нѣтъ, надо было избавиться разъ на всегда отъ этого безпокойнаго претендента, который никакъ не могъ забыть, что онъ — Его Апостолическое Величество. А юный король Греціи Александръ, отдавшій Богу или чорту, не знаю кому, свою душу, послѣ того какъ его искусила обезьяна изъ породы уистити. Что вѣрно, то вѣрно, но зубы ея отравлены были смертоноснымъ ядомъ, сама же уистити, любимица короля, искусственно была приведена въ состояніе бѣшенства,

отнюдь не свойственнаго этой домашней ласковой обезьянѣ..

Воспользовавшись тѣмъ, что Монтебианко раскуривалъ новую папиросу, Моисей, желавшій хоть чѣмъ нибудь заявить о себѣ, спросилъ:

— Ну, а какъ же Англія?

— Англія? — повторилъ Монтебианко съ такой снисходительностью, какъ если бы отвѣчалъ младенцу. — Знаете ли вы... Знаете ли... Впрочемъ, вы навѣрно не знаете. Англійскій Король, сначала, чѣмъ присягнуть на вѣрность своему народу и конституціи, присягаетъ масонской ложѣ, куда онъ зачисленъ съ давнихъ поръ, еще въ бытность молодымъ принцемъ. Англійскій Король это не реальность — это фантомъ, фантомъ, получившій позволеніе представлять въ Букингемскомъ дворцѣ. Восковая фигура болѣе подходящая, однако, для Англіи, чѣмъ господинъ въ пиджачкѣ. Намъ онъ нисколько не мѣшаетъ и мы позволяемъ ему царствовать. Мы его использовали, назначивъ вице-королемъ Индіи еврея. Бывшій Айзикусъ, теперь лордъ Ридингъ — вице-король Индіи. Это же звучитъ, чортъ возьми! Вы спросите зачѣмъ надо было посадить вице-королемъ Индіи еврея? Затѣмъ, чтобы расшатать Британскій престижъ и Британское могущество въ богатѣйшихъ на свѣтѣ колоніяхъ. Восстанія туземцевъ не прекращаются на всей территоріи Индіи. Развѣ это не заслуга лорда Ридинга? Мусульманское населеніе презираетъ его какъ еврея и черезъ него научилось презирать своихъ бѣлыхъ господъ съ береговъ Альбіона. Вѣдь это же великолѣпный шахматный ходъ! Намъ нужно, чтобы не прекращалось кипѣніе, чтобы рушились авторитеты и идолы, лилась кровь и неугасала междоусобица. Въ этой безумной неразберихѣ, въ этой кузницѣ выковывается наше единство, наша власть надъ міромъ. Да, наша власть надъ міромъ! Бросивъ лозунги въ международную чернь, лозунги ея раскрѣпощенія, мы этимъ какъ разъ именно закрѣпощаемъ подъ своей пятою всѣ народы Ста-

раго и Новаго свѣта. Тамъ, гдѣ мы говоримъ и пишемъ „демократія“, „интересы демократіи“, слѣдуетъ читать „еврейство“, „интересы еврейства“. Русская интеллигенція въ этомъ отношеніи, отдавъ ей справедливость, служила намъ вѣрой и правдой. Въ лѣвыхъ и даже полулѣвыхъ русскихъ газетахъ слова „патріотизмъ“, и „націонализмъ“ считались дурнымъ тономъ и чуть ли не призывомъ къ погромамъ...

Монтебланко-Вайсбергъ сдѣлалъ паузу. У него что-то не ладилось съ папирисой. Братья Перльмутеръ, какъ зачарованные смотрѣли на него, затаивъ дыханіе и раскрывъ ротъ. Выраженіе Тирпица, его глазъ не было видно. Весь былъ окутанъ вмѣстѣ съ угломъ дивана шевелящимся полумракомъ. Нѣсколько секундъ было тихо и слышались удары капель дождя въ оконныя стекла.

17. Вотъ почему...

Монтебланко продолжалъ демонстрировать мощь еврейства.

— А великая война? Вы думаете она такъ бы кончилась, если бы мы не руководили ею? О, нѣтъ, отнюдь нѣтъ! Мы съ самага начала рѣшили: не должно быть ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ, ни тѣхъ, ни другихъ! Демократическій лозунгъ. Что, развѣ не такъ? Лозунгъ, въ концѣ концовъ провозглашенный устами самого Вильсона. Ни побѣдителей, ни побѣжденных! Этимъ убидаемъ сразу двухъ зайцевъ. Во первыхъ, въ измученныхъ, обезкровленныхъ тяжелой войной народахъ, къ тому же разочарованныхъ исходомъ кровавой бойни — это благодатная почва для революціи. Затѣмъ, во вторыхъ, побѣда кружитъ головы, наполняетъ ихъ шовинистическимъ угаромъ, пробуждаетъ сильно выраженное націоналистическое чувство. Мы евреи этого боимся, боимся больше, чѣмъ погромовъ. Это страшнѣе! Что такое погромъ? Нѣсколько сотъ, даже тысячь хулигановъ день-два творятъ звѣрства,

грабятъ, убиваютъ, мучаютъ. Въ результатѣ — неизбежныя жертвы. Ужасъ, конечно, ужасъ, но даже антисемиты, разумѣется культурные, презираютъ погромщиковъ-хулигановъ, брезгаютъ ими. Погромъ — эпизодъ, кровавое пятно, уродливая гримаса. А гримаса не бываетъ и не можетъ быть длительной. Но когда въ цѣломъ народѣ просыпается чувство національной гордости, — это уже массовый сплоченный антисемитизмъ. Да, да, мы считаемъ антисемитами не только тѣхъ, кто ненавидитъ евреевъ, но и тѣхъ, кто къ нимъ безразличенъ и въ государственномъ строительствѣ своемъ желаетъ обойтись безъ насъ.

Итакъ, — ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ. Формула — ясная, лаконическая, но осуществлять ее въ теченіи долгихъ семи лѣтъ, могла только такая гениальная организація, какъ наша. Надо было имѣть вездѣ свои глаза, свои уши, своихъ людей, надо было все знать и предвидѣть. Въ большинствѣ случаевъ надо было дѣйствовать не прямо, а косвенно, чтобы получилось впечатлѣніе, что люди это не для насъ, а для самихъ себя дѣлаютъ. Угодно вамъ конкретныхъ примѣровъ? Угодно? Извольте...

Новая папириса, новая маленькая пауза и въ облакахъ табачнаго дыма рѣзкій, каждое слово чеканящій голосъ, неустанно сопровождающійся какой-то вслѣбую, не въ темпъ и не въ смыслъ рѣчи жестикуляціей, дерганіемъ красныхъ длинныхъ рукъ.

— Вспомните операцію въ Дарданеллахъ, вызвавшую всеобщее недоумѣніе? Она обошлась англичанамъ въ нѣсколько уничтоженныхъ дредноутовъ, въ двѣсти тысячъ труповъ, въ миллиардные расходы и кончилась ничѣмъ, скандальнымъ пuffedомъ. Въ широкихъ, непосвященныхъ кругахъ считали ее нелѣпой, заранѣе обреченной на неудачу. Считали даже стратегически безграмотной. Все это чудно, если я вамъ скажу, что англійскій десантный корпусъ въ Дарданеллахъ получилъ приказъ свернуться и сѣсть на транспорты какъ разъ именно въ тотъ самый день, когда путь на Кон-

Константинополь былъ свободенъ, когда турки, выпустивъ послѣдніе снаряды, готовились сами къ послѣдному отступленію. Гдѣ же здѣсь зарыта собака? А вотъ гдѣ! Допустимъ, англичане входятъ въ Константинополь. Допустимъ по тайному договору они обязаны передать его Россіи. Что же получается? Германія раздавлена, войнѣ конецъ. Россія — величайшая держава на землѣ, значитъ были бы и побѣдители и побѣжденные и была бы реакціонная императорская Россія, безъ всякой надежды на революцію, по крайней мѣрѣ, въ ближайшихъ десятилѣтіяхъ, это уже былъ бы кошмаръ для евреевъ! Здѣсь пришлось запугать правящіе круги Англій, бить на ихъ традиціонную подозрительную политику по отношенію къ Россіи. „Какъ, вы отдадите русскимъ, этимъ восточнымъ варварамъ Константинополь? Сами же этимъ поднимете ихъ престижъ среди мусульманскаго міра?... Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого для русскихъ походъ въ Индію будетъ не болѣе, какъ военной прогулкой. Пусть лучше война протянется еще годъ, два, три, но пусть она истощитъ Россію, не дастъ ей ни Босфора, ни Дарданелль, ни Чернаго моря въ видѣ внутренняго русскаго озера“. Впечатлѣніе отъ всѣхъ этихъ запугиваній было паническое. И вотъ вамъ, вмѣсто церемоніальнаго марша на Константинополь, — стремительное, похожее на бѣгство отступленіе отъ врага, который самъ уже приготовился къ бѣгству. Дальше, при желаніи, я могъ бы васъ забросать фактами... Дальше, возьмемъ, такъ называемый Ютландскій бой, когда англійская эскадра во главѣ съ адмиралами Джелико и Битти нанесла первый ударъ германской эскадрѣ и готовилась ко второму грозившему нѣмцамъ гибелью всѣхъ кораблей. И вдругъ изъ Лондона получается радіо съ категорическимъ приказомъ англійскому флоту немедленно отойти къ своимъ берегамъ. Одно могу сказать, приказъ этотъ исходилъ не отъ высшаго англійскаго командованія. Въ Англійи еще до сихъ поръ не знаютъ, кто анонимный авторъ приказа, спас-

шаго германскій флотъ. Не знаютъ, но вынуждены молчать. Чистая работа. Что? Дальше хотите? Возьмемъ Салоникскій фронтъ, очень важный, куда болѣе важный, чѣмъ многіе думали. Дѣйствуя энергично, можно было сразу силою заставить Грецію служить интересамъ Антанты и солидно какъ слѣдуетъ поддержать Сербію. Болгарія не посмѣла бы пойти вмѣстѣ съ центральными державами и Австрія въ нѣсколько мѣсяцевъ была бы раздавлена. Опять конецъ войнѣ, опять усиленіе Россіи, опять побѣдители и побѣжденные... Къ счастью въ Салоники назначенъ былъ генераль Саррайль, массонъ прежде всего, а потомъ уже французскій генераль и французъ. И вотъ онъ цѣлыхъ два года топтался на мѣстѣ, унижилъ престижъ Франціи на ближнемъ Востокѣ, смотрѣлъ сквозь пальцы на германофильство грековъ, далъ выступить Болгаріи и далъ разгромить Сербію. Онъ дѣлалъ то, чего мы хотѣли. Это былъ свой человекъ. А когда уже чуть-ли не къ шапочному разбору его смѣстилъ генераль Франшэ д'Эсперэ, католикъ и антисемитъ, онъ въ нѣсколько мѣсяцевъ возстановилъ положеніе, скрутилъ Грецію въ бараній рогъ, разбилъ Болгарію и очистилъ всю Сербію. Успѣхъ этотъ, къ счастью для насъ, пришелъ слишкомъ поздно. Уже чрезмѣрно всѣ были истощены. Россія лежала въ прахѣ подъ пятою Ленина, Троцкаго и Зиновьева. Русскіе солдаты уже вмѣсто „Боже Царя“ пѣли „Интернаціональ“ и на лбу и груди у нихъ вмѣсто кокарды и георгіевскихъ крестовъ были пятиконечныя красныя звѣзды. Не было ни побѣдителей, ни побѣжденных... Виноватъ, побѣдители — это мы! Да, уже въ самомъ концѣ великой войны передъ самимъ „армистисомъ“ нашъ лозунгъ „ни побѣдителей, ни побѣжденных“, чуть было не сорвался и не полетѣлъ къ чорту. Деморализованная германская армія уже распѣвавшая „интернаціональ“ вмѣсто „Вахтъ амъ Райнъ“, митинговавшая съ красными флагами была на Западномъ фронтѣ лишь блѣдной тѣнью прежней своей ор-

ганизованной силы. Французская военщина во главѣ съ католикомъ Фошемъ жаждала наступить Германіи сапогомъ на глотку. Уже Фошъ отдалъ приказаніе генералу Кастельно, тоже католику, отфѣздить всю отступающую германскую армію. Что же случилось бы? Получился бы разгромъ! Французы, взявъ въ плѣнъ полтора милліона нѣмецкихъ солдатъ, вошли бы въ Берлинъ и тамъ, надавливая сапогомъ на германскую глотку, продиктовали бы свои драконовы условія мира... Вы себѣ легко воображаете, какія бы это были условія? Надо было спасти Германію. Въ это время въ Парижѣ съѣхался пресловутый совѣтъ трехъ: Клемансо, Ллойдъ-Джорджъ, Вильсонъ. Первый дряхлый „тигръ“ засыпавшій во время засѣданія, второй вполнѣ нашъ человекъ, третій — прогрессивный паралитикъ. Къ Жоржу Клемансо въ качествѣ личнаго секретаря приставленъ былъ еврей Мандль. У Вильсона былъ на такомъ же амплуа еврей Лансингъ. Моментъ въ высшей степени тревожный. Кастельно уже перегруппировалъ свой кулакъ въ шестьсотъ тысячъ штыковъ для обхода нѣмцевъ. Фошъ въ своей главной квартирѣ уже потиралъ отъ удовольствія руки, а изъ Парижа ему въ это время приказъ — отступить! Генералиссимусъ демократической арміи не посмѣлъ послушаться главы правительства. Кастельно оттянулъ свои передовыя части, уже загибавшіяся въ видѣ щипцовъ. Германская армія отошла въ порядкѣ и заняла укрѣпленныя позиціи въ тылу. Моментъ былъ упущенъ, армія выскользнула изъ мѣшка, полная побѣда была вырвана изъ рукъ Фоша. Ну, скажите, скажите, развѣ же это не гениально?

Эдуардъ и Моисей отъ избытка чувствъ не могли произнести ни звука — они только глубоко вздохнули съ блаженными пьяными лицами.

Довольный произведеннымъ эффектомъ, блестящая выпученнымъ взглядомъ подъ стеклами пенсна, Монтебланко закурилъ слѣдующую папиросу.

— Годъ назадъ Фошъ обвинялъ Клемансо на столбцахъ буржуазной французской печати чуть ли не въ предательствѣ. А старый „тигръ“ преспокойно путешествовалъ себѣ въ это самое время по Индіи. Клемансо, одинъ изъ ветерановъ масонства, въ семидесятомъ году былъ коммунистомъ. Они тогда назывались коммунарами.

Итакъ, покончивъ съ великой войной, перехожу къ малымъ войнамъ. Подъ ними я разумѣю борьбу большевиковъ съ бѣлыми погромщиками и погромщиками польскими. Я уже вамъ говорилъ, что красная армія это наша армія, а совѣтская Россія это нашъ плацдармъ, наша база для завоеванія и революціонизированія Европы. Хотя, почему только Европы? Почему? Отнюдь нѣтъ!.. Для завоеванія и революціонизированія Старого и Нового Свѣта... Вотъ почему и тылъ и фронтъ адмирала Колчака разлагали эс-эры вмѣстѣ съ чехословаками и Союзомъ Христіанской Молодежи, въ которомъ, какъ выразился самъ Колчакъ было больше еврейскаго, чѣмъ христіанскаго. Вотъ почему денкинцамъ англичане помогали старыми шинелями и отслужившими на западномъ фронтѣ танками, хотя могли оказать самую широкую всестороннюю помощь. Вотъ почему въ Архангельскѣ и на Мурманѣ, какъ только бѣлые бандиты начали побѣждать, англичане свернулись и ушли... Съли на суда, сжегши предварительно всѣ аэропланы, автомобили, оставивъ такимъ образомъ бѣлыхъ бандитовъ на произволъ судьбы безъ тыла, безъ снабженія и безъ денегъ. Вотъ почему, когда Юденичъ подходилъ къ Петрограду и его конница была чуть ли не у Нарвской заставы, англійская эскадра, обѣщавшая его поддержать, ушла прочь, не обращая вниманія на бѣлыя флаги, выкинутые Кронштадтомъ, который уже сдавался англичанамъ безъ боя. Вотъ почему пресѣклась, отдать справедливость, очень опасная для совѣтской Россіи авантюра крымскаго барона Врангеля. Ему никто не далъ ни обмундированія для босыхъ и раздѣтыхъ солдатъ, ни денегъ, ни снаряженія, ни даже колю-

чей проволоки, чтобы оплести ею Перекопъ. Признаніе же Врангеля Франціей, когда Крымъ уже агонизировалъ, было насмѣшкою со стороны почтеннѣйшаго Мильерана, при которомъ главный совѣтникъ по русскимъ дѣламъ еврей Пти, — настоящая его фамилія Клейнъ, — женатый на русской еврейкѣ Балаховской...

Вотъ почему въ 1919 году польская армія, съ успѣхомъ продвинувшаяся къ Березинѣ, маневреніемъ таинственной руки была внезапно, всякимъ стратегическимъ соображеніямъ вопреки, остановлена и стопъ, ни шагу дальше! А сдѣлай она еще нѣсколько переходовъ, — не забывайте, что Деникинъ былъ подь Орломъ, — совѣтская армія была бы расплющена между молотомъ и наковальней... Вотъ почему въ 1920 году, когда поляки, преслѣдуя большевиковъ все дальше и дальше, могли бы уничтожить всю ихъ живую силу, могли бы занять безъ выстрѣла уже эвакуированные Смоленскъ и Кіевъ, опять чей-то властный приказъ — стопъ, ни шагу дальше! Это дало передышку и на мирной конференціи въ Ригѣ Адольфъ Іоффе разговаривалъ съ польской делегаціей далеко не тѣмъ тономъ, какимъ говорятъ побѣжденные.

Вотъ почему имѣла мѣсто одесская эпопея, когда сорокатысячный экспедиціонный корпусъ французовъ, грековъ, поляковъ и деникинскихъ добровольцевъ, очистилъ городъ, имѣя противъ себя 800 оборванцевъ, подь предводительствомъ бывшаго акцизнаго чиновника Григорьева. Эвакуація Одессы нанесла большой ударъ военному и политическому престижу Франціи. И здѣсь имѣло мѣсто, какъ и во время Ютландскаго боя, загадочное радіо, будто бы кабинетъ Клемансо палъ и власть въ рукахъ лѣвыхъ социалистовъ, требующихъ прекращенія интервенціи. Въ данномъ случаѣ, я весьма доволенъ, что генераль Франше д' Эспэра, этотъ диктаторъ Ближняго Востока, получилъ хорошенькій шелчокъ по носу. За недѣлю до эвакуаціи, онъ торжественно заявилъ, что Одесса не будетъ сдана и поручилъ

генералу Шварцу, укрѣпить одесскую зону и параллельно съ этимъ формировать русскій корпусъ.

— Въ такомъ случаѣ какъ-же?... Какъ-же это могло произойти? — спросилъ изумленный Эдуардъ, воспользовавшись паузой, когда Монтебьянко закурилъ папиросу.

— Я вамъ сейчасъ объясню, мой юный другъ, какъ? Душою всего этого „дѣйствія“ былъ начальникъ штаба французскаго экспедиціоннаго корпуса полковникъ Фрейденбергъ. Хотя онъ и любилъ называть себя иногда полковникомъ Фриданберомъ, но онъ былъ чистокровный Фрейденбергъ. Фриданбергъ звучитъ красиво и не такъ уже по еврейски, какъ Фрейденбергъ... Я думаю, комментаріи излишни...

Артуръ Монтебьянко упустилъ одну подробность: бѣгство французовъ изъ Одессы обошлось совѣтскому правительству въ пять милліоновъ золотомъ, — взятка полученная Фрейденбергомъ. Сумма по тому времени очень большая, настолько большая, что ради нея полковникъ Фрейденбергъ не остановился передъ преступленіемъ, положившимъ темное пятно на Францію, которой онъ служилъ и на французскую армію, мундиръ которой онъ носилъ...

Конецъ I-й части.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

1. Соперницы.

Бейзымъ рѣшилъ написать сценарій, а потомъ уже подобрать къ нему исполнителей. Главныя женскія роли онъ поручить графинѣ Сапари и Лабенской. Опытный глазъ подсказывалъ ему, что лицомъ Лабенская выйдетъ на лентѣ гораздо эффективнѣе, чѣмъ графиня. Зато у графини свои плюсы передъ Магдалиной — гибкость фигуры, пластичность и, все это еще въ богатой рамкѣ пышныхъ мѣховъ и дорогихъ туалетовъ.

Правда, ни та, ни другая никогда еще не играли, но это ничуть не смущало Бейзыма.

Онъ говорилъ объѣмъ:

— Важно лицомъ переживать, экспрессія важна, а это дано всѣмъ вдумчивымъ, умѣющимъ чувствовать, остальное же придетъ само собою. Главное — естественность! Все такъ же просто, какъ и въ жизни. Сидѣть за столомъ, ѣсть, гулять, браниться, укачивать ребенка, цѣловаться... Но — ни на одинъ мигъ нельзя забывать, что вы находитесь передъ аппаратомъ и поэтому надобно ходить и дѣйствовать въ строго опредѣленномъ пространствѣ, не глядѣть въ аппаратъ, но все же игра лица должна быть почти всегда на виду. Это уже техническій фокусъ. Этому я васъ научу въ двѣ недѣли. А прежде чѣмъ выпустить васъ на фильмъ, мы сдѣлаемъ пробныя снимки въ двадцать-тридцать метровъ.

На пробныхъ снимкахъ онъ заставилъ своихъ героинь показаться и въ движеніи и въ мимикѣ. Бейзымъ остался доволенъ. Графиня и Лабенская дополняли другъ друга. Въ плавной, спокойной Магдалинѣ забывалась ея полнота, не замѣчалась. Такъ плѣняло томное, яркое лицо, а глаза съ мягкимъ мерцаніемъ тропической ночи, обведенные густой природной синевою, смотрѣли съ фильмы громадныя, бездонныя, притягивающіе.

На маленькомъ павильонномъ экранѣ, Лабенская съ трудомъ узнала себя. Какое-то необъяснимое, радостно-жуткое чувство охватило... И она и не она. Впечатлѣніе совсѣмъ, совсѣмъ другое, чѣмъ когда смотрѣться въ зеркало. Тамъ, въ зеркалѣ видишь свое фотографическое отраженіе даннаго момента, а здѣсь, здѣсь человекъ со стороны какъ будто наблюдаетъ за своимъ интимнымъ раздвоеніемъ... И ново, и странно, и слѣдишь за собою, подмѣчая такое, чего самъ не зналъ и не видѣлъ въ себѣ. И хочется смотрѣть еще и еще и жалѣешь что мало. Весь день Лабенская была подъ настроеніемъ мелькнувшихъ передъ нею какъ сонъ „тридцати метровъ“. Это неизвѣданное до сихъ поръ ощущеніе, по силѣ, остротѣ и новизнѣ можно только развѣ сравнить съ ощущеніемъ человека, совершившаго свой первый полетъ на аэропланѣ.

— Скажите мнѣ, скажите, пане Бейзымъ, — допытывалась она съ нетерпѣливо-мучительной тоскою, — правду, какъ передъ Богомъ правду: можетъ изъ меня что-нибудь выйти?

— Можеть! Вы будете артисткой, но, — говорю вамъ прямо, если хотите сдѣлаться, „королевой экрана“ — необходимо похудѣть... Фигура у васъ красивая, правильная, соблюдены всѣ пропорціи, только надо все лишнее пропорціонально же сбавить. Я вамъ покажу рядъ гимнастическихъ приемовъ, нѣсколько основныхъ движеній. Занимайтесь по утрамъ... Сначала пять, десять минутъ, все больше и больше — до получаса. Мѣсяца черезъ два сами себя не узнаете.

— Похудѣю?

— Не только похудѣете, а явится легкость, гибкость, ясная бодрость во всеѣмъ тѣлѣ. Вы сами не будете чувствовать себя, своего вѣса...

„Международный“ Гайлла, по приказанію Юліи Сапари доставилъ Бейзыму еще денегъ для авансовъ исполнителямъ. Лабенской Бейзымъ выдалъ миллионъ, чтобы она могла приодѣться.

Передавая внушительную пачку денегъ, вернутыхъ въ газетную бумагу, онъ сказалъ съ мягкой улыбкой, преобразившей его смуглое, мужественное лицо:

— Особенно, пани Магдалина, не разоряйтесь...

По сценарію — вы небогатая, скромная женщина... Пара простыхъ домашнихъ туалетовъ и зимнее пальто.

Вотъ счастье! Наконецъ-то она растанется съ этимъ ненавистнымъ синимъ драпомъ съ обезьянимъ воротникомъ. Господи, неужели конецъ этой тусклой и нудной нищеты!

— Онъ не только васъ вернулъ къ жизни, онъ то же самое дѣлаетъ и со мною, — признавалась она Гагарину. — Богъ мой, неужели у меня еще будетъ завтрашній день съ новыми радостями, надеждами?... Какое-то будущее съ живой, интересной, захватывающей работой? Вѣрить не хочется — такъ страшно! Тѣмъ болѣе послѣ всего пережитаго я сама себя убѣдила, что я уже человекъ отпѣтый, конченный.

— Грѣхъ, Магдалина Брониславовна! Грѣхъ! Въ ваши двадцать пять лѣтъ и съ вашими данными, живо хоронить себя — немножко рано!

— Въ обыкновенное время двадцать пять лѣтъ — утро жизни, а въ эти кровавые, сумасшедшіе годы столько переболѣло, столько передумано, выстрадано, столько дорогихъ, безумно дорогихъ могилъ, позади осталось... Порою такое жгучее отвращеніе къ жизни являлось... Зачѣмъ, думаю, вся эта канитель? Зачѣмъ? Грошевое жалованье, эта щель въ трущобной гостинницѣ, чай съ хлѣбомъ,

картошка во всеѣхъ видахъ, какъ самый дешевый продуктъ... Милый князь, вы меня знаете по Петербургу. Помните какая у меня была фигура, а теперь?...

— И теперь, Магдалина Брониславовна, сѣтовать не приходится. Вы слегка напоминаете рубенсовскую женщину, только у Рубенса все блондинки, а вы...

— Благодарю васъ! Рубенсовская нимфа, пухнувшая отъ едва ли не исключительнаго питанія картошкой... Сколько поэзіи, не правда ли?

— Захотѣли вы поэзіи въ наше подлое время! Теперь человекъ больше, чѣмъ когда-бы то ни было, сталъ двуногимъ животнымъ. Сытъ, одѣтъ, вымытъ, бѣлье чистое на тебѣ, и вотъ, если уже самъ себѣ не противенъ, своего тѣла не презираешь, — Господу Богу великое благодареніе и за это! Я, на примѣръ, ушелъ сейчасъ въ такую растительную жизнь, благодарю Бейзыма, судьбу, хожу въ банкъ „корреспондирую“, зарабатываю свои сто двадцать тысячъ марокъ въ мѣсяцъ и — наверху блаженства! Потому что полгода назадъ у меня живого мѣста не было на рукахъ отъ мозолей, на этихъ самыхъ рукахъ, которыя знали только поводъ, перчатки, да клавиши рояля. Отъ Шопеновскихъ вальсовъ и Бетховенскихъ сонатъ — на лѣсопильный заводъ не угодно ли?... Землянка, грязь, насѣкомья, одичаніе и физическое, невыносимо гадливое презрѣніе къ самому себѣ... Но все хорошо, что хорошо кончается. Банальная до чертиковъ философія, но смыслъ въ ней есть. Вотъ и на вашихъ небесахъ загорѣлся лучъ солнца. Бейзымъ васъ выведетъ на дорогу, свѣтлую, артистическую, полную радостей... Ваше случайное знакомство съ нимъ будетъ для васъ фатальнымъ... Увидите...

— Фатальнымъ? — переспросила Лабенская, вкладывая въ это слово другой, понятный ей и не замѣченный Гагаринымъ смыслъ. И она повторила это слово еще разъ, уже про себя.

И хотя Гагаринъ на нее въ этотъ моментъ не глядѣлъ, она какъ-то по дѣвичьи устыдилась своихъ мыслей, пронизавшихъ все тѣло сладостной истомою, уже давно, давно не испытанной и покрывшей и безъ того яркое лицо ея густой, горячей краскою.

Нѣсколько дней назадъ въ павильонѣ, когда смотрѣли пробные снимки, Лабенская познакоми-лась съ графиней. Бейзымъ представилъ ихъ другъ другу.

— Соперницы по нашему будущему сценарію, — пояснилъ онъ съ улыбкой.

— Только по сценарію? — подчеркнула съ какой-то рѣжущей ухо безтактностью графиня, лорнируя Лабенскую съ головы до ногъ и намекая вопросомъ своимъ, что имѣя на Бейзыма какія-то права, она уже ревнуетъ.

Лабенская, скорѣй застѣнчивая, чѣмъ смѣлая, легко смущающаяся выдержала однако это лорнирование и сама высоко смѣрила графиню, скользнувъ прекрасными очами своими отъ парчеваго тюрбана, вдоль котиковаго манта до острыхъ лакированныхъ туфелекъ. Это былъ мимолетный нѣмой, чисто женскій поединокъ. Поединокъ и смотрѣ, подсчетъ силъ.

Графиня, бывалая и далеко не глупая, не придала особеннаго значенія болѣе чѣмъ скромному туалету Лабенской. Женщина съ такой внѣшностью — сегодня въ потертомъ драпѣ съ дешевой обезьяною вокругъ шеи, а завтра, завтра — дѣло удачи, слѣплого случая, — и мѣха, и бриллианты, и наряды!

Юлія не замѣтила, чтобы майоръ ухаживалъ за этой экзотической брюнеткой. Но замѣтила то, что подчасъ бываетъ опаснѣе ухаживанія — хорошее, теплое, бережное отношеніе майора къ Лабенской. И опять таки женскимъ чутьемъ своимъ угадала графиня, что у брюнетки сердце пожалуй бьется шибче и сильнѣе, чѣмъ если бы это было только отвѣтнымъ чувствомъ хорошей, нѣжной

признательности. Захотѣлось сдѣлать больно Лабенской. И она сдѣлала:

— Дорогой майоръ, вашу руку и пойдѣмъ посмотримъ, какія у нихъ имѣются декорации...

Исполнскому Бейзыму пришлось согнуться. Графиня овладѣла его рукой, повисла на ней, прижавшись и они удалились вглубь павильона. Лабенская почувствовала себя одинокой, обиженной, забытой. И хотя сама себя увѣряла, что между ней и Бейзымомъ ничего нѣтъ, кромѣ братской дружбы, однако ощутила что-то рѣжущее у густыхъ и длинныхъ рѣсницъ и только усилиемъ воли удержала готовыя брызнуть слезы...

Бейзымъ принялся за сценарій. Въ головѣ былъ уже весь сюжетъ, полный „авантюръ“ и заманчивый весь съ первой и до послѣдней картины. Оставалось перенести его на бумагу, оставалось именно то, чего Бейзымъ терпѣть не могъ. Набросать даже коротенькую записку было для него истымъ мученіемъ. А сценарій займетъ страницъ двадцать съ лишнимъ. Въ годъ не написать!

Бейзымъ легко нашелъ выходъ. По вечерамъ Лабенская свободна. Она будетъ приходить къ нему, а онъ ей въ два-три вечера продиктуетъ. И съ плечъ долой ненавистная прикованность къ столу съ перомъ въ рукѣ, рукѣ привычной къ боксу, укрощенію дикихъ лошадей, фехтованію, рубкѣ, гимнастическимъ упражненіямъ, и многому въ такомъ же духѣ, но только не къ скучному нанизыванію буквъ. Во-вторыхъ, удобный вполнѣ корректный поводъ заплатить молодой женщинѣ тысячу пятьдесятъ за работу, а въ третьихъ ея присутствіе будетъ дѣйствовать на него успокаивающе. Въ самомъ дѣлѣ, въ обществѣ Лабенской онъ испытывалъ удивительно мягкой и нѣжный приливъ чего-то яснаго, умиротворяющаго.

А вотъ графиня, — та волновала его. Въ мочемъ тѣлѣ Бейзыма просыпался звѣрь. Да и не только въ тѣлѣ, а и въ душѣ. Онъ загорался такой бунтующей жаждою обладанія, — изнутри под-

нималось что-то похожее на ненависть къ этой женщинѣ. Да, моментами она сама читала въ его тяжеломъ, сумрачномъ взглядѣ лѣснаго фавна выраженіе гораздо болѣе близкое къ ненависти, чѣмъ къ какому-нибудь другому чувству. Въ такіе моменты Юлія Сапари, опытная, знавшая и жизнь, и мужичинъ, испытывала наединѣ съ Бейзымомъ животный страхъ слабой и хрупкой самки передъ дикимъ, исполинскимъ самцомъ. И она пускала въ ходъ всѣ свои чары, туманящія голову и зажигающія кровь.

Глаза, широко раскрытые, немигающіе то смотрѣли съ молящимъ, нѣмымъ призывомъ въ самую душу, то смыкались, словно побѣжденные... Трепетали ноздри точенаго, чуть вздернутаго носика, а тѣло, изгибамъ, линіямъ и формамъ, котораго Юлія знала цѣну, змѣнилось лѣною, отдавалось на разстояніи...

Но эти пріемы не укрощали звѣря, дѣлая его болѣе ручнымъ покорнымъ, а наоборотъ, создавали, жуткое настроеніе. Лицо Бейзыма, смугловато-темное, какъ-то страшно багровѣло и глаза становились уже нечеловѣческими глазами. Такіе глаза бывали у него, когда онъ рубилъ нѣмцевъ подъ Станиславовымъ, буденовцевъ подъ Замостьемъ, а въ Радзиминѣ смотрѣлъ съ коня, подбоченясь, какъ на базарной площади, только что взятые въ плѣнъ красные башкиры, по его приказанію вѣшали важнаго комиссара Динстля, съ которымъ у Бейзыма были давніе счеты.

Въ такіе моменты Юлія сама начинала бояться затѣянной игры. И вся эта комедія сдерживаемой страсти исчезала, пропадала и все существо пониживалъ уже совсѣмъ другой трепетъ, полный самаго искренняго страха. Она не боялась, что Бейзымъ можетъ взять ее, взять силою, — менѣе всего говорила въ ней могущая подвергнуться грубому нападенію добродѣтель, — она боялась, физически боялась, что Бейзымъ изломаетъ ее, уничтожитъ, испепелитъ и отъ нея ничего не останется...

Не давъ ей притти въ себя, онъ рѣзко уходилъ, и перебѣжавъ черезъ улицу, наполняя ванну студеной водою и, сбрасывая на полъ костюмъ и бѣлье, погружался въ ледяной холодъ, подставляя голову подъ обильно бѣгущую изъ крана струю...

2. Самый интересный моментъ.

Лабенская пріодѣлась на полученный авансъ. Это была уже совсѣмъ другая женщина, чѣмъ стыдившаяся своего драповаго пальто и своей „бронзовой“ шляпки Магдалина. Черное, модное манто съ пушистымъ воротникомъ, широкая черная шляпа. А когда сняла пальто, оказалось подъ нимъ темное, гладкое, отлично сшитое платьѣ, скрадывающее полноту.

Бейзымъ отмѣтилъ, что Лабенская сразу какъ-то вдругъ похорошѣла, а главное сама повѣрила, что она интересная. Какъ рукой сняло угнетающее чувство сознанія убожества одежды, всѣми замѣчаемаго, всѣми критикуемаго. Явился нѣкоторый апломбъ, явилась вѣра въ себя. Хотѣлось нравиться и всѣмъ вообще, потому что женщина, какъ солнце хочетъ согрѣвать весь міръ своею красотою и, въ особенности, этому геркулесу, встрѣтившему ее восклицаніемъ:

— Ай, ай, пани Магдалина, какая вы!

— Какая же? — спросила она съ чѣмъ-то вродѣ вызова. Да, вызова! Нѣсколько дней назадъ она не сказала бы этихъ словъ такимъ тономъ. Не было бы такого блеска въ глазахъ и не было-бы такой улыбки. А теперь, теперь, когда ее не угнетаютъ копеечные расчеты, когда свѣжее тѣло, вымыто въ купленной гуттаперчевой ваннѣ, надушено и въ тонкомъ бѣльѣ, въ шелковыхъ чулкахъ и модныхъ востроносыхъ туфляхъ, теперь въ ней проснулась дремавшая подъ спудомъ и гнетомъ пережитаго и будничныхъ заботъ, двадцатипятилѣтняя женщина, больше четырехъ лѣтъ не знавшая ни поцѣлуя, ни объятія, ни ласки.

— Какая же? — повторила она.

— Знаете, я думалъ, вамъ трудно похорошѣть, а вотъ подите-жъ, сейчасъ вы атакъ процентовъ... процентовъ на пятьдесятъ краше...

— А не всѣ ли восемьдесятъ?

— Ненасытная!...

— Нѣтъ, вполне серьезно! Умѣние и возможность держать себя въ холѣ и одѣваться какъ слѣдуетъ, это скрашиваетъ женщину на цѣлыхъ восемьдесятъ процентовъ. И мнѣ особенно лестно и радостно отмѣтить, что я всецѣло обязана...

— Ради Бога, не надо! И вы, пани Магдалина, и Гагаринъ удивительно экспансивныя существа! Я его журилъ, а теперь — васъ! Условимся разъ навсегда — никакихъ благодарностей! Это меня конфузить, я чувствую себя дуракъ-дуракомъ...

— Больше не буду, какъ говорятъ дѣти... Что-жъ давайте работать. Я начну писать съ двойнымъ... ощущеніемъ, во-первыхъ, съ удовольствіемъ, что буду заносить ваши мысли...

— Мысли? Полно-те! Шаблонная фантазія для толпы, для улицы. Ну, а ваше второе ощущеніе?

— Второе — чисто бабское любопытство. Вѣдь я же буду тамъ фигурировать. Я! Хотите, напередъ угадаю мою роль тихой, скромной, забитой овечки. Пришибленность судьбою, гладко зачесанные волосы, любовь безъ взаимности...

— Вѣрно! Bravo, bravo! Какъ вы угадали?

— Потому что у васъ двѣ героини: я и эта мадамъ Сапари съ ея великолѣпіемъ, лорнетомъ и всѣми атрибутами „тигрицы“. А разъ она будетъ тигрицей — я должна быть овечкой. Таковъ кинематографическій шаблонъ...

— Пантерой, — внесъ поправку Бейзымъ. — Она хочетъ быть пантерой.

— Пантера, тигрица, не все ли равно? Обѣ — хищницы. Ну, пане Бейзымъ, довольно же болтать!

— Я къ вашимъ услугамъ. На столѣ бумага, перо, чернила. А я устроюсь на диванѣ съ сигарой,

Лабенская дѣловито подѣсла къ письменному столу и приготовилась, обмакнувъ перо. Бейзымъ погасилъ люстру. Только небольшая, подъ зеленымъ матерчатымъ абажуромъ горѣла настольная лампочка, освѣщая бѣлый листъ бумаги и склонившую надъ нимъ головку съ тяжелой, плотной каскою волосъ, тщательно причесанныхъ у парикмахера.

Бейзымъ, сидя на диванѣ и вспыхивая уголькомъ сигары, собирался съ мыслями. Между затылкомъ Магдалины и темнымъ воротникомъ платья бѣлѣла полоска шеи и это развлекало его. И только сейчасъ онъ замѣтилъ, что шея у Лабенской въ мѣру полная, сильная, почти могучая, но не только не въ ущербъ женственности, а наоборотъ, отгнѣяетъ, подчеркиваетъ здоровую страстность молодого, такъ мало жившаго существа. Такую шею, переходящую въ породистый вельможный подбородокъ, встрѣчаешь на барельефныхъ профиляхъ римскихъ матронъ. Правда, нельзя этого сказать относительно всего профиля Лабенской, но это и къ лучшему. Въ профиляхъ матронъ всегда слишкомъ много чего-то рѣзкаго, почти мужественнаго, а у нея — эти нѣжные усики надъ верхней губою, эта природная синева подъ глазами, густая, на все лицо бросающая отсвѣтъ нѣжной томности...

Лабенская сидѣла не шелохнувшись, опустивъ вѣки, глядя на бумагу и только перо чуть-чуть вздрагивало на ея пальцахъ. Она угадывала, что сегодня, сейчасъ Бейзымъ впервые смотритъ на нее не какъ на друга, а какъ на женщину и не только смотритъ, а и любитъ. Гордость залила краскою ставшее горячимъ лицо и гдѣ-то въ далекомъ потаенномъ уголкѣ души было такъ сладостно, жутко и стыдно...

Боясь выдать себя, полуотвернувшись, чтобы онъ не видѣлъ, какъ она пылаетъ вся Лабенская напомнила о своей роли секретаря-переписчицы.

— Пане Бейзымъ, я давно готова... Или на васъ не снизошло еще вдохновеніе?...

Не слышала... Думала: а вот съ нею, съ нею совсѣмъ по другому... Сидѣть вмѣстѣ, прижавшись... Украдкою, тихо-тихо распустить волосы и сквозь душистыя, черныя пряди будутъ смотрѣть на тебя эти удивительные глаза... И медленно опуститься на колѣни и поднести къ губамъ край платья...

— Панѣ Бейзымъ, я давно готова, — повторила Магдалина съ новой уже ноткою, капризно-повелительной, которая пять минутъ назадъ не могла звучать, а теперь звучала по праву, неуловимому праву женщины, познавшей свою власть надъ мужчиной.

— Ахъ, извините Бога ради, пани Магдалина! — встрепенулся Бейзымъ. — Я намѣчалъ обстановку для первой картины...

У Лабенской чуть-чуть дрогнули опущенныя нѣжныя усиками углы губъ.

— Что же намѣтили?

— Намѣтилъ, — еще разъ встрепенулся Бейзымъ, словно отгоняя отъ себя и эту манящую шею и мечты о распущенныхъ волнахъ душистыхъ прядей и о молитвенномъ поцѣлуѣ края одежды...

Онъ умѣлъ владѣть собою... Началъ диктовать, бросая въ воздухъ короткія, твердыя фразы, подхватываемыя переписчицей. Строка за строкою покрывалась бумага изящнымъ, удлиненнымъ, словно готика заостреннымъ почеркомъ. Бейзымъ лѣпилъ, именно лѣпилъ, какъ скульпторъ, сцену за сценой и вставляли образы, живые люди, то въ роскошныхъ салонахъ, то въ трушобномъ кабачкѣ, то въ хаткѣ лѣсника, то на вольной природѣ.

И не замѣтили, какъ первая часть, — вся драма въ шести, — была готова.

— Ну, вотъ, цѣлый часъ работали! Бѣдная, пани Магдалина, замучилъ я васъ!...

— Нисколько! Мой „Ллойдъ“ вымуштровалъ меня писать скоро и много.

— Какъ вы находите начало?

— Интересно, живо, захватывающе! Хочется знать, что будетъ дальше. Съ нетерпѣніемъ жду появленія „овечки“.

— Овечки? — усмѣхнулся Бейзымъ, — Овечка появляется въ началѣ второго акта. Но вы не думайте, что она будетъ все время овечкой... Это было бы противно и скучно. Въ ней проснется...

— Пантера, тигрица?

— Нѣтъ, женщина! Любящая женщина. Проснется наконецъ темпераментъ, а женщина съ темпераментомъ, даже самая кроткая, милая, тихая...

Затрещалъ телефонъ.

— Алло! — слушалъ Бейзымъ, вѣрный своей американской привычкѣ говорить „алло“ вмѣсто польскаго „проше“.

Лабенская не сомнѣвалась, — звонить графиня Сапари. Вся какъ-то подобралась, выпрямилась и на лицо набѣжали тѣни.

Бейзымъ слушалъ, кивая головой и скашивая одинъ глазъ на свою переписчицу. Лабенской доносился неясный потокъ словъ, напоминающій птицу, бьющуюся въ закрытомъ ящикѣ.

— Что я дѣлаю? Пишу сценарій. Когда? Дня черезъ три будетъ готовъ... Четыре — самое позднее. Что? Самому о себѣ неудобно говорить. Первый актъ хвалятъ. Кто хвалитъ?... Мой секретарь... Мужчина или женщина? — смотрѣлъ Бейзымъ на Магдалину съ улыбкой, относящейся не къ ней, а къ той, съ кѣмъ онъ говорилъ. — Угадайте! Ахъ, вотъ какъ, мы сердимся... Алло!! Алло!!...

Птица перестала биться въ ящикѣ. Телефонъ умолкъ. Бейзымъ повѣсилъ трубку, стараясь подъ безпечной улыбкой скрыть досаду.

— Это звонила наша директрисса, графиня Сапари.

— Почему — наша? Скажите — ваша!

— Нѣтъ, наша! Вы тоже вошли въ труппу. А она финансируетъ дѣло... Значитъ — наша.

— Пусть будетъ такъ. Она васъ контролируетъ... „наша“ директрисса?

— Контролируетъ? Богъ съ вами! — искусственно засмѣялся Бейзымъ.

— Впрочемъ, это ваше дѣло, — холодно замѣтила Магдалина. „Наша“ директрисса перебила насъ... Вы сказали, что женщина съ темпераментомъ, даже самая кроткая, милая, тихая...

— Полюбивъ, становится хищницей и на ея пальчикахъ вырастаютъ коготки. Эти коготки умѣютъ бороться и отвоевывать свое счастье.

А, вѣдь, онъ правъ, — подумала Магдалина, спросивъ: — сегодня писать больше не будемъ? Я могу уйти?

— Не будемъ! Что же касается вашего ухода, я рѣшительно протестую! Сдѣлайте мнѣ удовольствіе, поужинаемъ вмѣстѣ, какъ въ тотъ разъ, когда вы пришли ко мнѣ впервые. Помните?...

Ей мучительно хотѣлось остаться, но что-то взяло верхъ. Зачѣмъ ворвался этотъ непрошенный телефонъ? Зачѣмъ у Бейзыма сдѣлалось чужое, полувиноватое лицо, когда онъ говорилъ съ этой особой? И Магдалина рѣшительно поднялась.

— Къ сожалѣнію, должна отказаться. Дома тьма слѣпшой работы, — упрямо лгала она, бичуя сама себя, казнясь и чувствуя, какъ будетъ томиться весь вечеръ и какимъ онъ будетъ казаться одинокимъ, холоднымъ, безконечнымъ.

— Жаль, очень жаль, пани Магдалина! Сознаться, васъ укусила какая-то муха?

Она молчала, замкнутая, гордая.

Сдвинувъ плечами, — ничего не подѣлаешь молъ, — онъ держалъ наготовѣ ея пальто.

— До завтра, въ эту же самую пору?

— До завтра, въ эту же самую пору!

Черезъ три дня сценарій былъ готовъ и Бейзымъ, предупредивъ директриссу по телефону, понесъ ей рукопись.

Оранжевая температура, — такъ было жарко натоплено и такъ пылалъ горящій каминъ. Да и сама графиня въ голубомъ японскомъ кимоно-паутинкѣ съ обнаженными руками напоминала ядовитый оранжевый цвѣтокъ.

Когда Бейзымъ вошелъ, она заперла дверь на ключъ.

— Чтобы намъ никто не мѣшалъ читать!

На кругломъ преддиванномъ столѣ высокая ваза съ фруктами, коньякъ, ликеры, конфеты.

— Чѣмъ вы душитесь? — спросилъ Бейзымъ, ощущая что-то похожее на головокруженіе, до того приятнымъ и крѣпкимъ благоуханіемъ было пропитано и все существо Юліи, и сухой, нагрѣтый воздухъ ея „аппартаментовъ“.

— Чѣмъ? Это моя собственная смѣсь, которую я держу въ секретѣ. Больше я вамъ ничего не скажу. Сценарій съ вами?

— Вотъ онъ.

— Трюкъ съ медвѣдемъ вошелъ?

— Конечно! Это главный гвоздь! Да, маленькая техническая подробность... Сцену охоты будемъ снимать самой послѣдней. Хотя я утѣренъ въ себѣ, но — мало ли что можетъ случиться... Звѣрь можетъ поцарапать меня, подмять...

— Какой у васъ противный языкъ!

— Лучше это, чѣмъ не доглядѣть... Въ Америкѣ мы самыя рискованныя вещи оставляли всегда на послѣдокъ.

— Вамъ виднѣе. А скажите, по сценарію я наблюдаю ваше единоборство съ медвѣдемъ?

Бейзымъ молча кивнулъ.

— Брр... Это должно быть страшно. Хотя, хотя я люблю сильныя ощущенія... Недаромъ же я пантера.

— Вамъ очень нравится быть пантерой. Пантера со шрамомъ на лицѣ. Это, во всякомъ случаѣ, стильно.

— Благодарю васъ за такую стильность! Московская чрезвычайка, кровожадный слѣдователь изъ латышей, выпытыванія, угрозы, и, въ концѣ концовъ, выстрѣлъ въ упоръ. Я когда-нибудь вамъ расскажу исторію этой... стилизации. А теперь давайте пить.

— Я думалъ, — давайте читать сценарій?!

— Оставьте рукопись, сама прочту. Вашу рюмку. Я хочу быть сегодня пьяной, сумасшедшей, дѣлать глупости. Слышите, Бейзымъ, глупости!..

— Что вы называете глупостями? — спросилъ онъ тяжело дыша и не отрывая сумрачнаго взгляда отъ ея обнаженныхъ рукъ, сверкавшихъ до самаго плеча изъ широкихъ, короткихъ, напоминающихъ какіе-то странные лепестки рукавовъ голубого кимоно.

— Не будьте такимъ любопытнымъ и не забѣгайте впередъ! Пейте-же!..

Не пригубивая, онъ сразу влилъ въ себя маслянистое, зеленое какъ жидкій рубинъ, густое содержимое рюмки. Юлія послѣдовала его примѣру. Ея губы — липкія, влажныя стали. Она смотрѣла на Бейзыма широкимъ, остановившимся взглядомъ. Но сейчасъ это не была игра.

— Скажите мнѣ, какой у васъ тамъ самый интересный моментъ со мною?

— Интересный? для кого: для васъ, для меня, или для насъ обоихъ?

— Для насъ обоихъ.

— Это — когда я васъ подхватываю на руки и бѣгу.

— Хватаете на руки и... Что вы такъ смотрите, — задрожала она, ничуть не притворяясь. Не смотрите такъ! Да не смотрите же!!.. Мнѣ страшно!..

Въ самомъ дѣлѣ, взглядъ его былъ невыносимъ. Одинъ порывъ буйной чувственности не сдѣлалъ бы его такимъ страшнымъ. Бейзымъ глядя на полунагую графиню, вспомнилъ, что такого же голубого цвѣта кимоно было и на Геллеръ въ то памятное утро, когда Бейзымъ хлыстомъ превратилъ въ лохмотья тончайшій японскій шелкъ. И такова сила зрительнаго впечатлѣнія, что въ Бейзымѣ сейчасъ было больше ненависти, чѣмъ желанія. Но когда онъ увидѣлъ, какъ графиня, медленно отступая, ищетъ спасенія, желаніе проснулось въ немъ съ новой силой и онъ ринулся на нее,

точно фавнъ исполинскій на мелькнувшую межъ деревьевъ нимфу.

Она хотѣла крикнуть, — замеръ на губахъ звукъ, какъ замираетъ во снѣ. Бейзыму хотѣлось ея полной наготы, хотѣлось унижить ее, отомстить за двѣ недѣли опасной, бьющей по нервамъ игры..

И онъ рванулъ кимоно и засверкала вездѣ сплошь нагота... И когда онъ подвѣлъ графиню, до синяковъ сжимая пальцами ея тѣло, бѣлыя стройныя ноги ея забились какъ-то безстыдно и въ то же время безпомощно и жалко...

3. Козелъ въ круглыхъ очкахъ.

Чужой человекъ, безъ рекомендацій, съ трудомъ могъ попасть къ господину Вайсбергу-Монтебланко. На худшій конецъ передъ его носомъ захлопывалась дверь, на лучшій — онъ попадалъ либо къ Эдуарду, либо къ Моисею. Братья, гордо именуя себя личными секретарями Артура Монтебланко, брали просителя въ обработку: кто, зачѣмъ, по какому дѣлу? Только немногіе счастливыцы, основательно профильтрованные, включительно до легкаго освидѣтельствованія кармановъ — нѣтъ ли оружія — удастанвались аудіенціи у еврейскаго министра изъ Палестины.

Передъ Гиацинтомъ Валентиновичемъ Ховно разъ пять захлопывалась дверь. Помытая шляпченка и рыжее, вылинявшее пальто не внушали ни уваженія, ни довѣрія. На шестой разъ, случайно Эдуардъ самъ открывшій дверь впустилъ въ переднюю Гиацинта Валентиновича. Впустилъ и поднесъ къ своему крупному „восточному“ носу надушенный батистъ. Въ передней запахло вдругъ какимъ-то кислымъ козломъ. Гиацинтъ, носившій съ собою козлиный духъ и самъ былъ похожъ на козла, которому шалуны-школьники надѣли большія круглыя очки. Низкій, широкій, крѣпкій лобъ переходившій въ сухую шерсть мелкими завитками.

Станнымъ казалось отсутствіе роговъ надъ этой шерстью.

Эдуардъ угадалъ въ Гіацинтѣ еврея. Угадалъ и по оттопыреннымъ концамъ острыхъ ушей, и по глазамъ, и по вьющейся густой шерсти на твердомъ черепѣ.

— Что вамъ угодно?

— Я хотѣлъ бы видѣть господина министра.

— По какому дѣлу? Скажите мнѣ, я передамъ господину министру.

— Виноватъ, съ кѣмъ имѣю удовольствіе?...

— Личный секретарь господина министра.

— А, очень пріятно, очень пріятно, — заулыбался Гіацинтъ Валентиновичъ Ховно, обнажая вросшіе другъ въ друга зубы.

— Я, такъ сказать, относительно газеты. Начинается предвыборная кампанія, и не мѣшало бы на это время создать русскую газету, отстаивающую права меньшинствъ. Вамъ, какъ личному секретарю господина министра, я могу сказать. Уже есть савинковская „Свобода“, но „Свобода“ — это русская газета, а наша должна быть еврейской газетой на русскомъ языкѣ. Мы будемъ...

— Хорошо, — перебилъ Эдуардъ, — я доложу господину министру.

— Благодарю васъ! Когда разрѣшите узнать отвѣтъ, — заулыбался Ховно и глазами подъ стеклами очковъ и плотной стѣною зубовъ.

— Зайдите, скажемъ, завтра, приблизительно въ это же время. А вы кто по вашему социальному положенію?

— Мое социальное положеніе? Я, знаете, кандидатъ правъ Харьковскаго университета, помощникъ присяжнаго повѣреннаго и немножко занимался журналистикой. Это послѣднее...

— Хорошо! Завтра!

На завтра благоухающій Гіацинтъ былъ тутъ какъ тутъ. Минуть сорокъ ожиданія въ гостинной, подавлявшей его своимъ холоднымъ великолѣпіемъ и Эдуардъ, одѣтый въ шикарную визитку, ввелъ

его въ кабинетъ господина министра. Молодой Кущеръ-Перльмутеръ продѣлалъ это не какъ секретарь, а какъ адъютантъ. Пропустивъ впередъ Гіацинта Ховно, Эдуардъ отчетливо стукнулъ каблукми и всей своею фигурой изобразилъ „самоваръ“ согнувъ руки въ локтяхъ и упершись кулаками въ бедра, по всѣмъ правиламъ австрійской муштры, перешедшей отчасти и въ польскія войска.

Сдѣлавъ полуоборотъ и пожалѣвъ, что на немъ вмѣсто мундира визитка, Эдуардъ вышелъ изъ кабинета. Палестинскій министръ и Ховно остались вдвоемъ.

Гіацинту везло. На его счастье, человекъ, передъ которымъ стоялъ онъ, охваченный священнымъ трепетомъ, до дрожи въ колѣнкахъ включительно, былъ отчаянно, анекдотически близорукъ. Какъ ни паялил Артуръ Монтебiанко свои, готовые выкатиться изъ орбитъ глаза, какъ ни поправлялъ пенснэ, онъ видѣлъ лишь смутныя очертанія и не видѣлъ дня четыре не бритой физиономіи въ колючей щетинѣ, не видѣлъ табачнаго цвѣта пиджачка, измятаго изжеваннаго, какъ будто его только что вытащили изъ глотки злющаго-презлющаго пса. Грязный, пропотѣвшій воротничекъ, нелѣпый галстухъ въ нелѣпныхъ крапинкахъ, вязанный жилетъ, а надъ выбивавшими дробь колѣнями пузырились обтрепанные, въ полоску штаны.

Если глаза у Артура Монтебiанко весьма и весьма сильно подгуляли, зато обоняніе было нормальное. Поведя своимъ крохотнымъ носомъ, онъ подумалъ — не бѣгала ли ночью здѣсь въ кабинетѣ, пока онъ по сосѣдству спалъ, кошка?...

Гіацинтъ дѣйствительно былъ помощникъ присяжнаго повѣреннаго и кандидатомъ правъ, но всѣмъ обликомъ своимъ больше походилъ на мишуриса заѣздныхъ „номеровъ“ гдѣ-нибудь въ Бѣлостокѣ, или въ Дубно. Монтебiанко этого не замѣтилъ. Вообще, господинъ Ховно, какъ таковой, не интересовалъ большого человека. Интересовало предложеніе, съ какимъ явился къ нему Гіацинтъ.

— Присядьте! Мой секретарь доложилъ мнѣ. Идею предвыборной газеты на русскомъ языкѣ, которая обслуживала бы интересы еврейства я безусловно одобряю. У васъ есть какой-нибудь опытъ редактора и журналиста?

Козель въ очкахъ выдавилъ на своемъ давно небритомъ лицѣ заискивающе-плѣнительную улыбку, убѣжденный, что Монтебланко видитъ ее.

— Опытъ? Да, конечно! Въ Харьковѣ я редактировалъ журналъ „Юристъ для всѣхъ“ и кромѣ того былъ постояннымъ сотрудникомъ „Елисаветградскаго социалиста“. Я могу показать вырѣзки, у меня все наклеено...

— Нѣтъ, зачѣмъ же, я вѣрю и такъ! Да это и не важно. Вы будете вторымъ редакторомъ. Вести газету, негласно конечно, я поручу товарищу Вишневному изъ совѣтской мисси. Довольно опытный журналистъ. Высшій контроль будетъ принадлежать мнѣ и я самъ буду, время отъ времени, писать передовицы.

— О! — заулыбался Гиацинтъ.

— Сколько вамъ надо денегъ для начала?

— Для начала... я вамъ сейчасъ скажу, господинъ министръ... Милліоновъ... милліоновъ, — голосъ Гиацинта дрожалъ. Онъ боялся продешевить. Я думаю милліоновъ... пятнадцать, — выговорилъ онъ наконецъ, вспотѣвъ отъ напряженія.

— Вы ихъ получите. Я вамъ дамъ чекъ.

Ощувивъ подъ ногами почву, Гиацинтъ сразу обнаглѣлъ.

— Господинъ министръ, мы забьемъ эту савинковскую „Свободу“. Что такое „Свобода“? Я приглашу цѣлый рядъ именъ. У насъ будутъ имена!

— Кого же вы думаете пригласить?

— Напримѣръ... напримѣръ Чирикова.

— Отнюдь, нѣтъ! Погромщикъ. Кого еще?

— Куприна, — уже менѣе смѣло произнесъ Гиацинтъ.

— Отнюдь, нѣтъ! Погромщикъ. Кого еще?

— Бу... Бунина?... — уже совѣмъ растерянно пролепеталъ Ховно.

— Погромщикъ! Васъ это удивляетъ? Я сейчасъ вамъ объясню. Не тотъ только погромщикъ, кто дѣйствительно погромщикъ... Физически, такъ сказать. Отнюдь, нѣтъ! А и тотъ, кто не съ нами. Важно не то, что Бунинъ, Чириковъ и Купринъ пишутъ, или не пишутъ о евреяхъ, а важно то, что они думаютъ и чего не договариваютъ. Вы меня понимаете?

— Начинаю понимать. Это, дѣйствительно, очень, очень... замѣчательно.

— Слушайте же дальше. Это вамъ пригодится какъ дебутирующему редактору. Ко всему, рѣшительно ко всему, начиная съ серьезныхъ руководящихъ передовицъ и кончая маленькой хроникерской замѣткой надо подходить съ точки зрѣнія нашихъ еврейскихъ интересовъ. Вы слѣдите за большой газетой „Новѣйшія Извѣстія“?

— Каждый день читаю! Жду съ нетерпѣніемъ когда приходитъ въ Варшаву!

— Ну, вотъ. Редактируетъ ее Павелъ Скиссъ, старый газетный работникъ, а я ее субсидирую. Поставлено дѣло въ „Новѣйшихъ Извѣстіяхъ“ такъ: собирается гдѣ-нибудь очередная конференція. Вся наша информация сводится къ тому, поскольку эта конференція выгодна, или невыгодна для евреевъ. Какой-нибудь съѣздъ русскихъ эмигрантовъ. И опять таки важно не то, что они говорятъ про евреевъ, а важно, что они не договариваютъ. Это самое главное, самое цѣнное! Дальше... Пріѣзжаетъ отъ врангелевцевъ какой-нибудь тамъ Карташевъ, или Кузьминъ-Караваевъ. Объявляетъ лекцію, рассказываетъ свои впечатлѣнія. Павелъ Скиссъ, посылая на лекцію репортера, уже даетъ ему опредѣленные директивы: „Обругать, высмѣять, вышутить“! Наоборотъ же, если полусумасшедшій Львовъ читаетъ о Корниловѣ, въ духѣ намъ желательномъ, социалистическомъ, репортеръ получаетъ директивы похвалить и поддержать Львова. Теперь такая ком-

бинація. Мы узнаемъ о новыхъ назначеніяхъ, или, вообще, выдвигается какая-нибудь видная фигура: президентъ, министръ, губернаторъ, начальникъ полиціи, ректоръ университета, кардиналъ, депутатъ, инженеръ, адвокатъ, артистъ. Первымъ дѣломъ необходимо имѣть досье такого человѣка: его отношеніе къ евреямъ и еврейскому вопросу. Если онъ, этотъ человѣкъ, нашъ, мы его поддерживаемъ, если не нашъ, — мы его топимъ. Поднимается дружная компанія по всему фронту. Мы доискиваемся въ его настоящемъ и прошломъ чего-нибудь компрометирующаго, бросающаго тѣнь на его имя. Если нѣтъ ничего конкретнаго — можно сочинить, выдумать, использовать его враговъ, только бы облить съ ногъ до головы грязью. Говорятъ же французы: „клеветите, клеветите и всегда что-нибудь останется“. Мы умѣемъ создавать репутаціи, но мы умѣемъ и хоронить людей заживо. Понимаете?

— Понимаю, — отвѣчала Гіацинтъ, вновь изнемогая отъ священнаго трепета, и опять колѣнки его начали выбивать дробь подъ вздувшимися, замасленными штанами въ полоску.

— Въ бывшей Россіи мы сумѣли выдрессировать передовую прогрессивную интеллигенцію. Каждый изъ этихъ интеллигентовъ смотрѣлъ намъ въ глаза съ виноватымъ видомъ. Да, да, словно извиняясь передъ нами въ томъ, что онъ не еврей, а русскій. Если вы вспомните, въ лѣвой русской печати слова „патріотизмъ, величіе и мощь Россіи“ считались дурнымъ черносотеннымъ тономъ, чуть ли не патентомъ на клеймо погромщика. Вотъ вамъ господинъ... господинъ...

— Ховно...

— Вотъ вамъ, господинъ Ховно, программа вашей газеты. Согласны ли вы съ нею?

— Согласенъ ли я? Что за вопросъ? Я не могу выразить обуревающихъ меня чувствъ! Это именно какъ-разъ то самое, что мнѣ приходило въ голову.

Какой широкой захватъ, какая глубина, это же... Это же прямо таки гениально!

Артуръ Монтебланко закурилъ папиросу и продолжалъ, тыча въ воздухъ большою красною рукою. Оттѣняемая сверкающей, твердой манжетой, она казалась еще краснѣе.

— Въ двадцатомъ году намъ не суждено было раздавить Польшу силою нашего оружія, мы стараемся сдѣлать тоже самое въ двадцать второмъ путемъ пропаганды. Для этого мы не пожалѣемъ бросить миллиарды. Почти нѣтъ людей, которыхъ нельзя было бы купить. Надо только знать, чѣмъ можно ихъ купить и какъ къ нимъ подойти. А кто стоитъ намъ поперекъ дороги и кого нельзя купить, тѣхъ мы превращаемъ, какъ я уже сказалъ, въ живыхъ мертвецовъ, или уничтожаемъ физически. Да, кстати, съ первыхъ же номеровъ газеты... какъ она будетъ называться? Есть разрѣшеніе?

— Есть, господинъ министръ! Называться будетъ „Варшавскіе отголоски“.

— „Варшавскіе отголоски“? Впрочемъ, дѣло не въ названіи. Отнюдь, нѣтъ! Такъ слышите же, съ первыхъ номеровъ надо будетъ поднять травлю противъ этого негодяя Винарскаго. У васъ имѣется его досье?

— Досье? — не сразу понялъ Гіацинтъ. Нѣтъ, его досье у меня, къ сожалѣнію, не имѣется.

— Ну, это все равно! Постарайтесь его дискредитировать въ глазахъ польскихъ властей. У него жена русская. Напишите, что монархистка, а про него напишите, что онъ служилъ въ царской охранкѣ. Какой-нибудь эпизодъ изъ студенческихъ лѣтъ, какая-нибудь обманутая модистка, вышвырнутая на улицу вмѣстѣ съ ребенкомъ, какой-нибудь неблагоприятный денежный поступокъ. „Клеветите, клеветите и всегда что-нибудь останется“! А когда мы его превратимъ въ живой трупъ, тогда можно будетъ подумать... и о его физическомъ уничтоженіи, — мысленно, закончилъ Монтебланко, гася папиросу и зажигая слѣдующую.

Потомъ онъ вынулъ изъ письменнаго стола чековую книжку и уже обмакнувъ перо, полуобернулся къ господину Ховно.

— Для начала пятнадцать миллионѣвъ? Это немного. Отнюдь нѣтъ! Я вамъ удвою сумму, но съ условіемъ, чтобы вы подъ видомъ корреспондентовъ бросили на Волюнь, въ Бѣлоруссію и Галицію фалангу опытныхъ агентовъ, которые на мѣстѣ обрабатывали бы сѣрую скотинку въ пользу блока меньшинствъ. Чѣмъ больше мы будемъ имѣть головъ въ Сеймѣ, тѣмъ больше мы будемъ хозяевами положенія. Соціалисты примкнутъ къ намъ и тогда мы уже — сила, уже не меньшинство, а большинство.

Вайсбергъ-Монтебланко вооружилъ свою переносицу еще другимъ пенсіе и, почти вода носомъ по бумагѣ, выписывалъ чекъ.

Благоухающій Гіацинтъ, этотъ полукозелъ въ очкахъ, полумишурисъ, затаивъ дыханіе, слѣдилъ за движеніемъ красной руки великаго человѣка. Ему казалось, что сухая, въ мелкихъ завиткахъ шерсть шевелится, встаетъ дыбомъ подъ его твердымъ черепомъ... Бросило въ испарину. Успѣхъ превзошелъ самыя дерзкія ожиданія. Гіацинтъ подсчитывалъ, сколько онъ сможетъ съэкономить въ свою собственную пользу. Надо же и ему наконецъ узнать, что такое хлѣбъ съ масломъ.

— При политикѣ можно кормиться, — вспомнилъ онъ чью-то фразу.

4. „Распустившійся“ Гіацинтъ.

Предвыборная горячка уже началась. Пока еще не разыгрались политическія страсти, пока еще не дошло до вооруженныхъ столкновеній, но словесно-бумажная война уже кипѣла по всему фронту.

Каждая партія звала къ себѣ гражданъ-избирателей, звала и со столбцовъ своихъ газетъ и со стѣнъ домовъ и съ заборовъ, сплошь заклеенныхъ пестрыми плакатами.

Всѣ средства были пущены въ ходъ, только бы развѣнчать противника въ глазахъ „народныхъ массъ“. Лѣвые особенно изощрались въ этомъ направленіи, какъ бы осуществляя подслушанное назиданіе изъ устъ Вайсберга-Монтебланко по адресу такого новичка въ газетномъ дѣлѣ, какимъ былъ благоухающій Гіацинтъ Ховно.

Каждая мало-мальски замѣтная фигура изъ правыхъ кандидатовъ въ сенатъ и сеймъ обливалась потоками зловонной грязи. Клеветническая ложь вспѣнивалась ядовитой, какъ у бѣшеннй собаки, слюной. Расклеивались портретныя карикатуры съ пояснительнымъ текстомъ. Ахъ, если-бъ онѣ могли убивать, эти строки!.. Такой-то носилъ „при Николаѣ“ бѣлыя камергерскія штаны и два золотыхъ ключа пониже спины. Такой-то имѣлъ отъ германцевъ субсидіи. Такой-то встрѣчалъ хлѣбомъ-солью русскихъ генераловъ, когда они торжественно занимали Черновицы и Львовъ.

Правые, не оставаясь въ долгу, отвѣчали пулеметнымъ огнемъ талантливыхъ карикатуръ, на социалистическихъ и еврейскихъ кандидатовъ. Опытные, бойко владѣвшіе штрихомъ рисовальщики подчеркивали вырожденческіе типы однихъ и рѣзко семитскіе черты и хищные профили другихъ.

Какъ одержимые носились по городу открытые автомобили и грузовики. Десятки рукъ пускали въ воздухъ пачки воззваній. Они разлетались подобно вспугнутой стаѣ бѣлыхъ, какъ морскія чайки, птицъ. Подобно странной опавшей листьѣ прямоугольной формы шуршала на панеляхъ бумага. Осенній вѣтеръ подхватывалъ ее, трепалъ. И эта бумага, и напечатанное на ней обходилось въ большіе миллионы.

Въ эти дни Налевки напоминали осажденную крѣпость, откуда то и дѣло совершались вылазки въ непріятельскій лагерь. Выносился автомобиль съ кучкою евреевъ и большимъ еврейскимъ плакатомъ на длинномъ шестѣ. Разбросавъ свою литературу на Бѣлянсконъ и на Театральной площади,

автомобиль стремглавъ мчался назадъ въ самую глубину родныхъ Налевокъ. Определеннаго шаблона эти вылазки не имѣли. Иногда, вмѣсто машины галопировало нѣсколько извозчичьихъ клячь, настигаемыхъ кнутами. На каждой пролеткѣ пять-семь человекъ и надъ ихъ головами шесть съ плакатомъ. За пролетками бѣжала толпа, развлекавшая ловлею „бѣлыхъ птицъ“. Порою въ видѣ почетнаго конвоя несущіеся извозчики сопровождались бѣгущими рысью еврейскими бой-скаутами, въ защитной формѣ и въ мягкихъ австралійскихъ шляпахъ. Нѣкоторые изъ этихъ „австралійцевъ“, надувая щеки, трубили въ фанфары. Впечатлѣніе какого-то нелѣпаго, веселаго балагана. Однако за этой балаганной внѣшностью таилась организованная сила, твердо, фанатически идущая къ определенной цѣли.

Автомобильныя и извозчичьи вылазки съ фанфарами и скаутами въ австралійскихъ шляпахъ — это веселыя гримасы, отъ которыхъ тянулись невидимыя нити къ конспиративной кабинетной работѣ главнаго штаба, помѣшавшагося въ нѣдрахъ Налевокъ, осажденной крѣпости, вѣрящей въ свою конечную побѣду. Фейерверки, бенгальскіе огни, — лабораторія же этихъ фейерверковъ и бенгальскихъ огней тщательно оберегалась и скрывалась отъ непосвященныхъ.

Гиацинтъ Ховно открылъ свою „лавочку“, снявъ два сосѣднихъ номера въ отелѣ на Длугой. Это обошлось ему въ сто тысячную взятку обоимъ портѣ, зато свободныя комнаты нашлись, какъ по мановенію волшебной палочки. Одна превратилась въ кабинетъ редактора, сосѣдняя отведена была подъ контору и подъ сотрудниковъ.

Благоухающій Гиацинтъ не измѣнился нисколько. Та же небритая физиономія въ круглыхъ очкахъ, тотъ же нелѣпый галстухъ въ нелѣпыхъ крапинкахъ, тотъ же измятый, испачканный табачнаго цвѣта пиджакъ, такіе же въ клѣточку, пузырями надувшіеся на колѣняхъ панталоны, и, наконецъ,

тотъ-же пропотѣвшій воротникъ. Зато у Гиацинта явился апломбъ. Онъ уже меньше улыбался заискивающей улыбкой, кичился редакторскимъ положеніемъ своимъ, а съ голодными сотрудниками, хлынувшими къ нему въ чайнии заработать на хлѣбъ, держался весьма нагло.

Гонорары и жалованья нищенской мизерностью своею ставили въ тупикъ даже этихъ намаившихся въ бѣженствѣ людей.

— Господа, мы начинаемъ очень скромно, — заявлялъ новоиспеченный редакторъ. Наша газета идейная, газета меньшинствъ, желающихъ свободно дышать и жить въ Польшѣ. Намъ не финансируютъ ни банки, ни предпріятія! Нашъ болѣе чѣмъ скромный бюджетъ — крохи сбереженій сочувствующихъ. Поэтому для начала максимальное жалованье, которое я могу предложить, семьдесятъ пять тысячъ въ мѣсяць. Я самъ получаю гроши, хотя, какъ работникъ идейный, думаю объ этомъ менѣе всего, — вдохновенно вралъ Гиацинтъ, назначившій себѣ пятьсотъ тысячъ въ мѣсяць.

Русскимъ сотрудникамъ онъ говорилъ:

— Наконецъ-то въ Польшѣ будетъ независимая русская газета! Это не савинковская „Свобода“, — лейбъ-органъ Бельведера.

Съ сотрудниками изъ евреевъ онъ встрѣчался въ редакціи. Петлюровцамъ, приносящимъ въ его кабинетъ вмѣстѣ съ защитными френчами разухабистыя манеры и украинскую мову, Гиацинтъ признавался:

— Я, если хотите, самъ украинецъ и родился даже на Днѣпрѣ возлѣ острова Хортицы, гдѣ была когда-то Запорожская Сѣчь, зруйнованная этой распутной бабой, Екатериной II. Если даже хотите, я самъ потомокъ запорожцевъ...

Петлюровцы, скептически ухмылялись на „потомка запорожцевъ“, съ отопыренными ушами и сухой, вьющейся шерстью надъ низкимъ лбомъ и никакъ не могли вообразить этого козла въ очкахъ — въ жупанѣ, съ кривой саблей на боку и съ

длиннымъ „оселедцемъ“. Но Гиацинтъ былъ имъ нуженъ и они молчали.

Съ первыхъ же номеровъ газеты, Ховно показалъ себя старательнымъ ученикомъ Артура Монтебианко. Пока еще неумѣлымъ неискusstнымъ, глубоко провинціальнымъ, но дирижерская палочка и школа уже чувствовались.

Представители польской администраціи, неблагонадежные въ еврейскомъ вопросѣ, начиная съ воеводъ, старостъ и кончая деревенскими солтысами, подвергались травлѣ и на столбцахъ газеты благоухающаго Гиацинта. Особенно много вниманія удѣлилъ самъ Гиацинтъ въ первомъ же номерѣ Михаилу Винарскому.

Чрезмѣрное обиліе иностранныхъ словъ и высокопарныхъ фразъ, до того запутанныхъ, что не только читатель, не только чортъ, а и самъ авторъ ногу сломить. Весь этотъ „букетъ“ показывалъ, что идеаломъ, стили изложенія мысли для автора были передовицы „Одесскихъ Новостей“ той эпохи, когда армія Деникина, выбивъ изъ города Петлюровцевъ, начала вылавливать подпольныя большевистскія организаціи. „Одесскія Новости“ подняли гвалтъ, истерически вопя о реакціи, о готовившемся разгромѣ демократіи, о погроминомъ настроеніи среди „лицъ носящихъ военную форму“ и о „растущемъ у этихъ лицъ въ военной формѣ челоуѣконенавистничествѣ“, — кстати сказать, глупое, не русское, неудобнопроизносимое слово, однако, весьма облюбованное газетами типа „Одесскихъ Новостей“.

И вотъ вооружившихъ, взятымъ на прокатъ этимъ опошленнымъ арсеналомъ безграмотныхъ выкриковъ, Гиацинтъ разразился статьей по адресу Винарскаго. Гиацинтъ не назвалъ его, но слишкомъ все было прозрачно:

„Рыцарь желѣза и намышленной веревки, смертельный врагъ демократіи, которую душишь какъ палачъ вопреки всѣмъ конституціоннымъ свободамъ и гарантіямъ Польской Республики ярый

челоуѣконенавистникъ и реакціонеръ, принесшій съ береговъ Фонтанки гнусные методы царскаго департамента полиціи и царской охранки“.

— Мы знаемъ гдѣ зарыта собака, — заканчивалъ свой доносъ Гиацинтъ — конечно, лицо о которомъ мы говоримъ, не можетъ исповѣдывать демократическихъ убѣжденій будучи женатымъ на русской, особѣ яркой, что-бы не сказать больше, монархической окраски. Вѣроятно, супруга лица, о которомъ мы говоримъ, чѣмъ-нибудь забронирована, ибо группа ультра-монархистовъ, функционировавшая въ столицѣ, эвакуирована польскимъ правительствомъ за предѣлы Республики.

Статья появилась. Глаза Гиацинта самодовольно блеснули подъ круглыми стеклами очковъ. И эти глаза, и оскаль плоскихъ, прямыхъ, вросшихся другъ въ друга зубовъ, спрашивали одобренія у кучки голодныхъ людей, называвшихся „редакціонной коллегіей“.

— Ну, что, господа? Какъ вы находите? Кажется ничего? Что?... Болѣе совѣстливые неопредѣленно мычали въ отвѣтъ. Менѣе совѣстливые выжимали изъ себя:

— Хлесткое же перо у васъ, Гиацинтъ Валентиновичъ! Здорово отдѣлали! Пожалуй его со службы попрутъ...

— Ну этого я не знаю, — скромничалъ Гиацинтъ. Я только знаю, что я исполнилъ свой долгъ честнаго журналиста и гражданина. Наша святая обязанность пригвоздить къ позорному столбу всѣхъ тѣхъ, кто выполняетъ свои функціи по челоуѣконенавистническимъ рецептамъ господъ Столыпныхъ, Плеве и прочихъ нагаечниковъ Николая II.

Гиацинтъ удостоился высочайшаго одобренія. Вайсбергъ-Монтебианко вызвалъ его къ себѣ, милостиво ткнулъ большую, красную руку, подхваченную Гиацинтомъ и, раскрывъ золотой портсигаръ, предложилъ:

— Курите!

Гиацинтъ не курить, но отказаться не посмѣлъ. Взявъ осторожно двумя пальцами ароматную египетскую папиросу, зажегъ ее и, проглотивъ дымъ, поперхнулся и закашлялся.

— Частично я вами доволенъ, — изрекъ Монтебланко, — но въ общемъ, отнюдь нѣтъ! Газета пока еще напоминаетъ что-то уѣздное... „Свободу“ возьмите! Я не сочувствую ей, отнюдь нѣтъ, но тамъ уже пахнетъ Еропой. Но это ничего, буду я больше писать, будетъ писать товарищъ Вишневскій и все выровняется. Пригласите въ качествѣ гастролеровъ графа Алексѣя Толстого, Ветлугина, Василевскаго-Небукву и все будетъ хорошо.

— Конечно, конечно! Только они потребуютъ большіе гонорары, — замѣтилъ Гиацинтъ, не желавшій особенно раскашеливаться.

— Потребуютъ — будемъ платить! Имена! Таланты! Я вамъ еще дамъ денегъ. Сегодня же напишите всѣмъ тремъ въ Берлинъ.

— Можно сослаться на васъ, господинъ министръ?

— Нѣтъ. Отнюдь нѣтъ! Очень прошу васъ не ссылатся! Здѣсь довольно усердно занимаются перлюстраціей писемъ, особенно идущихъ въ Берлинъ... Да, вотъ что... Не надо, не пишите! На дняхъ я посылаю спеціальнаго курьера въ Берлинъ. Это курьеръ англійской миссіи. Его дипломатическая почта и багажъ неприкосновенны. Я самъ напишу черезъ него и Толстому и Ветлугину и Василевскому. Понимаете, самъ...

5. Отъ духа къ тѣлу.

Графскій титулъ и въ демократической республикѣ имѣющій немалое обаяніе, красивая внѣшность, дорогіе изъ старинной парчи тюрбаны, манто изъ соболей, — все вмѣстѣ открывало графинѣ двери министерскихъ, штабныхъ и разныхъ другихъ кабинетовъ.

Въ нѣсколько дней, она добилась, чего иностранцу совсѣмъ не легко добиться. На ее имя выдано было право кинематографическихъ съемокъ внутренняго, домашняго и военнаго быта польской арміи.

— Заграницей очень интересуются всѣмъ, что связано съ молодымъ польскимъ государствомъ, — поясняла графиня военнымъ и статскимъ сановникамъ, обворожительно улыбаясь ровнымъ жемчужомъ мелкихъ зубовъ своихъ. — Я увѣрена, что наши фильмы будутъ имѣть успѣхъ. И не только успѣхъ... Это пропаганда боевой мощи героической польской республики.

Можно ли было устоять противъ такихъ доводовъ, къ тому же еще въ устахъ такой адвокательницы за популярность польской боевой мощи?

Одинъ изъ генераловъ полюбопытствовалъ:

— Графиня, вѣдь, вы венгерка? Почему же вы такъ симпатизируете намъ, чужой странѣ?

— Почему? А развѣ, ваше превосходительство, не знаете, что Венгрія и Польша, эти воинственные рыцарскіе, народы связаны традиціонной симпатіей? Недаромъ же говорятъ — „Венгеръ-полякъ — два братанки, якъ до шабли, такъ до шклянки“...

— О, графиня, какая у васъ эрудиція! — пришелъ въ восхищеніе генералъ, съ удовольствіемъ подписывая зависящее отъ него разрѣшеніе.

Когда все было готово, вся официально-бумажная сторона была закончена, безмолвный, терпѣливый и покорный Гайлле далъ куда-то телеграмму и въ Варшаву понаѣхало человекъ десять операторовъ — всѣ сплошь такого международнаго типа, какъ и самъ Гайлле. Въ Варшавѣ остался одинъ для съемки драмы Бейзыма, а остальные же разлетѣлись кто на Волинь, кто въ Минское воеводство, кто въ Холмщину, кто въ Галицію.

А сценарій Бейзыма осуществлялся скорѣй быстро, чѣмъ медленно. Уже почти всѣ павильонныя картины были сняты. Оставалось самое глав-

ное, самое эффектное — зимняя сцена с охотой на медведя.

Майор давно уже отправил вѣрнаго „Бейзымчика“ „квадратнаго“ Ласоту, легендарнаго сибирскаго стрѣлка, — лѣсничимъ въ свое пограничное имѣніе. Ласотѣ было поручено выслѣдить медвѣжьё берлогу и, какъ только выпадетъ и уляжется первый снѣгъ, немедленно извѣстить своего господина телеграммой. Самъ Ласота, подобно „князю свиней“ изъ оперетки „Цыганскій Баронъ“ могъ смѣло сказать про себя — „Писаніе и чтеніе не наше назначеніе“. Ему легче попасть картечиной въ мордочку бѣлки, рѣзнящейся на самой верхушкѣ высокой карабельной сосны, чѣмъ нацарапать два-три слова. Составить и послать телеграмму долженъ былъ управляющій Бейзымана панъ Лащъ, — инвалидъ, потерявшій лѣвую руку еще во дни Великой войны. Въ сущности особенно то и управлять нечѣмъ было. Имѣніе сильно сократилось, обкарналось послѣ Рижскаго мира. Уцѣлѣла усадьба и часть лѣса. Пахотная земля и двѣ трети лѣса остались въ Совдепѣ по ту сторону границы. Бейзымъ, знавшій Лаща много лѣтъ, по добротѣ своей, устроилъ безпечальную жизнь одинокому бобылю, ставшему уже въ преклонныхъ лѣтахъ инвалидомъ.

Кромѣ главныхъ исполнителей: графини, Лабенской и самого Бейзыма на медвѣжьё охоту должны были поѣхать еще и второстепенные исполнители.

Чутьемъ влюбленной женщины, — она боялась признаться себѣ въ своей влюбленности, — Лабенская догадывалась, что между графиней и Бейзымомъ настоящій, внѣ всякихъ сомнѣній, романъ. Какихъ-нибудь двѣ недѣли назадъ, когда Магдалина впервые встрѣтила въ павильонѣ эту особу, романа еще не было, хотя Юлія и хотѣла весьма и весьма показать, что онъ есть. Теперь же графиня такъ афишировала свою связь, что для самихъ недалековидныхъ и слѣпыхъ, эта связь не могла быть тайной.

— Неужели онъ ее любитъ? — спрашивала себя Лабенская съ острой, всю грудь и всю душу терзающей, выворачивающей тоскою. Неужели не видить, съ кѣмъ имѣетъ дѣло? Сухая, себѣ на умѣ авантюристка, несомнѣнно съ такимъ же темнымъ прошлымъ, какъ и настоящее. У нея какіе-то на него виды. Онъ ей нуженъ. Близость со знаменитымъ героемъ тѣшитъ ея тщеславіе. Дай Богъ, чтобы помимо этого, не было бы чего-нибудь еще такого, которое можетъ его погубить, опозорить навѣки славное, честное и чистое имя.

Получился сложный и спутанный клубокъ переживаній. И помимо чувства, проснувагося въ Магдалину, чувства, которое она пыталась гнать отъ себя, и которое неумолимо преслѣдовало ее, не давая покоя ни днемъ, ни ночью, въ этотъ хаосъ мыслей и терзаній, горѣнія, то мучительнаго, то сладостнаго ворвалось еще что-то, уже прямо трагическое.

Давно ли, казалось, что любила она покойнаго мужа, какъ любить лишь только одинъ разъ въ жизни? Давно ли она призналась Гагарину, что въ свои 25 лѣтъ считаетъ себя конченой. Это не была рисовка, эффектная фраза, это была сама искренность.

Въ самомъ дѣлѣ за годы, эти долгіе годы съ той кошмарной ночи, когда ея Николай погибъ, она вся въ этомъ прошломъ, вся въ воспоминаніяхъ, — развѣ жила по настоящему, развѣ ощущала въ себѣ молодую, здоровую, красивую женщину, могущую увлекать, самой увлекаться, брать ласки и дарить ихъ?

Она спала, спала въ томъ вяломъ апатичномъ отупѣніи, что подмѣтилъ Гагаринъ, вообще, въ человѣческомъ стадѣ россійскихъ бѣженцевъ. Спала до тѣхъ поръ, пока встрѣча съ Бейзымомъ не явилась такимъ властнымъ толчкомъ къ пробужденію. Первые дни, весь первый мѣсяцъ знакомства она сама себя старалась обмануть увѣряя, что это нѣжная братская дружба и таковою останется

навсегда. Но нѣмой поединокъ глазами съ графиней въ съемочномъ павильонѣ и просившіяся жгучія слезы обиды и гнѣва, когда Сапари увела Бейзыма, отдернули передъ Лабенской завѣсу надъ тѣмъ, чего она сама такъ боялась...

И этой же ночью, не смыкая прекрасныхъ глазъ своихъ, горячо молилась она съ наивной институтской вѣрою, по институтски ставъ на колѣни на узенькой кровати, съ лицомъ обращеннымъ къ изголовью, гдѣ висѣла на тесемочкѣ деревянная потемнѣвшая иконка.

Въ этомъ безсвязномъ лепетѣ, такомъ дѣтски-непоследовательномъ не было ничего и было очень многое. Она каялась передъ памятью несчастнаго Николая, котораго обѣщала любить вѣчно. Она просила у Царицы Небесной, — такъ и выговаривая тихо шелестящими губами — Царица Небесная, — заступничества, чтобъ сохранила ее такой же вѣрной и чистой, какою она была до сихъ поръ. И много еще и еще забытаго къ сяннію дня, забытаго, ибо изступленная мольба ее напоминала бредъ...

Но, — трудно, невозможно было бороться. Началось съ духа — Лабенскую потянуло къ Бейзыму духовно, — здѣсь и восхищеніе, и признательность, и симпатія, — окончилась тѣломъ. Да — тѣломъ! Она истомилась, изголодалась, изныла по объятіямъ, поцѣлуямъ и ласкамъ, отъ которыхъ закипаетъ кровь, темнѣетъ въ глазахъ, туманится разумъ...

И поняла Магдалина съ жуткимъ, открывающимъ что-то совсѣмъ новое, чувствомъ поняла, что только теперь, именно теперь, когда она встрѣтила Бейзыма, — проснулся въ ней дремавшій темпераментъ. Онъ взялъ въ плѣнъ тѣло. Ея любовь къ Николаю, та любовь — была другая, прекрасная, сильная, глубокая, готовая на жертвенный подвигъ, но — другая. Теперь, лишь только немного улучшилось ея матеріальное положеніе и она перестала по собственному выраженію, „пухнуть отъ картошки“, Лабенская обзавелась тонкимъ бѣльемъ, нѣ-

жащимъ и ласкающимъ тѣло. Въ ней заговорила вакханка, любовница. Любовница, мечтающая принадлежать, отдаться. Грузинская кровь матери, яркія, почти знойныя краски лица, глаза какъ тропическая ночь и кайма подъ ними темной природной синевы, — все это властно, теперь уже откровенно и дерзко требовало своего...

И уже не краснѣя, а съ какимъ-то упоительнымъ безстыдствомъ, смотрѣла она въ зеркало вся нагая, поварачиваясь, сгибаясь, откидываясь, принимая красивыя, пластическія позы. И было желаніе похудѣть, чтобы стали упругими формы и какъ налитыя спружинились. По рецепту Бейзыма дѣлала по утрамъ гимнастику и съ каждымъ днемъ послѣ цѣлага ряда ритмическихъ движеній, чувствовала себя легче, бодрѣе. Изъ остатковъ аванса, она купила большой гутапперчевый тѣбъ, послѣ гимнастики окачивалась теплой водой и, вымывшись твердымъ круглымъ кускомъ душистаго мыла, опрокидывала на себя сверху кувшинъ холодной воды. Растертая шершавымъ полотенцемъ, она подходила къ зеркалу. И, такъ пріятно было чувствовать подъ пальцами, нѣжную, будто полированную кожу рукъ, шеи, груди, бедеръ, чувствовать ароматъ своего тѣла, смѣшанный съ запахомъ мыла и свѣжей воды...

Всѣ эти годы тѣло было въ забвеніи. Она не думала о немъ, забыла, а теперь въ культъ возвела, такъ тщательно и заботливо его холила. Точно одалиска въ страхѣ, чтобы не засталъ ее врасплохъ символическій платокъ, брошенный султаномъ.

И когда она писала подъ диктовку Бейзыма и поймала его взглядъ, прикованный къ бѣлой полоскѣ шеи, Магдалина поняла, что этотъ моментъ — поворотный въ ихъ отношеніяхъ. Близокъ часъ, когда султанъ позоветъ свою одалиску... И вотъ тутъ-то со злобной издѣвкой подстерегала ее трагическая неудача. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ это не трагедія? Забыть человѣка, имѣвшаго надъ ней власть оттуда, изъ-за могилы, задушить въ себѣ

врожденную стыдливость, и съ густо-горячимъ румянцемъ вспыхивающей скромницы превратиться чуть ли не въ баядерку, нѣжащую свое тѣло, трепещущее желаніемъ... Зачѣмъ?... Затѣмъ, чтобы онъ бросился въ другія объятія, другой женщины. Это было ужасно! Подъ первымъ впечатлѣніемъ Лабенская хотѣла прекратить сниматься въ картинѣ и бѣжать, бѣжать куда глаза глядятъ изъ Варшавы. Но это была первая минутная слабость. Довольно, довольно быть кроткой овечкой!... Это по сценарію такъ, а въ жизни, въ жизни она не сдастъ безъ боя своихъ позицій и будетъ бороться за свое счастье, за свое право быть любимой и любящей. Сама себя не узнавала. Такой приливъ кипучей, наступательной энергіи овладѣлъ ею. Надо взять себя въ руки, гордо замкнуться въ своихъ переживаніяхъ, затаить оскорбленное чувство женщины. Бейзымъ, сохрани Богъ, не долженъ ни о чемъ догадаться. Она же, Магдалина, сдѣлаетъ все отъ нея зависящее, чтобы разоблачить и вывести на чистую воду эту подозрительную авантюристку съ Богъ вѣсть откуда и какъ доставшимся ей графскимъ титуломъ... Лабенская не сомнѣвалась, что это въ концѣ концовъ ей удастся. Любящая, ревнивая женщина — самый опасный, самый неумолимый Пинкертонъ изо всѣхъ, существующихъ на свѣтѣ.

6. Тайна тѣла.

А Бейзымъ?

Послѣ вечера, когда вмѣсто чтенія сценарія, графиня отдалась ему, вѣрнѣе онъ, обезумѣвшій, дикій, взялъ ее, взялъ какъ берутъ безпомощный, испуганный комочекъ тѣла, прикрытаго, вѣрнѣе совсѣмъ не прикрытаго японскимъ шелкомъ, Бейзыма еще сильнѣй тянуло къ этой женщинѣ. Самъ не могъ отдать себѣ отчета, признаться, гдѣ у него кончается чувственность и начинается ненависть.

Погасалъ, стихалъ буйный порывъ объятій, восторговъ и началось шевелиться что-то досадное, самобичующее, казалось бы не оставляющее камня на камнѣ, отъ того, что нѣсколько минутъ назадъ было. Но вотъ движеніе опытныхъ, порочныхъ губъ Юліи, она обвивается вокругъ него ланой, и въ самомъ дѣлѣ, точно во власти настоящей тропической ланы, отъ предательскихъ извивовъ которой нѣтъ никакого спасенія...

Онъ ее не уважалъ, онъ ей не вѣрилъ, онъ ее хотѣлъ и только хотѣлъ... И это желаніе оказывалось сильнѣе всякаго уваженія, всякаго довѣрія... Она была фальшива. Пожалуй, единственное искреннее чувство — былъ ея страхъ. Она боялась, физически боялась этого стихійнаго человѣка. Изъ искренняго ощущенія страха вытекала ея главная ложь. Она притворялась, что онъ захватываетъ ее какъ мужчина. И видя близко надъ собою искаженное лицо могучаго фавна, Юлія, театрално обнимая любовника скрежетала зубами, закатывала подъ лобъ глаза и ходуномъ ходили ноздри точенаго носика. Эта игра въ темпераментъ напоминала Бейзыму пріѣзжавшихъ на гастроли въ Америку французскихъ кокотокъ. Ихъ страсть бывала прямо пропорціональна количеству получаемыхъ долларовъ. И онъ тоже цѣловался раскрытымъ ртомъ, закатывали бѣлки и такъ дико скрежетали зубами, — становилось неприятно и за самихъ женщинъ неловко. Онъ прямо сказалъ графинѣ въ одну изъ трезвыхъ, спокойныхъ минутъ:

— Вѣдь, вы же меня не любите?

— Я, вообще, не знала до сихъ поръ и до сихъ поръ не знаю, что такое любовь? Я хочу васъ! Развѣ вамъ этого мало?

— Сомнѣваюсь даже и въ этомъ... Вы — комедіантка.

— Комедіантка? Къ чему это мнѣ, Бейзымъ? Женить васъ на себѣ я не собираюсь... Разорять васъ, или хотя, чтобы вы на меня тратились — тоже самое. Къ чему?

— Не знаю. Для меня самого загадка. Но в томъ, какъ вы меня ласкаете и отдаетесь — въ этомъ нѣтъ правды. Я ея не чувствую. Но у меня нѣтъ силъ прекратить эту... этотъ... — искалъ онъ словъ и не находилъ.

— Благодарю васъ! Боже, до чего галантно! Да, у васъ нѣтъ силъ порвать со мной и не хватить! Я знаю себѣ цѣну. Я не красавица, но во мнѣ есть то, чего нѣтъ у многихъ премированныхъ красавицъ, и что, вообще, попадаетъ изъ тысячи женщинъ у одной... Правда, Бейзымъ? — спросила она съ веселымъ торжествующимъ безстыдствомъ.

Онъ ничего не отвѣтилъ. Но тяжелый сумрачный взглядъ, побагровѣвшее лицо, медленно опустившееся на грудь и задержанное дыханіе — все это было гораздо краснорѣчивѣе словъ.

Да, она знаетъ себѣ цѣну. Вотъ почему такія какъ Юлія, бываютъ на тысячу — одна. Вотъ почему писанныхъ красавицъ — женъ бросаютъ ради какихъ-то вульгарныхъ тварей. Вотъ почему королевскими, даже императорскими коронами легкомысленно жонглировали темныя авантюристки, волоча по грязи горностаевыя мантии, держа въ своихъ рукахъ судьбы цѣлыхъ странъ, точно такъ же, какъ онѣ держали честь и доброе имя своихъ высочайшихъ любовниковъ. Держали тайною своего тѣла.

Да, онъ ей не вѣрилъ. Нѣсколько разъ онъ поймалъ ее во лжи. Сначала въ первые дни знакомства она сказала ему, что шрамъ у нея на лицѣ, — результатъ „бесѣды“ съ краснымъ слѣдователемъ московской чека на Лубянкѣ.

Черезъ недѣлю она повторила то же самое, но въ нѣсколько иной редакціи. Тоже чрезвычайка, тоже слѣдователь, тоже выстрѣлъ, но событіе происходило не въ Москвѣ, а въ Смоленскѣ и слѣдователь былъ уже не латышъ, а матросъ.

Маіоръ не оставилъ безъ вниманія это противорѣчіе.

— Позвольте, мнѣ хорошо помнится, что этотъ прискорбный эпизодъ случился съ вами въ Москвѣ, а не въ Смоленскѣ... Такъ, по крайней мѣрѣ, вы мнѣ сами сказали?

— Развѣ? Не можетъ быть! Вы перепутали, Бейзымъ... Впрочемъ... Я столько вынесла, столько разъ была близка къ помѣшателству, голова моя превратилась въ какой-то сумбуръ. Если собрать всѣ чрезвычайки, по которымъ меня таскали... Переводили изъ холодной камеры въ горячую, изъ ледяной атмосферы въ какую-то баню, гдѣ черезъ пять минутъ уже не хватаетъ воздуха... Ничего нѣтъ удивительнаго, если у меня путаются нѣкоторые факты...

Есть факты и факты, — не сдавался Бейзымъ. Мѣсто дѣйствія такихъ моментовъ, когда слѣдователь прострѣливаетъ вамъ щеку, не забывается на всю жизнь. Я, напримѣръ, точно помню число, день и часъ моего побѣга наканунѣ разстрѣла изъ Одесской тюрьмы. Помню, какой формы были ссадины, кровоподтеки и мозоли на моихъ рукахъ, послѣ того, какъ я разворотилъ желѣзную рѣшетку... Помню лицо французскаго матроса, который первый замѣтилъ меня, когда я подплывалъ къ миноносцу. И это лицо никогда не забуду. Бойкій, смуглый марселецъ...

— Довольно, — сухо перебила графиня. — Я вѣрю въ вашу феноменальную память, но это не даетъ вамъ права не вѣрить мнѣ... Вы должны цѣнить... Вы единственный человѣкъ, единственный котораго я посвятила въ это... А вы, вы учиняете мнѣ какой-то допросъ...

И два любовника смотрѣли другъ на друга, какъ два врага.

Такъ же сбивчивы были рассказы Юліи о фамильномъ замкѣ графовъ Сапари. Сначала этотъ замокъ былъ гдѣ-то подъ Сегединомъ, черезъ день — въ окрестностяхъ Новаго Сада и наконецъ въ нѣсколькихъ километрахъ отъ Сомбора.

Не выдержалъ прямой и открытый Бейзымъ.

— Гдѣ же, въ концѣ-концовъ, замокъ вашего покойнаго супруга? Сегединъ, Новый Садъ, или Сомборъ?

— Ха... ха... ха... вотъ чудакъ! — фальшиво разсмѣялась графиня. Развѣ вы не знаете, что графы Сапари — богатѣйшіе магнаты? Замки ихъ разбросаны по всей Венгріи. Скажите лучше, когда же мы наконецъ поѣдемъ на знаменитую медвѣжью охоту въ „вашъ фамильный замокъ“?

— Въ мой фамильный замокъ? — повторилъ Бейзымъ улыбаясь, ничуть не задѣтый. Нашъ родъ старый, очень старый, но Бейзымы никогда не были ни магнатами, ни богачами, и у насъ не было замковъ. Мы жили на безпокойныхъ рубежахъ Польши, защищая ее своей грудью и отъ Москвы, и отъ запорожскихъ казаковъ, и отъ Крымскихъ ордъ. Насъ жгли, разоряли, мы кое-какъ отстраивались до новыхъ набѣговъ... Я уже вамъ докладывалъ, поѣдемъ мы, какъ только выпадетъ первый снѣгъ. Вы увидите низенькій одноэтажный домъ, недавно мною только перекрытый желѣзомъ, вмѣсто соломы. Но я горжусь этимъ скромнымъ гнѣздомъ нашимъ, горжусь больше, чѣмъ если бы это былъ пышный трехэтажный замокъ съ колоннами, „крыльями“ и флигелями...

Бейзымъ очень мало вѣрише ничего не зная о прошломъ графини. Въ свою очередь онъ удивлялся ея чрезмѣрной освѣдомленности о самомъ себѣ.

Графиня замѣтила ему однажды:

— Вамъ поразительно везетъ! Удивляюсь, какъ еще до сихъ поръ у васъ голова на плечахъ.

— Удивляетесь, или... сожалѣете?

— Что вы, что вы! Я вашъ искренній другъ! Но, въ самомъ дѣлѣ, какъ можно было выйти сухимъ и невредимымъ послѣ такихъ передрагъ? Въ Минскѣ, напримѣръ, когда вы, переодѣтый германскимъ офицеромъ вдвоемъ съ Ваньковичемъ отравили изъ города нѣсколько эшелоновъ красноармейцевъ? Откройся вашъ маскарадъ, большевики

растерзали бы васъ. Вѣдь, вы рисковали жизнью. Кто васъ толкнулъ на эту сумасшедшую авантюру?

— Кто? Голось Родины! Въ интересахъ поляковъ было очистить Минскъ отъ совѣтской рвани. А вы откуда знаете этотъ случай?

— Я многое знаю, — уклонилась она отъ прямого отвѣта и, признаваясь, восхищаясь вами. Опасно имѣть такого врага... А всѣ ваши перепити съ Динстлемъ, начиная съ того, какъ вы спасли княгиню Семиградскую и кончая жестокой расправой на базарной площади Радзимины?...

— Развѣ жестокой? — усумнился Бейзымъ. Въ теченіи двухъ лѣтъ я и Динстль охотились другъ за другомъ. Я обѣщаль его повѣсить и... только сдержалъ свое слово. Эту гадину необходимо было уничтожить. Вы и про Динстля знаете?

— Ничего удивительнаго. Я такъ интересуюсь вами. А сколько вы, вообще, уничтожили комиссаровъ?

— Не считалъ! Много, очень много! За это мнѣ будетъ отпущено не мало грѣховъ.

— Вы вѣрите въ отпущеніе грѣховъ?

— Вѣрю... вѣрю... — вдумчиво повторилъ Бейзымъ. Въ юности я ни во что не вѣрилъ... Война же и революція научили меня познавать Бога.

— Вотъ какъ, — протянула Юлія, — ну, а вашъ послѣдній жестъ, уже въ обстановкѣ мирнаго времени? Избиеніе этого русскаго дипломата? Какъ его... Геллера, что ли?

— Я такого русскаго дипломата не знаю. Сейчасъ нѣтъ Россіи, есть Совдепія. А вы знаете, что такое Геллеръ?

— Не знаю.

— Очень жаль! Вы бы не говорили такимъ тономъ о моемъ „послѣднемъ жестѣ“. Геллеръ убійца, палачъ, грабитель... Да, большевики дорого дали бы за право получить меня въ свое полное распоряженіе. Они предъявили бы мнѣ длинный, длинный счетъ...

Графиня загадочно посмотрѣла на Бейzyma, ничего не отвѣтивъ. А когда онъ ушелъ, въ „аппартаментахъ“ затрещалъ телефонъ.

— Алло?

— Это вы ггра-фи-ня? — услышала она заикающійся голосъ.

— Да... Графиня Сапари у телефона.

— Это вы с-амм-и... наввѣрное?

— Навѣрное, — передразнила она, — вы по поводу гладиатора?

— Ааа... теперь я увижу, что навѣрное! Когда же? Нерронъ забрасываетъ насъ письмами. Онъ горритъ отъ нетерпѣнія.

— Пусть возьметъ свое нетерпѣніе въ кулачки, какъ говорятъ маленькимъ дѣтямъ... До перваго снѣга...

— До перваго снѣга? Этто... символъ?

Это реальность! Довольно! Завтра въ шесть вечера я буду тамъ... вѣшаю трубку!...

7. Испанскій грандъ въ египетскомъ кабинетѣ.

Тирпицъ предупредилъ Винарскаго:

— Берегитесь!. Готовится покушеніе...

Винарскій посмотрѣлъ на него узкими, голубыми, уже начинающими выцвѣтать глазами.

— Голубчикъ мой, я каждый день получаю столько угрожающихъ писемъ, сколько модный опереточный премьеръ не получаетъ любовныхъ...

— Совсѣмъ одно, — угрожать, совсѣмъ другое... Словомъ, я васъ предупреждаю. За васъ взялись самымъ рѣшительнымъ образомъ... Если вы не примете мѣръ...

— Слушайте, Тирпицъ, вы, не смотря на свои юные годы, знаете жизнь, и парень вы смысленный. Развѣ можно „принять мѣры“, уберечься? Что-жъ, вы хотите, чтобы я всюду волочилъ за собою хвостъ изъ своихъ агентовъ? Во-первыхъ это нисколько меня не охранило бы, а во вторыхъ у насъ агентовъ на дѣло не хватаетъ...

— На дѣло? А васъ охранять — не дѣло? Винарскій одинъ, его замѣнитъ некому!

— Что вы, дружище! Незамѣнимыхъ людей нѣтъ... Я вѣрю въ судьбу. Вся наша жизнь гдѣ-то тамъ чьей-то невѣдомой рукой расписана, какъ железнодорожный графикъ. Плеве не охранялъ себя? Въ бронированной каретѣ ѣздилъ. А остались отъ него окровавленные лохмотья, да новенькій портфель, съ которымъ онъ спѣшилъ въ Царское. Еще почище охраняли себя пролетарскіе вожди Ленинъ и Урицкій. Но, къ сожалѣнію, перваго не добила Дора Капланъ, а второго, къ счастью, добилъ студентъ Канегиссеръ. И Капланъ и Канегиссеръ, къ величайшему стыду русскихъ, — оба евреи. Не будемъ говорить объ опасности, грозящей моей особѣ. Нѣтъ ли у васъ чего-нибудь новенькаго?

— Послѣ знаменательной бесѣды Артура Монтебьянко, демонстрировавшаго еврейскую мощь, — пока нѣтъ ничего...

— Кромѣ его связи съ Римской гостинницей? — бросилъ Винарскій сбоку съзвизгившій взглядъ.

— Кромѣ его связи съ Римской гостинницей, весело повторишь Тирпицъ. — Да, вотъ еще... Монтебьянко довольно усердно корреспондируетъ съ Геллеромъ.

— Съ Геллеромъ? Это очень важно, а вы говорите — ничего новаго.

— Упустилъ, виноватъ господинъ, начальникъ! Дѣло видите ли въ томъ, что Геллеръ уѣхать-то уѣхалъ, но недалеко. Въ Москву, или Петербургъ, или даже въ Кіевъ ему стыдно показаться.

— Ему стыдно? Большевикамъ стыдно? Воровскому били морду въ Римѣ, Кудишу — въ Константинополѣ, Мостовенкѣ — въ Прагѣ и — ничего!

— Били, но не до безчувствія... А у Геллера испаскужена вся физиономія. Скандаль! Считалъ себя неотразимымъ красавцемъ и не угодно ли. — Разсѣчены губы... Неудобно въ свой красный столичный бо-мондъ показаться. Вотъ онъ и отсиживается „себѣ“ на Волыни, недалеко отъ границы,

Не то въ Славутѣ, во дворцѣ князя Сангушко, не то въ Заславлѣ. Совѣтскій сановникъ на зимнемъ курортѣ! Оттуда онъ продолжаетъ отчасти руководить агитаціей въ Польшѣ и на Кресахъ. Между Варшавой и его резиденціей чуть ли не каждую недѣлю мечутся курьеры. Вотъ если бы до этого мерзавца добраться, до его черепа! Круглые глаза Тирпица загорѣлись.

— Мечты, мечты... Если онъ здѣсь былъ недосыгаемъ, тамъ и подавно! А вотъ милѣйшихъ братьевъ Кушеръ-Перльмутеровъ я на дняхъ прикажу арестовать. Не удивляйтесь, если я и васъ прихвачу за компанію на недѣлку, такъ... Въ вашихъ же интересахъ...

— Сдѣлайте одолженіе! — съ комической галантносью расшаркался Тирпицъ.

— Воображаю, какой поднимется гвалтъ? Могу представить, какой очередной ушатъ помощи выхлеснетъ на мою бѣдную голову въ своей газетѣ товарищъ Ховно... Кстати, вы увѣрены, что онъ издастъ свой листокъ на деньги Монтебьянко?

— Что-бъ я такъ жилъ! — воскликнулъ Тирпицъ словами, акцентомъ и мимикой, шаржируя эту чисто еврейскую фразу.

— Нѣтъ, она отъ насъ не уйдетъ, компанія эта, — соображалъ Винарскій. Мы ихъ зажали въ кольцо. Съ одной стороны — вы, съ другой — панъ Хватъ, дѣйствительно мертвой хваткой вцѣпившійся въ Перльмутеровъ. Такъ по бульдожьей вцѣпился... я вынужденъ охладить его пылъ.

Десять вечера. Небольшая изъ двухъ комнатъ конспиративная квартира на Познанской улицѣ. Свѣтъ керосиновой лампы. Ни электричества, ни даже газа въ старомъ запущенномъ домѣ. Но и эту убогую квартиру необходимую въ такомъ дѣлѣ, какъ политическая развѣдка, съ превеликимъ трудомъ отвоевалъ Винарскій. Отвоевалъ гроши на скудную меблировку. Принимать же у себя на квартирѣ своихъ агентовъ онъ не могъ. Не только за домомъ, гдѣ онъ жилъ, но за всѣми прилегаю-

щими кварталами большевики и свои собственные отечественные, и совѣтскіе установили весьма тщательную слѣжку.

Къ одиннадцати Винарскій былъ на Ясной улицѣ въ ресторанѣ, отдѣланномъ подѣ „египетскій стиль“. Здѣсь, въ небольшомъ единственномъ кабинетѣ Винарскій часто ужиналъ. Это былъ для него и завтракъ, и обѣдъ, и ужинъ. Весь день въ работѣ, въ безостановочномъ кипѣніи, — Винарскій сплошь да рядомъ не успѣвалъ перекусить даже второпяхъ, на ходу. Увлеченный дѣломъ, онъ забывалъ о пищѣ и лишь къ позднему вечеру, когда успокаивались нервы, вдругъ ощущалъ приступъ голода.

Близкіе друзья, желавшіе съ нимъ поболтать, знали, что самое удобное время — полночь, или приблизительно полночь въ „Египетскомъ ресторанѣ“. Въ кабинетѣ, расписанномъ фигурами жрецовъ и фараоновъ средь Нильскаго пейзажа съ пальмами, крокодилами и пирамидами, незамѣтно коротались ночи въ сигарномъ и папиросномъ дыму, за крѣпкимъ, чернымъ кофе и ликерами всевозможныхъ цвѣтовъ и отгѣнковъ. Иногда этотъ дружескій интимный кейфъ нарушался. Иногда лакей таинственно вызывалъ Винарскаго въ полутемный, узкій корридоръ, если и тоже „египетскій“, то развѣ съ очень большой натяжкой. Онъ походилъ на тѣсные ходы сообщенія въ Пирамидѣ Рамзеса II, ведущіе къ фараоновой гробницѣ.

Кто-нибудь изъ агентовъ, чаще всего рыжеусый панъ Хватъ, или миниатюрный двойникъ Винарскаго живой какъ ртуть.

Дзенай-Оглы, съ озабоченнымъ лицомъ, тихо шепталь что-то и смекнувшій съ полуслова начальникъ исчезалъ, предварительно оповѣстивъ друзей своихъ — вернется онъ или не вернется.

Въ этотъ вечеръ Винарскаго поджидалъ въ кабинетѣ молодой человекъ лѣтъ 28, сухошавый, съ удлинненнымъ, даже вытянутымъ оваломъ неправильнаго лица. Каждая неправильность, каждая черта, линия все дышало отгѣнной, тонкой поро-

дою. Свѣтлые, очень свѣтлые волосы, нѣжная дѣвчья кожа и темныя глаза, темныя рѣсницы и брови, — эффектное рѣдкостное сочетание. А въ общемъ вмѣстѣ со сжатой, немного высокобѣрной линией губъ получалось впечатлѣніе головы, развѣ лишь по какому-то недоразумѣнію, отгнѣяемой прозаическимъ нынѣшнимъ пиджакомъ. Къ этой стильной головѣ очень шелъ бы черныя костюмъ испанскаго вельможи XVI вѣка съ цѣпью Золотоу Руна, ниспадающаго до половины груди.

Когда Леонъ Ливинскій восемь лѣтъ назадъ кончалъ въ Петербургѣ Императорскій Александровскій лицей, съ нимъ познакомился хранитель Эрмитажа, академикъ живописи Либгардтъ. Изящный старикъ долго всматривался въ лицеиста, всматривался особеннымъ взглядомъ художника.

— Глядя на васъ, мосье Ливинскій, вспоминаю гдѣ я васъ видѣлъ? И вотъ вспомнилъ! Въ Мадридѣ въ картинной галлерей Прадо есть портретъ Филиппа IV, писанный Веласкезомъ, когда Филиппъ былъ еще инфантомъ. Двѣ капли воды — вы, съ тою лишь разницей, что у васъ рисунокъ рта другой, болѣе сухой. У Филиппа нижняя губа пухлая выпяченная, какъ у всѣхъ Габсбурговъ той эпохи.

Либгардтъ пригласилъ къ себѣ въ мастерскую Ливинскаго и въ три сеанса написалъ съ него сильный и свѣжій этюдъ въ костюмѣ испанскаго гранда. Портретъ имѣлъ успѣхъ на выставкѣ.

Это было восемь лѣтъ назадъ, а сейчасъ испанскій грандъ съ глазами и бровями, точно перенесенными съ чужого лица, — до того онъ былъ свѣтлый блондинъ во всемъ остальномъ, — поджидалъ Винарскаго въ египетскомъ кабинетѣ, прихлебывая маленькими глотками кофе и дымя папирасой.

Вотъ и Винарскій возбужденный, голодный, потирающій руки, — съ удовольствіемъ опрокинулъ бы пару большихъ рюмокъ холодной водки.

Я уже заказалъ себѣ двойную порцію бѣфштекса. Хочется съѣсть побольше мяса. Никакихъ тонкостей и деликатесовъ. Никакихъ! Мяса!

— Да, тебѣ надо возстановливать силы. Ты совсѣмъ замотался. Блѣдно-зеленый какой-то... — молвилъ панъ Леонъ, спокойно критически вглядываясь въ своего друга.

— Не могу иначе. Не могу! Съ минуты на минуту подѣвдуть Бейзымъ и князь Гагаринъ. Знаешь обоихъ?

— Кто же не знаетъ Бейзыма? А съ Гагаринымъ встрѣчался еще въ Петербургѣ, когда онъ былъ камеръ-пажемъ Великой Княгини Маріи Павловны, а я — лицеистомъ младшихъ классовъ. Помню его въ исключительномъ блескѣ, а потомъ... потомъ онъ пилилъ доски въ Бѣловѣжской Пущѣ. Вотъ она Голгофа русскаго дворянства! А ты съ нимъ давно знакомъ?

— Онъ просилъ Бейзыма познакомить насъ.. А, пане Бензымъ!.. Легки на поминѣ!..

Въ небольшомъ кабинетѣ вдругъ сдѣлалось тѣсно, такъ заполнилъ его своей фигурой Бейзымъ. Рядомъ съ нимъ и Гагаринъ и Ливинскій, оба выше средняго роста, казались юными подлѣтками, а Винарскій — тотъ совсѣмъ карликомъ.

Начали пить, закусывать.

— Я успѣлъ поужинать и буду только пить съ вами, — пояснилъ панъ Леонъ. Онъ методически уничтожалъ коньякъ рюмку за рюмкой, нисколько не хмѣлѣя, а нѣжное бритое лицо его съ удлиненымъ оваломъ не краснѣло и не блѣднѣло. Онъ оставался безстрастнымъ человѣкомъ хорошаго воспитанія, хорошихъ манеръ, человѣкомъ общества.

Съ Гагаринымъ вспоминали военный и революціонный Петербургъ. Это былъ непрерывный потокъ лаконическихъ восклицаній, такихъ близкихъ, понятныхъ и что ни два, три слова — драма. Это были вереницы свѣжихъ безвременныхъ могилъ. И какихъ могилъ! Неглубокихъ ямъ — только, только сравнять человѣческое тѣло съ землей, ямъ выры-

тыхъ самими жертвами. Такой-то разстрѣлянь у себя въ имѣніи, а передъ тѣмъ матросы изнасиловали его жену, привязавъ мужа къ дѣдовскому креслу. Такой-то былъ замученъ въ московской чрезвычайкѣ, такой-то въ петербургской. Графиня такая-то сошлась съ комиссаромъ, грубымъ животнымъ изъ латышей. Такой-то погибъ смертью храбрыхъ на Югѣ въ Добровольческой арміи. Немногіе спаслись и гдѣ, только не раскидало ихъ по бѣлому свѣту!

Ливинскій поднесъ къ губамъ длинными, красивыми пальцами узенькую съ золотистымъ коньякомъ рюмку, медленно выпилъ, отчетливо поставилъ на скатерть и пристально взглянулъ на князя.

— Знаете, что меня удивляетъ? Больше, — изумляетъ, безконечно изумляетъ! Вотъ мы сейчасъ выхватили съ вами на удачу десятокъ-другой имени. Разстрѣлы, пытки, истязанія, надругательство надъ близкими, родными. И такъ вездѣ во всей Россіи нѣтъ уголка, гдѣ-бъ ручьями не лилась кровь, смѣшанная со слезами. Казалось бы, какой небывалый просторъ для страшной, стихійной, самой беспощадной, самой чудовищной мести! Но, ради Бога, покажите мнѣ мстителей? Я ихъ не вижу, не вижу, за исключеніемъ бѣлыхъ армій? Это особь статья, это гражданская война. Но гдѣ же терроръ, гдѣ единичныя выступленія, всѣхъ тѣхъ десятковъ, сотенъ тысячъ обездоленныхъ, осиротѣвшихъ, потерявшихъ самое дорогое, завѣтное, близкое? Какъ могутъ, какъ смѣютъ жить и дышать всѣ эти палачи Россіи, русскаго народа, всѣ эти Ленины, Зиновьевы, Нахамкесы, Троцкіе, Дзержинскіе, Чичерины, Раковскіе, Радеки и вся остальная свора? Вѣдь есть же люди, которымъ нечего больше терять, которые кончаютъ самоубійствомъ, у которыхъ вырѣзаны и замучены цѣлыя семьи, которые влачатъ голодное, животное существованіе оплеванныхъ и униженныхъ совѣтскихъ парій. И хотя-бъ кто-нибудь попытался ухлопать одного изъ этихъ красныхъ хамодержцевъ, одну изъ этихъ подлыхъ

гадинъ. Никто! Ни одна живая душа, ни одна, къ великому стыду русской всей буржуазіи!

— Это больше чѣмъ стыдъ. Это позоръ! — глухо отозвался Гагаринъ. Вашъ справедливый упрекъ брошенъ въ лицо всей русской буржуазіи, а слѣдовательно и мнѣ. Въ свое оправданіе скажу: я честно выполнилъ свой долгъ передъ Родиной. Больше двухъ лѣтъ я боролся съ большевиками, терпѣлъ невзгоды, жилъ и дрался въ отчаянныхъ условіяхъ и, какъ вы говорите, „ухлопалъ“ собственноручно немало комиссаровъ и коммунистовъ. Но, въ концѣ-концовъ, такъ измызгалъ свои нервы, такъ износился, истрепался душой, что не хватило бы уже ни сердца, ни воли охотиться за черепами главарей. Я не оправдываю себя ничуть, я только говорю, если и виновенъ, заслуживаю снисхожденія. А стыдъ, стыдъ, повѣрьте, жожеть меня всего! — и онъ вспыхнулъ и окружающіе видѣли, какъ ему тяжело, мучительно тяжело...

8. Почему ихъ не убиваютъ?

Натянутая пауза. Молчаніе усугубляло неловкость. Винарскій, съзвивъ свои голубые выщипанные глаза, погрозилъ Ливинскому.

— Ахъ, этотъ панъ Леонъ! Безстрашный, невозмутимый, какъ хирургъ и такъ же безстрастно, невозмутимо вскрываетъ человѣческія души... Копаются въ нихъ... Надѣюсь, милый князь, вы не въ обидѣ на моего друга... вотъ вашъ коньякъ — чокнитесь... Вѣрите мнѣ, подъ ледяной виѣшностью пана Леона, бьется золотое сердце.

— Благодарю тебя, удружилъ! — Поклонился Ливинскій. Золотымъ сердцемъ Ленинъ называетъ Дзержинскаго. Скорѣй же бери назадъ свой комплиментъ... скорѣе!

— Беру. Твое здоровье! Ваше князь, ваше Бейсымъ! пилъ коньякъ Винарскій, и сквозь его землистыя щеки, пока не увѣренно и робко, началъ пробиваться румянецъ.

— Напрасно вы изволили подумать, — обратился къ нему Гагаринъ, что я могъ счесть слова мосье Ливинскаго, какъ вызовъ себѣ. Наоборотъ, я дальше пойду! Всѣхъ насъ русскихъ, всѣхъ потому, что всѣ мы, мы виноваты и въ революціи, и въ большевизмѣ, и въ томъ, что большевизмъ справилъ пятилѣтній юбилей свой, всѣхъ насъ надо клеймить! Клеймить за нашу дряблость, за наше неумѣніе сплотиться, неумѣніе любить свою Родину, неумѣніе стать гражданами, взять отъ революціи неизбѣжные, необходимые уроки. Слышишь на каждомъ шагу — „Жида правятъ Россіей, жида засѣли въ Кремль, опоганили Иверскія Святыни“... Да, они сознательно губятъ Россію, которую ненавидятъ. Но мы то, мы хороши! Мы пятый годъ, теряющіе оскверненіе Кремлевскихъ святынь? Правъ, тысячу разъ правъ мосье Ливинскій, задавая вопросъ, — какъ смѣютъ еще до сихъ поръ жить Ленинъ и Троцкій, Дзержинскіе и Чичерины? Какъ они смѣютъ? Гдѣ же мстители? Гдѣ пламенные экзальтированныя русскія женщины, пытавшіяся сыграть роль Шарлоты Корде? Французская Шарлота Корде была пролетаркой, пасла овецъ. Лично ее революція не задѣла. Ножъ, который она всадила въ Марата, это не была личная месть, это былъ благородный порывъ уничтожить тирана, звѣря, залитшаго кровью Францію... А тысячи русскихъ женщинъ потеряли въ чрезвычайкахъ мужей, любовниковъ, отцовъ, братьевъ, потеряли все. Гдѣ же она святая месть? Ея нѣтъ! Мы узнаемъ сплошь да рядомъ, что вдовы погибшихъ бѣлогвардейцевъ сходятся съ комиссарами, даже съ чекистами. Вотъ я сегодня получилъ изъ Петербурга письмо. Бывшая фрейлина Ихъ Величества, сестра моего товарища по Пажескому корпусу, — изъ уваженія къ нему я не хочу называть ея имени, — крутила любовь съ комиссаровъ и не она его бросила, а онъ ее. Это одинъ типъ русской Шарлоты Корде. Другой типъ — вырвавшись за границу въ Парижъ, въ Берлинъ, Лондонъ, Римъ, онѣ горятъ бриль-

янтами, пляшутъ въ Данцингахъ, развратничаютъ, идутъ на содержаніе къ банкирамъ, спекулянтамъ, шиберамъ... Когда армія Врангеля, раздѣтая, разутая, голодная защищала Крымъ противъ всей Совдепн, хоть одна изъ этихъ Шарлотъ, сняла серьги, діадему, колбе, чтобы послать въ Севастополь нѣсколько паръ сапогъ и шинелей? А между тѣмъ на четвертую часть эмигрантскихъ бриліантовъ можно было бы одѣть и обуть всѣхъ Врангелевскихъ борцовъ... Взволнованный Гагаринъ остановился, переводя духъ.

— Bravo, bravo! — зааплодировали ему.

— Теперь вернемся къ террору. Допустимъ, хоть это не оправданіе, допустимъ, совѣтская знать окружила себя такой охраной, что никогда и не снилось ни одной изъ деспотій стараго и новаго міра. Допустимъ, что тѣхъ, кто и желалъ бы убить когонибудь изъ тѣхъ оберъ-палачей, страшитъ грозная перспектива... застѣнокъ, изощренныя китайскія пытки и какъ финалъ — неизбѣжная пуля въ затылокъ. Допустимъ и это. Но почему же безнаказанно развѣзжаютъ по Европѣ товарищи Красины, Радеки, Чичерины, Литвиновы, вся эта окончательно обнаглѣвшая сволочь? Въ Европѣ, вѣдь, нѣтъ чрезвычайекъ. Поднявшему руку на любого изъ этихъ мерзавцевъ не грозила бы смерть. На лучшей конецъ — оправданіе по суду, на худшій — два, три года тюремнаго заключенія. А между тѣмъ парочка, другая такихъ убійствъ нагнала бы панику на этихъ трусливыхъ гіенъ, имѣла бы громадное моральное и политическое значеніе въ глазахъ европейскаго общественнаго мнѣнія. Къ русской эмиграціи стали бы относиться съ уваженіемъ и, кто знаетъ, быть можетъ это повліяло бы въ смыслѣ переоцѣнки во мнѣніи Европы, совѣтской власти...

— Вотъ, вотъ! — подхватилъ панъ Леонъ. — И по моему, въ первую голову слѣдовало бы ухлопать Красина. Это большевистскій Столыпинъ, — да простится мнѣ кощунственное сравненіе про-

хвоста Красина съ великимъ русскимъ государственнымъ человѣкомъ. Но, въ самомъ дѣлѣ, здраваго ума и практической сметки у Красина больше, чѣмъ у всей этой нафантазированной шушеры, вмѣстѣ взятой. Англичане, французы, бельгийцы, итальянцы, всеріозъ не будутъ говорить съ Чичеринымъ, потому что онъ дегенератъ и въ его формулярѣ имѣется пребываніе въ сумасшедшемъ домѣ. Не будутъ говорить всеріозъ, съ Собельсономъ-Радecomъ потому, что это мелкое жулье, бывший карманнй воришка. Литвиновъ — торговецъ живымъ товаромъ, грабившій почтовые вагоны. И всѣ они въ такомъ же духѣ. А Красинъ — дѣлецъ, инженеръ, финансистъ. Онъ обманываетъ, а ему вѣрятъ. Вѣрятъ, потому, что не сектантъ, и не фанатикъ... Онъ втираетъ очки... Совѣтская власть, молъ, правѣтъ и съ поправѣніемъ политическимъ идетъ рука объ руку новая экономическая программа... Если кто-нибудь достанетъ для кремлевской шайки у впавшей въ дѣтство одуроченной Европы денегъ, чтобы на ту же самую Европу вооружить до зубовъ наемныхъ убійцъ — такъ это будетъ Красинъ! Красинъ — финансовый мозгъ и кошелекъ обнищавшей, голодной и вшивой Совдепн. Вотъ почему, если бы я организовывалъ терроръ и охоту на красныхъ коммивояжеровъ, нагло катающихся по Европѣ, Красина — перваго вывелъ бы я въ расходъ! Началъ бы съ него! И хотя онъ далеко не правовѣрный коммунистъ, увѣряю васъ, его потеря произвела бы ошеломляющее впечатлѣніе на свору московскихъ псовъ... Если кто и достанетъ имъ денегъ на продленіе агоніи — это будетъ Красинъ и только Красинъ... Итакъ, милый князь, начнемъ съ него, — улыбнулся Ливинскій темными глазами своими на блѣдномъ и нѣжномъ продолговатомъ лицѣ Веласкезовскаго инфанта.

Но улыбка застыла... Весь этотъ разговоръ, на видимо наболѣвшую у Гагарина тему, разволновалъ его, отбилъ аппетитъ. Онъ рѣшительно отодвинулъ тарелку съ горячей свиной котлетой,

задрожавшими пальцами налилъ коньяку въ большую водочную рюмку и какъ бы съ отчаянія выпилъ единымъ духомъ.

Угадывая, какія кошки скребутъ у него на душѣ, зная, что въ такіе моменты человѣку непріятно быть центромъ вниманія, хотя бы сочувствующаго, всѣ заговорили, заговорили только бы не молчать...

Бейзымъ первый нарушилъ это молчаніе, глядявась въ Леона.

— А у васъ, пане Ливинскій, фигура спортсмена. Вы худощавый съ виду, хрупкій, а должны быть выносливымъ и крѣпкимъ.

— Боксеръ, — отозвался Винарскій. — У него въ спальной виситъ кожаный шаръ и онъ каждое утро, надѣвши перчатки, лупитъ въ него, какъ въ бубень.

— Почему какъ въ бубень? — спросилъ панъ Леонъ, съ удивленіемъ приподнимая темныя брови свои.

— Покажите-ка мнѣ вашу руку, — попросилъ Бейзымъ.

Ливинскій зная, чѣмъ интересуется Бейзымъ, сжалъ кулакъ, согнулъ руку въ локтѣ. Бейзымъ, громадными пальцами своими прощупалъ твердый, ставшій налитымъ, тяжелымъ кулакъ, тронулъ мускулы и на лицѣ его отразилось удовольствіе.

— Видно, что тренируетесь! У васъ сильно развито предплечіе. Да и недурны бицепсы. Рычаги на славу!

— А на видъ тоненькій, шупленькій, — подхватилъ Винарскій, гордый за своего пріятеля.

Самъ Ливинскій былъ весьма польщенъ одобреніемъ человѣка, считавшагося однимъ изъ первыхъ атлетовъ и спортсменовъ не только въ Европѣ, но и во всемъ свѣтѣ.

— Послѣ этого, пане Бейзымъ, я о себѣ возмечталъ въ самомъ дѣлѣ Богъ знаетъ что, — молвилъ панъ Леонъ.

— Я вам не польстил. Върте мнѣ, далеко не у каждого профессиональнаго боксера такое предплечье. Я съ удовольствіемъ тренировался бы съ вами.

— Что вы, что вы! — съ комическимъ ужасомъ отмахивался обѣими руками Ливинскій.

— Хотя, слишкомъ вы легонкій для меня и какъ-нибудь невзначай я могъ бы испортить вамъ лицо, — сознался маіоръ. — А искривить, или приплюснуть вашу носъ — было бы жаль! Ужъ очень онъ у васъ породистый, тонкій...

— Новый комплиментъ! Кланяйся же, Леонъ, кланяйся и благодари! — настаивалъ Винарскій благодушный, разогрѣтый водкою и коньякомъ и принимающійся за ликеръ.

— Носъ очень очень уязвимое, чувствительное мѣсто — продолжалъ Бейзымъ. Вотъ почему негры съ ихъ плоскими профилями поразительно выносливы. Когда во дни моей мятежной молодости, меня забросило въ Нью-Йоркъ и я былъ грузчикомъ въ порту, знаменитый боксеръ-негръ Джефрисъ обратилъ на меня свое благосклонное вниманіе и нанялъ къ себѣ въ тренеры. Я каждый день душилъ его по носу и ничего, какъ съ гуся вода!..

— Сколько у васъ интересныхъ воспоминаній, — вырвалось у Ливинскаго, — а потомъ вы сдѣлались кинематографическимъ артистомъ?

— О, нѣтъ. Далеко не сразу... Да вотъ, кстати, мнѣ нуженъ для ансамбля, какъ говорится, для новой фильмы съ моимъ участіемъ, изящный охотникъ. Вы, пане Ливинскій, не прочь сняться?

— Отчего-жъ... Только гдѣ, когда и какъ?

— Въ моемъ лѣсу на Воляни, какъ только выпадетъ первый снѣгъ. На меня поднимутъ медвѣдя, а я пойду на него съ ножомъ.

— Слышаль, уже говорятъ въ городѣ. Конечно поѣду, конечно! И не такъ перспектива увидѣть свое собственное изображеніе на фильмѣ прельщаетъ, какъ зрѣлище вашей борьбы съ медвѣдемъ. Я уже заранѣе читаю отходную вашему косматому

противнику. Вы будете колоть звѣря обыкновеннымъ охотничьимъ ножомъ?

— Охотничій ножъ неудобенъ, массивенъ. Я испыталъ это въ Америкѣ, имѣя дѣло съ гризли — сѣрымъ медвѣдемъ. У меня для этой цѣли имѣется болѣе удобное оружіе — испанская наваха. Вотъ всего клинокъ — раздвинулъ пальцы Бейзымъ на четверть аршина другъ отъ друга. Обыкновенная наваха, отечество которой Альбасетъ — маленькій, глухой городокъ въ Андалузіи.

— Вотъ какъ! А я видалъ въ витринахъ оружейныхъ магазиновъ въ Ниццѣ очень большія навахи.

— Нарядная, отдѣланная серебромъ? — подхватила Бейзымъ — это специально для туристовъ. Испаніи онѣ въ глаза не видѣли. Самаго что ни на есть золдингенскаго происхожденія. Абасетскими навахами, что у меня, андалузійцы бьются на поединкахъ изъ-за женщинъ... Итакъ, по рукамъ, ѣдете?

— Натурально ѣду! Пана Михаила прихватимъ съ собою.

— Если только панъ Михаилъ будетъ свободенъ, — отозвался Винарскій, — кромѣ того, не забывай, имѣние пана Бейзыма у самой границы. Большевистская банда сдѣлаетъ набѣгъ, схватитъ меня и будутъ они изъ моей спины кроить ремни, а на груди польскаго орла вырѣжутъ... Нѣтъ, лучше подальше отъ такихъ сильныхъ ощущеній...

9. Фармацевтъ, вкусившій власть.

Изъ скверной передраги въ „Римской“ гостиницѣ, Геллеръ вышелъ изуродованнымъ навсегда. Хлыстъ разсѣкъ обѣ губы, верхнюю и нижнюю, такъ глубоко и сильно, что обнажились и зубы и десна. Впечатлѣніе, какъ если-бы товарищъ Геллеръ получилъ ударъ въ лицо лошадинымъ копытомъ. Въ рукахъ средняго человѣка хлыстъ не могъ бы такъ страшно искалѣчить, въ рукахъ Бейзыма — это оружіе, способное вырвать изъ тѣла клочья, даже цѣлая борозды мяса.

Да такъ оно и вышло. Потому и сквозили десна и зубы у Геллера, и нельзя наложить швы, что вырвано было мясо.

Когда Геллеръ убѣдился, что это уже на вѣки-вѣчные, его охватило бурное бѣшенство. Бѣшенство безсильной злобы, отчаянія. Онъ рвалъ свои пышно пѣнящіеся волосы, эту „бронштейнову“ копну, опущенную въ подражаніе Троцкому, дико вылъ, бился головою объ стѣну и, катаясь по полу, грызъ ножки стульевъ.

— Зачѣмъ жить, зачѣмъ теперь жить? — въ иступленіи спрашивалъ онъ себя. Зачѣмъ, когда онъ больше никогда не увидитъ въ зеркалѣ свое бритое, холеное припудренное лицо, которымъ онъ такъ любовался подолгу. Въмѣсто пухлыхъ, красныхъ губъ — шрамъ, похожій на косую щель. Она будетъ вызывать невольную, брезгливую дрожь не только у мужчинъ, — это-бъ еще туда-сюда, съ полгоря, — но самое главное, — у женщинъ. Когда у него были губы, какъ у всѣхъ, онъ, въ бытность свою фармацевтомъ въ аптекѣ Берггольца, на углу Фонтанки и Невскаго, цѣловалъ смазливенькихъ горничныхъ и социалистически настроенныхъ акушерокъ. Когда же волна всероссийскаго бунта вынесла его къ власти, онъ этими губами жадно, слюняво, врасосъ цѣловалъ тѣхъ графинь и княгинь, жизнь и судьба мужей которыхъ были всецѣло въ его рукахъ.

А теперь, теперь — увы, прощай не только утѣхи любви, но, пожалуй и карьера. На митингахъ изуродованный, разсѣченный ротъ — могила. Шрамъ на лицѣ сообщаетъ мужественное что-то, можетъ сойти за ударъ бѣлогвардейской сабли, но когда вмѣсто двухъ губъ — четыре — это вульгарно, противно, какъ у деревенскаго мужика, искалѣченнаго въ дѣтствѣ ударомъ задняго копыта.

Ради женщинъ и власти, онъ только и жилъ и трудно сказать, какое изъ этихъ двухъ благъ больше манило его. Вѣриѣе, переплетаясь, они дополняли другъ друга на фонѣ богатства, накоп-

леннаго со сказочною быстротою, возможной только въ Совдепіи.

Уйти отъ власти? Нѣтъ, ни за что! Онъ слишкомъ долго и расточительно пилъ изъ этого ядовитаго кубка, чтобы добровольно отказаться. Онъ отпустить усы и бороду и кое-какъ замаскируетъ свое увѣчье... Наконецъ, отчего бы и не такъ?... На первый взглядъ это покажется до нелѣпаго романтическимъ — пусть! Зато обвѣтъ его ореоломъ таинственности...

Геллеръ вспомнилъ прочитанный въ ранней юности романъ изъ эпохи, когда Ломбардіей владѣли испанцы. Губернаторомъ Милана былъ назначенъ королевскимъ указомъ изъ Мадрита капитанъ Мендоза. Никто никогда не видѣлъ лица капитана Мендоза, лица закрытаго маской, скрывавшей исключительное уродство жестокаго, возненавидѣннаго весь міръ испанца.

Вотъ и новый псевдонимъ готовъ — Мендоза. Товарища Геллера нѣтъ, онъ умеръ. Есть товарищъ Мендоза. Но что скажетъ Совнаркомъ? Не найдетъ ли онъ это перевоплощеніе слишкомъ буржуазнымъ и очень мало пролетарскимъ?

Нѣтъ. Пусть лишь борода и усы. Пусть что угодно, только бы удержатъ власть. Онъ будетъ цѣпляться за нее всеми способами. За нее. Да еще за мечь! Онъ долженъ отомстить проклятому Бейзыму, хотя бы это далось ему цѣною нѣсколькихъ пригоршней брилліантовъ, цѣною всего, что онъ имѣетъ и что будетъ еще имѣть...

Кто разъ вкусилъ упоенія властью, отравился ею, какъ онъ, посылавшій на смерть людей, и однимъ росчеркомъ пера и физически, собственноручно всаживая пулю въ свою жертву, — либо въ затылокъ, либо въ ротъ, разбивъ предварительно зубы холоднымъ, тяжелымъ и твердымъ дуломъ браунинга, — тотъ ни за что не уйдетъ добровольно, отъ дѣлающей его хозяиномъ, распорядителемъ человѣческой жизни, власти.

Въ такія минуты онъ забывалъ, что онъ сынъ виленскаго переплетчика, неудавшійся ученикъ рисовальной школы и фармацевтъ, какихъ тысячи. Онъ мнилъ себя высшимъ существомъ: Нерономъ, Калигулой, Чингизъ-Ханомъ, Аттилой, Наполеономъ. А, иногда наоборотъ, тѣшился кровожаднымъ сознаніемъ, что онъ, сынъ переплетчика и фармацевтъ, избиваетъ и разстрѣливаетъ царскихъ генераловъ, князей, министровъ, а женъ и дочерей ихъ, еще недавно такихъ гордыхъ, свѣтскихъ, недоступныхъ, насидуетъ, унижаетъ, оскорбляетъ.

Онъ привыкъ однимъ своимъ появленіемъ вселять ужасъ въ стынущія человѣческія сердца.

Какъ-то лежа подъ стеганнымъ атласнымъ одѣяломъ въ сумеркахъ, забинтованный и заклеенный пластырями, онъ вспомнилъ Петербургъ, вспомнилъ Гороховую, вспомнилъ свой кабинетъ съ коллекціей револьверовъ на столѣ. Онъ испытывалъ холодное, жесткое удовольствіе лично вызывать на разстрѣлъ узниковъ, кинащихъ грязнымъ человѣческимъ мясомъ, камеръ. Глубокой ночью онъ входилъ въ освѣщенную электричествомъ камеру, входилъ съ иглочки одѣтый, съ бриллиантомъ въ галстухѣ и съ трясущейся копьюю волосъ. Онъ останавливался посреди затихшаго, замершаго, сбившагося двуногаго стада. И чтобы продлить выросавшій въ вѣчность моментъ, онъ удлинялъ паузу, ни на кого не глядя, окаменѣвшій въ своемъ тупомъ величіи. И только насладившись вдоволь произведеннымъ впечатлѣніемъ, наконецъ вызывалъ:

— Такой-то! Безъ вещей!

„Безъ вещей“ — это значило ни на допросъ, ни на свободу и не въ другую тюрьму, а — на тотъ свѣтъ.

По отношенію къ буржуямъ, къ бѣлогвардейцамъ, у него „это“ скоро притупилось. Кролики, запуганные бараны, покорно идущіе на совѣтскую бойню. Совсѣмъ другія, болѣе острая оощенія, когда съ этой убійственной лаконической фразою — „такой-то, безъ вещей“, — онъ обращался къ

взбунтовавшимся матросамъ минной дивизіи. Давно ли, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, эти самые матросы блестящихъ офицеровъ своихъ, дворянъ и родовитыхъ баръ, мучили, убивали, бросали въ топку, заставляли ѣсть борщъ съ примѣсью нечистотъ. Они, эти декольтированные гориллы, считали себя преторьянцами, а самъ Бронштейнъ считалъ ихъ „красою и гордостью революціи“. И вотъ онъ, Геллеръ, еврей-фармацевтъ, эту самую „красу и гордость“, посылаетъ на разстрѣлъ, да еще торопить:

— Эй, ты, пошевеливайся, мерзавецъ!

И русскіе матросы — это было заслуженное возмездіе — съ головы до ногъ залитые „бѣлогвардейской“ кровью, рубившіе руки своимъ адмираламъ — блѣдные, нѣмые, съ прыгающими губами, ступая почему-то на цыпочкахъ, покорно шли на окрикъ фармацевта Геллера, шли „безъ вещей“.

Ради такихъ моментовъ, сыну виленскаго переплетчика хочется жить, хочется власти...

Правда, дипломатическая карьера кончена. Неудобно представлять за границей съ такимъ ртомъ, съ такими губами. Но Геллеръ никогда не мечталъ о карьерѣ совѣтскаго дипломата. Онъ былъ очень слабъ и немощенъ въ иностранныхъ языкахъ и далеко не пошелъ бы. На свое назначеніе въ Варшаву смотрѣлъ, какъ на отдыхъ въ культурномъ европейскомъ центрѣ, гдѣ онъ можетъ одѣться съ головы до ногъ, обзавестись бѣльемъ, посѣщать рестораны, кафе — словомъ имѣть все то, чего нѣтъ въ одичавшей, грязной, вымирающей Совдепіи.

Первый мѣсяць его съ непривычки, вѣрнѣе съ отвычки, развлекала шумная жизнь польской столицы. Освѣщенные витрины, извозчики, автомобили, кареты. На каждомъ шагу — магазины. Иди и покупай хоть до изнеможенія. Вспоминался Петербургъ съ заколоченнымъ Гостиннымъ дворомъ съ вымершимъ Невскимъ, гдѣ нельзя было достать ни карандаша, ни папиросъ, ни катушки нитокъ, — такъ гениально было все социализировано.

Да, вначалѣ Варшава забавляла Геллера. Вначалѣ, а потомъ, потомъ онъ уже испытывалъ приблизительно такое же ощущеніе, какъ и старый солдатъ знаменитаго иностраннаго легіона, послѣ многихъ лѣтъ колониальныхъ войнъ, очутившійся въ сверкающей сутолокѣ Парижа. Вначалѣ интересно, разбѣгается глазъ, а потомъ скучно и главное — „стѣснительно“ себя чувствуешь. Другіе люди, другіе законы. Другая, совсѣмъ другая мораль...

Тамъ, на востокѣ, и въ знойной пустынѣ, въ дремучихъ лѣсахъ Мадагаскара и въ джунгляхъ Индо-Китая, бѣлый человѣкъ, завоеватель-солдатъ — властелинъ жизни и смерти бронзовыхъ, желтыхъ и черныхъ туземцевъ. Понравилась женщина — берешь себѣ. Осмѣлился заступиться мужъ, отецъ, братъ — пуля въ лобъ. Тоже самое, если понравится — и съ предметами неодушевленными.

И Геллеръ, подобно колониальному солдату, чувствовалъ себя „стѣснительно“ въ Варшавѣ. Въ Петербургѣ онъ былъ какимъ-то полубогомъ, могъ арестовывать, разстрѣливать, обогащаться добромъ этихъ самыхъ арестованныхъ и разстрѣлянныхъ, этихъ безотвѣтныхъ русскихъ рабовъ. А здѣсь, за границей, онъ уже не полубогъ, кидаящій въ страхъ и трепетъ буржуевъ, а обыкновенный смертный, какъ и всѣ въ этой свободной толпѣ, снующей по улицамъ, наполняющей кинематографы и кофейни.

Исторія съ Бейзымомъ лишь ускорила возвращеніе Геллера въ страну бѣлыхъ негровъ. Не случись этотъ скандалъ, онъ все едино вернулся бы къ прежнему, къ допросамъ, къ застѣнкамъ, бриллиантамъ, слезамъ, вымогательствамъ, избіеніямъ.

Тирипцъ былъ правильно освѣдомленъ. Геллеръ не хотѣлъ показываться ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ и своей временной резиденціей избралъ Славуту — живописное мѣстечко съ обступившимъ его дивнымъ сосновымъ лѣсомъ. До революціи Славута была имѣніемъ князя Романа Сангушко, имѣніемъ съ суконной фабрикой, кумысо-лечебнымъ

курортомъ и единственнымъ въ Европѣ заводомъ арабскихъ лошадей.

Но въ первые же дни „великой безкровной“ девяностодухлѣтній князь Романъ Сангушко былъ звѣрски умерщвленъ солдатской чернью. Эта же чернь разграбила старинный замокъ, растащила все фабричное сукно и разстрѣляла всѣхъ арабскихъ жеребцовъ и матокъ за ихъ „буржуазность“. Въ нѣсколько дней „жемчужина“ Волыни превратилась въ хаотическій, разоренный пустырь. Въ замкѣ, среди проколотыхъ солдатскими штыками фамильныхъ портретовъ кисти великихъ живописцевъ, среди Людовикской мебели съ содранной обивкою, среди изрѣзанныхъ на портянки гобеленовъ, застѣдалъ совѣтъ рабочихъ депутатовъ.

10. Передъ „высочайшимъ“ прїѣздомъ.

Въ Славуту Геллеръ попалъ впервые.

Городской житель, никогда не обращавшій вниманія на пустыки, зовущейся „природой“, Геллеръ, однако, въ эти зямяне, безснѣжные дни былъ захваченъ мощнымъ величіемъ сосноваго лѣса, наполняющаго и день и ночь все мѣстечко протяжнымъ, длительнымъ гудѣніемъ, подобнымъ прибою морской волнъ. А воздухъ былъ насыщенъ хвоей, такой ощутимой на вкусъ густоты — не мудрено, что проведя въ этомъ уголкѣ два-три мѣсяца чохоточные „смертники“, приговоренные медицинскимъ Олимпомъ къ путешествію на тотъ свѣтъ, — поправлялись на диво.

Совѣтская власть, разоривъ эту чудодѣйственную климатическую станцію, не ударила палецъ о палецъ, чтобъ возстановить ее, хотя бы для чохоточнаго пролетаріата, въ заботахъ о которомъ рабоче-крестьянское правительство такъ горячо распинается... на бумагѣ, въ своихъ газетахъ и въ своей агитационной заборно-плакатной „литературѣ“

Геллеръ могъ реквизировать себѣ любой уютный домикъ подъ черепичной крышей, оставивъ

безъ всякой крыши „буржуазныхъ“ хозяевъ, бывшихъ хозяевъ, такъ какъ въ социалистической республикѣ собственность — роскошь исключительно правящаго класса.

Но Геллеръ хотѣлъ поселиться въ княжескомъ замкѣ, въ этомъ старинномъ, фамильномъ гнѣздѣ Гедминовыхъ — потомковъ. Правда, онъ запущенъ, разграбленъ, стоитъ годами нетопленный. Все это было бы серьезнымъ препятствіемъ, но не для виднаго коммуниста и не въ Совдепѣ. Онъ только приказалъ встрѣтившимъ его на станціи краснымъ чиновникамъ и тѣ съ нервическимъ подобострастіемъ кинулись осуществлять волю начальства, волю, выраженную въ рѣшительной формѣ.

— Эй, вы, товарищи! Если черезъ шесть часовъ не будетъ готово помѣщеніе въ замкѣ — я съ вами расправляюсь по своему!

Перепуганныя мелкія сошки, желая угодить столичному сановнику, съ которымъ, видимо, шутки плохи, старались во-всю. Во мгновение ока согнано было въ замокъ около тридцати женщинъ, сплошь конечно буржуазнаго происхожденія. Ихъ заставили подъ конвоемъ красноармейцевъ мыть полы, окна, двери, топить печи перетаскивать уцѣлѣвшую мебель.

Велико было усердіе. Не минуло еще назначенныхъ Геллеромъ шести часовъ, какъ три большихъ парадныхъ комнаты приняли вполне жилой видъ. Середину спальни занимала широкая монументальная рѣзаная кровать подъ пышнымъ багдахиномъ, увѣнчаннымъ золоченой потускнѣвшей княжеской короной. Сосѣднюю комнату превратили въ кабинетъ, а слѣдующую — въ столовую. Въ каминѣхъ и печахъ съ веселымъ потрескиваніемъ пылали сухія березовыя дрова. Истопницы — жены и дочери бывшихъ царскихъ чиновниковъ и бывшихъ княжескихъ управляющихъ — худыя, блѣдныя, изможденные отъ собачьей жизни впроголодь, забнуція у себя дома уже пятую зиму, подбрасывали все новыя и новыя охапки полѣньевъ, счастливыя, что наконецъ удалось самимъ согрѣться.

Товарищи въ безпогонныхъ шинеляхъ и кожаныхъ курткахъ, въ эстетическомъ усердіи своемъ позаботились, чтобы стѣны аппартаментовъ Геллера не остались голыми, благо еще не вся картинная галлерея замка была уничтожена и разворована. Недоучка виленской рисовальной школы, Геллеръ, „второй Айвейзовскій“ по горделивому опредѣленію папаша, кое-что смыслилъ въ живописи и оцѣнилъ по достоинству уцѣлѣвшее.

Въ спальнѣ криво повѣшена была композиція Рубенса: дебелая, съ молочно-розовымъ тѣломъ. Сусанна, за которой подглядываютъ атлетическіе сѣдобородые старцы. Геллеръ прикинулъ, сколько можно взять за этого Рубенса въ хорошей валютѣ — въ фунтахъ, долларахъ или франкахъ. Покидая Славуту, онъ срѣжетъ холстъ съ подрамка. Свернутый въ трубку холстъ сдѣлается „портативнымъ“, а дальше, — дальше будетъ видно...

Въ кабинетѣ со сборной мебелью, съ письменнымъ столомъ краснаго дерева и тяжелыми золоченными креслами — подлинный Людовикъ XIV, совѣтская челядь повѣсила два большихъ портрета князя Романа Сангушко.

Одинъ былъ написанъ Брюлловымъ семьдесятъ пять лѣтъ назадъ. Молодой красавецъ-кавалергардъ въ каскѣ и латахъ, опершись на длинный, тяжелый палашъ, стоялъ между мраморныхъ колоннъ, бѣлыхъ, ослѣпительно бѣлыхъ на фонѣ темной виноградной листвы. На другомъ портретѣ, поменьше, пояснымъ, овальномъ — сухой, въ сѣдыхъ бакенахъ, породистый, съ крупнымъ и рѣзкимъ профилемъ, старикъ. Между нимъ и юнымъ блестящимъ кавалергардомъ легло полстолѣтія.

Геллеръ прочелъ надпись — Энрико Семирадскій. Рома 1900 г. Отвратительно оскаливъ, и безъ того наполовину обнаженные шрамомъ, зубы, Геллеръ погрозилъ кулакомъ сначала кавалергарду, похожему въ каскѣ и въ латахъ на юнаго бога войны, потомъ сѣдоусому, горбоносому старику.

— Сволочь!.. Сіятельное отродье! Семирадскимъ, да Брюдловымъ заказывали свои портреты!.. Поцарствовали — и будетъ! Довольно съ васъ! Теперь наша очередь, наше время вкусно ѣсть и сладко спать въ вашихъ княжескихъ кроватяхъ подъ балдахинами!..

Кавалергардъ, упоенный сверкающимъ утромъ жизни, глядѣлъ куда-то передъ собою, а вотъ сухой, съ пергаментнымъ лицомъ Сангушко презрительно смотрѣлъ въ упоръ на Геллера, словно недоумѣвая, какъ могъ, какъ смѣлъ этотъ обнаглѣвшій еврейчикъ залѣзть въ его, князя Романа Сангушко, дворецъ?

Геллеръ чувствовалъ, физически чувствовалъ на себѣ этотъ взглядъ. Заросшее длинной рыжеватой щетиною лицо, — онъ уже отпускалъ усы и бороду, — перекривилось и онъ съ отвѣтнымъ взоромъ вновь погрозилъ кулакомъ:

— Что? Кто побѣдилъ? Кто изъ насъ оказался сильнѣе? Ты ли потомокъ владѣтельныхъ литовскихъ князей, не пускавшихъ жидовъ на порогъ своего замка, или я, хозяинъ теперь въ твоихъ пятисотлѣтнихъ чертогахъ? Революція смела тебя, ты подохъ собачьей смертью, а я живу и буду еще долго жить!.. Кто же изъ насъ сильнѣе, ваше сіятельство? Кто?

Но все же презрительный взглядъ стараго князя смущалъ большевика, смущалъ оттуда, изъ-за могилы и хотя большевикъ чувствовалъ себя сильнѣе, однако черезъ часъ приказалъ снять и вынести портретъ.

Въ Славутѣ Геллеръ очутился въ тѣхъ самыхъ условіяхъ, по которымъ успѣлъ стосковаться въ Варшавѣ.

Запуганные, ограбленные жители, чуть-чуть, кое-какъ влачащіе свое животное, впроголодь прозябаніе, трепетали. И еще сильнѣе затрепетали съ его появленіемъ. Ни улыбки, ни смѣха, ни громкой, свободной рѣчи. Съ наступленіемъ раннихъ зимнихъ сумерокъ богатое мѣстечко, до революціи

освѣщавшееся электричествомъ, погружалось въ кромѣшную тьму. Нельзя было, не на что было достать ни свѣчей, ни керосину. Лишь окна главныхъ совѣтскихъ чиновниковъ да комиссаровъ горѣли ярко. Даже православный священникъ и католическій ксендзь, длинные вечера свои коротали при тускломъ миганіи каганца съ фитилемъ, опущеннымъ въ подсолнечное масло.

Подстать освѣщенію былъ и продовольственный вопросъ. Хлѣбъ выпадалъ немногимъ привилегированнымъ счастливымъ. Народъ же питался овсяной изъ третьесортнаго овса, нечистаго, съ мышиннымъ пометомъ. Въ мирное время отъ подобной „овсянки“ отвернулася бы захудалая бродячая дворянка.

А въ жарко-нагрѣтыхъ магнатскихъ аппаратахъ Геллера ослѣпительно горѣли лампы съ глубокими, вмѣщавшими нѣсколько фунтовъ керосина, резервуарами, — каждая пятьдесятъ свѣчей. Къ завтраку, обѣду и ужину подавались жирныя филейныя части дикой козы, плавающие въ маслѣ бефштексы и кабаньи окорока — этихъ кабановъ въ бывшихъ княжескихъ лѣсахъ водилось — не переводилось. Геллеръ почти блаженствовалъ. Почти. Для полного блаженства чего-то не хватало. Этимъ „чѣмъ то“ было его увѣче и связанная съ нимъ жажда мести.

Черезъ нѣсколько дней официальную Славуту облетѣла ошеломляющая сенсація. Новость изъ новостей! Геллеръ воспринялъ ее безъ особенной радости — даже довольно кисло. Въ Славуту на двухъ-недѣльный отдыхъ пріѣзжаетъ петербургскій генералъ-губернаторъ Зиновьевъ прикрывшій этимъ звучнымъ дворянскимъ псевдонимомъ свою незвучную и недворянскую фамилію Апфельбаума. Черезъ нѣсколько дней прибылъ экстренный поѣздъ. Но это еще не былъ самъ Апфельбаумъ. Солнце, прежде чѣмъ показаться, сначала посылаетъ длинный снопъ лучей своихъ. Такимъ „снопомъ“ Зиновьевскихъ лучей и былъ передовой поѣздъ, вы-

грузивший на маленькой станции генераль-губернаторскую челядь — поваровъ, кондитеровъ, электротехниковъ, лакеевъ, обойщиковъ и сотню явныхъ и тайныхъ чекистовъ. Явные, — дюжие, разбойничьяго вида, парни съ иглочки одѣтые въ защитную форму, въ суконовыхъ шлемахъ „спринцовкахъ“ съ большой красной звѣздой на лбу и вооруженные до зубовъ. Тайные — все сплошь одного утвержденного образца, души-штатскіе съ физиономіями совѣтскихъ ищеекъ.

„Эшелонъ“ занялся своимъ дѣломъ. Повара съ кухонными мужиками запасались провизіей. Красноармейцы-электротехники проводили въ замокъ электричество. Обойщики и декораторы спѣшили придать замку жилой и уютный видъ. На апартаменты Геллера никто не посягалъ, но онъ уже не чувствовалъ себя такимъ свободнымъ хозяиномъ. Комиссары, ожидая со дня на день „самого“ Зиновьева, уже не замѣчали Геллера, а онъ уже не замѣчалъ въ нихъ прежняго подобострастія къ своей особѣ.

Закипѣла работа и у чекистовъ. Зиновьевъ-Апфельбаумъ, жестокой, злой и трусливый какъ гена, желалъ обезопасить себя отъ возможныхъ покушеній. Работа совѣтскихъ охранниковъ сводилась къ „чисткѣ“ населенія. Всѣхъ, внушавшихъ мало-мальское подозрѣніе въ политической неблагонадежности, хватили, по обыкновенію глубокой ночью и подъ сильнымъ конвоемъ гнали за тридцать верстъ въ тюрьму уѣзднаго города Заславля. Не избѣжало этой участи и духовенство, православное и католическое. Нѣсколько человѣкъ буржуевъ и явныхъ бѣлогвардейцевъ не довели до тюрьмы: ихъ разстрѣляли въ тянувшемся до самаго города сосновомъ лѣсу.

Передъ сѣрымъ величественнымъ фасадомъ замка было пустое пространство. Не площадь, а именно пустое пространство. Далеко, впереди фасада, были выброшены проводочныя загражденія съ двумя пулеметами и часовыми у рогатокъ. Сов-

сѣмъ какъ на войнѣ. Обывателямъ строго-настроено запрещено было проходить мимо замка и хочешь-не хочешь, дѣлай громадный крюкъ, избирая впадетеро длиннѣйшую дорогу черезъ плотину, — дабы изъ одной половины мѣстечка пробраться въ другую. Тоже какъ на войнѣ и, — это отзывало осаднымъ положеніемъ, — никто, если это не былъ отвѣтственный совѣтскій работникъ, не смѣлъ выходить изъ дому съ наступленіемъ сумерокъ.

Когда приготовления были кончены, когда всѣхъ кого надо; увели въ тюрьму, кого надо разстрѣляли; когда несчастное населеніе, терроризованное до послѣдней крайности, превратилось въ какія то блуждающія тѣни, полупомѣшанныя, уже начинающіе бояться самихъ себя; когда на протяженіи двухъ верстъ отъ вокзала до проводочныхъ загражденій шпалерами, выставленъ былъ прибывшій для этой церемоніи изъ Заславля полкъ пѣхоты; когда на станцію двинулся эскадронъ фантастической конницы въ красныхъ мундирахъ, красныхъ штанахъ и красныхъ мефистофельскихъ головныхъ уборахъ; когда явные чекисты въ защитныхъ „спринцовкахъ“, сообщавшихъ имъ видъ опричниковъ, — да они и были опричники, — держа винтовки на перевѣсѣ, оцѣпили вокзалъ; — тогда только плавно и тихо подошелъ къ деревянной коричневой станціи бывшій императорскій поѣздъ.

Въ холодномъ утреннемъ воздухѣ строгимъ ледянымъ блескомъ засіяла большія зеркальныя окна вагоновъ. На ихъ фонѣ замелькали мужскіе и женскіе силуэты, головы.

Депутация отъ мѣстнаго совдепа, вся въ красныхъ звѣздахъ и красныхъ бантахъ, замерла въ какомъ-то священномъ обалдѣніи. Поодаль, не смѣшиваясь съ этимъ плескомъ, стоялъ, запахнувшись въ длинную сибирскую доху, Геллеръ, такъ запахнувшись, чтобы скрыть нижнюю половину лица.

Капельмейстеръ военнаго оркестра, блѣдный, не спускавшій глазъ съ вагона, изъ котораго дол-

женъ выйти „самъ“, взмахнулъ палочкой. Молчавшія мѣдныя, ярко вычищенные трубы, мгновенно ожили „Интернаціоналомъ“:

Вставай проклятемъ заклеенный
Весь міръ голодныхъ и рабовъ...

II. Апфельбаумъ и его свита.

Изъ генераль-губернаторскаго „салона“ вышли два громадныхъ кубанца въ полной парадной формѣ царскаго конвоя. Огненные черкески съ откидными широкими рукавами, огненные башлыки, высокія папахи, за плечами винтовки. Держа „на караулъ“ обнаженные шашки, они румяные, бородатые, лицомъ къ лицу, застыли у вагона. Третій казакъ откинулъ обитую малиновымъ бархатомъ лѣсенку. А у самаго задняго вагона-платформы уже суетились шоферы, стаскивая брезентъ, обнажившіи три мощныхъ автомобиля — черной Лимузинъ-карету и два открытыя.

Это будетъ послѣдній

И рѣшительный бой...

неслось въ густомъ, пропитанномъ смолистой хвоей воздухѣ, неслось изъ широкихъ мѣдныхъ глотокъ.

Огненные кубанцы такъ вытянулись, такъ окаменѣли со своими шашками — впечатлѣніе гигантскихъ восковыхъ фигуръ, а не живыхъ людей. Надъ ними показался толстый человѣкъ въ дорожной шубѣ и боярскаго бобровой шапкѣ на-бекрень. Бритое, жирное, помятое бабье лицо. Проскользнули впередъ на платформу два адъютанта и когда Зиновьевъ медленно сходилъ по крытой малиновымъ бархатомъ лѣстницѣ, адъютанты поддерживали его.

Капельмейстеръ, сдѣлавъ звѣрское лицо, взмахнулъ послѣдній разъ палочкой. Оркестръ смолкъ на полутактѣ...

Зиновьевъ съ бритой бабьей физиономіей, коснулся рукою бобровой шапки. На мясистыхъ ко-

роткихъ пальцахъ засверкали чудовищной величины брилліанты.

— Съ коммунистическимъ привѣтомъ, — слышался хриплый голосъ человѣка много пьющаго. Да что голосъ, — достаточно было взглянуть на эти обрюзгшія щеки въ красныхъ жилкахъ, на эти воспаленные глаза, на эти набухшіе мѣшочки подъ ними, чтобы не заподозрить товарища Апфельбаума въ чрезмѣрной трезвости.

Въ немъ была смѣсь чего-то еврейскаго, актерскаго и... купческаго. Совсѣмъ саврасъ. Долго держали его въ черномъ тѣлѣ и вотъ дорвался наконецъ до шальнаго, оставленнаго американскимъ дядюшкою наслѣдства. Безпробудные кутежи съ превращеніемъ дня въ ночь и ночи въ день. Онъ такъ и ѣхалъ въ императорскомъ поѣздѣ со своей свитой черезъ голодную вымеряющую Россію, объѣдаясь тонкими деликатесами и опиваясь французскимъ шампанскимъ. Въ Славути больше сорока дюжинъ привезли съ собою. Краденное шампанское, краденный поѣздъ, краденная шуба съ боярскаго шапкою, краденные брилліанты на короткихъ, мясистыхъ пальцахъ, краденная фамилія, краденная власть и краденный почетъ, оказываемый тупымъ русскимъ двуногимъ быдломъ темному, ничтожному эмигранту, бездарному газетному репортершику въ самомъ недавнемъ прошломъ.

А теперь это царь и богъ Сѣверной коммуны и, если-бъ собрать всю кровь русскую, пролитую Гришкой Зиновьевымъ за безъ малаго четыре года, онъ могъ бы нѣсколько мѣсяцевъ купаться въ ней, мѣняя каждый день ванну. Онъ гордъ, что безъ вѣдома Москвы въ одну ночь разстрѣлялъ четырехъ Великихъ Князей. Память о двухъ мученикахъ всегда съ товарищемъ Зиновьевымъ. Бриллиантовый перстень, горящій дивными синими и голубыми огнями снятъ съ узкой руки Павла Александровича, а массивный золотой портсигаръ, лежащій подъ шубой въ карманѣ пиджака — собственность Николая Михайловича, во дворцѣ ко-

того, на Английской набережной, поселился его убійца.

Традиція, переходящая изъ вѣка въ вѣкъ, со времянь классической древности, — палачъ наследуетъ вещи своей жертвы, неукоснительно и свято соблюдалась въ Совдепѣ красными палачами всѣхъ ранговъ и степеней, начиная отъ такихъ какъ Троцкій, Зиновьевъ, Дзержинскій и кончая рядовымъ заплечныхъ дѣлъ мастеромъ глухой, уѣздной чрезвычайки.

Петербургскій генераль-губернаторъ выслушалъ разсѣянно и нетерпѣливо высокопарное привѣтствіе мѣстнаго совдепа. Ораторъ, въ избыткѣ усердія нацѣпившій на себя двѣ красныхъ звѣзды и цѣлыхъ два красныхъ банта, потѣлъ, съ лошадинымъ усиліемъ, выжимая изъ себя наборъ анафемски непонятныхъ и трудныхъ иностранныхъ словъ.

Апфельбаумъ, милостиво протянувъ ему два пальца, оборвалъ его на полупразѣ. Сколфуженный ораторъ поперхнулся, замолчалъ и вспотѣлъ еще больше. Его смѣнилъ въ струнку вытянувшійся командиръ пѣхотнаго полка изъ кадровыхъ офицеровъ. Съ такой же механической безстрастностью и въ такихъ же казенныхъ словахъ рапортовалъ онъ предсѣдателю Сѣверной коммуны, какъ нѣсколько лѣтъ назадъ — царскимъ генераламъ. Только и было разницы, что тогда онъ говорилъ — „Ваше Превосходительство“, а теперь — „товарищъ Зиновьевъ“.

Полковой командиръ не удостоился и двухъ пальцевъ. Его отпустили небрежнымъ кивкомъ.

Геллеръ все время такъ лавировалъ въ длинной дохѣ своей, что-бъ находиться въ полѣ зрѣнія Зиновьева. Его замѣтили.

— А и вы здѣсь, товарищъ? Съ коммунистическимъ привѣтомъ, — и здороваясь, Зиновьевъ прибавилъ тише: — Да, да, я слышалъ. А теперь вижу... Что онъ съ вами надѣлалъ? Я вамъ сочувствую. Мы отомстимъ, товарищъ, отомстимъ! —

обнадеживалъ Апфельбаумъ, покровительственно хлопая Геллера по плечу.

Платформа оживилась многочисленной свитой одного изъ первыхъ сановниковъ Совдепѣ. Звонкій, повизгивающій смѣхъ женщинъ, одѣтыхъ по модѣ и сплошь въ дорогихъ мѣхахъ, цѣна которымъ — большіе милліарды. Красивыя, хорошенькія, каждая по своему интересная, составляли онѣ гаремъ, чувственнаго, развратнаго Апфельбаума. Официально же сопровождали своего падишаха въ качествѣ секретаршъ и дѣвиць-машинистокъ. Были среди нихъ и дамы общества и кокетки. И тѣ и другія сумѣли приспособиться къ новому режиму.

Но, кто видѣлъ этихъ особъ впервые, ни за что не угадалъ бы. Онъ принялъ бы дамъ общества за кокетокъ и наоборотъ, кокетокъ — за дамъ общества. Бывшія жены и дочери бывшихъ свитскихъ генераловъ и камергеровъ въ своемъ желаніи походить на демимонденокъ переигрывали и въ манерахъ и въ эцентричныхъ туалетахъ и въ нарочитой вульгарности. Что же касается демимонденокъ, ихъ идеаломъ была всегда и во всемъ — корректная свѣтская дама. Вотъ почему визжавшая и притоптывавшая каблучками графиня Бриксдорфъ, разодѣтая крикливо и пестро, походила на самую разухабистую кокетку, а Александра Ивановна Горецкая около двадцати лѣтъ извѣстная въ гвардейскихъ кругахъ подъ кличку „Шурки-Звѣрька“, распольнѣвшая, все еще удивительно красивая въ сорокъ восемь лѣтъ, обликомъ своимъ и выдержаннымъ, въ темныхъ тонкихъ туалетахъ походила на герцогиню.

Графиня Бриксдорфъ и другія аристократки Апфельбаумова гарема, лебезили передъ своимъ падишахомъ. А „Шурка-Звѣрька“ третировала его, говорила ему „ты“, а иногда и присоединяла къ мѣстоименію этому еще и „хамъ“ и „свинья“.

Она сплошь да рядомъ отчитывала его:

— Ты выскочка, parvenue! Развѣ ты умѣешь ѣсть? Развѣ ты понимаешь толкъ въ „классныхъ“ женщинахъ? Да и гдѣ было тебѣ научиться? Въ своемъ Бердичевѣ, или въ своей швейцарской дырѣ, гдѣ ты перехватывалъ въ пивныхъ у кельнера пять франковъ безъ отдачи?

— Положимъ, я таки да изъ Радомысля, а не изъ Бердичева, — отшучивался Зиновьевъ, сознавая, что во всемъ остальномъ „Шурка-Звѣрекъ“ права. Онъ „таки да“ раньше не зналъ иныхъ женщинъ, кромѣ дешевыхъ проституттокъ. Онъ совсѣмъ недавно только научился владѣть ножомъ и вилкой и, наконецъ, онъ „таки да“ перехватывалъ у гарсоновъ парижскихъ и цюрихскихъ кофеенъ пятифранковыя монеты во дни своего бродяжническаго эмигрантства.

Онъ все прощалъ и спускалъ Горецкой. Самовлюбленный и наглый, онъ пассивалъ передъ этой женщиной, блестящей въ свое время и въ Монте-Карло, и въ Биаррицѣ и видѣвшей у своихъ ногъ и великихъ князей, и принцевъ бурбонской и наполеоновской крови. Это било по воображенію плебейски-тщеславнаго Апфельбаума.

Затаивъ дыханіе, онъ всякій разъ слушалъ съ новымъ интересомъ живые рассказы Александры Ивановны объ ея романѣ съ принцемъ Луи-Наполеономъ. И всякій разъ былъ одинъ и тотъ же конецъ, какъ припѣвъ.

— Видишь, съ кѣмъ породнился? Съ его императорскимъ высочествомъ! Да, была принцессой, а теперь съ тобой, съ пархатымъ жидомъ путаюсь! — вздыхала „Шурка-Звѣрекъ“ полутеатрально, полуискренно.

Вспоминалась длинная, длинная фаланга былыхъ поклонниковъ. Гдѣ они? Луи-Наполеонъ кажется въ Италіи, генераль Орловъ — знаменитый Саша Орловъ, любимецъ Двора — таинственно какъ-то умеръ въ Египтѣ. Графъ Капнистъ — лейбъ-гусаръ — гдѣ онъ? Живъ ли, нѣтъ ли? — Шурочка и сама не могла сказать.

Да, начала такими, какъ принцъ Наполеонъ и графъ Капнистъ, а кончила такимъ, какъ Апфельбаумъ. Единственнымъ утѣшеніемъ было для Александры Ивановны, что Апфельбаумъ, ограбившій поль-Петербурга, считается однимъ изъ богатѣйшихъ людей въ Европѣ и драгоценные камни, подобно сокровищамъ султана Абдуль-Хамида, какъ зерна въ закромы ссыпаются у него въ желѣзные шкатулки.

— Машины готовы?

— Готовы, — подлетѣлъ изящный адъютантъ изъ пажей, племянникъ графини Бриксдорфъ, вытягиваясь, лихо отдавая честь и весело пожирая глазами бритое, еврейско-актерское лицо Апфельбаума.

Хотя подъ страхомъ всякихъ ужасовъ, до разстрѣла включительно, приказано было не выходить въ это утро на улицу, хотя полкъ пѣхоты еще ночью разставленъ былъ вдоль „высочайшаго“ пути густыми шпалерами, однако, на всякій случай головнымъ дозоромъ пушенъ былъ большой открытый автомобиль съ десятью кубанцами конвоя. „Огненные“ казаки оцетинились винтовками, чтобы стрѣлять по человѣческой мишени, если она осмѣлится открыть окно, форточку, распахнуть дверь. Но бѣлые, провинціальныя домики подъ черепичными и жестяными кровлями казались вымершими и только кое-гдѣ на фонѣ стеколь мелькнетъ блѣдное, испуганное лицо смѣльчака, или смѣльчихи, тѣхъ, чье любопытство побороло животный страхъ.

Вслѣдъ за „головнымъ дозоромъ“ неся га-лопомъ полубатальонъ фантастической кавалеріи, одѣтой во все красное и въ красныхъ головныхъ уборахъ съ какимъ-то подобіемъ роговъ. Въ самомъ дѣлѣ, было жуткое впечатлѣніе конныхъ чертей, — эскортъ вполнѣ идущій тому, кто съ „Шуркой-Звѣркомъ“ и графиней Бриксдорфъ вѣхалъ въ крытомъ „Лимузинѣ“. Сзади „Лимузина“

мчался второй полужакадронъ красныхъ чертей, а за нимъ уже вереница автомобилей свиты.

Такъ свершался торжественный триумфальный въездъ въ мѣстечко Славуту петербургскаго генераль-губернатора Гришки Зиновьева-Апфельбаума.

12. Пролетарская охота.

Хотя Зиновьевъ благоволилъ къ Геллеру и Зиновьеву обязанъ былъ Геллеръ всей своей карьерою, однако, Геллеръ кисло встрѣтилъ въсть о Гришкиномъ приездѣ въ Славуту. Онъ думалъ быть центромъ угодливо-подобострашнаго вниманія, а теперь онъ растаялъ въ ослѣпительныхъ лучахъ „солнца“. Онъ, подобно Цезарю, хотѣлъ быть первымъ въ деревнѣ, а оказался ни вторымъ и даже ни третьимъ, потому что любой адъютантъ, любой секретарь Зиновьева смотрѣлъ на него свысока тѣмъ, чисто лакейскимъ взглядомъ, который усваиваетъ себѣ прислуга важныхъ олимпійцевъ по отношенію къ сановникамъ болѣе мелкаго калибра.

Поднявшись по широкой мраморной лѣстницѣ съ мраморными рѣзными перилами, Зиновьевъ какъ былъ въ шубѣ и боярской шапкѣ, такъ и ввалился съ ватагою своихъ приближенныхъ въ „апартаменты“ Геллера.

— Это что такое? — неприятно удивился Апфельбаумъ, обративъ вниманіе на монументальную кровать подъ пышнымъ балдахиномъ съ княжеской короною. На чемъ же я буду спать? Нѣтъ, товарищъ Геллеръ, какъ вы себѣ тамъ хотите, а я на ней буду спать, Вамъ прикажу дать другую.

— Сдѣлайте ваше одолженіе, товарищъ, — криво улыбулся Геллеръ, чувствуя себя униженнымъ.

Но это были еще лишь цвѣточки.

Смуглый, съ длинными черными жирными волосами, еврей съ мокрымъ большимъ ртомъ, утыканнымъ рѣдкими острыми крокодилыми зубами,

бросивъ взглядъ на „Сусанну“ Рубенса, почтительно прошептала нѣсколько словъ на ухо Зиновьеву.

Этотъ молодой человекъ былъ живописецъ-футуристъ Альтманъ, поставленный Луначарскимъ во главѣ Петербургской Академіи Художествъ. Альтманъ первымъ дѣломъ разогналъ такихъ профессоровъ, какъ Владиміръ Маковский и Беклемишевъ, которые были гордостью и славою русскаго искусства и которые черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ нетопленныхъ квартирахъ своихъ умерли отъ голода и холода.

Зиновьевъ взялъ съ собою Альтмана въ Славуту, вспомнивъ, что и Бонапарта въ его египетской экспедиціи сопровождали художники.

Геллеру, считавшему Рубенса уже своей собственностью, мысленно переведенной на доллары, фунты и франки, Альтманъ подложилъ свинью.

— Вы не обижайтесь, товарищъ Геллеръ, — сказалъ Апфельбаумъ, но я эту картину прикажу у себя повѣсить...

Геллеръ промолчалъ, готовый задушить Альтмана.

— Грабежъ, грабежъ среди бѣлаго дня, — проносилось у него съ острой занывшей тоскою.

И тамъ, гдѣ была „Сусанна“ образовалась пустота, а тамъ, гдѣ было царственное ложе подъ балдахиномъ, поставили обыкновенную металлическую кровать, принесенную изъ комнаты для гостей.

Замокъ ожилъ. Такимъ весельемъ ожилъ, что кости князей Сангушекъ переворачивались въ гробахъ, въ своемъ семейномъ склепѣ.

Привезенный изъ Петербурга запасъ шампанскаго и другихъ винъ пополнился сотней-другой бутылокъ старыхъ медовъ и венгерскаго, уцѣлѣвшихъ какимъ-то чудомъ въ княжескомъ погребѣ. Повара и кондитеры въ бѣлыхъ колпакахъ внизу на кухнѣ съ утра до ночи варили, жарили пекли торты, здобные кренделя, булки.

Двухсвѣтный бѣлокаменный залъ превратили въ столовую. На хорахъ за обѣдомъ и ужиномъ гремѣлъ военный оркестръ. А когда графъ Бриксдорфъ, адъютантъ изъ пажей заявилъ, что пѣхотный оркестръ — дурной тонъ и порядочные люди садятся за столъ подъ музыку трубачей, Зиновьевъ немедленно вытребовалъ изъ Заславля хоръ трубачей кавалерійскаго полка.

Обѣды и ужины, особенно ужины превратились въ оргіи. Зиновьевъ, со своимъ гаремомъ и со своимъ сбродомъ, называвшимся свитою, устраивалъ какія-то „мифологическія“ непотребства. Мужчины въ одномъ бѣльѣ съ вѣнками на головахъ, гонялись за раздѣтыми и полураздѣтыми женщинами. Особенно былъ отвратителенъ Апельбаумъ со своей жирной и мягкой бабьей грудью толстыми короткими ногами и отвисшимъ животомъ.

Хоръ трубачей, лакеи, прислуга, — ихъ никто не стѣснялся, — были свидѣтелями этихъ милыхъ забавъ пролетарскаго вождя. Ожирѣвшій сатиръ, пыхтя, задыхаясь и обливаясь потомъ, тяжелой рысью ловилъ своихъ одалисокъ и вакханокъ.

А чтобы онъ могъ безмятежнѣе веселиться, его охраняли казаки въ полной парадной формѣ императорскихъ конвойцевъ, чекисты въ шлемахъ „спринцовкахъ“, фантастическіе кавалеристы, одѣтые красными чертями, охраняли пулеметы, проволочныя загражденія и рогатки.

Графиня Бриксдорфъ вспомнила, что въ былое, недавнее время, съѣзжались сюда къ старому Сангушко и великіе князья, и австрійскіе эрцгерцоги и польская знать трехъ имперій. Фотографическіе снимки этихъ великолѣпныхъ охотъ помѣщались въ заграничныхъ журналахъ.

Зиновьевъ, не желавшій отставать отъ великихъ князей, эрцгерцоговъ и магнатовъ, пообѣщалъ: — Мы тоже устроимъ охоту! Чѣмъ мы хуже всѣхъ этихъ ничтожныхъ аристократишекъ?

Пообѣщать было легко, осуществить — гораздо труднѣе. Городской житель, незнавшій, что та-

кое деревня, лѣсъ, болото, сначала газетный репортеръ, потомъ эмигрантъ, Зиновьевъ, въ рукахъ никогда не держалъ охотничьяго ружья. Стрѣлялъ онъ изъ револьвера, да и то лишь въ упоръ — въ бѣлогвардейскій затылокъ, или въ буржуазную переносицу.

Поговорили, пошумѣли и все свелось къ подлему, варварскому уничтоженію „звѣринца“.

Звѣринцемъ назывался небольшой, подъ самой Славутой, въ три десятины участокъ лѣса, обнесенный высокою проволоочною оградой. Тамъ на свободѣ рѣзвились дикія козы. Многія были перебиты въ первые дни революціи, когда солдатская чернь громила Славуту, многія были отправлены въ Москву къ столу Бронштейна-Троцкаго, любившаго козьи котлеты, нѣсколько благородныхъ животныхъ принесено было въ жертву зиновьевскимъ пиршествамъ и нѣсколько еще уцѣлѣло.

Въ морозный, солнечный день, послѣ пьянаго завтрака, „охотники“ устремились на машинахъ къ звѣринцу. Красивыя, граціозныя, стройныя козы, поводя влажными бѣлками чудныхъ и кроткихъ глазъ своихъ, опущенныхъ длинными, какъ бы дѣвичьими, рѣсницами, плавно изгибая шею, прыгали средь желтоколонныхъ сосенъ. Козочки бѣгали за матками, пытаясь на ходу ухватить губами сосокъ и глотнуть теплаго молока, наполнявшаго упругое вымя.

Гогочущая, улюлюкающая гурьба двуногихъ скотовъ вспугнула очаровательную лѣсную идиллю. Козы и козочки заметались въ испугъ. А когда сухо защелкали выстрѣлы, эхомъ повторявшіеся въ глубинѣ лѣса, онѣ заметались еще безпокойнѣе.

Стрѣляли изъ нагановъ, маузеровъ, браунинговъ, и только лишь у двухъ „охотниковъ“ были винтовки. Кислый, тошнѣющій и сладковатый пороховой запахъ, видъ густой темной крови, взвинчивающая нервы трескотня выстрѣловъ, все это опьяняло и безъ того пьяныхъ „охотниковъ“. Стрѣляли женщины, закусывая накрашенные губы,

стрѣляли неловко, не умѣючи и не глядя. Стрѣлялъ Зиновьевъ, качаясь въ своей шубѣ, съ туманомъ въ глазахъ, наложивъ для прицѣла дуло браунинга на проволоку изгороди. Стрѣляли секретари, адъютанты, стрѣлялъ Алтманъ, жмурясь отъ страха и вытягивая руку подальше.

Несчастныя козы, пронзенныя пулями, истекающія кровью, падали сначала на колѣни, потомъ на бокъ съ мольбою и ужасомъ въ прекрасныхъ, очеловѣченныхъ близкимъ дыханіемъ смерти, глазахъ.

Къ чести Шурки, — она не принимала участія въ этой бойнѣ. А когда „охотники“ вернулись возбужденные, съ блуждающими глазами, она ихъ отчитывала. Въ первую голову влетѣло Зиновьеву.

— Сволочь! Мясники! Живодеры! Охотники тоже выискались! Охота — рыцарскій, дворянскій спортъ, а вы хамъ и ничего у васъ кромѣ бойни и получить не могло! У васъ ни риска, ни мѣткости, ни борьбы — ничего!.. Сволочь!

Геллеръ тоже не принималъ участія въ избіеніи дикихъ козъ, но совсѣмъ по другимъ мотивамъ, чѣмъ Александра Ивановна. Этотъ не считалъ охоту рыцарски-дворянскимъ спортомъ, а происшедшее у звѣринца не считалъ бойнею.

Геллеръ, вообще, демонстративно держался поодаль отъ Зиновьева съ его прихлебательской стаей. Во-первыхъ, Зиновьевъ отнял у него кровать съ балдахиномъ, отнял „Сусанну“ Рубенса, отнял то исключительное положеніе, которое занималъ Геллеръ въ Славутѣ до пріѣзда петербургскаго генераль-губернатора. Это — одна причина. Другая — онъ еще не обросъ какъ слѣдуетъ усами и бородой, еще страшный ротъ былъ обнаженъ и онъ самъ еще не успѣлъ привыкнуть къ своему безобразію.

Онъ рѣшилъ перекочевать въ Заславль и поселиться въ Бернардинскомъ монастырѣ. Тамъ никто не будетъ мозолить ему глазъ великолѣпіемъ и величіемъ, а самъ онъ будетъ на трид-

цать верстъ ближе къ польской границѣ, что ему по нѣкоторымъ обстоятельствамъ улыбалось очень...

Жить въ строгой тиши католическаго монастыря — въ этомъ, право, стильное что-то. Вспомнился переводный романъ изъ жизни Карла V въ мрачномъ, безмолвномъ Эскуріалѣ, гдѣ этотъ монархъ, во владѣніяхъ котораго никогда не заходило солнце, замуравалъ себя въ крохотной кельѣ рядомъ съ часовней.

Геллеръ не собирался „замуровывать“ себя, но провести два-три мѣсяца въ древнемъ монастырѣ, съ зубчатой оградой съ бойницами — почему же нѣтъ?

13. Бриллианты принцессы Ангулемской.

Изъ тринадцати секретарей Зиновьева, — большевики народъ не суетливый и не боятся чертовой дюжины, ибо сами въ близкомъ родствѣ съ чертомъ, — маленькій, Соскисъ былъ другомъ Геллера еще по виленской аптекѣ, гдѣ они оба начинали свою фармацевтическую карьеру. Соскисъ въ облакахъ табачнаго дыма, развалился на диванѣ, подъ портретомъ молодого кавалергарда, пискливымъ, тоненькимъ голоскомъ своимъ рассказывалъ много любопытнаго изъ жизни Петербурга и Москвы, рассказывалъ то, чего Геллеръ, находившійся въ Польшѣ, не могъ быть свидѣтелемъ.

А такъ какъ повѣствованія Соскиса вертѣлись главнымъ образомъ вокругъ изытія церковныхъ цѣнностей, а также бриллиантовъ, изумрудовъ и жемчуговъ, найденныхъ въ императорскихъ гробницахъ Петропавловскаго собора, Геллеръ сидѣлъ на раскаленныхъ угольяхъ...

Соскисъ поды величайшимъ секретомъ сообщилъ другу, что на дняхъ уѣзжаетъ отсюда за границу, командированный для превращенія въ англійскіе фунты части, выпавшей на долю Зиновьева, добычи. Эта часть — изумительный по художественной работѣ и камнямъ браслетъ, снятый съ руки

Екатерины II, Мальтійскій орденъ Павла, нѣсколько громаднѣхъ изумрудовъ, украшавшихъ иконы, — Соскись не помнитъ въ точности какія именно, — и, наконецъ, брилліанты бывшей принцессы Ангулемской.

— Принцессы Ангулемской? — переспросилъ Геллеръ, сдвигая брови, съ видомъ человѣка, впервые слышавшаго такое титулованное имя.

— А видишь, я тебѣ сейчасъ объясню... Она сама намъ рассказала всю эту исторію.

— Кто? Принцесса Ангулемская?

— Такъ нѣтъ же, — поморщился худенькимъ, волосатымъ лицомъ Соскись. — Давай мнѣ сначала говорить! Дай говорить! Принцесса, бывшая принцесса Ангулемская, — поправился тринадцатый секретарь Зиновьева, — давнымъ давно уже не функционируетъ въ живыхъ. Ну слушай же. Мы получили агентурныя свѣдѣнія, что нѣкая, бывшая княжна Друцкая-Любецкая имѣетъ замѣчательные брилліанты! Замѣчательные! Товарищъ Зиновьевъ далъ мнѣ ордеръ, далъ красноармейцевъ, автомобиль. Ну, обыскъ! Ну, конечно же, нашли все! Какія вещи! Камни! Ахъ, Геллеръ, если бы ты видѣлъ этихъ вещей и камней!

— Покажешь? — такъ и загорѣлся Геллеръ.

— Не могу!

— Соскись, мы еще до аптеки бѣгали съ тобою на хедеръ...

— Не могу, не проси! Ну такъ слушай же!.. Я ее сейчасъ, бывшую княжну Друцкую-Любецкую, на цугундеръ — отвѣчайте, товарищъ, откуда вы имѣете эти замѣчательныя вещи? Она дала свои показанія. Любопытная исторія! Слушай же! Какъ тебѣ навѣрное извѣстно, великая французская революція выгнала всѣхъ этихъ черносотенниковъ — Бурбоновъ, пившихъ народную кровь. Павелъ I — империалистъ и абсолютистъ разрѣшилъ этимъ Бурбонамъ жить въ Либавѣ. Была между ними и бывшая принцесса Ангулемская, а у нея были эти замѣчательныя вещи. Ну, вещи вещами, а она очень

нуждалась въ пети-мети. Ей надо было куда-то уѣзжать... Она и говоритъ Либавскому губернатору, бывшему князю Друцкому-Любецкому; „Князь, я хотѣла бы продать свои брилліанты“, а онъ говоритъ: „Принцесса, я ихъ покупаю!“ Ну и купилъ. Они остались у него и переходили изъ поколѣній въ поколѣнія. Вотъ и все. Любопытно, правда?

— Очень любопытно! — согласился Геллеръ не безъ яда. — Особенно для товарища Зиновьева и для тебя. Ты же заинтересованъ въ процентномъ отношеніи?

— А что же? Стану я даромъ себѣ морочить голову?

— А что съ ней?

— Съ кѣмъ?

— Ну конечно не съ принцессой Ангулемской, а съ этой Друцкой-Любецкой?

— Съ ней? Ничего! — пожалъ узенькими плечами Соскись. — Мы ее продержали мѣсяцъ на Гороховой и выпустили. Хотя слѣдовало бы разстрѣлять... На всякій случай.

— Такъ... Ну и ну!.. — и Геллеръ умолкъ. Этой „любопытной“ исторіей Соскись надолго вывелъ его изъ душевнаго равновѣсія, и безъ того чрезвычайнаго шаткаго.

Онъ твердо рѣшилъ на другой же день переѣхать въ Заславль. Ночью снились ему брилліанты принцессы Ангулемской. Снилось и сама принцесса во образѣ „Сусанны“ Рубенса. Она улыбалась, маѣла къ себѣ, на половину нагая, на половину прикрытая горячей кирасой изъ драгоценныхъ камней. Проснувшись, онъ искалъ глазами картину и увидѣлъ голую стѣну.

— Скорѣй прочь отсюда изъ этого замка, гдѣ порядочному коммунисту зазорно оставаться, нельзя дышать воздухомъ этихъ день и ночь творящихся безобразій...

„Чья бы корова мычала“... и не Геллеру бы закататься объ этомъ, но, дѣйствительно, безобразія творились въ замкѣ аховыя. Даже самъ вдох-

новитель, главный участник и благосклонный попуститель шумных и пьяных непотребствъ, даже онъ восклицалъ:

— Ну и курорты! Ну и отдых! Воображаю себѣ, какъ переворачиваются въ фамильных саркофагахъ сиятельныя косточки Гейдеминовичей, въ замкѣ которыхъ мы чувствуемъ себя такъ тепло и уютно.

Соскись зашелъ проститься съ Геллеромъ.

— Какъ, уже?

— Уже!

— Черезъ Варшаву?

— Какъ же иначе?

— Будешь въ посольствѣ? Кланяйся! Кстати, передашь отъ меня письмо къ Вишневному... Ну, а изъ Варшавы?

— Брюссель! Это же первый, понимаешь, первый центръ интернаціональной торговли камнями.

— Ты везешь въ этотъ международный центръ бриллыанты бывшей принцессы Ангулемской?

— Что ты отъ меня хочешь съ этой принцессой Ангулемской? Она у меня и здѣсь и здѣсь уже сидитъ, — показала. Соскись на горло и на то мѣсто, гдѣ, по его мнѣнію, находится печенка. Желая переменить разговоръ, онъ интимнымъ доверчивымъ полушопотомъ продолжалъ: — А у насъ тамъ вчера гроесъ-скандалъ вышелъ: эта Шурка-Звѣрекъ, представъ себѣ, дала товарищу Зиновьеву по мордѣ. И, честное слово, такъ, что пять пальцевъ такъ и отпечатались!..

— За что?

— Понимаешь... ужинъ... выпили, ну, открытая шея...

— У кого? Онъ появляется съ открытой шей... Потемкинская небрежность. Чѣмъ онъ хуже великолѣпнаго князя Тавриды? Даже гораздо умнѣе! Тотъ пользовался благами отъ живой Екатерины, а этотъ нашъ деръ файне кондиторъ — отъ мертвой. Везешь же ты на брюссельскій рынокъ изъятый изъ августѣйшей гробницы браслетъ.

— Дай говорить! Языкъ у тебя и шило, и бритва, и еще, не знаю что... Дай говорить! Она, она была, эта самая Шурочка въ открытомъ платьѣ. Ну онъ и полѣзъ при всѣхъ, а она — „Рукъ за бортъ не закладывать!“ — и баць по мордѣ. Какъ будто изъ пистолета. Ничего, засмѣялся. Другую — самъ застрѣлил бы тутъ же, а этой все можно.

— Изъ-за ея пролетарскаго происхожденія, — подхватилъ Геллеръ, самъ не подозревая, какой онъ, въ даномъ случаѣ, попавшій въ самую что ни на есть точку, прозорливецъ.

Ни графиня Бриксдорфъ, ни другая свѣтская дама, опустившаяся до Зиновьева не посмѣла бы держать себя такъ. Да и онъ не стерпѣлъ бы отъ нихъ и сотой доли того, что выслушивалъ отъ Александры Ивановны, обезоруживавшей его именно своимъ пролетарскимъ происхожденіемъ.

Въ самомъ началѣ знакомства Шурка-Звѣрекъ ошеломила его стремительнымъ наскакомъ.

— Ты братъ, со мной не особенно то закидывайся! Можешь третировать баронессъ, да графинь, а со мной не очень-то! Мы съ тобой одного поля ягоды. Ты дѣвка въ штанахъ, а я въ юбкѣ и оба мы съ тобой хамской породы. Ты сынъ чесночнаго лапсердачнаго жида, а я — дочь „фараона“, только не изъ балета, гдѣ Павлова, да Карсавина танцовали, а съ угла Лиговки и Невскаго, гдѣ мой папаша на своемъ высокомъ посту ломовыхъ извозчиковъ крылъ матерной бранью...

Эта женщина съ вишностью герцогини, знавшая нѣсколько иностранныхъ языковъ, бравировала тѣмъ, что она дочь городского, краснолицаго, усатаго, съ зычной глоткою.

Соскись уѣхалъ, увезъ письмо Вишневному, еще кой-какую корреспонденцію и „литературу“. Но въ этотъ же день Вишневицкій самъ неожиданно-негаданно примчался изъ Варшавы въ Славуту. Геллеръ, узрѣлъ своего друга въ длинной, съ чужого плеча, грязной, волочившейся по землѣ николаевской шинели черного довоеннаго сукна съ

пелериной и бобровымъ воротникомъ. На патлатой головѣ совѣтскаго дипломата отчаянно-лихо задромлена была дрянная мѣховая шапчонка, совсѣмъ не подъ-стать шинели съ бобрами.

Вишневскій плюхнулся на диванъ.

— Уфъ! Т...ты з...знаешь... я изъ Ровно п...п...прямо автомоб...ббилемъ. Не дорога, а ей-Богу какое-то родовс...помогательное заведеніе. Все у меня въ сссерединѣ вытрясло. К...к...какъ живешь, что дѣлаешь?

— Какъ видишь, — обвелъ Геллеръ хозяйскимъ жестомъ свой кабинетъ.

— Ничего не з...з...знаешь?

— Очень мало. Послѣдній курьеръ изъ Варшавы былъ у меня пять дней назадъ.

— Ну иттакъ ты ни...ничего не знаешь. П...п...произошли с...с...событія иск...к...ключительной в...в...важности. Эт...та скотина Винарскій ос...смѣлился аррестовать братьевъ П...п...Перльмутерь-Кушеръ.

— Быть не можетъ? Какая наглость!

— Г...г...говорю о...осмѣлился. С...сдѣлали обыскъ, нашли л...л...литературу.

— Что-же, надѣюсь, приняты мѣры?

— К...к...конечно. П...п...Перльмутерь-отецъ все п...п...поставилъ на н...н...ноги, и в...в...вообще... — началъ плеватьсѣ Вишневскій, такъ сильно заикаясь, Геллеръ ни слова не могъ понять и ждалъ, пока это у него пройдетъ.

— Что же, вообще? — спросилъ онъ выдержавъ паузу.

— М...м...Монтебианко р...рветъ и м...м...мечетъ. Т...т...телефонировалъ англійскому п...п...посланнику. Т...т...тотъ въ свою очередь принялъ мѣры, х...х...хлопоталь...

— Хлопоты увѣичались успѣхомъ?

— П...п...пока ниѣтъ. На Винарскаго д...д...давятъ с...со всѣхъ сторонъ, и...но этотъ мм...мерзавецъ ч...чертовски упрямъ. Б...б...бѣдные П...п...Перльмутеры с...с...сидятъ въ т...т...тюрьмѣ. Но с...с...самаго главнаго я т...тебѣ не с...сказалъ. Т...ты с...с...сейчасъ

придешь въ т...т...телячій восторгъ. Винарскій с...с...сдѣлался же...жертвою с...с...справедливаго т...т...террористическаго акта.

— Убить? — вскочилъ Геллеръ.

— Н...не совсѣмъ, к...къ сожалѣнію. Р...раненъ. Л...лежитъ въ госпиталѣ.

— Такъ отчего же мнѣ приходитъ въ телячій восторгъ?

— К...к...какъ отъ чего? Эта р...р...реакціонная сволочь, по крайней мѣрѣ, на мѣсяцъ в...в...выведена изъ строя, а за мѣсяцъ мало ли что можетъ п...п...произойти. Отецъ П...п...Перльмутерь не ж...жжалѣеть денегъ... Винарскаго травить не только Х...х...Ховно, а и въ нѣкоторыхъ п...п...польскихъ органахъ п...п...печати. Словомъ... — и Вишневскій опять неистово забрызгалъ слюною и опять захлебнулся.

— Чертъ возьми, все это довольно скверная штука! — озабоченно шагаль по кабинету Геллеръ взадъ и впередъ. Этотъ Винарскій испортилъ намъ кровь. А какъ обстоитъ дѣло съ выборами?

— В...ввеликолѣбно! Выборы несутъ т...торжество д...д...демократіи. Побѣда лѣвыхъ обезпечена. Да, теперь о т...т...твоемъ дѣлѣ, хотя это наше общее дѣло, Я, въ с...сущности, з...за этимъ и п...п...пріѣхалъ къ т...тебѣ. С...слушай, Геллеръ, часъ мести близокъ.

— Бейзымъ?

— Да, Б...б...Бейзымъ.

— Что ты говоришь? — и подскочивши, Геллеръ сталъ тормошить Вишневскаго вмѣстѣ съ его николаевской шинелью.

— Б...б...ближе, ч...чѣмъ т...ты д...д...думаешь, чѣмъ всѣ м...м...мы д...думаемъ. Эт...то б...б...бѣлогвардейское чудовище, эт...тотъ насильникъ, п...погромщикъ б...будетъ въ нашихъ рукахъ.

— Не тяни же, не мучь! Всю душу выворачиваешь!

— П...п...пусти, ты мнѣ шинель оборвешь... Судьба намъ б...благопріятствуетъ. У Б...бейзыма

есть на границѣ имѣніе. Они т...ттамъ будутъ снимать для к...к...кинематографа. Можно будетъ сдѣлать к...к...кавалерійскій набѣгъ и увезти его на нашу т...т...территорію.

— Но когда же, когда? — Хрустя пальцами, горячо допытывался Геллеръ.

— К...к...какъ только выпадетъ п...п...первый снѣгъ. Надо б...быть наготовѣ. Лучше всего дѣйствовать изъ Заславля, Заславль д...долженъ быть б...б...базой.

— Сегодня же ѣду въ Заславль. И ты со мною?

— Да... Я т...т...только хочу п...представиться т...т...товарищу Зиновьеву.

— Твое дѣло. Онъ можетъ тебя и не принять сегодня... Что же касается меня, я сію же минуту приказываю укладывать вещи. Въ Заславль ты найдешь меня въ монастырѣ Бернардиновъ...

Конецъ II части.

ЧАСТЬ III.

1. На своемъ посту.

— Какъ это произошло?

— А вотъ какъ: Я узналъ, что на Прагѣ на Сталевоу, въ опредѣленный день и часъ, въ конспиративной квартирѣ, официально выдаваемой за какое-то „бюро“, должны собраться коммунисты... Было передъ вечеромъ. Я выслалъ впередъ своихъ агентовъ, а самъ пріѣхалъ вслѣдъ за ними, чтобы разставить ихъ наиболѣе удобно въ „стратегическомъ“ отношеніи. Каждый зналъ свою роль, зналъ, что онъ будетъ дѣлать, а я, слегка замаскировавшись демобилизованнымъ офицеромъ — бекеша военного типа, — затаился въ тѣни одного изъ подъѣздовъ, устроившись такъ, чтобы въ полѣ моего зрѣнія были всѣ, кто будетъ покидать собраніе. Около семи часовъ начался у нихъ шапочный разборъ. Выходили осторожно, оглядываясь, въ одиночку, даже не парами. Были среди нихъ наши польскіе рабочіе, были жида... Я думалъ, что уже всѣ вышли. Уже минутъ десять — ни одной живой души. Я собрался уже покинуть свой наблюдательный пунктъ, и вдругъ охватилъ меня охотничій азартъ... Вамъ, господа, это навѣрное очень хорошо знакомо. Идешь на перепеловъ, идешь по скошенному полю и, хватъ, изъ подъ самыхъ ногъ неожиданно вырывается большой,

большой заяц. Такимъ большимъ, неожиданнымъ зайцемъ былъ для меня типчикъ, въ которомъ я, черезъ улицу, при свѣтѣ фонаря узналъ товарища Смирнова. Смирновъ — псевдонимъ, а выговаривается, я уже забылъ типичную еврейскую фамилію этого типичнаго еврея, игравшаго три года назадъ видную роль въ Минскѣ. Онъ былъ тамъ, какъ водится, и „ответственнымъ партійнымъ работникомъ“ и „крупнымъ комиссаромъ“ со связями въ высшихъ кремлевскихъ сферахъ и еще къ-то...

Онъ же, будемъ его называть Смирновымъ, стоялъ во главѣ агитаціоннаго узла. Изъ Минска щупальцы тянулись радіусами въ Польшу. И вотъ спустя три года онъ очутился въ Варшавѣ. Вы понимаете мое состояніе? Такъ и затрясло всего. Такая горячка охватила, едва-едва удержался отъ мальчишеской выходки, за которую самъ себѣ потомъ вклеилъ бы единицу. Хотѣлъ кинуться къ нему, — „руки вверхъ!“ — и арестовать. Но нѣтъ ничего безцѣльнѣе, даже вреднѣе, если хотите, преждевременнаго ареста, не правда ли, пане Ливинскій? Вспугнешь осиное гнѣздо, оборвутся нити, ниточки и девять десятыхъ важнаго необходимаго — ускользнетъ. Желая, чтобы онъ самъ далъ мнѣ побольше компрометирующаго матеріала, я рѣшилъ его выслѣдить. Я остался одинъ. Мои агенты исчезли, каждый въ томъ направленіи, въ которомъ ему было приказано...

— Интересно, очень интересно!

— Увы, для меня это оказалось не особенно интереснымъ — улыбнулся Винарскій смуглымъ лицомъ своимъ. На фонѣ подушекъ оно казалось еще смуглѣе, а если и поблѣднѣвшимъ, то зеленовато-землистымъ оттѣнкомъ. Товарищъ Смирновъ устроилъ мнѣ засаду.

— Онъ васъ узналъ?

— Узналъ, когда я съ беззаботнымъ видомъ шелъ за нимъ шагахъ въ двадцати. Узналъ видимо, по этой самой бекешѣ, которая прилепалась ему еще въ Минскѣ... Прослѣдилъ я его до Широкой

улицы, гдѣ онъ вошелъ въ ворота дома № 17. Онъ пересѣкъ дворъ и скрылся въ подъездѣ. Я — за нимъ. Прислушиваюсь снизу, какая стукнетъ дверь, чтобы потомъ взять подъ наблюденіе квартиру. И внизу темно и вся лѣстница во мракѣ. Я безшумно поднялся на первую площадку. И вотъ, изъ подъ ногъ какая-то тѣнь бросилась на меня. Я почувствовалъ острый ожогъ въ спинѣ и тотчасъ же эта самая тѣнь съ грубымъ словечкомъ для „некурящихъ“ толкнула меня внизъ съ площадки. Я захохоталъ по ступенькамъ, пересчитывая ихъ своимъ собственнымъ тѣломъ и, какъ пишутъ въ романахъ, „все заволокло густымъ непроницаемымъ мракомъ“. Очнулся я, пролежавъ не очень долго. За этотъ промежутокъ времени никто изъ жильцовъ не успѣлъ ни подняться, ни спуститься, иначе бы кто-нибудь изъ нихъ да наткнулся бы на неподвижнаго человѣка въ бекешѣ и занялся бы имъ. Я испытывалъ большую слабость и отъ ушиба и отъ удара ножомъ и отъ потери крови. Оцупаль голову, — голова въ порядкѣ, не проломлена. Пытаюсь подняться — не могу. Приступъ головокруженія, ноги подкашиваются. Однако, не ночевать-же, чортъ побери, на этихъ мокрыхъ каменныхъ плитахъ! Цѣпляясь за перила, кое-какъ всталъ и кое-какъ вышелъ изъ-подъ воротъ. На мое счастье — извозчикъ. Остановилъ, вскарабкался, успѣлъ пробормотать свой адресъ и очнулся только здѣсь, въ этой палатѣ... Врачъ, заботливо ухаживающій за мной, сдѣлалъ мнѣ комплиментъ, которымъ я весьма возгордился. Не взирая на мою далеко не богатырскую виѣшность, — усмѣхнулся панъ Михалъ, — у меня, оказывается, желѣзный организмъ. Другой на моемъ мѣстѣ, такъ дешево не отдѣлался бы. Я же черезъ пару недѣль буду какъ ни въ чемъ не бывало... Все хорошо, что хорошо кончается. Могло быть гораздо хуже! Товарищъ Смирновъ въ послѣдній моментъ сдрейфилъ и не пристукнулъ меня, а могъ, могъ зарѣзать, какъ рождественскаго поросенка. Онъ не былъ

увѣренъ въ моемъ полномъ одиночествѣ. Боялся, что гдѣ-нибудь по близости мои агенты и, второпая ткнувъ меня ножомъ, бросился наутекъ...

— Жаль. Ускользнулъ мерзавецъ...

— О, я увѣренъ, что въ концѣ концовъ, онъ отъ меня не уйдетъ... Я его подъ землей найду и уже тогда расправлюсь не совсѣмъ въ конституціонномъ порядкѣ, — внушительно пообѣщавъ Винарскій и вспыхнули узкіе, голубоватые глаза его.

Собесѣдниками были: Бейзымъ и Ливинскій. Вѣсть о покушеніи въ ту же ночь разнеслась по Варшавѣ, и на другой день Бейзымъ и Ливинскій, привезшіе раненному въ госпиталь мадеру, коньякъ и фрукты, сидя у изголовья пана Михала въ этой бѣлой, сверкающей чистотою, одиночной палатѣ, слушали исторію его злоключеній.

Зимній день тускло и тихо струился въ большое, казенное, голое, безъ всякихъ занавѣсокъ окно. За окномъ уходилъ садъ съ черными силуэтами оголенныхъ деревьевъ. Они рисовались четко и рѣзко на фонѣ сіявшихъ блѣднымъ, холоднымъ золотомъ заката небесъ. И потому что не было еще снѣга, казалось, что это не зима, а глубокая осень.

— Словно мы не въ Варшавѣ, а гдѣ-нибудь въ усадьбѣ. Этотъ паркъ, эти вороньи гнѣзда на скелетахъ деревьевъ и наконецъ — это карканье. — Молвилъ сухой блондинъ съ темными глазами и продолговатымъ оваломъ лица веласкезовскаго инфанта.

Бейзымъ, настроенный менѣе эллегически, короткимъ боксерскимъ движеніемъ погрозилъ кому-то чудовищнымъ кулакомъ своимъ.

— Поручить мнѣ — живо отыскалъ бы этого Смирнова! Эхъ, взять два эскадрона уланъ, отцѣпить Налевки, и — ультиматумъ: если къ такому то часу не будетъ выданъ, сидящихъ въ тюрьмахъ коммунистовъ немедленно разстрѣляютъ. И при этомъ пустить уланъ усиленными разѣздами по улицамъ, честное слово, этотъ рыжій убійца мо-

ментально сдать былъ бы съ однихъ рукъ въ другія... Вотъ жиды всполошились бы!

— А черезъ два дня, — подхватилъ Винарскій, въ западной и американской печати появились бы телеграммы, что польскіе уланы въ Варшавѣ учинили еврейскій погромъ, и наша марка полетѣла бы еще болѣе катастрофически внизъ! Нѣтъ, пане Бейзымъ, ни въ данномъ случаѣ, ни въ другихъ, болѣе серіозныхъ и широкаго масштаба, — никакихъ репрессій! Ни одной капли крови, ни одной расквашенной жидовской физиономіи! Ничего такого, что дало бы поводъ жидамъ поднять гвалтъ о погромномъ антисемитизмѣ поляковъ. Въ этомъ отношеніи у меня вмѣстѣ съ паномъ Леономъ одна точка зрѣнія, — глазами спросилъ Винарскій, получивъ утвердительный кивокъ Ливинскаго. Погромы пятнаютъ армію, пятнаютъ человѣка, уносятъ ни въ чемъ неповинныя жизни, и, вообще, это большевизмъ наизнанку. Предоставимъ погромы Петлюровскимъ бандамъ...

— Пусть такъ, — согласился Бейзымъ. Пусть! Это значитъ плыть по теченію, сидѣть сложа руки и безъ борьбы отдаться въ рабство воинствующему жидовству?... Опыненное своимъ успѣхомъ въ Россіи, оно толкаетъ Польшу на самый край бездны. Такъ по вашему? — и сѣрыми глазами лѣсного получеловѣка — полубожка уставился Бейзымъ на Винарскаго.

— Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! Или, какъ любятъ говорить русскіе жиды, „отнюдь нѣтъ“. Привскочилъ на локтѣ панъ Михалъ, и лицо его свелось гримасою боли. Забинтованная рана и ушибъ во всемъ тѣлѣ дали себя знать при этомъ энергичномъ броскѣ тѣла, — сидѣть сложа руки, отказаться отъ борьбы? Покорно подставлять шею подъ жидовское ярмо? Богъ съ вами, пане Бейзымъ, хорошъ я былъ бы полякъ... Борьба необходима, тысячу разъ необходима, дружная, сплоченная, по всему фронту. Но борьба джентельменская, борьба крестоносцевъ съ сатанинской звѣздой. Польша —

для поляковъ. Борьба націоналистическая. Это для нихъ страшнѣе всякихъ погромовъ. Тѣмъ, кто на протяжении тысячи лѣтъ не участвовалъ въ строительствѣ нашей родины, тѣмъ мы должны смѣло, не боясь никакихъ упрековъ въ недемократичности сказать — „руки прочь!“ Польшу строили и возвеличивали для поляковъ Стефанъ Баторій, Казиміръ Великій, Янъ Собѣсскій, Костюшко, Іосифъ Понятовскій, Шопень, Мицкевичъ, Матейко, Сенкевичъ... Создавали и возвеличивали ее воеводы, маршалы, коронные гетманы. Шволежеры, бравшіе неприступныя твердыни, Само-Сьерры, епископы, ксендзы, польскіе матери и жены и тѣ хлопы въ бѣлыхъ сукманахъ, которые съ косами шли на суворовскихъ солдатъ. Цѣною океана пролитой польской крови, цѣною польской доблести и польскаго генія, завоевали мы право жить такъ, какъ мы хотимъ, у себя и для себя, а не такъ какъ этого хочется паразитическимъ пришельцамъ... Смотрите, въ Чехіи, въ Румыніи, въ Венгріи, — какое націоналистическое движеніе, растутъ, пускаетъ корни! Студенты борются съ жидовскимъ засильемъ въ университетахъ. Десять лѣтъ назадъ это показалось бы невѣроятнымъ, чудовищнымъ. А теперь, процентной нормы не полиція требуетъ, сама учащаяся молодежь. Надо быть изувѣромъ, чтобы требовать недопущенія жидовъ въ учебныя заведенія, но нельзя, чтобы господствующее населеніе терпѣло отъ чужого засилія въ этихъ самыхъ учебныхъ заведеніяхъ... Обратимся къ цифрамъ: у насъ жидовъ тринадцать процентовъ, а въ Варшавскомъ университетѣ на 75% жидовскаго студенчества приходится всего 25% студенчества польскаго. Нормально ли это? Допустимо ли это? Въ торгово-промышленныхъ предпріятіяхъ такое несоотвѣтствіе выступаетъ еще съ гораздо большей рѣзкостью. Лѣсное дѣло, банковское, нефтяное, все это на девять десятыхъ въ еврейскихъ рукахъ. Польша для жидовъ — нѣчто среднее между мблированными комнатами и золоторуннымъ барашкомъ, котораго

надо отричь до-гола... Но, весь ужасъ еще не въ этомъ, а въ томъ, что евреи вмѣстѣ съ экономическимъ и финансовымъ порабощеніемъ несутъ еще и порабощеніе политическое. Примѣръ — несчастной Россіи показалъ это. Они не удовлетворяются равенствомъ и со всей страстностью азиатскаго темперамента своего жаждутъ главенства. Если въ Россіи это главенство уже осуществилось фактически, то у насъ и въ нѣкоторыхъ западныхъ государствахъ, гдѣ жида пока еще не стоятъ официально у власти они все-таки имѣютъ громадное безотвѣтственное вліяніе, вліяніе пагубное и вредное, ибо оно прежде всего — разлагающее! Нисколько не желая драматизировать положенія, я говорю, съ полнымъ убѣжденіемъ: отечество въ опасности! И что оно дѣйствительно въ опасности, наглядная иллюстрація къ этому послѣдніе выборы... Такъ называемый блокъ меньшинствъ оказался и въ Сенатѣ и въ Сеймѣ — большинствомъ. Большинство, потому что къ нему тотчасъ же прикнули многіе лѣвыя, для которыхъ социализмъ и демагогія какъ извѣстно другъ отъ друга неотдѣлимые, дороже интересовъ націи. Да что такое блокъ меньшинствъ? — загорячился Винарскій, пытаясь вновь приподняться и вновь откидываясь на подушки. Блокъ меньшинствъ это жидовско-нѣмецко-большевистская змѣя, отогрѣтая на польской груди. Я не удивляюсь жидо-нѣмецко-большевикамъ. Они послѣдовательно въ своемъ желаніи расшатать еще не окрѣпшее отечество наше. Но я удивляюсь государственнымъ слѣпцамъ, допустившимъ чужеземцевъ распоряжаться судьбами Польши. Миѣ скажутъ, а наша либеральная конституція, а всеобщее равенство? Да, и конституція, и равенство! Принимаю ихъ съ нѣкоторыми оговорками, но не сейчасъ, когда мы только что возродились въ страшныхъ, кровавыхъ мукахъ, возродились послѣ безумной войны и еще болѣе безумной революціи. Причемъ ни на одинъ мигъ не надо забывать, что ни война, ни революція еще

не кончились. И не кончатся, пока властвует в Совдепии шайка международных преступников... Мы находимся в период лихорадочного строительства Польши. Строить ее должны только поляки. Мы сами будем разставлять мебель в своей новой квартирѣ. Сами. Допускать же всякіе блоки меньшинствъ, по моему, это какъ разъ то же самое, что оттачивать ножъ для убійцы, который тебѣ съ аппетитомъ перерѣжетъ глотку. Итакъ, меньшинство, будучи фактически большинствомъ и въ Сенатѣ и въ Сеймѣ является господиномъ положенія, искусно играя на партійныхъ распряхъ польскихъ организацій. А вотъ, если бы всѣ поляки безъ различія партій соединились, спаянные мощнымъ национальнымъ единствомъ, — о, тогда несомнѣнно мы и только мы были бы господами своей собственной страны! И тогда всякое бряцаніе оружіемъ съ Востока, подкрѣпляемое звономъ интернаціональнаго жидовскаго золота, мы могли бы встрѣтить со спокойной, презрительной улыбкой. Но пока до этой презрительной улыбки очень далеко, еще, къ сожалѣнію! Вотъ вамъ на удачу примѣръ — подъ руками, такъ сказать... Вашъ покорный слуга... За то, что я исполнилъ честно свой долгъ и арестовалъ братьевъ Кушеръ-Перльмутеръ, убійственно изобличенныхъ въ самой активной большевистской пропандѣ, посягнувшихъ даже на аполитичность арміи, за это поднята противъ меня самая остервенѣлая травля... На мою голову выливаются цѣлые ушаты зловонныхъ, клеветническихъ помоевъ и грязи. И къ горькому стыду и сердечной боли, вынужденъ подчеркнуть, что вся эта компанія поднята вовсе не исключительно одними жидами. Нечѣмъ было особенно возмущаться, — но и поляками. Одни травятъ меня изъ партійныхъ соображеній, другіе по мотивамъ менѣе платоническаго характера... я не вхожу въ подробности. Фактъ остается фактомъ и какимъ омерзительнымъ фактомъ! Право же я нисколько не буду удивленъ, я, раненый какъ солдатъ на своемъ

посту, если здѣсь лежъ въ этой палатѣ, прочту въ газетѣ о моемъ увольненіи. Нисколько не буду удивленъ, — повторилъ Винарскій и умолкъ.

Молчали и Сливинскій съ Бейзымомъ.

А сумерки сгустились въ блѣдой чистой палатѣ и за окномъ блѣдно-золотистый закатъ незамѣтно смѣнялся пепельно-розовымъ пламенемъ и еще рѣзче обозначались на его фонѣ черные сулуэты оголенныхъ деревьевъ.

3. Что съ нею?

Винарскій, если и ошибся то развѣ только въ подробностяхъ, а не въ главномъ. Онъ не прочелъ въ газетахъ о своемъ увольненіи, но дней черезъ десять, послѣ того, какъ были Бейзымъ и Ливинскій и онъ уже началъ поправляться, вотъ-вотъ готовый покинуть госпиталь, навѣстилъ его товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ.

Этотъ высокій молодой человекъ, необыкновенно благообразной внѣшности, съ первыхъ же словъ, „взялъ быка за рога“.

— Въ административныхъ сферахъ намѣчаются кой-какія измѣненія курса въ сторону демократизаціи.

— Что? Мало намъ еще демократизаціи? — съ искреннимъ изумленіемъ вырвалось у Винарскаго.

Молодой сановникъ улыбнулся какъ авгуръ, таящій что-то въ своихъ сокровенныхъ глубинахъ.

Отчасти онъ самъ даже согласенъ. Говоря строго между нами отъ этого, съ позволенія сказать, демократизма уже воняетъ хамствомъ. И такъ, господинъ министр, выражая Винарскому свое искреннее соболѣзнованіе, предлагаетъ ему шестимѣсячный отпускъ, необходимый для восстановленія расшатаннаго здоровья. Отпускъ съ сохраненіемъ содержанія.

— Это меня нисколько не удивляетъ. Къ этому я былъ готовъ, — отчеканилъ Винарскій, глядя узкими голубоватыми глазами въ благообразное

лицо товарища министра, корректно сидѣвшего со шляпой на колѣняхъ, какъ во время церемоннаго визита. Но такая комбинація меня нисколько не устраиваетъ! Если я чѣмъ-нибудь скомпрометировалъ себя по службѣ, меня, прежде чѣмъ уволить въ отставку, должны судить, если же я безупреченъ, то, спрашивается, къ чему эта комедія? эта золотенная пилюля? Этотъ временный отпускъ съ таккимъ предупредительнымъ сохраненіемъ содержанія? И отъ этого и отъ другого я отказываюсь въ самой категорической формѣ!...

Выписавшись изъ госпиталя, Винарскій очутился въ неопредѣленномъ положеніи. Мягко устраненный отъ власти, онъ не былъ въ отставкѣ и не числился въ отпуску.

Черезъ нѣсколько дней произошли манифестаціи по поводу избранія президентомъ республики Габріэля Нарutowича. Манифестаціи, повлекшія за собою жертвы и кровь. Еще черезъ два, три дня жертвою оказался самъ Нарutowичъ. И многіе вспомнили Винарскаго. Будь онъ въ это время у дѣлъ, онъ сумѣлъ бы предупредить и вооруженныя столкновенія и убійство президента. Вспоминали прежнія манифестаціи, въ которыхъ было весьма много горячаго матеріала, но которыхъ проходили вполнѣ безболѣзненно. Эту безболѣзненность всецѣло приписывали Винарскому, его энергіи, такту, большой опытности и умѣнію создавать всюду проникающую агентуру.

Уже запахло гражданской войною, уже полѣтѣли за границу телеграммы, что Польша охвачена пламенемъ междоусобной войны. Въ часть дня паль на выставкѣ отъ руки художника Невядомскаго президентъ Нарutowичъ, а въ два часа вся Варшава была свидѣтельницей внушительной демонстраціи. Пѣхота, кавалерія, пулеметныя команды, все это двигалось, занимало наиболѣе угрожающіе пункты, оцѣпляло кварталы и ни о какихъ выступленияхъ не могло быть и рѣчи.

Было пустынно, жутко на улицахъ. Природа какъ бы подчеркивала это настроеніе. Низко спустились холодныя свинцовыя облака и весь колоритъ города былъ свинцовый, зловѣщій. Къ вечеру пошелъ первый снѣгъ. Сначала робко, нерѣшительно, затѣмъ все смѣлѣе и гуще и чаще были плотныя бѣлыя хлопья. Къ ночи побѣлѣла вся Варшава.

Утромъ Бейзымъ получилъ телеграмму. Панъ Лашъ спѣшилъ сообщить: у нихъ установилась зима. Ласота выслѣдилъ медвѣжью берлогу.

Надо торопиться и, собравъ исполнителей, махнуть поскорѣй всей компаніей въ „Бейзымы“. Игнасъ далъ отвѣтную телеграмму Лашу, съ просьбою топить нежилыя комнаты дома и приготовить помѣщеніе челоуѣкъ на десять.

До сихъ поръ Юлія высказывала самое горячее нетерпѣніе: „Когда же, когда мы поѣдемъ?“ — не имѣлъ отъ нея Бейзымъ покоя.

И вотъ самъ успѣшилъ обрадовать:

— Мобилизуйтесь, графиня! Можемъ хоть завтра выѣхать. И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Мой лѣсничій приберегаетъ для насъ медвѣдя.

Къ его удивленію графиня не обнаружила ни особеннаго восторга, ни особой успѣшности.

— Да, снѣгъ уже выпалъ... Вы думаете время ѣхать?

— Думаю ли я? Можетъ схватить оттепель и охота потеряетъ для экрана всю свою живописность.

— Но этотъ медвѣдь, я полагаю, не убѣжитъ? — машинально спросила графиня, думая о чемъ-то другомъ и волнуясь.

Вообще, она была какая-то не по себѣ, странная. Въ ней — всегда фальшивой, надуманной, наигранной, зазвенѣли новыя, искреннія струны. Отъ Бейзыма не ускользнуло это, не ускользнули такъ же моменты овладѣвшаго ею безпокойства. Что-то на душѣ и это самое „что-то“ она скрываетъ.

Ихъ отношенія были все тѣ же. Съ его стороны бурные, чувственные порывы, безъ уваженія, безъ любви къ этой играющей какою-то непонят-

ную роль особы. Порывы, за которые онъ самъ себя презиралъ, но которыхъ не могъ ни усыпить, ни подавить въ себѣ. За послѣднее время онъ сталъ увлекаться Лабенской, не только какъ другомъ, какъ хорошимъ, славнымъ существомъ, но и какъ женщиною. Однако, это если и ослабило его ненасытную жажду тѣла графини, тѣла съ его неотразимой тайною, то — развѣ чуть-чуть, самую малость.

По отношенію къ Лабенской, онъ былъ даже въ мысляхъ, въ мечтахъ своихъ робокъ. Она для него вся въ лучезарномъ сіяніи какого-то золотистаго нимба. Молитвенно благоговѣлъ передъ нею. А грѣшныя объятія Юліи всегда открыты для него и тамъ въ этихъ тепличныхъ апартаментахъ „Бристоля“ ждали его такія знакомыя, обратившіяся въ привычку наслажденія. Такъ, влюбленный въ свою чистую невѣсту женихъ, не имѣетъ силъ, не можетъ порвать связь съ поработившей его чувственностью развратной любовницею.

Но эта „развратная“ любовница, приводившая его иногда въ иступленное бѣшенство своимъ заученнымъ шаблономъ вакханки, — сладострастные изгибы тѣла, трепещущія ноздри, закатывающіеся бѣлки изнемогающихъ отъ истомы глазъ, — мѣняла свою тактику, вѣриѣ становилась проще, наивнѣ, беспомощнѣй въ тѣ самыя минуты, когда Бейзымъ съ жадностью набрасывался на нее.

Въ чемъ тутъ дѣло? Въ чемъ? допытывался онъ самъ у себя, и не находилъ отвѣта.

И вмѣстѣ съ этимъ оба они словно мѣнялись ролями. Бейзымъ какъ будто ускользалъ изъ подчиненія графини, она же теряла надъ нимъ свою власть.

Юлія оттягивала путешествіе въ Бейзымы для послѣднихъ съемокъ, являющихся главнымъ „гвоздемъ“ картины.

— Еще день, два... Еще не готовъ мой охотничій костюмъ, заказанный Скварѣ...

— Объ этомъ вы имѣли время подумать. Больше двухъ мѣсяцевъ назадъ, вы знали изъ сценарія, какъ вы должны быть одѣты на медвѣжьей охотѣ. Я знаю Сквару, это одинъ изъ моихъ „бейзымчиковъ“. Я протелефонирую ему и костюмъ будетъ готовъ. Я готовъ заплатить двойную плату, даже тройную цѣну мастерамъ и — поспѣть.

Бейзымъ взялъ телефонную трубку, Юлія остановила его.

— Не надо, прошу васъ, не надо. Я сама... Ну, хорошо поѣдемъ, когда вы хотите?

— Я хочу завтра.

— Такъ скоро? Самый опытный изъ моихъ операторовъ Штейнъ уѣхалъ и вернется... вернется...

— Чертъ его побери, когда онъ вернется, — вспылилъ Бейзымъ. Онъ долженъ быть здѣсь. Нѣтъ, — возьмемъ другого! Я не узнаю васъ... Какія то отговорки... Вамъ угодно провалить картину? Я не допущу этого! Я слишкомъ спортсменъ и люблю кинематографическое дѣло. Эта картина дорога, близка мнѣ и должна быть закончена. И наконецъ, я человекъ, не машина. У меня есть нервы. Вамъ со стороны кажется, что единоборство съ медвѣдемъ пустякъ. А между тѣмъ... Я настраиваю себя, начинаю думать, волноваться, и хочу, понимаете, хочу скорѣе оказаться у самой берлоги съ навахой въ рукѣ... Откладывать же со дня на день, — мой охотній пылъ поубавится, остынетъ и „гвоздь“, на который мы съ вами считываемъ, можетъ выйти далеко не такимъ эффективнымъ... Однако, я понапрасну говорю все это. Вы женщина умная, съ полуслова понимаете все, а потому — довольно словъ! Къ дѣлу! Завтра, къ восьми часамъ вечера всѣ исполнители, въ томъ числѣ и вы, должны быть на Вѣнскомъ вокзалѣ. Если же вамъ угодно капризничать, — я не знаю вашихъ побужденій, вы для меня, вообще, большой вопросительный знакъ, — я брошу возиться съ картиною, или натворю какихъ-нибудь глупостей, или же то и другое вмѣстѣ. Выбирайте? Мое тер-

пѣніе допнуло! И поднявшись во весь громадный ростъ свой, Бейзымъ схватился за шляпу.

Раздраженный Игнасъ незамѣтилъ взгляда графини. Это уже не была фальсификація млѣющей страсти. Глаза дышали и какой-то мольбою, и колебаніемъ, и тревогой. И видно было, Юлія хочетъ говорить, хочетъ, но не рѣшается...

Ограничилась тихимъ, покорнымъ:

— Къ восьми я буду на вокзалѣ...

— Ну, вотъ, слава Богу, наконецъ-то! — съ облегченіемъ вырвалось у Бейзыма и онъ, быстро овладѣвъ собою, подобно всѣмъ вспыльчивымъ людямъ, желая сгладить свою рѣзкость, наклонился къ рукѣ Юліи и бережно взявъ похолодѣвшіе, дрожащіе пальцы коснулся ихъ губами. Въ этотъ моментъ, когда онъ не могъ видѣть ея лица, она всѣмъ существомъ своимъ конвульсивно потянулась къ нему, но тотчасъ-же съ какою-то судорою, страдальчески искажившей красивыя, молодыя черты, сдержалась. блѣдная, стискивая зубы, какъ бы черная въ этомъ силу, рѣшимость.

Когда за Бейзымомъ захлопнулась дверь у нея было движеніе остановить его и она замерла поднявъ руки. Медленно, съ опущенной головой сѣла въ кресло, сжавшись въ комочекъ, съ устремленнымъ передъ собою, ничего не видящимъ взглядомъ. И такъ оставалась долго, пока не вспугнулъ затрещавшій телефонъ. Не сразу подошла. Враждебной и чуждой казалась твердая, полированная трубка, съ одинаковой безстрастностью сообщающая и радость любви, и ядъ измѣны, и жизнь и смерть, и горе и счастье. Но слишкомъ уже вытягивается томительная пауза и слишкомъ назойлива немолчная трескотня черной металлической телефонной „шкатулки“.

— Алло, — чуть слышно откликнулась она измученнымъ голосомъ.

— Э... этто вы г.г...графиня?

— Да, это я.

— Этто н.н.навѣрное вы?

— Я!.. я!.. что за мученіе?

— Первый с.с.снѣгъ д.давно уже в.в.выпалъ П.п.почему же вы медлите? П.п.пора, все г.г.готово. Алло! Я васъ слушаю, вы при телефонѣ? Алло же! Алло!

— Встрѣтились техническія задержки.

— К.какія тамъ з.з.задержки? Это, какъ говорятъ поляки, одно з.з.заврацаніе головы. Мы требуемъ с.с.скорѣйшаго выполненія обязательства. К.когда выѣзжаете? Только н.навѣрное. Алло, алло! Вы при телефонѣ?

— Завтра вечеромъ... Довольно! Я не могу больше говорить, я плохо себя чувствую.

— И...такъ к.а.къ же вы п.п.поѣдете, если вы больны? — встревожился заикающийся собесѣдникъ, но вопросъ уже остался безъ отвѣта.

3. Оттуда.

Гагаринъ долго оставался подъ впечатлѣніемъ бесѣды въ „египетскомъ“ кабинетѣ. Шли дни за днями, вытянулись въ цѣлый мѣсяцъ, а въ его ушахъ продолжало звучать обвиненіе, брошенное молодымъ человѣкомъ, съ удлинненнымъ оваломъ породистаго лица, обвиненіе русской буржуазіи, а слѣдовательно и по его, Гагарина Владимира Николаевича, адресу.

Въ самомъ дѣлѣ. Онъ такъ успѣлъ оцѣнить сытую, спокойную жизнь, такъ тѣшился ею послѣ своихъ голодныхъ и холодныхъ скитаній, что жажда священной мести большевикамъ, мести, которую проповѣдывалъ онъ самъ, Гагаринъ, какъ-то поблѣднѣла, стушеввалась. И онъ презиралъ себя за то, что она поблѣднѣла и стушеввалась.

Ему удвоили жалованье, онъ взялъ у себя въ отелѣ на Длугой комнату побольше и почище, онъ вкусно ѣлъ, выкуривалъ въ день пять-шесть сигаръ, ему предлагали мѣсто въ Парижѣ, гдѣ банкъ открывалъ свое отдѣленіе. Онъ все больше и больше втягивался въ то животное существованіе, надъ

которымъ самъ иронизировалъ, которое въ бесѣдѣ съ Лабенской считалъ весьма характернымъ для всей русской эмиграціи.

Но нѣтъ-нѣтъ и мелькнетъ мысль — „А хорошо бы ухлопать кого-нибудь изъ этихъ красныхъ бандитовъ, нагло развѣзжающихъ по Европѣ“. Этимъ онъ по мѣрѣ силъ и возможности отомстилъ бы и за поруганную, оплеванную Россію и за самого себя, за свою исковерканную жизнь и за восемнадцать Гагариныхъ, близкихъ и дальнихъ, убитыхъ и замученныхъ совѣтскими заплечныхъ дѣлъ мастерами.

Взять предлагаемое мѣсто, по дорогѣ задержаться въ Берлинѣ и... право-жь это вовсе не такъ страшно и, съ эгоистической точки зрѣнія, вовсе не такъ ужъ опасно. Говорили же они тамъ въ „египетскомъ“ кабинетѣ — на худшій конецъ два-три года тюрьмы, на лучший — очень и очень возможное оправданіе по суду.

Фантазіи въ этомъ направленіи сумерничавшаго въ своей комнатѣ Гагарина были прерваны стукомъ въ дверь. Онъ увидѣлъ среди сѣрой, густящейся мутн высокую женщину въ длинной шинели и въ мягкой шапочкѣ съ двумя углами спереди и сзади. Въ такихъ шапочкахъ работали на фронтѣ американскія и французскія сестры милосердія. И страннымъ казалось подъ этой шапочкой крупное, длинное, съ рѣзкими чертами, все въ глубокихъ морщинахъ, костистое, скорѣй мужское, чѣмъ женское лицо.

И мгновенно вспыхнуло у Гагарина... Онъ видѣлъ это самое лицо на портретѣ одного изъ своихъ предковъ, бритаго Екатерининскаго генераль-аншефа, въ красномъ мундирѣ и въ пудреномъ парикѣ. А еще черезъ мгновеніе воскликнуть съ какимъ-то сомнѣвающимся радостнымъ изумленіемъ:

— Варя?!

— Володя! Узналъ? Думала — не узнаешь...

Это кузина его, княжна Варвара Друцкая-Любецкая, та самая, брилліанты которой Соскисъ везъ продавать въ Брюссель по порученію Зиновьева-Апфельбаума.

Обнялись. Она припала лицомъ къ его груди.

— Боже, сколько выстрадать пришлось! Сколько мученій! Ахъ, Володя, наконецъ-то, наконецъ... Я такъ счастлива! Нашла тебя, нашла! Мнѣ сказали, что ты здѣсь — говорила она сквозь слезы, ручьями бѣжавшія по морщинистому лицу.

Онъ зажегъ свѣтъ, усадилъ ее, далъ выпить воды. Отъ волненія дрожали руки. Она судорожно глотала воду, проливая на грудь.

— Бѣжала, вырвалась, милый! Будь, что будетъ — рѣшила! Лучше смерть, чѣмъ этотъ кошмаръ. Нищая! Обобрали до чиста. Какъ ты узналъ меня? Вѣдь я, лѣтъ на двадцать постарѣла. Тридцать восемь, а сама себѣ даю шестьдесятъ.

Онъ молча смотрѣлъ на нее и, хотя послѣдніе годы научили его не удивляться рѣшительно ничему, однако, все же не вѣрилъ глазамъ, скованный весь изумленіемъ.

Неужели это она, княжна Варя, или какъ въ обществѣ называли ее княжна Барбѣ? Онъ пажемъ бывалъ у нея на Сергіевской въ уютномъ, тихомъ, двухэтажномъ особнячкѣ и къ ней гордой, некрасивой, но величественной старой дѣвѣ, ѣздили на поклонъ министры, генераль-адъютанты. Онъ помнилъ ее среди старинныхъ фамильныхъ портретовъ, среди музейной мебели, музейныхъ гобеленовъ, помнить ее всю въ темномъ, съ жемчужной ниткою до пояса — единственная драгоценность, которую надѣвала на себя княжна Барбѣ, обладательница знаменитыхъ брилліантовъ процессы Ангулемской.

И вотъ она сейчасъ передъ нимъ въ солдатской шинели, въ грубыхъ солдатскихъ, шнурованныхъ, подбитыхъ гвоздями, ботинкахъ.

— Спасибо и за это, — перехватила она его взглядъ. О, еслибъ ты меня видѣлъ во время бѣг-

ства... Въ лохмотьяхъ, подъ конецъ почти босая. Башмаки такъ расползлись, — обвязывала бичевой. Въ хатахъ пускали ночевать Христа ради. Не вездѣ, правда. Случалось, вонь гнали. Заберешься въ пустой овинъ, — къ югу, на Волыни, ихъ называютъ клунями, — и перспишь ночь, зубъ на зубъ не попадая. Сколько и чего только не передумалось въ эти ночи? Послѣднія трое сутокъ ничего не ѣла, корочки сухой во рту не было. Минутами казалось, — нѣтъ больше силъ! — Лягу и не встану. Слабость, головокруженіе, даже не головокруженіе, а скорѣе тошнота и словно — какой-то хищный неугомонный звѣрекъ, вродѣ крысы, выскребывалъ и выгрызалъ всѣ внутренности... Галлюцинаціи...

— Бѣдная, Варя, бѣдная! И мнѣ это знакомо. Еще какъ! — мягко улынулся Гагаринъ.

— Я поддерживала себя молитвою.

— Ты всегда была религіозная.

— Всегда, милый... Но такъ горячо, какъ въ эти дни никогда не молилась. И это вливало въ меня и бодрость и силу, это спасло меня. Чудомъ, не объясняю иначе, только чудомъ у самой границы удалось мнѣ въ нѣсколькихъ шагахъ пройти отъ поста красноармейцевъ... Да, въ Россіи, бывшей Россіи, — поправилась Барбъ, — меня пугали всякими страхами относительно поляковъ. „Грубо встрѣтятъ, могутъ совсѣмъ не впустить и прогнать назадъ къ большевикамъ. Ничего подобнаго! Радужный пріемъ. Офицеры участливо занялись мною, накормили, отвели комнату, дали бѣлье, юбку, кофту и эту шинель, ботинки, шапочку. Все, что у нихъ было подъ рукой... И еще снабдили документами, — я вѣдь бѣжала безъ всякихъ бумагъ. Дали двадцать тысячъ марокъ на дорогу. Слезы душили меня, не могла говорить и не только все это растрогало меня, но и то, что я наконецъ, на свободѣ, среди культурныхъ, воспитанныхъ людей. Ты поймешь, Володя? Послѣ четырехъ лѣтъ рабства, послѣ того, какъ въ мой домъ все-

лили пьяныхъ матросовъ, а я сама была загнана въ комнату для прислуги, послѣ того, какъ у меня отобрали всѣ мои драгоценности, послѣ того, какъ любой хамъ, любой жиденокъ могъ пристрѣлить меня только за мою „буржуйность“, — вотъ еще глупое ненавистное слово, — послѣ всѣхъ этихъ прелестей совѣтскаго эдема, почувствовать себя, наконецъ, человѣкомъ и въ обществѣ порядочныхъ людей, вмѣсто наглой разнуздавшейся, забывшей и совѣсть и Бога черни... Это было такимъ блаженствомъ... Такимъ счастьемъ.

— Я очень радъ первымъ, вынесеннымъ тобою впечатлѣніемъ, — молвилъ Гагаринъ. Громадное большинство поляковъ именно таково по отношенію къ намъ, русскимъ. Меньшинство же, ничтожное меньшинство узко-шовинистическое, является исключеніемъ, подтверждающимъ правило... Въ такую же ошибку впадаютъ, къ счастью, немногіе изъ нашихъ крайнихъ монархистовъ. Близорукіе, ничему не научившіеся, думающіе остановить колесо исторіи, они мечтаютъ по возобновленіи Россіи загнать Польшу въ границы десяти Привислянскихъ губерній, бывшаго генераль-губернаторства. Чепуха, нелѣпость! Даже больше того, политическая тупость и глупость. Польша въ теперешнихъ ея границахъ, Польша доказавшая свою жизнеспособность — фактъ! Фактъ незывлемый, навсегда. Именно такая Польша, сильная, обширная будетъ нужна новой Россіи. Польша — союзница, Польша — другъ. Въ тѣсномъ добрососѣдскомъ съ нею единеніи, мы осуществимъ, наконецъ, историческую мечту всеславянскаго союза, въ который войдутъ и сербы, и чехи и который выльется въ нѣчто могучее, мощное, диктующее свою волю Европѣ. Развѣ не такъ, Варя?...

— Такъ, милый, я согласна съ тобою, но представь, до сихъ поръ еще есть упрямые головы, я ихъ встрѣчала въ Петербургѣ въ нашемъ кругу, убѣжденная, что будущее Россіи въ союзѣ съ Германіей... Спорила, убѣждала...

— Зачѣмъ? Только зря слова тратила! — горячо, съ негодованіемъ воскликнулъ Гагаринъ. — Будь они прокляты, нѣмцы! Благодаря имъ Россія превращена въ одичавшую пустыню. Отъ нихъ, отъ нѣмцевъ — большевизмъ. Нѣмцы на нашу погибель прислали въ запломбированномъ вагонѣ всю эту сволочь, которая съ ихъ благословенія и съ ихъ поддержкою властвуетъ. Германія вмѣстѣ съ Вильгельмомъ пальцемъ не шевельнула, чтобы спасти Государя и его семью. А сейчасъ? Сейчасъ, когда большевики распоряжаются въ Берлинѣ, какъ у себя дома, когда презрѣнный воришка — жиденокъ, Собельсонъ-Радекъ направляетъ политику Германіи и германское правительство пресмыкается передъ нимъ? Сейчасъ о союзѣ съ Германіей могутъ мечтать либо круглые идиоты, либо такіе же круглые, продажные подлецы... Однако, Варя, для первой встрѣчи, не много ли будетъ политики? Успѣемъ еще наговориться. А пока... Во-первыхъ ты голодна, вѣрнѣе изголодалась... Правда, тебя никогда нельзя было упрекнуть въ излишней склонности къ полнотѣ...

— Я, вѣроятно, очень напоминаю тебѣ мумію одного изъ Рамзесовъ, — пошутила сама надъ собою княжна и рѣзкое, суровое, въ морщинахъ лицо ея, вмѣстѣ съ небольшими, глубоко запавшими глазами, озарилось улыбкою.

— Ну вотъ... Во-первыхъ, значить мы займемся твоимъ усиленнымъ питаніемъ... Здѣсь у насъ кормить неважно въ нашемъ отелѣ, но для тебя въ данномъ случаѣ дѣло въ количествѣ и въ быстротѣ. Выбирай: бивштексъ, шницель, свиная котлета? Вѣрнѣе два бивштекса, два шницеля, двѣ свиныхъ котлеты? Аппетитъ долженъ быть у тебя стихійный! Какъ послѣ тифа. Самъ по себѣ знаю, самъ наголодался. Во-вторыхъ, моя дорогая Варя, хотя княжна Друцкая-Любецкая въ этой шинели и въ этихъ солдатскихъ ботинкахъ — явленіе, по вынѣшнимъ временамъ, почтенное, ибо хамье щеголяетъ разряженное, а все лучшее бѣдствуетъ, или

почти бѣдствуетъ, однако, все-же надо скорѣе избавиться и отъ этой шинели, и отъ этихъ башмаковъ, напоминающихъ сапоги святѣйшей испанской инквизиціи. Я сегодня получилъ жалованіе. Не шутя со мною! Зарабатываю полъ милліона въ мѣсяцъ. Двѣсти тысячъ ассигнуемъ на ремонтъ твоего туалета, столько же перехвачу у моего благодѣтеля и съ помощью очаровательной пани Лабенской, — я васъ познакомлю, — она пойдетъ съ тобою, все что нужно закажетъ и купитъ... Вы, ваше сіятельство, примете если и не вполне подобающій вамъ видъ, то, во всякомъ случаѣ, вполне благопристойный. Въ четвертыхъ, — въ третьихъ уже, кажется, было, — ты будешь жить у меня. Я тебѣ уступлю кровать, а самъ перекочую на диванъ. Что такое? Бога ради никакихъ возраженій! Я здѣсь хозяинъ, я такъ сказалъ и — быть по сему...

4. У „Люрса“.

Гагаринъ чувствовалъ, что съ большимъ трудомъ повернется языкъ просить у Бейzyma денегъ. Самъ Бейzymъ поставилъ его въ затруднительное положеніе. Изъ перваго жалованія Гагаринъ хотѣлъ выплачивать свой долгъ по частямъ, но Игнасъ рѣшительно воспротивился.

— Брось, какъ тебѣ не совѣстно! Прямо обижаешь меня! Миѣ эти пустяки смѣшны, а тебѣ они пригодятся, пока ты еще не сталъ на ноги.

— Но позволь...

— Ничего не позволю!

— Я и такъ неоплатный...

— Ротмистръ, князь Гагаринъ, потрудитесь молчать!...

Оставалось повиноваться.

Чѣмъ ближе къ „Европейской“, тѣмъ сильнѣе нерѣшительность. Языкъ не повернется.. А съ другой стороны въ былое время кузина частенько выручала его довольно крупными деньгами и когда онъ былъ пажемъ и когда былъ гусаромъ.

Бейзымъ самъ пошелъ ему навстрѣчу. Гагаринъ даже не успѣлъ заикнуться о своей кузинѣ.

— Въ солдатской шинели? Чортъ знаетъ что такое! Надо экипировать ее съ ногъ до головы. Поручимъ это Лабенской. — И Бейзымъ открылъ ящикъ письменнаго стола, гдѣ у него плотными кирпичами лежали толстыя пачки пятитысячныхъ билетовъ. — Возьми пока пятьсотъ тысячъ. Нужно будетъ еще — скажешь! Теперь на всѣ эти тряпки — сумасшедшія цѣны. Дороговизна растетъ дявольская. Иначе, какія же мы были бы демократы и социалисты?

— Я даже не благодарю тебя. Не хочу быть банальнымъ и пошлымъ. Но, право же, это съ моей стороны какая-то безпardonная эксплуатація.

— Не говори глупостей!

Лабенская не только оправдала ожиданія, но и значительно превзошла ихъ. Посвятивъ княжнѣ Барбѣ цѣлый день, она экипировала ее съ ногъ до головы. Купили англійское пальто дорожнаго типа, купили гладкое, темное платье, круглую кожанную шляпу, ботинки, необходимое бѣлье и все это чуть ли не за полъ обыкновенной рыночной цѣны.

Преобразившаяся княжна Барбѣ походила на строгую, выдержанную англичанку. Къ ней вернулась та внушительная вельможная виѣшность, которая такъ извѣстна была петербургскому обществу въ ея лучшія времена. Только молодость не вернулась. Казалось, въ каждой глубокой морщинѣ постарѣвшаго лица затаились ужасы испытаннаго и пережитого въ далеко оставшейся позади Совдепіи.

Бейзымъ по своему былъ восхищенъ стильнымъ, породистымъ видомъ княжны. Онъ сказалъ Гагарину:

— Я не рѣшаюсь предложить, но я былъ бы очень доволенъ, когда-бъ твоя кузина поѣхала бы съ нами въ Бейзымы. Если ея фигура разъ, другой мелькнетъ на фильмѣ, — это будетъ очень инте-

ресно. Очень! Она вся такая стильная, именно стильная. Будь другомъ, попытайся уговорить...

— Я думаю и уговаривать не придется, разъ это для тебя, для твоей картины...

Барбѣ согласилась.

— Отчего же? Самой будетъ занятно мнѣ на себя взглянуть.

Днемъ Бейзымъ былъ у графини, а въ этотъ же вечеръ, наканунѣ отъѣзда, онъ сидѣлъ въ кондиторской „Люрсъ“ въ обществѣ Лабенской и кузины Гагарина.

Было часовъ пять. Время между обѣдомъ и ужиномъ, когда опустѣвшія за день кофейни вновь начинаютъ наполняться публикой.

Въ большомъ, бѣломъ залѣ съ громадными сплошными зеркальными окнами, у круглыхъ мраморныхъ столиковъ, за кофе, пирожными и дымящимся горячимъ шоколадомъ сидѣли всѣ тѣ, кто въ извѣстные часы приходилъ сюда какъ на службу. Немолчный, жужжащій гулъ сотенъ голосовъ. Преобладали спекулянты международнаго и еврейскаго типа, бритые, круглые, хорошо одѣтые, въ шубахъ съ котиковыми и бобровыми воротниками. Говорили о вывозѣ хлѣба, спирту, яицъ, о лѣсахъ, продающихся тамъ-то и тамъ-то. Полная картина биржи. Вынимали брильянтовые перстни, запонки, броши. Оцѣнщики, вооруживъ глазъ ювелирною лупою, тутъ же покупали драгоценный товаръ, измѣряя караты особымъ металлическимъ инструментомъ съ гранеными отверстиями разной величины.

Вмѣстѣ съ потертымъ, какъ и онъ самъ, субъектомъ сидѣлъ Гиацинтъ Ховно, этотъ козель съ круглыхъ очкахъ. Газета его прекратилась вмѣстѣ въ окончаніемъ выборовъ и Гиацинтъ закрылъ свою лавочку. Мавръ сдѣлалъ свое дѣло. Своимъ листкомъ враждебнымъ польской государственности и вообще всему польскому, этотъ малограмотный харьковскій еврейчикъ, съ помощью совѣтовъ и милліоновъ Вайсберга-Монтебланко, основательно

поработать въ теченіи мѣсяца надъ созданіемъ блока меньшинствъ.

Въ этотъ мѣсяць Ховно успѣлъ прикарманить четыре милліона и, войдя во вкусъ, умолялъ высокаго покровителя своего, субсидировать газету и въ дальнѣйшемъ. Но въ субсидіи Монтебіанко отказалъ. Отказалъ, если не перепуганный, то, во всякомъ случаѣ, встревоженный арестомъ братьевъ Кушеръ-Перльмутеровъ, влопавшихся вмѣстѣ съ двумястами пудовъ литературы, хранившейся въ папенькиныхъ подвалахъ.

Ликвидация газеты не обошлась безъ маленькихъ неприятностей. Сотрудники и типографскіе наборщики избили Гіацинта, недоплатившаго имъ какихъ-то пустяковъ. Къ этому легонькому „лицеванію“ надъ собою Гіацинтъ отнесся съ беззаботной философіей чистокровнаго одессита:

— Меня бьютъ, а я себѣ зарабатываю!

И вотъ онъ „зарабатываетъ“. Сидитъ у „Люрса“ этотъ козель въ круглыхъ очкахъ, воняющій затхлымъ чѣмъ-то, кислымъ, небритый, весь въ колючей щетинѣ, а надъ низкимъ лбомъ его вьется твердыми завитками сухая шерсть. Изъ четырехъ заработанныхъ милліоновъ Гіацинтъ ни одной марки не истратилъ на украшеніе своей особы. Все тотъ-же пропотѣвшій воротничекъ, тѣ же штаны въ полоску, вздушіеся на колѣняхъ, тотъ же табачнаго цвѣта пиджакъ, мятый, жеванный, словно вырванный изъ собачьей глотки.

Онъ мѣшаетъ ложечкой „поль-стакана“ чернаго кофе — самый дешевый напитокъ — и обнажая въ улыбокѣ плоскіе, вросшіе другъ въ друга зубы, говоритъ своему собесѣднику.

— А мы таки его скушали, Винарскаго.

— Кто мы?

— Ну, кто? Я въ моей газетѣ, Монтебіанко и, вообще... Нѣтъ, вы подумайте. Вы знаете Перльмутеровъ?

— Ха, вопросъ! Кто же не знаетъ Перльмутеровъ?

— Такъ мало того, что они сами по себѣ Перльмутеры, они еще были секретарями, личными секретарями Артура Монтебіанко.

— Нахаль...

— Нѣтъ, посмотрите! Вы сейчасъ скажите, что онъ нахаль въ квадратъ и даже въ кубъ. Онъ хотѣлъ вызвать къ себѣ и допросить самого Монтебіанко. У человѣка же связи! Вы себѣ шутите съ его связями? Въ Англии — свой человѣкъ! Вы можете въ недѣлю два раза видѣть на Налевахъ автомобиль съ британскимъ флагомъ. Англійскій посланникъ ѣздитъ къ нему такъ, какъ еслибъ я къ вамъ пришелъ въ гости, или вы ко мнѣ. И этотъ шарлатанъ Винарскій, этотъ человѣконенавистникъ, вооружавшій одну часть населенія на другую, вздумалъ задираться съ нимъ. Съ кѣмъ? Вы видите съ кѣмъ? Ну и кто же выигралъ? Ходитъ себѣ по Маршалковской и думаетъ заняться адвокатурою. Слушайте, Могилевкеръ, вѣдь, мы же — сила!

— Конечно, сила. Что за вопросъ? — подтвердилъ Могилевкеръ.

— Еще поль-стакана чернаго кофе? — предложилъ Гіацинтъ.

— Мнѣ уже что-то не хочется.

— Могилевкеръ, я угощаю. Я...

— Ну, хорошо. Я уже выпью...

— Проше пана, еще пулъ чарней! — съ видомъ безшабашнаго кутилы, которому самъ чертъ не брать и море по колѣно, перехватилъ Гіацинтъ шмыгнувшаго мимо лака.

Соскисъ протискался къ свободному столу и занялъ его. Варшава на пути Соскиса — первый живой европейскій городъ, ошеломившій Соскиса, какъ онъ ошеломилъ Геллера, какъ онъ ошеломлялъ всѣхъ послѣ жертвой, задушенной, траурной Совдепн, съ блѣдными призраками вмѣсто людей, съ гримасами голода, ужаса и отчаянія вмѣсто улыбокъ.

Послѣ называвшагося Россіей необъятнаго кладбища, Соскисъ былъ оглушенъ тысячами голосовъ, шумомъ и гуломъ, ослѣпленъ яркимъ электричествомъ улицъ, магазиновъ, кинематографовъ. Онъ жадно бросился закупать дюжины галстуковъ, горы бѣлья, ботинокъ и всякой всячины, которой хватило бы не на одного, а на цѣлыхъ десять Соскисовъ.

Онъ не спѣшилъ въ Брюссель. Зачѣмъ спѣшить? Зачѣмъ? Бриллианты съ каждымъ днемъ только повышаются въ цѣнѣ.

Онъ сѣлъ, распахнулъ длинную скунсовую шубу, снялъ и положилъ на мраморную доску стола высокую, остроконечную на подобіе монашеской скуфьи, котиковую шапку. Щурясь отъ свѣта молочной люстры, взглянулъ на круглыя, вдѣланныя въ стѣну часы, видимо поджидая кого-то.

Этотъ самый „кто-то“ незамедлилъ явиться, искательно поздороваться, сѣсть лицомъ къ лицу. Бритый, скуластый человѣкъ оказался ювелирной лавкой въ миниатюрѣ. Чуть ли не всѣ пальцы зажигались бриллиантами. Въ галстукъ мерцала жемчужина съ добрую горошину. По жилету пушена толстая золотая цѣпочка, на которой смѣло можно было бы водить ручную пантеру. Манжеты застегивались запонками изъ четырехъ крупныхъ шестигранныхъ изумрудовъ. Если прибавить къ этому золотой портсигаръ и золотую зажигалку, демонстративно появившіеся на столѣ, всѣхъ этихъ драгоценностей хватило бы, во всякомъ случаѣ, на витрину.

Около двухъ лѣтъ назадъ Бени Маркманъ былъ бѣднымъ, обшарпаннымъ евреемъ, часовымъ мастеромъ, перебравшимся изъ Совдепіи въ Польшу въ чаяннн заработка, счастья и, вообще, всяческихъ благъ. Теперь у Бени Маркмана ювелирный магазинъ, одинъ изъ самыхъ богатыхъ въ Варшавѣ на Вержбовой, подъ вывѣской „Бениславъ Маркграфъ“. Если и псевдонимъ, то развѣ лишь на половину, а звучитъ внушительно и красиво.

Въ два года Бени Маркманъ сдѣлался миллионеромъ, и не въ польскихъ маркахъ, а въ любой европейской валютѣ. Едва пріѣхавъ въ Варшаву, устроивъ семью, онъ, какъ голодный волкъ за добычей, устремился на границу, имѣя нѣсколько десятковъ тысячъ марокъ „для начала“. Въ Ровно, въ Острогѣ, въ Корцѣ, въ Гусятинѣ, всюду, гдѣ просачивались изъ Совдепіи бѣженцы и польскіе репатріанты, Бени Маркманъ былъ тутъ-какъ-тутъ. У истерзанныхъ, оступившихъ, растерянныхъ людей онъ за гроши скупалъ драгоценныя камни, вынимаемые изъ фальшивыхъ каблучковъ, изъ распоротой подкладки, изъ дупла въ зубѣ, куда небольшіе бриллианты задѣлывались дантистами по всѣмъ правиламъ искусства и, наконецъ, изъ другихъ, болѣе прозаическихъ мѣсть, которыхъ лучше не называть. Въ Варшавѣ, все это перепродавалось Маркманомъ и на каждомъ камушкѣ этотъ предприимчивый искатель счастья зарабатывалъ триста, пятсотъ, а иногда и тысячу процентовъ. Спустя два года онъ торгуетъ подъ фирмою „Бениславъ Марграфъ“, онъ — крупная шишка въ союзѣ варшавскихъ ювелировъ, онъ работаетъ съ иностранцами. Онъ хочетъ быть свѣтскимъ человѣкомъ, шикарно одѣвается, льетъ на себя французскіе духи и балетмейстеръ учитъ его танцевать „шими“.

— Мой мужъ танцуетъ шимона, — съ горделивой наивностью заявляетъ его жена, маленькая, невзрачная, подслѣповатая. Ни пышный каракулевый сакъ, ни бриллиантовыя серги въ орѣхъ не могутъ скрасить захолустнаго, мѣстечковаго типа супруги Бени Маркмана.

Бени Маркманъ, превратившись въ польскаго гражданина, мечтаетъ пройти въ депутаты Сейма, дѣлать добрую еврейскую политику и „трясти“ Польшей, какъ „трясутъ“ ею Діамандъ и Гринбаумъ. Чѣмъ же онъ, Бени Маркманъ, хуже Діаманда и Гринбаума? Ничѣмъ!

5. Условія Бейзыма.

Жиденькій Соскись, вся плюговая фигурка — одно сплошное выкокомѣріе. Вызывающе дергаль узенькими плечиками, задираетъ голову и смотрѣль мимо Бени Маркмана, глотая горячій шоколадъ, уничтожая одно за другимъ пончики и пирожныя.

Плотный, мордастый, брившійся „подъ англичанина“ Бени Маркманъ заискивалъ, даже подобострастничалъ. А что же? Во-первыхъ, Соскись личный секретарь „самого“ Зиновьева и такъ близокъ къ „солнцу“, — весь купается въ его ослѣпительныхъ лучахъ, — а, во-вторыхъ, ужъ очень жаждалъ „танцующій шимона“ ювелиръ перехватить фамильную драгоценности принцессы Ангудемской, пока они еще не пропутешествовали въ Брюссель.

Завтра ѣду. Купэ уже заказалъ въ Сосыета Интернаціональ де вагонъ ли, — бросилъ какъ бы невзначай Соскись.

— Ой, послушайте, господинъ Соскись, такъ скоро? Варшава — это же городы!.. Хочешь въ театръ, хочешь въ кино... А женщины! Что-нибудь особеннаго, варшавскія женщины!

— Что вы мнѣ говорите! Парижанки — это я понимаю! — такимъ тономъ и съ такимъ апломбомъ возразилъ бывший фармацевтъ, словно всю свою жизнь только и дѣлалъ, что сорилъ деньгами на парижскихъ кокотокъ.

— Я не былъ ивъ Парижѣ, — сознался Маркманъ. Я навѣрное поѣду лѣтомъ вмѣстѣ изъ супруга. Я хочу, чтобы она себѣ тамъ немножко одѣввалась. Здѣсь не такъ очень умѣютъ шить дамскихъ платьевъ... Ну, а какъ, между прочимъ, вы таки да окончательно рѣшаетесь ѣхать ивъ Брюссель?

— Рѣшаюсь? — пожалъ плечами Соскись. — Я уже рѣшился!

— Господинъ Соскись, давайте говорить, какъ двоихъ порадочныхъ людей. Вамъ что важно? По-

лучать за всѣхъ этихъ вещей хорошія цимбеле-бимбеле? Такъ зачѣмъ вамъ какой-то Брюссель, чтобы его холера вдушила, если вы эти самыя цимбеле-бимбеле можете имѣть ивъ Варшавѣ?

— Да, но тамъ я могу получить эти... цимбеле-бимбеле въ англійскихъ фунтахъ, — произнесъ мечтательно Соскись.

— Ивъ фунтахъ? Слушайте, господинъ Соскись, вы человекъ умный, образованный... Ей-Богу не довѣряйте такъ очень англійской валютѣ. Представляйте себѣ: посылаете вы нашего Буденаго на эту самую, какъ она тамъ называется, Индію, устраиваете тамъ хорошія гармидеръ и вже фунтъ полетѣль!.. Мой вамъ совѣтъ, предпочитывайте валюту тѣхъ ну, государствъ, или тамъ иначе, которыя никогда не идутъ воевать и сидятъ себѣ смирно... Хотите получить ивъ швейцарскихъ франковъ, сдѣлайте одолженіе! Ивъ норвежскихъ кронахъ — еще лучше! Ивъ голландерскихъ гульденовъ — почему же нѣтъ? Изъ большимъ удовольствіемъ!..

— А вы имѣете и кроны, и гульдены, и франки? — смягчился Соскись.

— Почему же нѣтъ? — ухмыльнулся бритымъ, скуластымъ лицомъ Бени Маркманъ. Наше дѣло такое... Торговецъ брилліантовъ долженъ быть немножко банкиръ.

— А у васъ хватить денегъ?

— Не хватить — войду изъ кѣмъ-нибудь ивъ спулку... Выдумали тоже — Брюссель!.. Чтобы вамъ тамъ заморочили голову, обманули...

— Развѣ? — усумнился Соскись.

— Онъ еще спрашиваетъ? — подмигнуть Маркманъ, видя что уже клюетъ и поэтому наглѣя. — Онъ еще спрашиваетъ?... Жуликъ на жуликѣ, мошенникъ на мошенникѣ сидитъ и мошенникомъ погоняетъ. Вотъ вамъ брусельская брилліантовая биржа! Понимаете?... Ну, вашего послѣдняго рѣшающаго слова!

— Видите, господинъ Маркманъ, принципиально, собственно говоря, на ваше конкретное предложение я готовъ реагировать и войти съ вами въ контактъ...

— Ой, я не выдержу! Какіе все ученые слова! Господинъ Соскисъ, я человекъ простой, честный человекъ... Когда можно посмотрѣть вашихъ камней?

— Когда? Хотя бы сегодня вечеромъ.

— Кто же смотритъ камнями вечеромъ? Ей-Богу эти ученые, образованные люди, ну, совсѣмъ какъ дѣти! Я имѣю двоихъ дочекъ Сарочку и Ривочку, такъ они тоже вечеромъ любятъ смотрѣть камнями...

— Ну приходите завтра утромъ.

— О! Это я понимаю! Завтра ивъ десять я буду у васъ ивъ номерѣ. Ну, а браслетъ изъ этой паскудницы Екатерины?

— Браслетъ Екатерины мы продадимъ въ Америку. Это же историческая реликвія... Реликвія, надо же понимать, — повторилъ Соскисъ, смакуя слово „реликвія“.

— Ну, а посмотрѣть можно будетъ? Изъ однимъ только глазъ?

— Почему не посмотрѣть... Уходите? Итакъ, до завтра, господинъ Маркманъ. Я еще сижу здѣсь немного.

Но Маркманъ, что-то вспомнивъ, наклонился къ уху одного изъ тринадцати секретарей Зиновьева.

— Господинъ Соскисъ, а чи у васъ тамъ ишту случайно религиозныхъ вещей?

— Какихъ религиозныхъ вещей? — не понялъ Соскисъ.

— Ну, я знаю какъ это по вашему называется? Изъятіе, изъятіе...

— А, изъятіе церковныхъ цѣнностей?

— Такъ объ чемъ же я говорю? Что-бъ меня Богъ любилъ, сколько я покупалъ такихъ цѣнностей у нашихъ же, ивъ Римской отель. Одно пани... пани... ну что попъ махаетъ ивъ церковь и дымъ идетъ?

— Паникадило, — догадался Соскисъ.

— О! Такъ это же самое паникадило было все изъ такихъ изумрудовъ!.. На другой день у меня его купилъ одинъ еврейчикъ, ивъ долларахъ купилъ и повезъ ивъ Америку для какой-то музей!.. Ну, такъ до завтра, господинъ Соскисъ, что?

Маркманъ оставилъ послѣ себя запахъ сильныхъ, приторныхъ духовъ. Соскисъ заказалъ себѣ еще шоколаду и еще пирожныхъ. Послѣ Совдепи онъ, какъ ребенокъ, объѣдался сладкимъ.

Онъ хвалилъ себя за свою выдержку. Онъ ничѣмъ не выдалъ своего удовольствія по поводу возможной комбинаціи съ Маркманомъ. Хотя онъ и дразнилъ Маркмана Брюсселемъ, хотя и былъ забронированъ дипломатическимъ паспортомъ, но въ душѣ боялся везти драгоценности черезъ Европу, боялся, какъ-никакъ, — грабленное, краденное. Лучше поэтому здѣсь въ Варшавѣ сбыть все дешевле даже той суммы, которую онъ получилъ бы въ Брюсселѣ. Нѣсколько сотъ тысячъ франковъ больше, меньше — какая разница?

Соскисъ былъ доволенъ и собою и Маркманомъ, а Маркманъ былъ тоже не менѣе доволенъ и собою и Соскисомъ. Онъ мысленно почувствовалъ себя на мгновение Соскисомъ. Развѣ онъ особенно дорожилъ бы вещами, добытыми практикуемымъ въ Совдепи способомъ?

Маркманъ убѣдился, что Соскисъ ни черта не понимаетъ въ камняхъ и желаетъ поскорѣ избавиться отъ нихъ. Выгодный, очень выгодный гешефтъ обезлеченъ.

Этой ночью Бени Маркманъ долго будетъ ворочаться въ своей постели, а жена и Ривочка съ Сарочкой будутъ думать, что папочка нездоровъ. Папочка же будетъ обмозговывать комбинацію съ Соскисомъ. Онъ часто покупалъ краденное. Это — самая выгодная дѣла на свѣтѣ!

Соскисъ чуть не подавился. Сладкое тѣсто коломъ застряло въ горлѣ. Онъ увидѣлъ въ обществѣ очень красивой брюнетки и гигантскихъ размѣровъ господина „бывшую“ княжну Друцкую-

Любецкую. Это она — Любецкая! Не может быть сомнительной. Таких женских лиц с крупными чертами, словно изваянными из одной глыбы гранита, он не встречал больше да, вероятно, никогда и не встретит.

Почему он ее тогда не разстрелял? Почему? Теперь ее призрак навряд ли не явился бы к Люрсу тревожить его самочувствие. Дрожащей рукой он поднес к губам стакан, думая глотком шоколада протолкнуть остановившийся кусочек пирожного. Холод струейкою пробжал у Соскиса от затылка вниз по спине. Все трое — они сидят в нескольких шагах — смотрят на него каждый по своему. Брюнетка, — шуря с презрительным любопытством, Любецкая — с холодным сдержанным негодованием, а этот громадный мужчина положительно гипнотизирует Соскиса тяжелым взглядом опасного крупного хищника. Хищник перед тем, как схватить свою добычу.

Уйти! И чем скорее, тем лучше! Он озирался, ища лакея, который ему подавал. Но зачем лакей? Соскис готов оставить ему деньги, — пятнадцать, двадцать тысяч, только бы на него больше не смотрели этот страшный геркулес с головою фавна.

Нервительность сковала его. Он повторяет чужим лепечущим голосом: „Проше пана! Проше пана!“ ищет лакея, вынимает бумажник и — ни с места. И хочет, безумно хочет подняться и не может. Не слушаются отяжелевшие ноги, не повинует потерявшее волю тело. Как во сне. И так же как во сне, здесь на яву, в залитой электричеством кофейне надвигается на него человек-чудовище, человек-кошмар. Садится на стул, где за минуту назад сидел Бени Маркман.

— Соскись? — и при этом — глаза, какие глаза! Увиливать, отречься, лгать — невозможно.

— Да, я Соскись... Чем м...мо...могу служить?

— А вот вы сейчас узнаете — чем... Сейчас! Делайте вид, что вы беседуете со мною самым что ни на есть дружелюбным образом. Малейшая попытка устроить скандал, обжать, — я схвачу вас за шиворот и устрою вам контр-скандал. Я крикну на все кафе, что поймал чекриста, вора, ограбившего находящуюся здесь княжну Друцкую-Любецкую. Не успеете прибжать полиция, вас разнесут в клочки. Здесь не только жида-спекулянты, здесь много поляков... Вам этого хочется?

— Н...нет, — затрясся, не попадая зуб на зуб, Соскись.

— Я так и думал! Вы благоразумный человек... Да, я не называл себя. Моя фамилия Бейзым, майор Бейзым. Может быть слышали? У вас там в Совдепии это имя кажется неизвестное?

Соскись вспомнил разбитые губы Геллера, поблудил и затрясся еще сильнее.

— Успокойтесь! Возьмите себя в руки. На вас уже обращают внимание. Не надо. Я вовсе не такой уж страшный, — ободрял его Бейзым. Если вы до конца останетесь умным, разсудительным человеком, все кончится для вас хорошо. Если же нет, — я обработаю вас почище даже, чем Геллера. Да, да! Это вам говорит человек, который всегда исполняет свои обещания. И таким тоном это было сказано, и таким взглядом сопровождалось — душа если и не выскочила совсем из худенького Соскиса, то, во всяком случае, ушла в пятки и там забилась. Возьмите себя в руки, — еще раз посоветывал Бейзым — и слушайте внимательно. Я видел, кто сейчас сидит с вами и до меня донеслись обрывки двух-трех фраз. Было упомянуто имя принцессы Ангулемской. Молчите, не отрицайте! И без этого вовсе не трудно догадаться, что вы приехали сюда не с пустыми руками. Где вы остановились?

— Я... тамъ... въ... Римскомъ отелѣ.

— Соскись, я вижу, что вы врете! Соскись, только одна правда можетъ спасти васъ. Иначе я въ одинъ мигъ брошу васъ на растерзаніе. — и Бейзымъ сдѣлалъ движеніе встать.

— Не надо, не надо... Я уже говорю правду! — взмолился несчастный Соскись. — Я остановился здѣсь, въ Европейской. Номеръ... номеръ... сейчасъ... 112 номеръ!

— О, да мы, оказываемся, сосѣди! Превосходно! Мы сдѣлаемъ такъ: поднимемся къ вамъ и будемъ ждать, а черезъ минуту княжна Друцкая-Любецкая вмѣстѣ съ другой дамой пожалуютъ къ намъ. И вотъ въ ихъ присутствіи вы намъ покажете брилліанты, изъ которыхъ княжна выберетъ все, ей принадлежащее. И тогда мы разстанемся по добру, по здоровью и забудемъ о существованіи другъ друга. Вотъ мои условія. Я только предлагаю, я не настаиваю. Вы можете не согласиться...

— Я согласенъ! Я принимаю условія!

— Я не ошибся, назвавъ васъ благоразумнымъ человѣкомъ. Посидите спокойно минуточку. Заплатите, что съ васъ слѣдуетъ, а я предупрежу дамъ. Сто двѣнадцатый номеръ, не такъ ли?

— Такъ.

— Спокойно, тихо... Не вздумайте удирать. Я все равно догоню васъ...

Но Соскису не до бѣгства было. Онъ ослабѣлъ, размякъ, отяжелѣлъ. И когда Бейзымъ вернулся, онъ долженъ былъ приподнять Соскиса и выйти съ нимъ подъ руку. Онъ тащилъ за собою Зиновьевскаго секретаря, еле волочившаго ноги, налитыя свинцомъ и страхомъ.

6. Бени Маркманъ въ большомъ свѣтѣ.

Плохо провелъ ночь Бени Маркманъ. Не давали спать брилліанты Соскиса. Уже послѣ встрѣчи съ Соскисомъ у „Люрса“ Бени Маркманъ узналъ, что среди этихъ вещей находится коле изъ

голубыхъ брилліантовъ, качествомъ камней и художественной работой извѣстное на Западѣ.

Бени Маркманъ ворочался, сладко вздыхалъ, аппетитно причмокивалъ губами. Утромъ жена и Ривочка съ Сарочкой спросили, — здоровъ ли онъ?

— Что значить? Я здоровъ какъ бикъ! — и въ доказательство, что онъ дѣйствительно здоровъ какъ „бикъ“, онъ вскочилъ съ кровати въ пижамѣ, — всякій порядочный человѣкъ спитъ въ пижамѣ, — и сдѣлалъ одинъ изъ тѣхъ вдохновенныхъ пируэтовъ, которымъ его никогда не училъ приходящій на домъ балетмейстеръ.

Послѣ этого всѣ успокоились и жена и Ривочка съ Сарочкой.

Выпивъ два стакана шоколаду съ пончиками въ еврейской кофейнѣ на Бѣлянской, — побрившись въ еврейской парикмахерской тоже на Бѣлянской, — добрый патриотъ, онъ давалъ жить своимъ, — Бени Маркманъ отправился въ „Европейскую“, дымя сигарою, сіяющей глянцемъ широкаго, скуластаго лица. Не чуялъ ногъ подъ собою. И если бы не солидный возрастъ и еще болѣе солидное положеніе, онъ съ удовольствіемъ сдѣлалъ бы нѣсколько па того самаго „шимона“, о которомъ съ такимъ благоговѣніемъ говорила его почтенная супруга.

Онъ въ „Европейской“. Гигантскія зеркала въ вестибюлѣ отражаютъ его фигуру. Онъ любитъ себя и въ предвкушеніи замѣчательнаго гешефта кажется себѣ неотразимымъ красавцемъ.

Широкій, устланный ковромъ во весь полъ, корридоръ. Бѣлыя двери направо и налево, съ черными металлическими цифрами. Вотъ номеръ Соскиса.

Концомъ трости Бени Маркманъ постучалъ разъ, другой, третій. Никакого отвѣта. Бени Маркманъ похолодѣлъ — неужели обманулъ, неужели раздумалъ, паскудникъ? Нѣтъ, долженъ быть у себя. Торчитъ ключъ снаружи...

Ювелиръ нагнулся къ замочной скважинѣ.

— Господинъ Соскисъ! Это я здѣсь, я — Маркманъ!

Опять безъ отвѣта.

— О, нехай бы вже тебя холера вдушила, — мысленно выбранился Маркманъ и, распахнувъ дверь, вошелъ. Онъ увидѣлъ Соскиса, но лучше-бы онъ его не видѣлъ...

Соскисъ, неумытый, всклокоченный лежалъ на кушеткѣ. Что-то дикое, блуждающее въ его покраснѣвшихъ, воспаленныхъ глазахъ. Повернувшись голову, уставился на Маркмана, не узнавая его.

Маркманъ съежился подъ этимъ взглядомъ какъ осенній увядающій листъ, но все же попробовалъ искательно улыбнуться.

— Изъ добрымъ утромъ, господинъ Соскисъ! Какъ вы себя спали? Хорошо? Ну, видите, ровно десять часовъ и я вже издѣсь... Будемъ посмотрѣть камней?

И вдругъ произошло то, чего никакъ, никакъ не могъ ожидать Бени Маркманъ. Съ какимъ-то хриплымъ горловымъ рычаніемъ, менѣе всего идущимъ къ его плюгавой фигуркѣ, Соскисъ бросился прямо на Маркмана, и, схвативъ его за горло, началъ рвать на немъ галстухъ, воротничекъ, царапать чисто выбритыя щеки.

— А, мошенникъ, негодяй, жуликъ! А! И ты припелъ меня грабить! — закричалъ онъ.

Отбивавшійся Маркманъ, плечистый, крѣпкій не могъ справиться съ тщедушнымъ Соскисомъ, у котораго безуміе увеличило въ нѣсколько разъ силу. Тѣмъ болѣе, приходилось защищать лицо, исцарапанное въ кровь. А нападавшій Соскисъ съ кошачьей ухваткой норовилъ запустить ему въ глаза свои ногти.

Кое-какъ вырвавшись, Бени Маркманъ выбѣжалъ на корридоръ съ неистовымъ, раздрающимъ крикомъ.

— Ой, вей-миръ, гевултъ, каравултъ! Онъ варять, шумашечій!.. Держите его! Держите, а то онъ меня убьетъ! Ой, ратуйте!

Сбѣжались отовсюду лакеи, горничныя, жильцы. Въ дверяхъ сосѣднихъ номеровъ испуганно высовывались полураздѣтыя и совсѣмъ раздѣтыя дамы. Дѣйствительно можно было повѣрить, что Бени Маркмана хотѣли убить. Лицо и шея — въ крови, болтался воротничекъ, безпомощно висѣлъ разорванный галстухъ, а жемчужной булавки и слѣдъ простылъ.

Соскисъ, выбѣжавшій за своей жертвой, бросился на высокую, монументальную горничную въ бѣломъ передникѣ. Горничная, не растерявшись,хватила его наотмашь кулакомъ.

Дирекція „Европейской“ сообщила о разыгравшемся скандалѣ въ „Римскій“ отель. Черезъ пять минутъ подкатилъ автомобиль съ двумя чиновниками совѣтской миссіи. Въ этотъ же день Соскисъ, вмѣсто Брюсселя, угодилъ въ сумасшедшій домъ.

Было двѣ причины буйнаго помѣшательства Соскиса. Первая — ударъ, нанесенный потерю безцѣнныхъ сокровищъ. Какъ онъ вернется въ Совдепію, какъ объяснить Зиновьеву катастрофу? Но это еще, пожалуй, можно было-бы вынести. Кто не попадаетъ впросакъ, съ кѣмъ не случается грѣхъ? Соскисъ могъ назвать нѣсколько примѣровъ, когда совѣтскіе агенты влопывались гдѣ-нибудь на границѣ съ валютою, драгоценными камнями, золотомъ, платиною, церковной утварью, картинами великихъ мастеровъ. И ничего. Красные бандиты смотрѣли сквозь пальцы на „неудачи“ своихъ агентовъ.

Окончательно же доконала Соскиса вторая, болѣе серьезная и глубокая причина.

Бейзымъ, бесѣдуя, съ нимъ въ кафѣ, былъ вполне искренень:

— И тогда мы разстанемся по хорошему и забудемъ о существованіи другъ друга.

Но, очутившись у Соскиса въ обществѣ княжны и Лабенской, Бейзымъ понялъ, что вполне законное возвращеніе Любецкой ея собственныхъ драгоценностей, отобранныхъ всесильной чрезвычай-

чайкою, можетъ получить здѣсь извращенную, лживую огласку. На Бейzyma и такъ вѣшаютъ всѣхъ собакъ. У него есть пламенные поклонники, но и немало столь же пламенныхъ враговъ. Могутъ, чего добраго, ославить его грабителемъ и... пойдн выясняй! А ужъ совѣтское посольство навѣрное подыметъ галдежъ и травлю.

И подумавъ, Игнась приказалъ Соскису:

— Возьмите бумагу, перо и пишите, что я вамъ продиктую!..

— А что вы мене... продиктуете? — набрался смѣлости Соскись.

— Пишите! Никакихъ вопросовъ, колебаній, оттяжекъ! Слѣпое повиновеніе, если вамъ угодно выйти отсюда живымъ, — и для полноты впечатлѣній Бейzymъ вынулъ револьверъ.

Дамы сидѣли не шелохнувшись.

— Я уже пишу! Я уже пишу! — капитулировалъ Соскись.

Бейzymъ продиктовалъ:

„Я, нижеподписавшійся, въ такомъ-то году, такого-то мѣсяца и числа, по ордеру председателя Сѣверной коммуны Апфельбаума-Зиновьева ограбилъ княжну Варвару Друцкую-Любецкую и заставилъ ее, угрожая разстрѣломъ, выдать всѣ ея брилліанты. Зиновьевъ поручилъ мнѣ продать за границей эти брилліанты. Встрѣтивъ случайно въ Варшавѣ княжну Друцкую-Любецкую я, движимый чувствомъ раскаянія въ совершенномъ мною и Зиновьевымъ преступленіи, возвратилъ княжнѣ Друцкой всѣ похищенные у нея драгоценности. А. Соскись“.

Лабенская перевела „автографъ“ Соскиса на польскій языкъ, переписала въ нѣсколькихъ экземплярахъ и они были разосланы въ пять-шесть главнѣйшихъ газетъ.

Не удивительно, что скрѣпивъ своей подписью смертный приговоръ себѣ, Соскись на слѣдующее утро бѣшено атаковалъ Маркмана и разукрасилъ ему всю фізіономію.

Но Маркманъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые унываютъ. Прочитавъ въ „Газетѣ Поранной“ роковое признаніе Соскиса, онъ опять началъ выдѣлывать вдохновенныя антраша.

Какое счастье! Княжна Любецкая, живущая въ этомъ-же самомъ отелѣ въ одинъ день превратилась изъ нищей въ милліонершу и еще въ какую милліонершу!.. Соскиса же вынудили написать это письмо, заставили вернуть брилліанты. Соскись не дуракъ, чтобы сдѣлать и то и другое добровольно. И онъ, Бени Маркманъ, тоже не какой-нибудь несчастный идиотъ. Онъ чувствуетъ здѣсь какую-то закулисную комбинацію. Но не все ли равно ему? Онъ, прежде всего, коммерсантъ. „Камней“ очутились въ новыхъ рукахъ и онъ долженъ купить „камней“ изъ этихъ новыхъ рукъ. Это же такъ близко, въ одномъ корридорѣ..

Облачившись въ визитку, надушенный, весь въ царапинахъ, ничуть его, однако, не смущавшихъ, Маркманъ стучалъ въ дверь занимаемаго Гагаринымъ и его кузиной номера. Гагаринъ ушелъ на службу. Любецкая была дома.

— Войдите!

Маркманъ не вошелъ, а впорхнулъ, расшаркиваясь и раскланиваясь по рецепту своего балетмейстера.

— Ваше сіятельство, извиняйте мене, что я осмѣливаюсь беспокоить такого важнаго особа, какъ вы! Но я не могу! Я обязанъ васъ поздравлять, что вы получили своихъ камней изъ этихъ шарлатановъ. Ой, этотъ Соскись! Это же арестантъ! Ви видите, ваше сіятельство, что онъ издѣлалъ съ моего лица? Но я ему тоже хорошенько далъ. Я ему такъ далъ... Разъ! — Имѣешь! Два! — Имѣешь! Три!..

— Кто вы и что вамъ угодно? — сухо спросила княжна.

— Ахъ, ваше сіятельство, я же совсѣмъ позабылъ называть себе. Я извѣстный ювелирь. Я торгую подъ фирмой Бениславъ Маркграфъ. Мо-

жетъ быть видѣли, ваше сіятельство, на Вержбовой? Имѣю себѣ маленькій магазинчикъ... Такъ вотъ, ваше сіятельство, потому что какъ вы пострадали изъ этихъ разбойниковъ-большевиковъ, что-бъ имъ... Ой, не хочу даже выговаривать! Такъ можетъ быть вы, ваше сіятельство, продадите мене нашихъ замѣчательныхъ камней? Ваше сіятельство, я вамъ выплачиваю въ какой угодно валютѣ. Фунты, доллары, норвежскія кроны, голландерскихъ гульденовъ, и въ французскихъ, швейцарскихъ франкахъ? Порадочный ювелиръ обязанъ быть немножко себѣ банкиромъ. Ваше сіятельство, и вамъ будетъ хорошо и я хочу себѣ немножко заработать.

— Кое-что можетъ быть я продамъ, — молвила княжна, высокая, прямая, строгая съ неподвижнымъ лицомъ.

— Что значить кое-что, ваше сіятельство?

— Мнѣ кажется, это ясно. Тѣ вещи, которыя я найду возможнымъ продать вамъ, если мы сойдемся въ цѣнѣ.

— Сойдемся, ваше сіятельство, что-бъ я не всталъ изъ этого мѣста, сойдемся!... А знаменитаго кольца изъ голубыхъ брильянтовъ?

— Знаменитаго кольца изъ голубыхъ брильянтовъ, — улыбулась княжна чуть-чуть презрительно углами губъ, — я если и продамъ, то не здѣсь, а въ Парижѣ.

— Въ Парижѣ? Ой, ваше сіятельство, это же мошенники парижскихъ ювелировъ! Мошенникъ на мошенникѣ сидитъ и мошенникомъ погоняетъ. Они же васъ обманутъ, эти жулики!

— Объ этомъ мы не будемъ говорить. Оставьте! Угодно вамъ взглянуть вещи, которыя я думаю продать въ Варшавѣ — зайдите къ четверемъ. Будетъ мой двоюродный братъ, онъ мнѣ поможетъ оцѣнить.

— Ваше сіятельство еще спрашиваетъ? Все покупаю за глаза, ей-Богу. Этотъ шарлатанъ Соскисъ не давалъ мнѣ жить. Такъ я его вигналъ вонъ, я ему сказалъ — „Паскудникъ, мнѣ твоихъ камней

и даромъ не надо“... Ваше сіятельство, у меня честность прежде всего.

Въ этотъ же день Бени Маркманъ приобрѣлъ „камней“ на восемьсотъ тысячъ франковъ, пояснивъ:

— Ваше сіятельство, вѣдь это же сто шестьдесятъ миллионъ марокъ польскихъ! Это же деньги!...

Онъ остался доволенъ, такъ доволенъ, что забылъ даже про свое „единоборство“ съ этимъ мишигине — Соскисомъ. Но полному счастью мѣшало знаменитое кольцо, ускользнувшее изъ его цѣпкихъ рукъ...

7. Въ Бейзымахъ.

Такъ и хлынули воспоминанія...

Все, съ дѣтства такое дорогое, полузабытое, каждая мелочь, будили яркія картины, оживляли признаки, навѣвая щемящую грусть. Въ Бейзымахъ Игнась, мужественный солдатъ, долго скитавшійся по бѣлу свѣту, переживалъ вновь и дѣтство свое, и юность и раннюю молодость.

До боли, до слезъ объ утраченномъ, которое никогда не вернется, знакомъ ему этотъ низенькій, точно сплюснутый высокой крышею домъ съ двумя такими же низенькими колоннами. Наверху и у основанія эти колонны тоньше, а къ серединѣ значительно расширяются. И крыша, и дворъ, и невысокая кирпичная ограда, не сплошная, а съ просѣтами — все въ свѣту, замѣтно сугробами.

Игнась вспомнилъ свои учебные годы, вспомнилъ, какъ сухощавый, въ сѣдыхъ усахъ, съ длинными, прокуренными подусниками и въ фуражкѣ съ выцвѣтшимъ бирюзовымъ околышкомъ, дядя возилъ его опредѣлять то въ Острожскую гимназію, то въ Ковельскую, то въ реальное училище въ Ровно. Отовсюду племянника выгоняли за громкое поведеніе и тихіе успѣхи въ наукахъ. Дядя замѣнялъ отца осиротѣвшему племяннику. Милый ворчунъ. За этой его воркотней скрывалась нѣж-

ная, любящая душа. Чего бы только не далъ Игнась, чтобы услышать хоть разъ еще этотъ старческой похрипывающей голосъ. Чего бы не далъ за право скинуть лѣтъ восемнадцать съ плечъ долой и гимназистомъ прѣхать въ Бейзымы на Рождество. И тогда наметены были сугробы и тогда какъ и теперь клубился въ морозномъ воздухѣ дымъ изъ двухъ бѣлыхъ трубъ. Но тогда были живы и дядя и кроткая, богомольная кузинка Ядвига. Увы, теперь нѣтъ ни дяди, ни кузинки Ядвиги.

А эти зимніе вечера, когда, затягиваясь крѣпкимъ дымомъ изъ длиннаго черешневаго чубука, шевеля сѣдыми усами, рассказывалъ дядя про былое, про славный древній родъ Бейзымовъ, обвѣнчанный, разоренный и поэтому захудавшій, еще до раздѣла Польши. А были когда-то Бейзымы — епископы, воеводы, были Бейзымы — старосты Смоленскіе, Витебскіе, Могилевскіе, Житомирскіе.

Когда-то на подступахъ къ Ойчизнѣ, на рубежахъ ея защищали Бейзымы Рѣчь Посполитую грудью своей, защищали отъ московскихъ дружинъ, отъ крымскихъ ордъ, турецкихъ таборовъ и запорожскихъ загоновъ. Бейзымы гибли, теряли имущество, сжигались ихъ лѣса и замки, вытаптывались поля и вотъ почему уцѣлѣла только одна усадьба съ одноэтажнымъ низенькимъ домомъ, построеннымъ лѣтъ девяносто назадъ.

Рассказывалъ старикъ про своего дѣда Криштофа Бейзыма, человѣка большой рыцарской отваги и такой же большой физической силы. Послѣ взятія Сомо-Сьерры, Наполеонъ собственноручно украсилъ широкую грудь Бейзыма „Почетнымъ Легіономъ“. Криштофъ, первымъ дорвавшись до испанскихъ пушекъ, снесъ ударомъ сабли командиру батареи голову вмѣстѣ съ плечомъ и правой рукой. Въ Парижѣ, на мраморѣ Триумфальной Арки начертано имя Криштофа Бейзыма рядомъ съ такими поляками — сподвижниками великаго императора, какъ Юсифъ Понятовскій, Зайенчекъ и Козетулскій.

Въ гостиной виситъ небольшой, почти миниатюра, портретъ Криштофа, изображеннаго акварелью въ высокомъ рогатомъ уланскомъ киверѣ. Игнась удался какъ двѣ капли воды въ своего пра-дѣда и лицомъ и геркулесовской фигурою, и доблестью.

Панъ Лащъ встрѣтилъ гостей честь-честью. Всѣ комнаты были жарко натоплены. Въ столовой — накрыто къ обѣду. Ожилъ, зазвенѣлъ голосами нѣсколько лѣтъ пустѣвшій домъ. Прѣехали за двадцать верстъ со станціи Гагаринъ, Бейзымы, Ливинскій, Лабенская, графиня Сапари, ея юрисконсультъ Гайллъ, княжна Варвара и высокій, ростомъ почти съ Игнась, только уже въ плечахъ операторъ съ отталкивающимъ грубымъ лицомъ, взятый въ помощь къ главному оператору Штейну.

Домъ оказался гораздо помѣстительнѣй, чѣмъ можно было думать, глядя снаружи. Всѣхъ было двѣнадцать комнатъ. Гостей удалось размѣстить безъ труда. Хватило и кроватей, дивановъ и тюфяковъ, набитыхъ свѣжимъ сѣномъ. Графиня Сапари отвели комнату покойной панны Ядвиги. Лабенская и княжна Барбъ устроились вдвоемъ. Къ себѣ, въ бывшій дядинъ кабинетъ, Игнась взялъ Гагарина и Ливинскаго.

Оба, Ливинскій и Гагаринъ, войдя туда, воскликнули въ одинъ голосъ!

— Это что такое?

Предметомъ, вызвавшимъ ихъ удивленіе, былъ притаившійся въ углу пулеметъ „Максима“. Двѣ ленты свѣшивались съ хобота.

— На всякій случай, — пояснилъ съ улыбкою Бейзымъ. — Я его еще въ началѣ революціи привезъ съ фронта, когда мужики и солдаты грабили помѣщиковъ. Такъ онъ съ тѣхъ поръ и остался.

— А хорошо бы тряхнуть стариной, подѣсть и „построчить“, — замѣтилъ Гагаринъ.

— Ты, кажется, сихъ дѣлъ мастеръ, — вспомнилъ Бейзымъ. — Да, да, ты же считался въ полку спеціалистомъ по автоматическому оружію...

— А что-жь, и въ правду мы смѣло могли бы дать маленькое боишко, — отозвался Ливинскій. — У всѣхъ насъ по карабину и цѣлый ящикъ патроновъ, а я съ собою захватилъ еще десятизарядный пистолетъ Стеера, Парабеллумъ и Маузеръ.

Оружіе было слабостью Ливинскаго. Онъ никогда не разставался съ карманнымъ браунингомъ и дома у него всегда была наготовѣ пара большихъ револьверовъ: одинъ подъ подушкой, другой на ночномъ столикѣ. Это именно была слабость, а никакъ не отсутствіе личной отваги. Слабость и, пожалуй, еще повадка политическаго развѣдчика, пускавшагося въ самыя рискованныя авантюры. Поэтому — всегда насторожѣ, начеку.

Въ кабинетѣ съ висѣвшими на стѣнахъ головами дикихъ кабановъ и лосей, — охотничьи трофеи покойнаго дяди, — вошелъ панъ Лащъ спросить, въ которомъ часу панъ майоръ прикажетъ подать обѣдъ.

Ливинскій и Гагаринъ съ любопытствомъ разглядывали Лаща. Да и въ самомъ дѣлѣ, этотъ всклокоченный бородатый человѣкъ съ болтавшимся лѣвымъ рукавомъ, вмѣсто руки, являлъ собою интересный человѣческій экземпляръ.

Родъ Лащей — старинный шляхетскій родъ, но послѣдній отпрыскъ его — Ромуальдъ Лащъ, ничѣмъ не поднялъ угасшую славу предковъ своихъ. Онъ еле умѣлъ читать и писать, велъ безпутный образъ жизни, пьянствовалъ, — лицо его и громадный носъ на вѣки вѣчные покрылись фіолетовыми жилками, — и кончилъ двадцатипятилѣтнюю карьеру свою пограничнымъ объѣздчикомъ акцизнаго вѣдомства. Здѣсь проявлялъ онъ и буйный темпераментъ свой и ту воинственность, которой Лащи всегда отличались. Верхомъ на конѣ, съ шапкой и револьверомъ, выслѣживалъ онъ контрабандистовъ, переносившихъ и перевозившихъ водку и спиртъ. Ромуальдъ Лащъ нападалъ одинъ на маленькія банды, стрѣлялъ, рубилъ, калѣчилъ и убивалъ. Доставалось и ему и нѣсколько разъ

мѣсяцами отлеживался онъ послѣ страшныхъ побоевъ „бучками“ Излюбленное оружіе волынскихъ контрабандистовъ — бучки, — длинныя орѣшины съ клубкомъ узловатыхъ корней на концѣ, залитыхъ оловомъ.

Когда вспыхнула война, Лащъ, отставной объѣздчикъ, уже на концѣ шестого десятка опредѣлился охотникомъ въ армію. Знавшій всю пограничную полосу, какъ свои пять пальцевъ, онъ попалъ въ команду развѣдчиковъ. Онъ заработалъ два солдатскихъ Георгія, а во дни Брусиловскаго наступленія, жестоко раненный разрывной пулею, лишился руки. Игнась зналъ давно безшабашнаго одинокаго бобыля и, что-бъ дать ему пріютъ и кусокъ хлѣба, посадилъ пана Ромуальда въ Бейзымахъ управляющимъ. Панъ Ромуальдъ оказался на своемъ мѣстѣ. Усадьба, кусокъ земли и часть неотошедшаго къ Совдепн лѣса — все это содержалось имъ въ образцовомъ порядкѣ.

Обѣдомъ Лащъ лицомъ въ грязь не ударилъ. Все утро самъ наблюдалъ за кухаркой, подтягивалъ ее своей воркотнею и въ результатѣ — жирный свиной, забѣленный сметаною борщъ, жаренный гусь, сладкое — шарлотка изъ чернаго хлѣба, меда и яблокъ. Все это вышло на славу отличное вкусное. Позаботился панъ Лащъ и о выпивкѣ. Желтая въ массивной кубической бутылкѣ огнемъ разливающаяся по жиламъ старка. Появились запыленные бутылки съ благороднымъ венгерскимъ.

Игнась княжну Барбъ просилъ быть хозяйкою и усадилъ ее на почетномъ мѣстѣ. Приподнятое настроеніе было у всѣхъ за этимъ обѣдомъ, такимъ непохожимъ на все оставшееся въ далекой Варшавѣ. Громадная раскаленная усадебная печь создавала уютъ и тепло. За окнами глубокіе сугробы, тишина и покой. Деревья въ сверкающемъ серебрѣ снѣжныхъ уборовъ своихъ неподвижно рисовались на фонѣ ясныхъ небесъ.

Не желая обидеть операторовъ, Бейзымъ пригласилъ ихъ за общій столъ. Безцвѣтнаго Штейна, съ жадностью уплетавшаго за обѣ щеки и жирный борщъ и гуся, никто не замѣчалъ. Долговязый же дѣтина, помощникъ его, съ лошадинымъ лицомъ, вносилъ диссонансъ. И самъ онъ былъ неприятный какой-то, и ѣлъ, громко чвакая тяжелыми челюстями, и улыбка у него была отталкивающая. На правой щекѣ лоснилось рубцами красное пятно, задѣвавшее нижнее вѣко. Можно было подумать, что кто-то когда-то облилъ ему физиономію сѣрной кислотой.

8. Поединокъ человѣка съ медвѣдемъ.

Гагаринъ — въ своемъ банкѣ, Лабенская — въ своемъ „Ллойдѣ“, — она пока еще служила, — отпросились въ недѣльный отпускъ. вмѣстѣ съ дорогою такъ оно и выйдетъ — недѣля. Игнась звалъ не только на съемки, но и погостить на зимнемъ, деревенскомъ привольѣ.

Ласота, встрѣтившій своего прежняго эскадроннаго командира, донесъ, что съ медвѣдемъ все обстоитъ благополучно.

— Большой? — спросилъ Бейзымъ.

— Страшенный! Я такихъ и въ Сибири не встрѣчалъ! — воскликнулъ „квадратный“ Ласота. — И откуда онъ взялся? Одинокій, старый — видать по шерсти, — уже въ добрыхъ лѣтахъ его мость.

Ужъ я выслѣживалъ его, выслѣживалъ для пана майора! Великій былъ соблазнъ всадить ему пулю изъ штуцера.

— Я-бъ тебѣ всадилъ! — погрозивъ кулакомъ, усмѣхнулся Бейзымъ.

Ласота, неуклюже пятясь спиною къ дверямъ, вышелъ изъ комнаты.

— Онъ самъ медвѣдь! Самъ чувствуетъ себя гораздо лучше на вольномъ воздухѣ, въ лѣсу, чѣмъ въ хатѣ, — замѣтилъ находившійся тутъ же панъ Лащъ.

— А мы съ вами, пане Ромуальде, — развѣ не то-же самое? — подхватилъ Бейзымъ. Потолокъ и четыре стѣны — давить! Честное слово! Эхъ, то ли дѣло...

Панъ Лащъ только вздохнулъ въ отвѣтъ...

Каждый вспомнилъ свое. Бейзыма перенесло далеко за океанъ, гдѣ носился по степи въ широкополой шляпѣ и косматыхъ штанахъ изъ бараньей кожи шерстью наружу. А мало развѣ было приключеній на мексиканской границѣ? А потомъ, потомъ семь лѣтъ войны и все сплошь подъ открытымъ небомъ въ бояхъ, въ движеніи. Это жизни! Это его настоящая стихія!

А Лащъ посбавилъ себѣ годковъ патнадцать, когда онъ былъ акцизнымъ объѣзчикомъ и, вмѣсто одной руки, у него было двѣ. Цѣлыми ночами, какъ дикаго звѣря выслѣживалъ онъ контрабандистовъ.

Нѣсколько лѣтъ шла не на жизнь, а на смерть борьба съ тремя братьями Каркеръ. Эти Каркеры — отчаянные жида-контрабандисты, всѣ трое большой физической силы ускользали изъ рукъ даже военныхъ пограничниковъ. Разъ они такъ избили Лаща страшными бучками своими, — четыре мѣсяца лежалъ пластомъ въ больницѣ. А выходявшись, онъ поймалъ братьевъ Каркеровъ съ цѣлымъ возомъ спирта. Двоихъ зарубилъ, третій безслѣдно исчезъ. Отомстилъ за себя Лащъ. Было времячко!.

Ударъ тяжелой руки по плечу вспугнулъ воспоминанія и они разлетѣлись какъ птицы.

— Ну, панъ Лащъ, на утро будемъ сниматься! Очень прошу и васъ не отказать въ своемъ благосклонномъ участіи.

— Что вы, что вы, шановный пане, — замалхалъ единственною рукою Лащъ. Кому интересно будетъ смотрѣть на такое чуперадло, какъ я?

— И даже очень! Старый ветеранъ, чертъ по-бери! Носъ, борода, весь вашъ видъ чего стоитъ!

И дѣйствительно, когда на утро Штейнъ, утвердивъ аппаратъ, шагахъ въ двадцати отъ кры-

лечка подь полукруглымъ слуховымъ окномъ и съ двумя приземистыми колоннами, сухо затахтѣлъ своей „шарманкой“, снимая выходящую на занесенныя снѣгомъ ступеньки группу охотниковъ, панъ Лащъ въ кожухѣ, мѣховой шапкѣ, вооруженный винтовкою и револьверомъ, съ бородою во всю грудь, являлъ собою весьма живописную фигуру. Ее одѣвать по достоинству зрители европейскихъ кинематографовъ.

Вообще, подборъ участниковъ былъ интересный, колоритный. Чѣмъ не пятно — квадратный Ласота, почтительно ожидавшійся у крыльца выхода пановъ. Какъ всѣ простые люди, извозчики, слуги, дворники, онъ „игралъ“, не играя, а съ подкупающей естественностью оставаясь самимъ собою.

Сама, въ высшей степени строгая, законченная въ стилѣ знатной англичанки, княжна Барбъ, увидѣвъ Ливинскаго, вспомнила тотчасъ же веласкезовскій залъ въ мадридской галлерей Прадо. Ливинскій — двойникъ Филиппа IV, загримировался до полной иллюзиі прототипомъ своимъ. Онъ его воспроизвелъ на яву, полностью, воскресивъ знаменитый портретъ, гдѣ испанскій король изображенъ въ охотничьемъ костюмѣ — необыкновенно благородная гамма въ черномъ. У Ливинскаго — черная шляпа, на подобіе картуза съ выдавшимся козырькомъ, черная до колѣнъ бекеша, подпоясанная тонкимъ ремнемъ, черные легкіе сапоги. Въ этомъ строгомъ сочетаніи молодой блондинъ съ нѣжнымъ дѣвичьимъ лицомъ выигрывалъ, казался еще породистѣе, казался эрцъ-герцогомъ, собравшимся на охоту. Его отѣвляла исполнинская фигура Бейзыма. Геркулесъ одѣтъ былъ въ шерстяной светеръ и замшевую куртку безъ рукавовъ. Въ этомъ костюмѣ не было ничего ни оригинальнаго, ни живописнаго. Приходилось и живописностью и оригинальностью поступиться ради свободы движений, необходимой въ поединкѣ со звѣремъ.

Лабенская, — такъ требовалъ сценарій, — одѣта была по городскому. Только высокіе шнурованные

ботинки слегка нарушали это городское впечатлѣніе. Зато графиня Сапари изящной фигурой своей напоминала что-то среднее между альпинисткой и охотницей изъ какого-нибудь балета. Синяя фетровая шляпа съ перомъ, жакетъ въ талію, коротенькая юбка и желтые шнурованные сапоги до колѣнъ. Черезъ плечо — небольшой карабинъ. Съ этимъ щегольскимъ охотничьимъ видомъ, вызывающе кокетливымъ, что-то не гармонировало настроеніе графини Сапари. Она была грустна, озабочена и не бросала на свою соперницу прежнихъ уничтожающихъ взглядовъ. Уйдя въ себя, она машинально „снималась“ и такъ же машинально принимала участіе во всемъ этомъ пикникѣ на фонѣ глухой волынской усадьбы.

Штейнъ снялъ картину выхода. Въ лѣсъ, начинавшійся въ какой-нибудь сотнѣ-другой шаговъ, двинулись пѣшкомъ. Графиня замѣтила рядомъ съ собою Гайлла. Онъ былъ въ котелкѣ, въ пальто, въ ботикахъ.

— Вы куда? — тихо, шипяще спросила она.

— Какъ куда? Въ лѣсъ на охоту, сниматься!

— На охоту, сниматься? Въ такомъ видѣ? Вы съ ума сошли? Возвращайтесь домой!

— Но позвольте, графиня, я уже снялся при выходѣ. Я долженъ быть и на охотѣ.

— Вы ничего не должны! Слышите?... Одно изъ двухъ: или вы уйдете, а я останусь, или — наоборотъ!

Юрисъ-консулъ пожавъ плечами, незамѣтно отставъ, медленно повернулъ назадъ къ усадьбѣ. Въ этотъ-же день онъ уѣхалъ въ Варшаву.

Въ дѣвственной цѣлинѣ бѣлаго, сверкавшего на солнцѣ снѣга, протоптана была узкая, — слѣды громадныхъ человѣческихъ ногъ — тропинка. Ласота еще на разсвѣтѣ побывалъ у опекаемой имъ съ такой любовью берлоги. Ласота зналъ: голодный, съ подведеннымъ животомъ медвѣдь, сосущій лапу, въ состояніи особенной зимней спячки, никуда не двинется изъ своего теплаго, мягко-уст-

ланнаго увядшими листьями убѣжища. Зналъ, однако, особеннымъ охотничьимъ азартнымъ любопытствомъ хотѣлъ убѣдиться, что косматый противникъ пана майора не покидалъ берлоги.

Не шелохнувшись, зачарованный стоялъ въ подвѣчномъ уборѣ своемъ, купаясь въ неподвижномъ ясномъ воздухѣ сосновый лѣсъ. Лавчатая вѣтви согнулись подъ тяжестью снѣга. Величаво кругомъ и такое же величавое, торжественное безмолвіе. Охотникамъ чудилось, что они вступили въ предѣлы какого-то волшебнаго царства. Ничто не дрогнетъ, ни звука. Стынетъ все, скованное легкимъ морозомъ. Стынетъ воздухъ прозрачный, бодрящій, ощутимый на вкусъ. Хотѣлось полной грудью вдыхать и выдыхать. И не хотѣлось говорить громко, что-бы не нарушить, не испугнуть чарующаго оцѣпенѣнія.

Рыжія бѣлочки плавно перелетали съ дерева на дерево, съ вѣтки на вѣтку и осыпались хлопья, осыпалась густая снѣжная пыль.

Ласота шель впереди. Кривыя, короткія ноги уходили въ снѣгъ чуть не по колѣни и онъ казался еще болѣе квадратнымъ.

Хотя всѣ знали, что уже близко и совсѣмъ скоро должна произойти опасная борьба, однако это больше чувствовалось умомъ, головою, чѣмъ сердцемъ. Слишкомъ уже подавляла всѣхъ внушительнымъ величіемъ своимъ природа, слишкомъ звала къ себѣ тысячами нѣмыхъ голосовъ. Дивная прогулка!.. Только почти у самой берлоги Ласота поднятою рукою далъ предупреждающій знакъ, — тише моль, — только тогда исчезло впечатлѣніе прогулки и глянула затаившаяся въ нѣсколькихъ шагахъ жуткая дѣйствительность. На неподвижномъ, какъ изъ гранита лицѣ княжны Барбъ, умѣвшей держать въ рукахъ свои нервы, съ ногъ до головы свѣтской, не отражалось даже и тѣни волненія. Зато и Лабенская и графиня Сапари, каждая по своему переживали страшное, невѣдомое, которое сейчасъ начнется.

Бейзымъ — спокойнѣе всѣхъ. Дорогою онъ далъ нѣсколько режиссерскихъ указаній и Штейну, и всѣмъ исполнителямъ.

— Возлѣ берлоги прошу соблюдать мертвую тишину, и когда я разставлю всѣхъ и укажу оператору и его помощнику мѣста ихъ, тогда Ласота своимъ крикомъ подниметъ звѣря. Больше самообладанія, спокойствія... Только въ моментъ появления звѣря можетъ „начаться“ у кого страхъ, у кого изумленіе, у кого то и другое вмѣстѣ. Помните, что по сценарію мы не идемъ на медвѣдя, а эта встрѣча съ нимъ совершенно случайная..

Можно пройти мимо, не обративъ вниманія, какъ мимо кучи вѣтокъ, засыпанныхъ снѣгомъ. Это и крыша и потолокъ. Подъ ними, въ землѣ самое логово.

Всѣ на мѣстахъ. Шли, шли и „задержались“. Мужчины курятъ, бесѣдуютъ съ дамами. Ласота, поднявъ гудящій однотонный крикъ, запустилъ въ берлогу тяжелымъ бревномъ и со штуцеромъ своимъ отбѣжалъ прикрывать поблѣднѣвшаго Штейна.

Бейзымъ тоже курилъ... Занесенная сугробомъ крыша логова начала расплзаться какъ-то вверхъ и поднялось надъ нею что-то косматое, громадное, темно-бурое. Бейзымъ отшвырнулъ папиросу, схватилъ свою наваху, раскрылъ ее съ шуршащимъ трескомъ и, подавшись впередъ, спружинившись, замеръ наготовѣ, успѣвъ крикнуть Штейну:

— Начинайте же!.. Начинайте, чертъ васъ дери!..

Штейнъ защелкалъ своей „шарманкой“.

Правъ былъ лѣсникъ. Не обманулъ опытный глазъ. Медвѣдь оказался и громаднымъ и старымъ, — когти были совсѣмъ желтые, а зубы съѣденные. Когда вздыбившись, поднявъ переднія лапы, онъ полѣзъ на Бейзыма, чудовище оказалось чуть ли не выше гигантскаго двуногаго противника своего.

Ласота съ наведеннымъ штуцеромъ продолжалъ свое оглушительное гуканье. Ошеломлялъ и безъ того ошеломленнаго звѣря. Слишкомъ стремителенъ былъ переходъ отъ сонливаго, полуоцѣ-

пенѣнія въ теплой берлогѣ къ движенію, холоду, къ людямъ и шуму. И косматый, желтозубый патриархъ волинскихъ лѣсовъ, пахнувшій острымъ звѣриннымъ запахомъ, съ открытой пастью и маленькими глазами, гдѣ перемѣшались испугъ и ярость, не зная, на кого сперва кинуться, кого облапить мощнымъ объятіемъ своимъ — Бейzyma или Ласоту. Первый былъ ближе, второй же крикомъ своимъ отвлекалъ, разсѣивалъ вниманіе. Для того и гукалъ лѣсникъ, чтобы отвлечь и разсѣять вниманіе своего „жильца“. Если въ первый моментъ медвѣдь займется исключительно Бейзымомъ, не одобравъ ему, пусть онъ даже успѣетъ нанести противнику смертельную рану. А такъ...

Только солдаты, охотники, да человекъ арены умѣютъ использовать каждое мгновеніе. Использовалъ его и Бейzymъ. Это было куда короче секунды... Медвѣдь, несуразно простершій свои лапы, открывъ грудь, повернулъ голову въ сторону лѣсника. Однимъ броскомъ своего сильного тѣла Бейzymъ былъ уже около медвѣдя. Лѣвой рукой схватилъ его за мохнатое горло и такимъ ударомъ вонзилъ наваху въ сердце, что и рукоятка наполовину ушла вмѣстѣ съ лезвіемъ. Игнась тотчасъ же отскочилъ, спасаясь отъ объятій, которыя могли быть смертельными. Но медвѣдь, съ неподозрѣваемой въ его тяжелой, неповоротливой тушѣ ловкостью и, главное, быстротою, успѣлъ задѣть Бейzyma лапой по головѣ. Мѣховая шапка ослабила ударъ, но когда она слетѣла съ головы — и курчавые волосы надъ скошеннымъ лбомъ и самый лобъ залились кровью. Бейzymъ пошатнулся. Звенѣло въ головѣ, мутилось въ глазахъ. Онъ услышалъ пронзительный женскій крикъ и не узналъ, чей онъ, — Лабенской, или графини. Ласота, Ливинскій, Гагаринъ и Лащъ были уже около Бейzyma, готовые защищать его своими карабинами и штуцерами. Но защитить не пришлось. Медвѣдь, словно въ раздумьи качнувшись, рухнулъ ничкомъ въ снѣгъ, уже алѣющей его кровью. Сдѣлалъ нѣ-

сколько судорожныхъ движеній лапами и уткнувшись мордою въ бѣлую, холодную рыхлую мякоть сугроба, затихъ...

9. Лабенской начинаетъ „казаться“.

Тишина. Безъ восклицаній, безъ словъ. Не до восклицаній, пока неизвѣстно, что съ Бейзымомъ, — цѣль, или нѣтъ его черепъ? А среди этой безмолвной жути сухо стучитъ, да стучитъ аппаратъ Штейна. Опытный кинематографическій волкъ оцѣнилъ по достоинству исключительный, рѣдчайшій случай. Вдвойнѣ рѣдчайшій. Мало настоящей, одинъ на одинъ, борьбы съ медвѣдемъ, но къ тому же и охотникъ по настоящему раненъ. И когда медвѣдь рухнулъ на снѣгъ, рухнулъ уже такой никому не опасный, Штейнъ быстро перемѣнилъ позицію и „крутилъ“ въ трехъ шагахъ отъ Бейzyma, что-бы ухватить, сфотографировать въ увеличенномъ размѣрѣ окровавленную голову съ обнажившимся до кости лбомъ. Никто не посмѣетъ сказать, что это ловко сфальсифицированный трюкъ. Никто...

А дальше — чѣмъ не эффектная сцена? Дуракъ былъ бы Штейнъ не использовать! Поддерживаемый друзьями, Бейzymъ полусидитъ, а Лабенская, блѣдная, блѣдная, весь богатый румянецъ отхлынулъ, вытеревъ снѣгомъ слипшіеся отъ крови волосы Бейzyma, убѣдившись, что серьезныхъ поврежденій нѣтъ и кость цѣла — заботливо перевязываетъ эту дорогую, любимую голову. Еще изъ Варшавы захватила Магдалина съ собою „на всякій случай“ индивидуальный пакетъ.

— Ну, что? Какъ самочувствіе? — спрашивали Бейzyma всѣ, всѣ, за исключеніемъ графини, стоявшей поодаль. Она кусала губы и, какъ у Лабенской — въ лицѣ ни кровинки. Красивыя черты искажены судорогой.

— Ничего, — развѣженно какъ-то, улыбаясь отвѣчалъ Бейzymъ. Звенитъ въ головѣ, какъ если бы человекъ лихорадкой болѣлъ, а въ общемъ

гораздо хуже могло быть. Опоздай я и не опоздай медвѣдь, онъ свернулъ бы мнѣ черепъ и получилъ бы то, что въ сценаріи не предусмотрено мною. И онъ опять улыбнулся. Да, господинъ Штейнъ, вы ничего не пропустили?

— За кого же меня, господинъ майоръ, принимаетъ? — обидѣлся Штейнъ. Мы можемъ себя поздравить. Подобной фильмы еще не было!

— Я самъ такъ думаю, — согласился Бейзымъ. Квадратный Ласота ликовалъ.

— Видѣлъ я въ Сибири лучшихъ медвѣжатниковъ, но такого, какъ панъ майоръ, не видѣлъ! Чистая работа! Езусъ-Марія, что это былъ за ударъ! Тѣ, сибирскіе, обматываютъ кожей лѣвую руку, суютъ ее въ пасть звѣрю, выпускаютъ ему всѣ кишки ножомъ, а панъ майоръ... Э, да что говорить! Первый классъ! Надъ-первый!

Долговязый помощникъ оператора съ недобрымъ выраженіемъ лошадиного лица, разставивъ ноги и покачиваясь, смотрѣлъ на Бейзыма. Штейнъ убралъ его.

— Пахомовъ, отойдите! Всѣ охотники и дамы стоятъ наклонившись, смотрятъ, графиня потрудится ближе стать, а госпожа Лабенская еще дѣлаетъ перевязку. Такъ! Снимаю!

Оставивъ уткнувшагося мордою въ окровавленный снѣгъ медвѣдя, двинулись въ обратный путь. Ласотѣ Бейзымъ поручилъ доставить убитаго звѣря въ усадьбу. Сугробы и чащи деревень, кустарниковъ мѣшали добраться къ мѣсту происшествія даже узенькимъ деревенскимъ санямъ. Оставалось одно: тащить пару верстъ громадную тяжелую тушу волокомъ. Нести же, связавъ медвѣдю ноги, понадобилось бы человѣкъ двадцать, а для двадцати носильщиковъ понадобилась бы очень длинная жердь. Такой не найти, а если бы и найти — сломается.

Въ лучахъ утренняго солнца, порозовѣвшая повязка Бейзыма напоминала что-то среднее между чалмою и живописнымъ головнымъ уборомъ

какого-нибудь изаврійскаго пирата. А въ общемъ Игнасъ съ забинтованною головою казался еще мужественнѣе, еще воинственнѣе.

Штейнъ проявилъ фильму и, убѣдившись, что всѣ снимки безукоризненны, кое-какъ наспѣхъ закусивъ, уѣхалъ въ Варшаву, чтобы поскорѣе заняться въ лабораторіи печатаніемъ этихъ „сенсационныхъ“, потрясающихъ лентъ. Пахомовъ тоже уѣхалъ, но не въ Варшаву, а съ тѣмъ, чтобы проводить оператора до станціи, вернуться. Онъ такъ и заявилъ:

— Я черезъ три-четыре часа вернусь.

Хотя никто его не приглашалъ и вотъ уже ни съ какой стороны этогъ длинный верзила не подходилъ къ собравшемуся въ Бейзымахъ обществу.

Послѣ новой болѣе тщательной и дезинфицирующей перевязки, друзья и Лабенская пытались уложить майора въ постель, но Бейзымъ воспротивился:

— Ни за что! Буду я валяться? Выпью за обѣдомъ пять-шесть большихъ рюмокъ старки въ честь благополучнаго конца — вотъ и все мое леченіе! Выдумали то же — въ кровати!

— Панъ майоръ тысячу разъ вѣрно говоритъ! Добрая крѣпкая старка это лучше всякаго элексира жизни. Честное слово! — поддержалъ панъ Лащъ. Хотя самъ панъ Лащъ и закаялся пить, но ко всѣмъ пьющимъ питалъ какую-то покровительственную вѣжливость.

— Но у васъ жаръ, пане Бейзымъ, — не складывала еще оружія Лабенская.

— Жаръ? Это намъ кажется только! Въ комнатахъ жарко, — отшучивался Бейзымъ, глядя изъ подъ своей пиратской чалмы на Лабенскую такими глазами, что у нея замирало все и даже самое сердце переставало биться.

Эти два дня были днями торжества надъ соперницей. Бейзымъ и графиня явно избѣгали другъ друга. Онъ, — потому что освобождался изъ-подъ

ея чаръ, у нея же были для этого болѣе сложные и запутанные мотивы... Вообще, она удивляла всѣхъ въ этомъ помѣщичьемъ домѣ, такъ пріятно пахнущемъ старинной мебелью, приземистой, крѣпкой и твердой. Удивляла своимъ поведеніемъ. Минуты не проходила въ ровномъ спокойствіи. Молчать, уйдя въ себя, то говорить, говорить невольно, не къ случаю, думая о другомъ, думая что-то свое. Не было прежней дешевой наигранной свѣтскости, ничего прежняго. Сходила мишура, позолота — обнажалась душа.

Даже строгая къ людямъ, строгая потому что требовательнѣй, чѣмъ къ кому бы то ни было, относилась къ самой себѣ, княжна Барбъ говорила Магдалинѣ:

— Дитя мое, эта „графиня“ производитъ не совсѣмъ ужъ такое отвратное впечатлѣніе. Я была подготовлена къ гораздо худшему.

— О, теперь ее совсѣмъ не узнать! Она такъ перемѣнилась. И если еще недавно была несимпатична то, право, теперь ее жаль отъ всей души. Я боюсь, эта перемѣна въ ней, пожалуй, прологъ къ такому чему-то, о чемъ даже и думать страшно. Еще задолго до этой охоты я увѣрена была, что не все сойдетъ гладко и что-то должно случиться. И сейчасъ у меня тревожно и смутно... Миѣ передается настроеніе госпожи Сапари. Словомъ, будь моя воля, я немедленно приказала бы всѣмъ намъ собраться и уѣхать въ Варшаву. Именно приказала бы! Съ особеннымъ удареніемъ и особеннымъ выраженіемъ прекрасныхъ, какъ темная тропическая ночь, глазъ своихъ, повторила Магдалина.

— Полно, дитя мое! Вамъ начинается „казаться“. То, что мы видѣли съ вами утромъ въ лѣсу, было такъ необыкновенно захватывающе! Это была такая встряска для нервовъ... И, наконецъ, мы съ вами въ помѣщичьемъ домѣ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ роковой черты, гдѣ начинается страна дикихъ, кровавыхъ кошмаровъ. А здѣсь кругомъ все застыло въ самомъ началѣ девятнадцатаго

вѣка. И этотъ пузатый комодъ и прямые, наивно строгія спинки кресель. И эти литографіи съ золотымъ ободкомъ... Стемнѣло. Вечерь. Искусный рисовальщикъ-морозъ покрылъ къ ночи серебрянымъ узоромъ окна. За ними притаились ночные страхи. Вотъ вамъ и „кажется“...

— Кажется? — повторила Магдалина. Что-то славное, простое, деревенское въ этомъ словѣ, когда оно замѣняетъ — „мерещется, грезится“.

— Именно деревенское, простое, — согласилась Барбъ. У меня была няня Антиповна. Бывало охватятъ ночью дѣтскіе страхи. И того и этого начинаешь бояться. У Антиповны было одно и то же средство: „А ты, Варичка, перекрестись хорошенько, вотъ и не будетъ казаться“. Послушаешь Антиповну и всѣ страхи, все какъ рукой сниметъ. Спишь — не добудиться!

— Вотъ и вы перекрестите меня, княжна, — и было это сказано такъ мило, довѣрчиво и въ голосѣ и въ лицѣ, что смягчилось сурово-каменное въ глубокихъ морщинахъ лицо княжны Барбъ. И по матерински, хотя между ними было всего тринадцать лѣтъ разницы, исполнила она просьбу Лабенской.

Магдалинѣ, послѣ того, какъ Барбъ перекрестила ее и поцѣловала въ лобъ, уже не чудились больше злые, враждебные призраки, притаившіеся за матовымъ узоромъ, дѣйствительно искусно разрисованныхъ студеннымъ дыханіемъ мороза, оконъ.

За обѣдомъ Лащъ единственною рукою своею усердно подливалъ Бейзыму старку, твердо вѣря въ ея цѣлебныя свойства. Бейзымъ былъ крѣпокъ на спиртное, и если послѣ обѣда и завалился спать, то не старка была причиною, а пережитое утромъ въ лѣсу, вызвавшее реакцію, желаніе глубокаго въ теченіи двухъ-трехъ часовъ отдыха. И онъ спалъ богатырскимъ сномъ. Спалъ разметавшись на дядюшкиной постели, а рядомъ въ сосѣдней гостиной, гдѣ надъ низенькимъ длиннымъ диваномъ висѣло за стекломъ акварельное изображеніе Кри-

штофа Бейzyma, Гагаринъ и Ливинскій у горѣвшей на овальномъ столѣ лампы, курили медленно смакуя блѣдно-золотистое венгерское. Панъ Лащъ раздобылъ для нихъ какую-то особенную, густо обфипленную сухой, сѣровой землею бутылку. Онъ же, обязательный, панъ Лащъ положилъ на столъ передъ гостями свѣжія, привезенныя со станціи газеты.

10. Примѣръ, достойный подражанія.

Продолжая бесѣду, Ливинскій ударилъ длинной и узкой рукою по газетамъ.

— Вотъ вамъ! Будь съемки вродѣ сегодняшней гдѣ-нибудь на Западѣ, или въ Америкѣ, здѣсь черезъ два-три дня мы прочли бы цѣлые фельетоны подъ ударными, кричащими заголовками. Но мы, слявяне, мы не умѣемъ себя рекламировать. Между тѣмъ, позвони нашъ милый Бейzymъ по редакціямъ „предполагается молъ то-то и то-то“, — за нами сюда бросилось бы съ полдюжины „собственныхъ корреспондентовъ“.

— Въ погонѣ за такимъ сенсационнымъ матеріаломъ? Еще бы! Какой это былъ ударъ кинжаломъ! Какая, вообще, картина! И, — вы поймете меня? Теперь, сейчасъ, я глубже и сильнѣе все это переживаю, чѣмъ тогда. Тогда — не было времени, — пояснилъ Гагаринъ.

— Да, опасность всегда страшнѣе, когда она уже миновала, а не въ самый моментъ ея, — согласился Ливинскій, разворачивая „Газету Поранную“. Посмотримъ, что пишутъ... Клайпеда, Клайпеда. Лавры д' Аннунціо не даютъ спать литовцамъ...

— Да и генерала Желиговскаго, такъ блестяще аннексировавшаго Вильно.

— И Желиговскаго! Кстати въ „Газетѣ Поранной“ имѣется нѣчто въ связи съ Клайпедой... Вотъ вамъ жидовская дойяльность! — и сдѣлавъ паузу, читая про себя, молодой человекъ, съ лицомъ веласкезовскаго инфанта, продолжалъ вслухъ: Во-

инскую часть погрузили въ эшелонъ и отправили въ Рембертово на учебную стрѣльбу. А между тѣмъ былъ слухъ, что посылають въ Мемель для войны съ литовцами. И что-жъ оказалось? Всѣ солдаты-жиды по дорогѣ исчезли, не желая проливать кровь за Польшу, Польшу, которая не только уравнила жидовъ во всѣхъ правахъ съ коренымъ населеніемъ, но еще и дала имъ привилегированное главенство. И потому что жиды у насъ главенствуютъ, наглость ихъ не имѣетъ границъ! Вы можете хоть на мигъ допустить, что-бъ какой-нибудь депутатъ сейма полякъ, даже видный, вліятельный депутатъ съ заслугами передъ своимъ отечествомъ, ну, скажемъ Галлеръ, или Корфанти, обратился съ частнымъ письмомъ въ военное министерство, письмомъ, — носящимъ характеръ головоломки. Въ пухъ и прахъ критикующей дѣятельности министерства? Можете?

— Не могу! Не могу, потому что это недопустимо! Депутатъ можетъ сдѣлать запросъ въ сеймъ, адресуясь къ главѣ того, или другого вѣдомства, но писать правоучительныя письма — это и безтактно, и неприлично и положительно не имѣетъ названія!

— Каждый полякъ, каждый культурный человекъ согласится съ вами, а вотъ у жидовъ совсѣмъ другая логика! Имъ все можно, все позволено! Жидовскій депутатъ Тоинъ, оскорбленный въ своихъ лучшихъ чувствахъ за какія-то препятствія, якобы чинимыя жидамъ въ арміи, на-дняхъ разразился именно такимъ грубымъ, вызывающимъ, нахальнымъ письмомъ въ военное министерство.

— Дѣйствительно, большой наглець! И что же министерство на его посланіе въ отвѣтъ? Отчитало, по крайней мѣрѣ?

— Увы, тамъ, кажется, впечатлѣніе едва ли не растерянности. Такъ мнѣ говорило лицо, находящееся въ курсѣ дѣла.

— Странно!

— Что-бъ не сказать больше! И тѣмъ болѣе странно, милый князь, ужъ кому-кому, а не жидамъ дѣлать подобные запросы! Очень ужъ у нихъ рыльце въ пуху во всемъ, что касается арміи. На фронтѣ они держали себя самымъ постыднымъ образомъ. Ловчились все больше попасть въ тылъ, особенно въ интендантуру, гдѣ вмѣсто крови, проливали чернила. Я вамъ обрисую жидовъ офицеровъ польской арміи. Не угодно ли такой, самъ за себя говорящій эпизодецъ: это было во дни нашествія красныхъ ордъ на Варшаву. Дни страшнаго нечеловѣческаго напряженія всей націи. На позиціи шли старики, дѣти, женщины, шли всѣ, кто физически могъ пойти и держать въ рукахъ винтовку... Надо было видѣть партизанскій эскадронъ Бейзыма? Кто къ нему только не записывался: аристократы, мужики, помѣщики, гимназисты, ремесленники, директора банковъ, чиновники министерствъ. И такъ было вездѣ и повсюду... Охваченныя патриотическимъ энтузіазмомъ женщины и дѣвушки обходили кофейни, рестораны, кинематографы, дѣлая своего рода „облавы“ на мужчинъ, способныхъ защищать Польшу отъ смертельной опасности. Одна изъ такихъ облавъ хлынула въ „Земянскую“ кофейню и вотъ имъ говорятъ, что въ ватеръ-клозетѣ спрятался жидъ-офицеръ, спрятался съ помощью двухъ дѣвицъ — компатріотокъ своихъ. Атакують уборную, вытаскиваютъ засѣваго офицера. Типичнѣйшій жидъ! Оттопыренные уши, „восточный“ носъ и все остальное какъ полагается.

Женщины къ нему: — „А, такой-сякой, отсиживаться въ такомъ мѣстѣ, что-бъ не погнали на фронтъ?“ А онъ отвѣчаетъ имъ довольно дерзко — „Убирайтесь къ черту, я уже воевалъ! Развѣ вы не видите, что я уже безъ руки?“ И, дѣйствительно, — пустой рукавъ болтается. Но бабъ не такъ-то легко провести! Схватили его, взяли въ оборотъ, сорвали поясъ, сорвали мундиръ. И что же оказывается? Негодяй и трусъ симулировалъ свою инвалидность. Вполюй здоровая, дай Богъ всякому, рука

засунута была за поясъ. Возмущенныя патриотки хотѣли его избить. Онъ вырвался и побѣжалъ на Маршалковскую. Женщины за нимъ. У одной въ видѣ трофея былъ его поясъ. На Маршалковской онъ влетѣлъ въ жандармское управленіе, требуя, чтобы его защитили и когда наконецъ убѣдился въ своей безопасности, нагло раскричался: „Будь у меня револьверъ, я бы показалъ всей этой голотѣ“... Могу даже назвать его фамилію...

— И что же это?.. этотъ господинъ продолжалъ носить офицерскій мундиръ?

— До поры, до времени. Потомъ его, въ концѣ концовъ, выставили кое-какъ изъ арміи... Примѣръ — далеко не единичный! И послѣ этого они удивляются... О, если-бъ еще ограничивались однимъ удивленіемъ, а то негодуютъ, требуютъ для себя офицерскаго мундира, безъ всякихъ ограниченій, безъ всякихъ „но“. По конституціи дорога жидамъ въ офицерскій корпусъ открыта, какъ и всѣмъ гражданамъ Рѣчи Посполитой...

— Пусть, дорогой Ливинскій! Конституція — конституціей, а жизнь — жизнью! Помните, въ вагонѣ вы рассказывали про свое посѣщеніе Винарскаго въ госпиталѣ, про его пламенную рѣчь о борьбѣ съ еврействомъ на почвѣ національнаго самосознанія. Если вашъ офицерскій корпусъ дружно сплотится, онъ не пуститъ въ свою семью ни одного еврея. Для этого не надо вовсе ни репрессій, ни рѣзкихъ оскорбительныхъ выступленій, ничего такого, что могло бы вызвать нареканія, осужденія. Наоборотъ, наоборотъ! — съ веселой живостью подхватилъ Гагаринъ, подвигаясь къ Ливинскому, — необходима полиѣйшая корректность, но такая, отъ которой хотѣлось бы куда видно бѣжать безъ оглядки! Вы только что рассказали мнѣ объ этомъ карикатурномъ героѣ, извлеченномъ бабами изъ ватеръ-клозета, а я вамъ расскажу другой случай, иллюстрирующій упомянутую мною „корректность“!.. Въ прежней императорской Германіи, по конституціи, евреи могли служить офицерами въ

арміи. Могли, но ихъ не было, не было за самыми рѣдкими исключеніями. Въ полкахъ, въ батареяхъ создавалась для нихъ атмосфера невыносимая. Даже наименѣе самолюбивые, толстокожіе, нечувствительные къ щелчкамъ по носу фендрихи и лейтенанты изъ евреевъ, недолго выдерживали „климатъ“ и спѣшили его перемѣнить. Вы спросите, какъ это происходило технически? А вотъ какъ:

Вамъ извѣстно, что кайзеръ Вильгельмъ не прочь былъ порисоваться дружбою съ видными банкирами, промышленниками, вообще капиталистами, — возьмемъ это модное словечко. Много лѣтъ въ друзьяхъ его числился знаменитый пушечный король Альфредъ Круппъ, а послѣ таинственной и довольно таки скандальной смерти Круппа, кайзеръ милостиво приблизилъ къ себѣ не менѣе знаменитаго въ своей области Баллина. Если Круппъ былъ пушечнымъ королемъ и господствовалъ на сушѣ, то Баллинъ былъ королемъ... не подберешь сразу, — королемъ коммерческаго мореплаванія и господствовалъ на моряхъ. Выходецъ изъ рижскихъ евреевъ, Баллинъ въ Германіи сдѣлалъ прямо фантастическую карьеру. Нѣтъ, пожалуй, во всемъ мірѣ гавани, которая могла бы вмѣстить весь его флотъ, всѣ принадлежавшія ему суда. Какъ-то разъ въ интимной бесѣдѣ кайзеръ, благожелательно настроенный къ этому еврейскому нептуну, державшему въ своихъ цѣпкихъ рукахъ чуть ли не треть всей морской торговли нашей планеты, спросилъ его:

— „Дорогой Баллинъ, я хотѣлъ бы сдѣлать вамъ какое-нибудь удовольствіе. Можетъ быть вы имѣете ко мнѣ просьбу? Я съ удовольствіемъ исполню все, что, конечно, въ предѣлахъ моихъ силъ и моей власти...“

Баллинъ, долго выжидавшій такого удобнаго случая, отвѣтилъ расплываясь въ подобострастной улыбкѣ:

— „Ваше Величество, я и такъ не по заслугамъ свыше всякой мѣры взысканъ милостями Вашего Величества. Но если Вашему Величеству

благоугодно осчастливить своего вѣрноподданнаго и вѣрнопреданнаго Баллина, то я осмѣлился бы попросить объ одномъ: у меня есть единственный сынъ, кончающій военное образованіе. Я былъ бы гордъ безконечно видѣть его носящимъ мундиръ одного изъ гвардейскихъ полковъ“.

Такъ отвѣтилъ Баллинъ императору. Въ самомъ дѣлѣ чего просить? Баллинъ былъ неизмѣримо богаче всѣхъ Гогенцоллерновъ вмѣстѣ взятыхъ. Онъ былъ украшенъ орденами, былъ тайнымъ совѣтникомъ, имѣлъ власть, вліяніе и только одного не имѣлъ — положенія въ свѣтскихъ кругахъ Берлина. Для себя онъ уже не мечталъ объ этомъ, но сына, сына хотѣлъ видѣть принятымъ въ высшее общество, куда открылъ бы ему дверь красивый мундиръ гвардейскаго офицера. Тщеславіе, тщеславіе выскочки-еврея.

— У жидовъ оно проявляется иногда прямо въ болѣзненной формѣ, — отвѣтилъ Ливинскій. Попастъ въ общество, въ свѣтъ, особенно въ гвардейскіе круги — это какъ разъ именно то, чего не купишь деньгами и что дается рожденіемъ, воспитаніемъ, породою... Любопытно, какъ же вернулся Вильгельмъ?

— Онъ обѣщаль Баллину исполнить его просьбу. Вильгельмъ сплошь да рядомъ завтракалъ и обѣдалъ въ гвардейскихъ полкахъ. Честь видѣть въ собраніи за своимъ столомъ кайзера, что и говорить — не малая, но эта честь обходилась гвардейскому гарнизону дорого. Даже состоятельные карманы трещали. На одномъ изъ такихъ завтраковъ во второстепенномъ гвардейскомъ пѣхотномъ полку, Вильгельмъ обратился къ офицерамъ:

— „Господа, мнѣ было бы очень пріятно видѣть въ вашей семьѣ лично мнѣ извѣстнаго молодого человѣка. Это сынъ моего друга Баллина. Я полагаю, моя просьба не встрѣтитъ препятствій?“

Кругомъ кислыя вытянутыя фізіономіи. Но кайзеръ, во-первыхъ кайзеръ, а во-вторыхъ верховный вождь арміи. Просьба его равносильна

приказанію. Молодой Баллинъ принять былъ въ этотъ полкъ. Никто не отнесъ къ нему свысока. Онъ не услышалъ ни одной по своему адресу рѣзкости, ни одной насмѣшки. Нельзя было ни къ чему придаться — ледяная официальная учтивость. Всѣ разговоры съ нимъ ограничивались только службой. Когда онъ подходилъ къ компаніи офицеровъ, веселой, оживленной, всѣ тотчасъ же смолкали и нѣсколько паръ глазъ устремлялось на него съ вѣжливымъ недоумѣніемъ. На каждомъ шагу безмолвно подчеркивалось — „ты не нашъ, тебя намъ навязали и мы не желаемъ имѣть съ тобою ничего общаго“. Больше двухъ-трехъ мѣсяцевъ Баллинъ этой марки не выдержалъ и, подавъ рапортъ о болѣзни, самъ ушелъ изъ полка. Нѣкоторые найдутъ, пожалуй, такой организованный бойкотъ жестокимъ, болѣе жестокимъ, чѣмъ если-бъ кто-нибудь оскорбилъ Баллина, бросивъ ему въ лицо „жида“. Но съ другой стороны во всемъ этомъ имѣется нѣкоторое нравственное удовлетвореніе. И самъ парходный король, этотъ еврейскій Нептунъ и его дофинъ убѣдились, что есть еще на свѣтѣ такое, чего золотомъ не купишь. Кастовыя традиціи оказались сильнѣе всемогущихъ милліардовъ. По моему этотъ случай въ прусскомъ гвардейскомъ полку — великолѣпный рецептъ и для вашей польской арміи. Такой дружный организованный бойкотъ даетъ блестящій результатъ. Черезъ какихъ-нибудь полгода во всей Польшѣ днемъ съ огнемъ не сыщете ни одного офицера-еврея. И тогда, повѣрьте, никакіе Тоны, Гринбаумы, Діаманды не осмѣлятся писать наглыхъ писемъ въ военное министерство.

— Вы правы, — задумчиво согласился панъ Леонъ, — и тогда мнѣ уже не являлось бы мальчишеское желаніе, когда я прохожу мимо интендантуры зачеркнуть это слово и вмѣсто него написать „юдендантура“.

— А вѣдь вы шутникъ! Это весьма остроумно, весьма — юдендантура! — улыбнулся Гагаринъ.

II. Въ монастырѣ Бернадировѣ.

Хотя Геллеръ и хвасталъ Соскису и Вишневному, что покинетъ Славу не простившись съ Зиновьевымъ, съ которымъ ему, вообще, не о чемъ разговаривать, но въ дѣйствительности Геллеръ, уѣзжая въ Заславль и простился съ Зиновьевымъ и разговаривалъ съ нимъ. Во-первыхъ, нужно было содѣйствіе всесильнаго члена правительства, а во-вторыхъ, передъ этимъ самимъ всесильнымъ членомъ правительства онъ хотѣлъ выслужиться, показать, что даже на отдыхѣ, на покоѣ только и думаетъ о врагахъ совѣтской власти и о борьбѣ съ ними.

Съ „потемкинской“ небрежностью принялъ его Апфельбаумъ. Онъ валялся подъ балдахиномъ и, подъ княжеской короною въ княжеской кровати. Запавшее, измятое съ перепоею лицо. Широкій, теплый и пестрый азіатскій халатъ.

— Я такъ понимаю, товарищъ: правовѣрный коммунистъ долженъ быть всегда на своемъ славномъ посту. Лишь одна смерть можетъ смѣнить его, — вспомнилъ Геллеръ красивую фразу деникинскаго приказа, относившуюся не къ коммунистамъ, а къ русскимъ офицерамъ.

— Который часъ? — спросилъ Зиновьевъ, охладядая этимъ вопросомъ коммунистическое рвеніе Геллера.

— А?... Что?... Половина перваго.

— Уже? — и Апфельбаумъ громко захопалъ въ ладоши.

Вытянулся, звякнувъ шпорами адъютантъ графъ Брикдорфъ.

— Черезъ пять минутъ парикмахера ко мнѣ, маникюршу, а черезъ полчаса чтобы готова была ванна, — и кивнувъ адъютанту, „проваливай, моль“

— Зиновьевъ повернулъ къ Геллеру свою большую, всклокоченную голову. Въ теченіи пяти минутъ я къ вашимъ услугамъ, товарищъ. Итакъ, лишь одна смерть можетъ смѣнить коммуниста на

его доблестномъ посту. На этомъ, кажется, вы остановились? Дальше!

— Дальше... Вотъ въ чемъ дѣло: на ближайшихъ дняхъ представляется небывало исключительный случай захватить и доставить на територію Р. С. Ф. С. Р. знаменитаго польско-бѣлогвардейскаго бандита майора Бейzyma.

— А, тотъ самый, который... — и бритое, бабье лицо Зиновьева отвѣтило Геллеру веселой улыбкой.

— Да, тотъ самый, который, — съ печальной укоризною, осуждающей зиновьевское легкомысліе, повторилъ Геллеръ. — Тотъ самый Бейzymъ, который повѣсилъ Динстя, который своими партизанскими отрядами терроризировалъ нашъ тылъ, захватывалъ штабы красныхъ полковъ и дивизій, который своимъ дерзкимъ набѣгомъ на Радзиминъ смѣшалъ всѣ наши карты въ Варшавѣ, который сотнями, тысячами уничтожалъ отвѣтственныхъ совѣтскихъ „работниковъ“, тотъ самый Бейzymъ, который устраивалъ живыя аллеи изъ комиссаровъ и коммунистовъ, развѣшивая ихъ въ садахъ, паркахъ, на большихъ дорогахъ, на фонарныхъ столбахъ, всюду, гдѣ только можно было... Тотъ самый Бейzymъ... — началъ Геллеръ и поперхнулся, проглотивъ недоговоренное своимъ ужаснымъ разсѣченнымъ ртомъ.

— Я васъ понимаю. Къ вашему идейному негодованію примѣшивается еще и чувство личной обиды. Тѣмъ лучше! Мечь и ненависть — мощный рычагъ. Съ помощью этого рычага мы правимъ необъятной страной отъ Збруча до Тихаго океана. Желаю вамъ успѣха! Если могу быть чѣмъ-нибудь полезнымъ...

— Я хотѣлъ бы, товарищъ Зиновьевъ, чтобы вы мнѣ официально поручили эту маленькую карательную экспедицію. Разумѣется совершенно секретно.

— Извольте! Я прикажу моей канцеляріи тотчасъ же изготовить соответствующій ордеръ. Это все?

— Нѣтъ, не все. Мнѣ нужны смѣлые, отчаянные люди. Конный отрядъ въ какихъ-нибудь сорокъ-пятьдесятъ головорѣзовъ.

— Понимаю, куда вы мѣтите. Полуэскадронъ моихъ „красныхъ чертей“? — Пожалуйста! Все?

— Сейчасъ, сейчасъ послѣднѣе — я хочу имѣть Бейzyma въ полномъ моемъ распоряженіи. Онъ долженъ быть моимъ, только моимъ...

— Гм... какъ вамъ сказать... Слишкомъ крупная фигура этотъ Бейzymъ. Не лучше ли доставить его въ Москву въ распоряженіе товарища Дзержинскаго? Можно будетъ инсценировать шумный процессъ. Можно будетъ...

— Товарищъ Зиновьевъ, умоляю васъ, — перебилъ задыхаясь Геллеръ. — Умоляю васъ, отдайте мнѣ его! Требуйте взаменъ у меня чего хотите!

— Ну, если вамъ такъ приспичило, берите его себѣ на здоровье! Что же вы съ нимъ будете дѣлать?

— Что я съ нимъ буду дѣлать? медленно и глухо переспросилъ Геллеръ и обезображенное лицо его, искаженное судорогой ненависти было еще безобразнѣй. Говорятъ въ Заславлѣ, въ монастырѣ Бернардиновъ есть подземелье, гдѣ когда-то поляки держали плѣнныхъ татаръ и запорожцевъ. Говорятъ сохранились тамъ прикованные цѣпями къ стѣнѣ желѣзные ошейники. Я посажу Бейzyma на цѣпь и буду его пытать. Среди Вашихъ красныхъ чертей имѣется одинъ специалистъ, профессорски сдирающій бѣлогвардейцамъ кожу. Изъ бѣлыхъ они подъ его ножомъ становятся красными, въ буквальномъ значеніи слова.

Звонъ шпоръ. Голосъ графа Бриксдорфа.

— Пять минутъ прошло, прикажете имъ войти?

— Пусть войдутъ! Пусть! До свиданія, товарищъ Геллеръ... Ступайте же прямо въ канцелярію. Товарищъ Бриксдорфъ прикажетъ отъ моего имени сдѣлать все, что надо.

Геллеръ покинулъ опочивальню Апфельбаума, не слыша ногъ подъ собой отъ счастья. Впервые,

впервые за целый месяц забыть, что у него расщеплены губы.

Заславль — древний город, лет восемьсот на белом свете существующий. Его пересекает Горынь, местами очень широкая, особенно у плотины, возле паровых мельниц, принадлежавших до революции князю Сангушко, а теперь социализированных и поэтому — бездействующих.

Старый город, на высоком крутом берегу, Новый — на низком и плоском. В эпоху козацко-шляхетских войн совсем не было Нового города. Вместо него бегали на юг, тотчас же за Горыню, вольные степи, откуда можно было постоянно ждать незваных гостей. Для встречи этих незваных гостей Бернардинский монастырь был обнесен высокой, каменной стеной. Свая, зубчатая с амбразурами, тянувшаяся по гребню почти отвесного берега; эта стена одним видом своим воскрешала далекое и грозное былое, когда быстро бегущая Горынь, уносила тела бойцов, червоня от крови своих и чужих.

Так было когда-то. А потом, двести пятьдесят лет дремал польско-жидовский городок, тихо и мирно дремал, пока не проснулся от революционного шума и грохота. Полки, дивизии дезертиров, жадной, грабительской, разбойной саранчой, в серых солдатских шинелях, сметающая все и вся на своем пути, пронеслись через Заславль. Брали его петлюровские черношляпники, загримированные зубатыми «сичевиками» Сагайдачного и Наливайки. Петлюровцы выгоняли большевиков, большевики выгоняли петлюровцев, а тех и других выгоняли польские уланы. И как двести пятьдесят лет назад, уносила Горынь тела бойцов и также червоняла от крови. И так же строй, величественной громадой высоко поднимался и над валами и над стеной, и над всем городом Бернардинский монастырь своими башнями, колокольнями и крестами. Уходили вглубь веков столетия, менялись люди, правительства,

моды, белый польский орел живо растерзан был на три части, а Бернардинский монастырь все такой же мощный, суровый, только разве чуть-чуть почерневший от дыхания времени, намечался твердо-каменным силуэтом своим на фоне южных волинских небес. И так же, как и в былое время скользили беззвучно в сандалях на босу ногу монахи в длинных коричневых сутанах, подпоясанных белыми веревками. Скользили телами и по холодным плитам костела, и под портиками своих келий, и под серебристыми тополями пышного монастырского парка.

Но и в эту тихую обитель с ее молитвенной мистикой, с полумраком сводчатого костела, с проникающими в душу звуками органа, то полных гневных раскатов, дрожащих, пугающих, но ижных, чуть слышных, мелодических, во рвалась безумной, кровавой гримасой дикая, грубая жизнь. Если только можно было назвать жизнью отвратительный, горячечный сумасшедший бред на яву.

Монастырские цветники и огороды вытаптывались копытами лошадей красной конницы. Кусты белых лилий запакачивались навозом. Звенели разбиваемые прикладом стекла парников и оранжерей. Советские командиры и комиссары выгоняли монахов из келий, а сами там пьянствовали с дьяками, кощунственно глумясь над тоненьким висевшим у каждого изголовья распятием.

Однажды, только что влетевший в монастырский двор на взмыленных конях эскадрон буденовцев, сплывшись повалил в костел. Впереди всех с болтавшейся у эфеса донской шашки нагайкой, с папиросой в зубах и с сергою в ухе, вспотевший от жары и водки, политком. Ему хотелось удивить товарищей какой-нибудь из ряда вон выходящей гнусностью. Прохладный трепетный сумрак, тихое мерцание свечей, тусклая позолота орнаментных завитушек, картины, изображавшие Богоматерь и святых, коричневая су-

таны монаховъ, все это раздражало политкома. Быть можетъ потому раздражало, что въ подлой, преступной душѣ своей политкомъ, не отдавая себѣ отчета, сознавалъ насколько все это окружающее, выше, прекраснѣй, чище, вѣнчѣ его самого.

Шаркая по гранитнымъ плитамъ шпорами, блуждая воспаленными глазами, онъ увидѣлъ передъ собою фигуру Христа, изваяннаго изъ бѣлаго, никому не вѣдомаго, — нельзя было опредѣлить изъ какого, — дерева. Художникъ одухотворилъ и аскетическія черты Спасителя и глаза, вдохновенные, скорбные.

Съ богохульственной бранью, выхватилъ политкомъ шашку и рубанулъ по плечу Изваяніе.

Даже у буденовцевъ не вырвалось ни поощренія, ни удовольствія. Даже этотъ человѣческій сбродъ съ каторжной совѣстью, вѣрише безъ всякой совѣсти, затихъ ошеломленный дерзкимъ оскорбленіемъ Святыни. Вдругъ среди безмолвія раздирающей спазматическій дѣтскій крикъ... Это кричалъ, посинѣвъ, десятилѣтній мальчикъ, всегда такой блѣдный, прозрачный съ длинными, свѣтлыми волосами. И личикомъ задумчивымъ, свѣтлоокимъ и прямыми до плечъ волосами, ребенокъ напоминалъ тихаго ангела. А если-бъ его волосы ровно подстричь на лбу, это былъ бы юный средневѣковый пажъ.

Ужасомъ сковалъ дѣтскій крикъ буденовцевъ, этихъ невѣрующихъ ни въ Бога, ни въ дьявола грабителей, для которыхъ людская кровь была дешево воды. Ужасъ передался и политкому. Онъ хотѣлъ выдернуть свою шашку изъ плеча Спасителя, но не могъ. Напрягъ всю свою силу, бѣшено рванулъ — ни съ мѣста клинокъ, словно вросшій въ бѣлое, невѣдомое дерево. Обезумѣвшій, охваченный слѣпымъ, стихійнымъ, паническимъ страхомъ, бросился политкомъ прочь изъ костела и за нимъ обалдѣлымъ, обезумѣвшимъ, стадомъ барановъ шарахнулись буденовцы. Не разбирая, кидались къ чужимъ конямъ, въ чужія сѣдла и кое-

какъ вскочивъ, уже лоя на галопѣ носками стремени, беспорядочной ордою помчались изъ города, такъ помчались, словно по пятамъ гнали ихъ Спаситель въ терновомъ вѣнцѣ съ застрявшей въ его плечѣ шашкою и длинноволосый мальчикъ, поси- нѣвшій въ спазмахъ истерического вопля своего.

Вѣсть объ этомъ чудѣ облетѣла всю Волюнь. Изъ дальнихъ уѣздовъ стекались вѣрующіе въ Заславль въ Бернардинскій монастырь поклониться изваянію Христа, своими глазами увидѣть вонзившійся въ Святое Тѣло клинокъ, извлечь который не могъ никто. И всѣ наперерывъ слѣшили приласкать свѣтлоокаго мальчика-сироту, племянника захристана. Всегда молчаливый, ушедшій въ какія-то грезы свои, мальчикъ сдѣлался еще молчаливѣй, еще задумчивѣй.

Когда по Рижскому договору Заславльскій уѣздъ окончательно отошелъ къ Совдепіи, большевики нарядили слѣдственную комиссію. Пусть запротоколить, что никакихъ чудесъ не бываетъ и все это однѣ поповскія выдумки. Но комиссія была посрамлена. Предсѣдатель ея здоровенный матросъ, ударомъ кулака дробившій бѣлогвардейскіе черепа, не могъ ни на одинъ миллиметръ повернуть глубоко ушедшую въ плечо Статуи шашку.

Посоветовавшись, комиссія рѣшила „конфисковать“ деревянный „идолъ“ и увезти, какъ поводъ къ фанатической агитаціи среди темныхъ, одурманенныхъ суевѣріемъ массъ. Узнавъ объ этомъ тысячная толпа изъ мѣстныхъ вѣрующихъ католиковъ и богомольцевъ пришедшихъ издалека, подняла такой угрожающій гулъ, что комиссія, не желая связываться съ этимъ „несознательнымъ элементомъ“, умчалась на автомобиляхъ въ Шепетовку.

12. Серезка Людоѣдъ.

Геллеръ влѣзъ въ парадные покои, открывавшіеся въ торжественныхъ случаяхъ, когда прѣз-

жалъ архіепископъ. Со стѣнъ глядѣли портреты, папъ, кардиналовъ, нунціевъ, но Геллеръ самодовольный, нахальный, ничуть не смущался важнымъ обществомъ этихъ пурпурныхъ и фіолетовыхъ мантий, круглыхъ шаночекъ и высокихъ tiаръ. И какъ въ сангушковскомъ замкѣ, онъ и здѣсь грозилъ кулакомъ князьямъ церкви, вызываяще улыбаясь разсвѣченными губами.

— Что, ваши преосвященства, переворачиваетъ васъ, что здѣсь поселился жидъ? Пусть переворачиваетъ, плевать я хочу на васъ, отжившія муміи!

Геллеръ занялся подготовкою „карательной экспедиціи“. Онъ вызвалъ къ себѣ специалиста по сниманію человѣческой кожи. Это одинъ изъ „красныхъ чертей“ Сережка Людоѣдъ, давно, очень давно, за цѣлый рядъ звѣрскихъ убійствъ, сосланный на Сахалинъ. Бѣжалъ, и, скитаясь въ тайгѣ, питался человѣчиною, за отсутствіемъ какого-нибудь другого мяса. Поймали, и опять на Сахалинъ, гдѣ навсегда осталась за нимъ кличка Сережки Людоѣда. Такъ Сережкой Людоѣдомъ, спустя много лѣтъ, и попалъ онъ въ эскадронъ „Красныхъ чертей“.

На лошади Сережка сидѣлъ хуже „собаки на заборѣ“, но для разбойничьей гражданской войны онъ былъ незамѣнимъ. Тайга научила его ориентироваться въ мѣстности, а инстинктъ каторжника-бродяги съ успѣхомъ выручалъ въ тѣхъ случаяхъ, когда надо было напасть ночью на какое-нибудь село, или усадьбу.

Въ сидячемъ положеніи Людоѣдъ казался человѣкомъ большого роста. Всѣ данныя для этого — большая голова, крупное туловище, длинныя руки. Но стоило ему подняться, онъ превращался въ обыкновеннаго средняго роста мужчину. Его уменьшали короткія ноги, жиденькія, гнуціяся въ колѣняхъ, словно по ошибкѣ приставленныя къ сильному туловищу. Бываетъ же такъ, перепутаетъ Господь Богъ при сотвореніи человѣка! Хотя, въ данномъ случаѣ, вотъ ужъ никакъ нельзя было приписать творчество Господу Богу. Скорѣй дья-

воль породилъ на бѣлый свѣтъ, еще въ материнской утробѣ каторжникомъ зачатого, Сережку.

Лысый, яйцевидный черепъ, громадное лицо, бритое, блѣдно-восковое, съ мягкими собачьими ушами. На этой блѣдной голой маскѣ — крохотные, безцвѣтные глаза. Мертвые, — ни искорки, ни самага-слабаго блеска. Короткія, подгибающіяся ноги и длинныя, непомѣрно длинныя руки сообщали ему сходство съ обезьяной. И ходилъ Сережка не всей ступнею, какъ человѣкъ, а на пальцахъ, какъ обезьяна.

Сережка приглашенъ былъ Геллеромъ въ архіепископскіе апартаменты на „военный совѣтъ“. Въ залѣ съ портретами Пія IX и Льва XIII былъ накрытъ холодный, обильный ужинъ. Зная, что Людоѣдъ хоть и не алкоголикъ, но выпить весьма не дуракъ, Геллеръ выставилъ цѣлую „батарей“ всевозможныхъ водокъ.

— Всѣ эти зубровки-съ, очищенныя-съ, все это водочка-съ, товарищъ. Стаканчикъ-съ голаго спирту-съ, да всыпать ложечку перчику-съ — это самое наше сахалинское пойло-съ...

И онъ глушилъ спиртъ, густо заправленный перцемъ и не только не пьянѣлъ, а — хоть бы въ одномъ глазу! Глотнетъ, крякнетъ, закуситъ чѣмъ-нибудь и облизнется. И когда онъ проводилъ языкомъ по краснымъ губамъ громаднаго до ушей рта, Геллеру казалось, что передъ нимъ сидитъ настоящій людоѣдъ, и теперь всегда питающийся человѣчиною.

Сережка выслушалъ внимательно планъ, возлагаемой на него экспедиціи. Геллеръ хотѣлъ развернуть передъ нимъ карту, но Сережка замахалъ обѣими руками.

— Я, товарищъ, по этой части-съ не грамотень... Нюхъ у меня волчій, на него больше полагаюсь. Ну опять же загодя вымотрю все, вывѣдаю, лицомъ въ грязь не ударю! Вы говорите усадьба на отшибѣ деревни-съ?

— Не только на отшибѣ, а въ верстѣ, пожалуй.

— Деревня для насъ, все равно, что ничего-съ! Мужика изъ хаты зимней порою-съ оглоблей не вышибешь. Да и что-съ такое мужикъ-съ? Слякоть-съ! А вотъ-съ насчетъ польской пограничной стражи-съ какъ обстоитъ?

— Вы будете обо всемъ этомъ информированы, товарищъ. Мы ждемъ оттуда своего человѣка. Пахомовъ... бывший матросъ. Вы съ нимъ и столкуетесь, а уже въ послѣдній разъ онъ дастъ вамъ самую точную свѣдѣнія на границѣ гдѣ-нибудь... Товарищъ Людоѣдъ, если вы этого Бейzyma доставите мнѣ живымъ, я никогда не забуду вашей услуги!

— А какъ-съ примѣрно?

— Что какъ? — не понялъ Геллеръ.

— Какъ примѣрно, говорю, не забудете-съ? Сами знаете, товарищъ... Могу его какъ мороженого кабана вамъ привезти, — получайте моль, а то и собственную шею могу сломать. Всяко бываетъ. Судьба-съ! Звѣрь крупный-съ и съ когтями-съ! Да-съ! Слышали!.. Такъ вотъ, сами понимаете.

— Что-жь, товарищъ Людоѣдъ, я могу вамъ предложить... миллионъ, миллионъ...

— Вы эти миллионы бросьте-съ! Одна бумага-съ! А вотъ я слышалъ бриллиантики-съ у васъ водятся — это дѣло, это всегда цѣну свою имѣетъ!

— Эти слухи преувеличены, товарищъ Людоѣдъ, — насторожился Геллеръ. — Есть кое-что, найдется пять-шесть камней...

— А, найдется, такъ за чѣмъ остановка-съ? — прищурился Сережка, такъ прищурился, совсѣмъ не видать было его крохотныхъ, тусклыхъ, безцвѣтныхъ глядѣлокъ.

— Ну, хорошо, товарищъ, — съ усилениемъ произнесъ, вздохнувъ, Геллеръ, словно рѣшивъ броситься очертя голову съ высокаго берега въ холодный омутъ. — Я готовъ пойти навстрѣчу и оплатить вашъ гонораръ именно такъ, какъ вы желаете. Но кромѣ Бейzyma, вы мнѣ доставите

живую, непременно живую еще одну птичку. Тамъ вмѣстѣ съ ними одна барыня, очень красивая брюнетка. Пахомовъ укажетъ вамъ. Нетрудно будетъ и ее? — выговорилъ съ усилениемъ, тяжело дыша, Геллеръ.

— Отчего же? При удачѣ-съ, почему же-съ? Кляпъ въ глотку, что-бъ не кричала, кулакомъ по башкѣ, что-бъ потише была. Перекинулъ черезъ сѣдло-съ и... наше-съ вамъ съ кисточкой-съ!

— Сколько же за все? За обоихъ?

— А вотъ я васъ, товарищъ, спрошу-съ — сколько? Что-бъ вамъ и мнѣ-съ не обидно было?

— Право не знаю, товарищъ. Могу предложить два бриллиантовыхъ кольца.

— Кольца-съ? Гляньте-ка на мои руки, товарищъ. Черезъ мое кольцо серебрянный полтинникъ пройдетъ. — И, дѣйствительно, эти чудовищныя, переплетенныя узловатыми жилами, руки изумляли толщиной длинныхъ пальцевъ. Являлся невольный вопросъ, сколько человѣкъ задушили онѣ? И Геллеръ подумалъ это же самое.

— Да, вамъ скорѣе браслеты носить на пальцахъ, чѣмъ кольца, — согласился онъ. — Въ такомъ случаѣ на вѣсь? На караты...

— Сколько же этихъ самихъ каратовъ-съ да-ете, товарищъ? Сполна за все-съ?

— Я думаю — четыре! Даже на франки это выйдетъ очень много.

— А я думаю — десять-съ!

— Ну, пять?..

— Десять-съ, — упрямо стоялъ на своемъ Людоѣдъ.

— Семь, — сдавался Геллеръ чуть холодѣя съ такимъ ощущениемъ, словно Сережка ужасной рукою своей убійцы-душителя, хваталъ его за горло.

Но Сережка былъ непреклоненъ и Геллеръ, вспотѣвшій отъ напряженія, въ концѣ концовъ капитулировалъ.

Покидая епископскіе апартаменты, Людоѣдъ спросилъ:

— А скажите, товарищъ, сколько тамъ будетъ особъ мужского пола-съ, этихъ самыхъ сражателей?

— Человѣкъ пять, не больше, я думаю.

— Пять... такъ-съ. Это пустяки-съ. Со мною будетъ головъ тридцать, а то и болѣе. Все отчаянная братва — любо-дорого!

Хватить?

— За глаза-съ! Одинъ къ одному ребята!..

— Ну, желаю вамъ успѣха, товарищъ!

— Тьфу, тьфу, не надо! Плохая примѣта, коль желаютъ успѣха-съ. По охотнически лучше — „не пуха-съ, не пера-съ“. Наше вамъ, товарищъ...

— Да, вотъ я хотѣлъ спросить, — задержалъ его Геллеръ. — Вы, говорятъ, славитесь искусствомъ снимать съ бѣлогвардейцевъ кожу?..

— Искусство не искусство-съ, а сноровка нужна-съ! Всякое дѣло требуетъ сноровки-съ! Скажемъ, къ примѣру, попался мнѣ щипчикъ изъ буржуевъ, или контръ-революционеръ, мы его сейчасъ раздѣваемъ, кладемъ спиной вверхъ, одинъ товарищъ садится на голову, двое на руки, двое на ноги-съ, а у меня ножикъ-съ тонкій, вострый, самый сапожничій... Упрусь колѣнкой въ поясницу и давай кроить... Одну полосу, другую рядомъ, ну а сверху перечеркнешь. Щипчики, вродѣ жучка-съ, этими щипчиками захватишь и дерешь... Бѣлугой ревутъ отъ боли! И знаете, скажу я вамъ, товарищъ, мало кто выдерживаетъ цѣлый ремень отъ плеча до поясицы-съ. Все больше на половинѣ испускаютъ духъ. Разъ только попался мнѣ денинскій офицеръ одинъ, здоровый, чертъ, дьяволъ! Ремень выкроилъ ему, погоны, выкроилъ и еще, почитай цѣлый часъ жилъ. Организмъ!..

Ничего не отвѣтилъ Геллеръ, только нарисовалъ себѣ, какъ этотъ самый Людофдъ ножемъ своимъ сапожнымъ будетъ выкраивать изъ спины Бейzyma ремень. О, за это наслаждение местию, Геллеръ готовъ былъ приплатить Сережкѣ еще десять каратовъ!..

Жгучая ненависть разжигала, подхлестывала фантазію. Этотъ проклятый Бейzyma не сразу погибнетъ въ мукахъ подъ ножемъ Людофда. Сначала Геллеръ продержитъ его на цѣпи въ монастырскихъ подземельяхъ и будетъ приводить туда Лабенскую и на глазахъ у Бейzyma, прикованнаго желѣзнымъ ошейникомъ, будетъ обнимать ее, цѣловать, будетъ съ нею дѣлать все, что захочетъ...

13. Маска сорвана.

Послѣ того, какъ Барбъ перекрестила Магдалину и поцѣловала ее, разсѣялись ночные страхи и больше не хотѣлось думать о жуткомъ, слѣпомъ и темномъ, что притаилось за серебряннымъ инеемъ оконъ.

Лабенская хотѣла пройти къ Бейзыму, — что съ нимъ и какъ себя чувствуетъ? Къ ночи у него будетъ жаръ, — не сомнѣвалась бывшая сестра милосердія. Ея путь черезъ гостинную. Ливинскій читалъ Гагарину вслухъ передовицу изъ „Рѣчи Посполитой“.

Ливинскій прервалъ чтеніе.

— Я вамъ помѣшала?

— Развѣ вы можете помѣшать? — вопросомъ на вопросъ отвѣтилъ панъ Леонъ.

— Господа, я попросила бы васъ на эту ночь эвакуироваться изъ комнаты майора. Ему нуженъ покой, а вы говоруны и, что еще хуже — курильщики!

— Вы имѣете резонъ, какъ говорили наши дѣды, лучше владѣвшіе французскимъ языкомъ, чѣмъ русскимъ, — отозвался Гагаринъ. — Ваше приказаніе будетъ исполнено въ точности. Панъ Лашъ устроить насъ гдѣ-нибудь. Но какъ быть? Майору нужна сидѣлка, нельзя оставлять одного.

— А вы думаете, я его оставлю? — словно задѣтая за живое, вспыхивая вся, возразила Магдалина.

— Но ничего мало-мальски серьезнаго, надѣюсь?

— Ничего, хотя всякій другой на его мѣстѣ и бредилъ бы и метался бы и, самое меньшее, на пару недѣль былъ бы прикованъ къ постели. Это организмъ исключительной мощности... Майоръ спитъ?

— Спаль, мы вышли на цыпочкахъ.

— Надо температуру измѣрить... Что новаго въ газетахъ?

— Все та же глупая неразбериха, — отвѣтилъ панъ Леонъ. — Клайпеда, Руръ, паденіе нашей марки, Москва и Ангора, бряцающія оружіемъ и шантажирующія дряхлую старушку-Европу.

Со двора донесся собачій лай, утихъ. Черезъ минуту долговязый Пахомовъ, принесъ холодъ съ собою. Ни на кого не глядя, зашагалъ въ комнату, гдѣ вчера помѣшался со Штейномъ.

— Этотъ хамъ все еще околачивается здѣсь, — поморщился Гагаринъ, — отвратная физиономія! Да и весь противный! Не знаю, какой онъ операторъ, но чекистъ навѣрное вышелъ бы великолѣпный!

— Подозрительный типъ! — согласился панъ Леонъ.

Лабенская вошла въ кабинетъ. Бейзымъ лежалъ на твердой и узкой дядюшкиной постели, прикрытый пледомъ. Лампа подъ зеленымъ абажуромъ горѣла на письменномъ столѣ. Бейзымъ окутанъ былъ полумракомъ. Висѣвшая надъ кроватью громадная голова лося казалась еще больше и чуть-чуть блестящіе открытые, неподвижные стеклянные глаза. Намѣчалась бѣлымъ пятномъ повязка, повязка-чалма. Тихо подошла къ изголовью Лабенская. Дрогнули и открылись вѣки Бейзыма. Мужественное лицо фавна улыбнулось кротко и нѣжно.

— А, это вы, мой ангель-хранитель?

— Я васъ разбудила?

— Я не спалъ. Такъ лежалъ, закрывъ глаза.

— Какъ вы себя чувствуете? Жаръ? Болитъ голова?

— Жаръ если и есть, то я думаю больше отъ крѣпкой старки, а голова почти не болитъ. Такъ, звонъ, шумъ какой-то... А въ общемъ, разрѣшите мнѣ встать?

— Ни подъ какимъ видомъ! И куда вставать? Двѣнадцатый часъ. Вотъ мы поставимъ термометръ, я васъ хорошенько укурую и — извольте спать!

Изъ рогового футляра Лабенская вынула продолговатую стеклянную трубочку, привычнымъ движеніемъ встряхнула ее и такъ же привычно, умѣло разстегнувъ на могучей груди Бейзыма рубаху, сунула термометръ, сначала показавшійся больному холоднымъ и неприятнымъ. Но Бейзымъ согласился бы держать подъ мышкою раскаленный желѣзный пруть, только бы видѣть близко-близко, какъ сейчасъ, это склонившееся надъ нимъ лицо съ прекрасными, озабоченными глазами. Чуть-чуть приподняться, оторвать забинтованную голову отъ подушки и губы ихъ встрѣтились бы. И это сознание исполнило его острой, волнующей истомой. И Бейзымъ угадывалъ, что заключи онъ въ свои объятія, она, затрепетавъ подстрѣленной птицею, покорно и стыдливо затихла бы. Какъ хороша она въ этихъ мягкихъ полутонахъ!

Оба они грезили однимъ и тѣмъ же и обоихъ вспугнулъ стукъ въ дверь.

— Проще, — отозвался майоръ. Онъ менѣе всего ожидалъ увидѣть Юлію Сапари. Да и Лабенская, — свидѣтельница, какъ за послѣднѣе время Бейзымъ и графиня избѣгали другъ друга, удивилась.

Одно можно было сказать, графиню толкнуло сюда въ этотъ поздній часъ не желаніе испытать еще разъ потерявшіе чудодѣйственную власть надъ Бейзымомъ свои чары. Для этого, для грѣха и соблазна Юлія была слишкомъ строго одѣта — въ спортивный костюмъ, въ которомъ она подвизалась на охотѣ. Во-вторыхъ же, всѣмъ скорбнымъ обликомъ своимъ походила скорѣй на кающуюся Магдалину, чѣмъ на вакханку.

И чтобы никаких не было сомнений и этих недоуменно вопрошающих взглядов, она быстро приблизилась к Бейзыму и также быстро заговорила:

— Господин майор, я очень прошу вас немедленно, безотлагательно меня выслушать! Дорога буквально каждая минута, и для вас лично и, вообще, для всех... Вопрос идет о жизни и смерти.

— Даже так? — приподнялся Бейзым. — Я вас слушаю, графиня, садитесь, пожалуйста!

Юлия бросила взгляд на Лабенскую. Та поняла.

— Я выйду... Графиня желает говорить с вами наедине...

И Лабенская удалилась с тревогою в сердце. „Вопрос идет о жизни и смерти“, — эти слова прозвучали в устах графини зловеще-трагически. Что-то такое случилось, или должно случиться? Неужели ночные призраки не обманули?

Графиня опустилась на стул, закрыв лицо. Вдрагивали плечи. Сколько раз видела Игнась эти точеные круглыя, покатыя плечи, впивался в них губами, а теперь... теперь они такія чужія, постылыя. И раздраженіе поднималось в немъ. Пожалуй, это эффектное вступленіе лишь предлогъ остаться с нимъ вдвоемъ, чтобы вернуть вновь то, чего уже никогда не вернуть? Но вотъ графиня открыла лицо, подняла голову. Бейзымъ увидѣлъ ея глаза, увидѣлъ блѣдное, въ нѣсколько дней, а можетъ быть и въ нѣсколько часовъ, похудѣвшее лицо и тотчасъ же раскаялся въ своемъ предположеніи.

— Который часъ? — вдругъ спохватилась графиня, поднося къ глазамъ часы-браслетку. — Половина двѣнадцатаго!... Еще есть время, еще можно спастись!

Казалось, она бредитъ. И этотъ странный голосъ, бросающій отрывистыя фразы, и эти округлившіяся глаза, полубезумные какіе-то...

— Успокойтесь, графиня. Въ чемъ дѣло? Можетъ быть вы не совсѣмъ хорошо себя чувствуете и у васъ разыгралось воображеніе?

— О, если бы оно только разыгралось! — скорбно и сухо усмѣхнулась она. — Я вамъ сказала, дорога каждая минута...

— Бога ради, въ чемъ же дѣло?

— Въ чемъ дѣло?! Въ два часа ночи на вашу усадьбу нападутъ!

— Кто? Съ какой цѣлью? Большевики? Бандиты?

— Большевики!... Васъ схватятъ и увезутъ по ту сторону границы.

— Схватятъ и увезутъ? — повторилъ Бейзымъ. — Ну это не такъ легко! Увезти могутъ развѣ только мой трупъ. Получить меня живымъ — я этого удовольствія большевикамъ не доставлю! Но говорите, говорите же, графиня! Откуда вы знаете о нападеніи? Кто насъ предалъ? Ужъ не этотъ ли съ лошадиной физиономіей и попорченнымъ глазомъ, какъ его, Пахомовъ? Онъ?

— Нѣтъ, не онъ.

— А кто же?

Она смотрѣла на него, конвульсивно сжимая руки. Лицо было искажено невыразимымъ страданіемъ.

— Вы?... Вы??... — приподнялся и сѣлъ на кровати Бейзымъ.

— Видитъ Богъ, я не хотѣла этого... Меня заставили. По своему легкомыслію я сдѣлалась ихъ орудіемъ и жертвою. Запугиванія... шантажъ... О, я не оправдываю себя! Оправданія мнѣ нѣтъ! Я... дрянъ... подлая, мерзкая дрянъ, не...

И, всхлипывая, она разрыдалась.

— Графиня, успокойтесь! Возьмите себя въ руки. Вы же сами сказали, дорога каждая минута.

— Бѣжать, скорѣй бѣжать! — повторяла она затихая, все еще сквозь слезы.

— Бѣжать? Не успѣемъ! Я самъ опытенъ въ такихъ партизанскихъ набѣгахъ. Красные уже на-

вѣрное скопились гдѣ нибудь близко въ лѣсу, выбросили впередъ сторожевое охраненіе, заняли дороги. Словомъ окружаютъ и нащупываютъ усадьбу. Отступленіе отрѣзано и говорить нечего. Остаться намъ однимъ, мужчинамъ и отослать васъ, женщины — рискованно!.. Вамъ, графиня, лично вамъ, надѣюсь, ничто не грозитъ, какъ сообщницѣ. Васъ выпустили бы... Я никогда не былъ о васъ высоко мнѣнія, но такого предательства...

Она отшатнулась, какъ отъ удара хлыстомъ.

— О, какъ вы должны презирать меня!.. Потомъ, потомъ я все расскажу и быть можетъ вы меня пожалѣете. Я вамъ все... А пока...

— Пока будемъ дѣйствовать, — подхватилъ Бейзымъ. — Пахомовъ здѣсь?

— Да, уже вернулся!

— Оттуда?

Она молча кивнула.

— Какая его роль? Онъ, долженъ впустить ихъ?

— Кажется.

— Впрочемъ, самъ Пахомовъ дастъ мнѣ болѣе точныя свѣдѣнія. Утрите ваши слезы и, какъ ни въ чемъ не бывало, незамѣтно пригласите ко мнѣ сюда Гагарина, Ливинскаго и Лаща. Дамамъ пока — ни слова!

Графиня вышла. Бейзымъ, вскочивъ съ постели, началъ торопливо одѣваться.

Вотъ и Гагаринъ съ Ливинскимъ, а вслѣдъ за ними — бородатый, съ пустымъ рукавомъ Лащъ.

— Это еще что такое? — воскликнулъ Гагаринъ, увидѣвъ одѣтаго Бейзыма, торопливо застегивающаго послѣднюю пуговицу сѣрой охотничьей куртки. Здоровые люди уже спать ложатся, а ты, больной, вскакиваешь съ постели. Я вотъ сестрѣ Магдалинѣ пожалуюсь!

— Никто изъ насъ не будетъ спать эту ночь, — перебилъ Бейзымъ, а можетъ быть всѣ мы, друзья мои, уснемъ надолго, на вѣки...

Имъ показалось, что Бейзымъ бредитъ. „Уснемъ на вѣки“, — что за чушь, въ самомъ дѣлѣ?

Но Бейзымъ не бредилъ. Сознаніе работало четко и трезво, методически какъ часовой механизмъ. Ясная голова. Перезвоны и шумъ исчезли передъ надвигающейся опасностью. Подъ этимъ спокойствіемъ затаилась спружинившаяся энергія сильнаго, крупнаго звѣря, готовящагося защищать свое логово, звѣря передъ мощнымъ прыжкомъ.

Бейзымъ опустил тяжелыя руки свои на плечи Гагарина и Ливинскаго, и наклонивъ свою голову въ бѣлой пиратской чалмѣ, заговорилъ тихо:

— Я сію минуту узналъ, что конная большевистская банда готовится къ двумъ часамъ ночи нападеніе на Бейзымы. Сообщникъ этой банды — здѣсь!

— Пахомовъ... — оглядываясь на дверь прошептали въ одинъ голосъ и Гагаринъ, и Лащъ, и Ливинскій.

— Я надѣюсь получить отъ него самыя точныя свѣдѣнія, — продолжалъ Бейзымъ, — надѣюсь, иначе... — и въ тяжеломъ взглядѣ блеснуло что-то зловѣщее. Не думаю, чтобы отрядъ былъ великъ. Самое большее, пожулуй, коней пятьдесятъ. Если такъ, мы съумѣемъ, отбиться. Патроновъ и оружія — вдоволь! У насъ есть пулеметъ, есть пулеметчикъ. Изъ слухового окна чудесный обстрѣлъ... Не говоря уже о моральномъ значеніи пулемета... Женщинъ соберемъ въ одной комнатѣ, дадимъ по револьверу, а у насъ — пятеро мужиковъ, всякіе виды издавшихъ. Пятеро? Ласота здѣсь, панъ Лащъ?

— Кажется здѣсь... На кухнѣ былъ.

— Бѣжать гораздо опаснѣе, чѣмъ оставаться здѣсь. Въ открытомъ полѣ труднѣе. Задавятъ массою. Вы, панъ Лащъ, возьмите въ оборотъ сейчасъ же конюха Яцека. Пусть сѣдлаетъ Лобуса и маршъ въ Крапивное извѣстить пограничную стражу! Тамъ же въ Крапивномъ стоитъ эскадронъ уланъ. Милліонъ марокъ Яцеку, если прорвется въ Крапивное и выполнитъ порученіе. А я побе-

сѣдую съ Паховымъ. Въ зависимости отъ бесѣды этой будетъ и наша стратегія. Дамамъ пока ни слова! Вы, панъ Лашъ, скорѣй въ конюшню, а вы оба ждите меня здѣсь.

— Помочь тебѣ? — вызвался Гагаринъ.

— Не надо, — бросилъ Бейзымъ уже на ходу, сунувъ въ рукавъ маленькій револьверъ.

Ливинскій и Гагаринъ переглянулись... Напряженные, ставшія вдругъ какими-то чужими, лица.

— Вотъ тебѣ и съемки! Попали въ переплеты! Жаль, что уѣхалъ Штейнъ, — молвилъ Гагаринъ.

— Вы, князь, смѣялись, что я привезъ съ собою чуть-ли не цѣлый арсеналь. Смѣяться-то буду я! Арсеналь намъ, какъ видите, весьма пригодится.

14. Товарищъ Паховъ.

Паховъ помѣщался въ сторонѣ отъ парадныхъ комнатъ и пройти къ нему надо было узкимъ, полутемнымъ корридормъ, заставленнымъ всякимъ мебельнымъ хламомъ. Тяжелый, громадный Бейзымъ умѣлъ ходить безшумно, крадучись. Такъ достигъ онъ двери, за которой находился Паховъ, и, мгновенно рванувъ ее, быстро воѣжалъ въ комнату, весь на сторожѣ, готовый ко всякимъ случайностямъ.

Паховъ въ заправленныхъ въ сапоги штанахъ и въ ситцевой рубахѣ съ засученными рукавами стоялъ склонившись надъ раскрытымъ чемоданомъ. Ошеломленный внезапнымъ появленіемъ майора, онъ отпрянулъ отъ чемодана и бросился къ столу, на которомъ лежалъ крупно калиберный браунингъ. Однимъ прыжкомъ Бейзымъ очутился между Паховымъ и столомъ. Убѣжденный, что послѣ борьбы съ медвѣдемъ, раненный въ голову Бейзымъ ослабѣлъ, Паховъ ринулся на него съ бѣшенствомъ отчаянія, но получивъ страшный ударъ въ нижнюю челюсть рукояткою револьвера и нелѣпо взмахнувъ руками, закачавшись, упалъ на кровать и стукнулся затылкомъ объ стѣнку.

Губы его были въ крови. А Бейзымъ, — уже надъ нимъ готовый повторить ударъ. Но въ этомъ уже не было никакой надобности. Онъ отбилъ у Пахова всякое желаніе дальнѣйшаго сопротивленія. Долговязый парень съ ужасомъ смотрѣлъ на великана въ бѣломъ тюрбанѣ. Онъ принялъ сядячее положеніе и не спуская съ Бейзыма глазъ, покачиваясь туловищемъ и головой, медленно вытиралъ ладонью окровавленный ротъ. На рукѣ у предплечія Бейзымъ увидѣлъ у него татуировку.

— Э, да ты еще матрость? Негодяй! Ну, живо рассказывай все, какъ у васъ задумано! Да не ври, а то я раздѣлаюсь съ тобою по своему! Помни одно только — твое спасеніе въ нашемъ спасеніи! Мы выйдемъ живыми и тебѣ будетъ дарована жизнь, а если начнутъ одолевать ваши, я тебя пристрѣлю. Понялъ? Пусть даже восторжествуетъ ваша красная сволочь, тебѣ же, тебѣ этого не увидѣть. Выбирай!

Въ глазахъ Пахова ужасъ и страхъ смѣнялись растерянностью. Онъ хотѣлъ говорить, задвигалъ ртомъ, какъ бы глотая воздухъ, но одревенѣвшія челюсти еще не повиновались. Наконецъ послѣ длительной паузы онъ выговорилъ съ трудомъ:

— А... какая гар...антія... что... вы... потомъ не... угробите меня... какъ собаку?

— Гарантія? Честное слово польскаго офицера! Это у васъ красныхъ бандитовъ, грабителей, хамовъ нѣтъ ни слова, ни чести... Ну, еще долго будешь торговаться? Выбирай же, чертъ тебя возьми!

— Хорошо... Я выбралъ... Я... скажу вамъ... все... Хорошо, только помните, господинъ майоръ, сами сказали, — офицерское слово. Уговоръ денегъ дороже... Такъ то! Я жить хочу и пусть они, сукины дѣти, пропадаютъ всѣ пропадомъ! Жидовня! — и сквозь стиснутые окровавленные зубы Паховъ грубо и густо выругался.

— Ты противъ жидовъ? — удивился Бейзымъ, садясь рядомъ съ нимъ и начиная, смутно пока

еще, чувствовать что-то похожее на доверіе къ этому долговязому дѣтинѣ съ лошадиной физиономіей и татуированнымъ предплечіемъ.

— А то какъ же? — со злобою вырвалось у Пахова. — Небось, видимъ теперь, кому служимъ! За пять лѣтъ глядѣлки протерло!.. Насмотрѣлись! Я коммунистъ, — да, коммунистъ и въ чекѣ былъ, прямо скажу и пролетаріатъ, и все, а только безъ ихняго брата! Вотъ гдѣ сидятъ, жида эти самые! — и вымазанными въ кровь пальцами онъ коснулся горла.

— Ну, милый мой, политику оставимъ на полѣ, — перебилъ Бейзымъ, — а сейчасъ — выкладывай! Помни только — соврешь, подведешь...

— Помню, — угрюмо отвѣтилъ Паховъ. — Сказано жить хочу, ну и баста! И все какъ есть выложу. Я съ ними полвечера валандаю... Оттуда только что! Красные черти. Коноводомъ у нихъ Людофдъ Сережка, каторжникъ Сахалинскій. Отчаянный! Всѣ отчаянные!

— Сколько... — сабель, хотѣлъ спросить Бейзымъ, но это „сабель“ показалось ему оскорбительнымъ для конницы и онъ спохватился. Сколько головъ?

— Головъ, почитай, сорокъ. Геллеръ тамъ былъ, на границѣ. Не утерпѣлъ, на машинѣ прикатилъ изъ Заславля! И ненавидитъ же онъ васъ, господинъ майоръ, мать моя родная! Людофдъ мнѣ, промежъ насъ двоихъ хвасталъ, десять каратовъ ему Геллеръ отсыпалъ, да еще столько же обѣщаль, что-бъ потомъ, когда васъ заполучить, Сережка изъ вашей спины ремней накромилъ. Онъ по этой части специалистъ, Сережка!..

Дрожь холодными, знобящими струйками пробѣжала по могучему тѣлу Бейзыма. Правда, живымъ онъ въ руки не дался бы и развѣ только надъ трупомъ его глумились бы Геллеръ съ Сережкой. Но это упоминаніе о „ремняхъ“ изъ спины... брр...

— Дальше!

— Дальше что-жъ? Дальше такъ: вернувшись, собакъ отравилъ перво-на-перво... Бросилъ имъ по „котлеткѣ“, ни одна не тявкнетъ больше.

Дрогнувъ кулакъ. Такъ захотѣлось вдругъ стукнуть Пахова по лошадиной физиономіи.

— Негодяй! Собакъ моихъ не пожалѣлъ!

— Людей не жалѣлъ, сколько вашего брата-бѣлогвардейца угробилъ, чего собакъ жалѣть-то, — философски возразилъ Паховъ. — Ну, такъ вотъ... Теперь уже они всѣ черезъ вашу лѣсъ просочились и патрулями заняли дороги на тотъ случай, если-бы вамъ бѣжать охота пришла. А дальше, — по часамъ рѣшено. Ровно въ два подходятъ къ оградѣ. Самыхъ что ни на есть отчаянныхъ кловорѣзцовъ десятокъ спѣшивается... Людофдъ впереди — и на крылечко. А я ихъ впустить долженъ потихоньку. У каждаго изъ братишекъ за поясомъ ручныя гранаты. Тарарамъ такой подняли бы, да еще спресонокъ — никто не ушелъ бы!.. Ну, а дальше, дальше извѣстно, — мрачно закончилъ бывший матросъ и умолкъ.

Молчалъ и Бейзымъ, что-то соображая.

— А тѣ, остальные? — спросилъ онъ послѣ нѣкоторой паузы.

— Тѣ, конные? Сигнала ждали бы! Одинъ сигналъ — ступайте, товарищи на подмогу, другой — все кончено, молъ!.. Пожалуйста грабить, кто во что гораздъ.

— Такъ, — протянулъ Бейзымъ. — Видно, не врешь... Вставай, пойдемъ!

— Куда? Въ расходъ пустить? Конечно, — теперь я не нуженъ! Выболталъ все и... капуть, — и какъ у затравленнаго волка забѣгали глаза Пахова.

— Ты или отъ рожденія глупъ, или сейчасъ поглупѣлъ отъ страху. Я далъ слово, я его и сдержу. Кромѣ того ошибаешься. Теперь-то какъ-разъ именно и будешь нуженъ! — И ущемивъ руку своего плѣнника повыше локтя желѣзными пальцами своими Бейзымъ потащилъ его въ кабинетъ.

Появленіе этой пары было такое эффектное, Ливинскій и Гагаринъ залюбовались.

Бейзымъ снялъ со стѣны сплетенное изъ ремней мексиканское лассо, скрутилъ Пахову за спиною руки и посадилъ его въ кресло.

— Присмотрите за нимъ, а я подготовлю дамъ и сейчасъ вернусь.

Лабенская догадывалась, что внезапное появленіе графини у Бейзыма и желаніе говорить съ нимъ съ глазу на глазъ, вызвано чѣмъ-то неотлогательнымъ, важнымъ. Сама не своя отъ волненія прошла къ себѣ. Княжна Барбъ готовилась уже ко сну, медленно расчесывая свои длинные, густые волосы — единственное, что у нея было красивое.

Она взянула на Магдалину и гребень замеръ въ ея пальцахъ.

— Дитя мое, на вась лица нѣтъ!

— Ахъ, княжна!... Я говорила... Предчувствіе не обмануло меня...

— Что случилось?

— Пока ничего, но...

— Опять вамъ начинаетъ казаться?

— Казаться? Нѣтъ! Гораздо хуже — увидите!

Это ужасно, ужасно...

— Если вы что-нибудь знаете, скажите же, скажите! Я не суевѣрная, не сентиментальная, однако ваше настроеніе начинаетъ передаваться и мнѣ...

— Я сама ничего не знаю.

— А кто же знаетъ? — спросила съ легкимъ раздраженіемъ Барбъ.

Лабенская молчала. Ей не хотѣлось говорить о томъ, что произошло въ кабинетѣ. Можетъ быть Бейзымъ не желаетъ.

Секунды не могла пробыть безъ движенія — тянуло ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Остановливалась, прислушивалась. Тянуло къ замерзшимъ окнамъ, но боялась приблизиться, боялась увидѣть страшное, пугающее, притаившееся въ спящемъ, въ глубокихъ сугробахъ, саду.

Минуты, вытягивались въ часы, въ безконечность. Барбъ уложила свои длинные волосы въ простой, тяжелый узелъ, медленно закалывая его шпильками.

Лабенская угадала. Какъ ни тяжело было Игнасию открытіе, что графиня Сапари, въ которую совсѣмъ недавно былъ еще онъ такъ страстно, сумасшедше влюбленъ — оказалась предательницею, однако, онъ рѣшилъ, щадить ее, щадить какъ бывшую любовницу свою и какъ женщину, вообще. Ни передъ кѣмъ изъ своихъ друзей и въ особенности передъ Лабенской и Барбъ не подаетъ и виду, какую сыграла Юлія ужасную, постыдную роль въ томъ, что должно произойти.

Бейзымъ отыскалъ графиню. Она сидѣла у себя, глядя въ одну точку, объятая столбнякомъ. Даже легкій стукъ въ дверь и появленіе Бейзыма не вызвали ее изъ напряженного самоуглубленія. Онъ подошелъ къ ней, коснулся ея руки и только тогда очнулась она, бросивъ на него скорбный, молящій взглядъ.

— Я пришелъ за вами. Пойдемъ къ Лабенской и княжнѣ.

— Оставьте меня! Зачѣмъ? Зачѣмъ это униженіе, которое будетъ для меня пыткой? Вѣрьте мнѣ, потому я сама соберу всѣхъ и буду каяться, бичевать себя... Пусть они узнаютъ, кто я! Но сейчасъ — пощадите!..

— Это необходимо. Я долженъ ихъ предупредить и вы должны быть вмѣстѣ съ ними... Иначе... иначе явится подозрѣніе. Пусть онѣ думаютъ, что я узналъ о готовящемся нападеніи помимо васъ и оно, это нападеніе, угрожаетъ вамъ въ одинаковой степени, какъ и всѣмъ... Идемъ-те... время бѣжить.

— О, какой вы благородный, чуткій! Вы хотите... Такое великодушіе убиваетъ... Иду, повинуюсь. У меня нѣтъ воли, желаній, ничего нѣтъ!

Бейзымъ пропустилъ впередъ Юлію, вошелъ вслѣдъ за нею и вотъ они вчетверомъ. Онъ, графиня, Лабенская и Друцкая.

— Mesdames прошу меня выслушать съ наибольшимъ спокойствіемъ. По моимъ свѣдѣніямъ, небольшая конная банда красныхъ, черезъ какой-нибудь часъ нападетъ на усадьбу...

Изъ груди Лабенской вырвался крикъ. Потемнѣло въ глазахъ, вотъ-вотъ готовая упасть, она немощнымъ усиліемъ надъ собою, устояла, ухватившись за спинку кровати.

И въ суровыхъ, изборожденныхъ морщинами, крупныхъ чертахъ Барбъ и въ ея маленькихъ глазахъ не отражалось ни ужаса, ни изумленія. Но внѣшнее спокойная, непроницаемая, Барбъ вся была пронизана страшной мыслью... — Неужели?... Неужели разстрѣлть? Послѣ всѣхъ испытаній, послѣ того, какъ она вырвалась изъ Совдепіи и такъ сказочно превратилась изъ нищей въ миллионершу?

— Будутъ приняты мѣры. Бандиты насъ не застанутъ врасплохъ, — продолжалъ Бейзыма. Мы съумѣемъ не только отсидѣться до подхода выручки, но и отбиться. Не волнуйтесь!. На всякій случай мы вамъ дадимъ оружіе. Это уже была-бы крайность! Полагаю, до этого не дойдетъ. Самое худшее, бандиты ворвались бы къ намъ только черезъ наши трупы. Спасаться бѣгствомъ поздно. Будьте мужественны и да хранитъ васъ Богъ! Не пугайтесь ни шума, ни выстрѣловъ и не выходите отсюда...

И съ этими словами громадная фигура Бейзыма въ гигантской чалмѣ исчезла за дверью.

15. Съ минуты на минуту...

Пахомовъ прошелъ весь стажъ сознательнаго революціоннаго матроса. Возбужденный и красный потѣлъ на митингахъ, изнемогая отъ обилія непонятныхъ иностранныхъ словъ, которыми самый воздухъ насыщенъ былъ. Въ первые же дни Кронштадскаго бунта, Пахомовъ, какъ и всѣ матросы, подчинился Рошалю, мальчишкѣ-студенту психоневрологу, явно дегенеративнаго типа. Этотъ брыз-

гавшій слюною еврейчикъ фанатизировалъ ненавистью къ буржуямъ и безъ того озвѣрѣвшихъ матросовъ.

Пахомовъ арестовывалъ офицеровъ, глумился надъ ними, заставлялъ ѣсть пищу со зловонными нечистотами и водилъ по Кронштадту адмирала Вирена въ одномъ бѣльѣ и съ обрубленными руками. А дальше, дальше обычное: брилліанты, убійства, кровь, фунты награбленныхъ „керенокъ" и пьяное, разгульное комиссарское житье-бытье.

Въ большевистской миссіи въ Варшавѣ создавалась чрезвычайка въ миниатюрѣ. Пахомовъ командированъ былъ изъ Совдепіи въ Римскій отель, какъ опытный чрезвычайщикъ-инструкторъ. Штейнъ въ недѣлю дней наспѣхъ обучилъ его обращаться съ аппаратомъ, и Вишневскій на нѣсколько дней пребыванія въ Бейзымахъ назначилъ матроса съ лошадинымъ лицомъ въ помощники Штейну.

Въ своей пролетарской груди Пахомовъ увожилъ старую накопившуюся ненависть къ буржуямъ, а въ своей пролетарской головѣ — честолюбивое желаніе отличиться. Онъ уѣхалъ съ готовымъ предубѣжденіемъ ко всѣмъ, кто тамъ будетъ, ко всему, что увидитъ. И не взирая на это предубѣжденіе, помимо воли, захваченъ былъ стихійной фигурой Бейзыма. А послѣ того, какъ на его глазахъ майоръ ударомъ ножа замертво свалилъ чудовишнаго медвѣдя, Пахомовъ былъ окончательно покоренъ. Это не было духовное перерожденіе, — откуда бы ему взяться? Это было преклоненіе грубаго, сильного человѣка передъ еще большей силою, одухотворенной отвагой и неслыханной удалью. И какъ ни настраивалъ себя Пахомовъ, что Бейзыма бѣлогвардейскій офицеръ-полякъ, уничтожавшій красныхъ и самъ, на этомъ основаніи, подлежащій уничтоженію, однако, матросъ ловилъ себя съ большой неохотою на мысляхъ, что съ такимъ человекомъ онъ пошелъ бы работать и, вообще, гораздо пріятнѣе имѣть его другомъ, нежели врагомъ. Твер-

до же пришел онъ къ этому заключенію послѣ того, какъ Бейзымъ ударомъ въ челюсть опрокинулъ его. До сихъ поръ Пахомовъ билъ другихъ, а теперь онъ самъ избитъ тѣмъ, кто по его мнѣнію, долженъ былъ, по крайней мѣрѣ, два-три дня отлеживаться съ повышенной температурой и пылающей отъ медвѣжьихъ когтей, головою.

Пахомовъ, связанный сидѣлъ на креслѣ и, странное дѣло, у него не было ни малѣйшей злобы къ своему обидчику. Наоборотъ, явилось нечто среднее между восхищеніемъ и преклоненіемъ. Это всплывало еще ярче, когда онъ сравнивалъ Бейзыма, увѣреннаго въ себѣ, смѣлаго до безграничной, обаятельной дерзости съ трусливымъ Геллеромъ, который, сидя въ безопасности, ничѣмъ не рискуя, натравливалъ „красныхъ чертей“ на этого героя. Пахомовъ такъ и подумалъ — „героя“.

И — это былъ единственный случай во всей его революціонной карьерѣ; опять боясь признаться самому себѣ, желалъ успѣха не своимъ, а ему, бѣлогвардейскому офицеру-поляку. И не только жажда спасти свою жизнь такой цѣной была причиною, а еще эгоистическое, злорадное побужденіе. „Мнѣ влетѣло, пусть же влетитъ и краснымъ чертамъ и, больше всѣхъ, каторжному Сережкѣ Людоѣду“... И начало разбирать любопытство, какъ эти пять человѣкъ справятся съ нахлынувшей бандою?

— Справятся, — угѣшалъ себя Пахомовъ, — справятся, если съ ними такой орелъ! — И забывъ о присутствіи Гагарина и Ливинскаго, Пахомовъ машинально произнесъ окровавленными губами:

— Орелъ!...

— Что такое?

— Ничего, такъ себѣ, — буркнулъ Пахомовъ.

Вошелъ Бейзымъ. Пахомовъ смотрѣлъ на него безъ всякой неприязни. Татуированный матросъ былъ теперь уже укрощеннымъ звѣремъ. Велѣдъ за Бейзымомъ въ кабинетъ вошелъ панъ Лащъ.

— Яцка я уже снарядилъ и отправилъ. Шустрый хлопецъ, прорвется! Да и мѣстность знаетъ.

— А Ласота?

— Нѣтъ Ласоты! Кухарка говоритъ, съ часъ тому назадъ сорвался вдругъ какъ сумасшедшій, схватилъ свой шуцеръ и убѣждалъ ничего не сказавъ...

— Чертъ бы его дралъ! — вскипѣлъ Бейзымъ. — Куда понесла нелегкая къ ночи? Именно теперь, когда у насъ каждый человѣкъ на счету, особенно такой какъ Ласота... Господа, вотъ мой планъ: у нихъ должно произойти такъ: этотъ лобусъ — Бейзымъ кивнулъ на Пахомова — долженъ тихонько впустить десятокъ самыхъ отчаянныхъ лобусовъ. Вся остальная рвань конная будетъ ожидать передъ усадьбой, въ видѣ какъ бы резерва. Этихъ десять, или сколько тамъ ихъ, мы впустимъ...

— Впустимъ? — вырвалось дружно у всѣхъ за исключеніемъ, разумѣется, Пахомова, не спускавшего съ Бейзыма глазъ. И въ этомъ взглядѣ больше было доброжелательнаго любопытства, нежели чего-нибудь другого. А когда Бейзымъ началъ развивать свой планъ, къ доброжелательному любопытству Пахомова присоединилось восхищеніе.

— Впустимъ, — повторилъ Бейзымъ. — Этимъ мы разрѣжемъ отрядъ почти пополамъ, лишимъ его головы и у насъ останется самое смѣлое, самое боеспособное!

— Кто же ихъ впустить? — спросилъ панъ Лащъ.

— Тотъ, кто долженъ былъ впустить. Онъ! — кивокъ по направленію Пахомова. — Только руки его будутъ связаны, а у своего затылка онъ будетъ чувствовать холодный, „кружочекъ“. Онъ спроситъ сначала — „Людоѣдъ, ты?“ а затѣмъ: „По одному по одному, товарищи!“ Кто-нибудь изъ насъ будетъ глушить товарищей по черепу и будетъ сваливать ихъ какъ дрова. Это я беру на себя. Ты, Ливинскій, будешь наблюдать за Пахомовымъ.

— А потом? Какъ же тѣ? Нетерпѣливо забѣжалъ впередъ Гагаринъ.

— Это уже по твоей части! Мы же поставимъ у слухового окна пулеметъ и конная банда попадетъ подѣ обстрѣлъ вашего сѣятельства. Я думаю послѣ этого красные черти намъ не будутъ опасны, мы ихъ такъ расчешемъ только пухъ и перья посыпятся! Есть какія-нибудь возраженія? Прошу высказаться!

— Никакихъ возраженій!

Гагаринъ и Ливинскій зааплодировали. Лашъ не послѣдовалъ ихъ примѣру, потому лишь, что у него вмѣсто двухъ рукъ была одна.

Бейзымъ подошелъ къ Паховому.

— Ну, какъ? Ничего комбинація?

— Лучше не придумать, господинъ майоръ! Не дай Богъ съ вами связаться! Противъ васъ никто не выстоитъ!

— Спасибо на добромъ словѣ, — усмѣхнулся Бейзымъ, угадывая что Паховъ уже не тотъ, какимъ былъ на охотѣ и какимъ ѣздилъ на совѣщаніе съ Людофдомъ.

— Могу просить объ одномъ, господинъ майоръ?

— Въ чемъ дѣло?

— И впускать буду и все говорить, какъ полагається, и пусть руки будутъ связаны, а только нельзя-ли чтобы револьверъ къ затылку не приставлялся? Больно ужъ непріятная штука.

— Чего тамъ? Подумаешь, какія нѣжности! Самъ, каналья, сколькихъ въ расходъ пустилъ такимъ же самимъ образомъ. Насъ мало, не можемъ рисковать изъ-за твоихъ капризовъ. Мы должны бить навѣрняка... Ну, я тащу на чердакъ пулеметъ...

Что-то тяжелое несуразное, неуклюжее завозилось въ дверяхъ и въ кабинетъ вмѣстѣ съ холодной струею, вошелъ квадратный Ласота съ заиндевѣвшими усами и рѣсницами. Черезъ плечо висѣлъ на ремнѣ его штуцеръ, а въ рукѣ онъ держалъ кавалерійскій карабинъ, котораго сначала никто не замѣтилъ. Ласота же не замѣтилъ Па-

ховова, сидящаго въ креслѣ со стянутыми за спиною руками.

— Ты это гдѣ пропалъ, пся кость? — накинулся Бейзымъ на лѣсника.

— А вотъ гдѣ... И когда панъ майоръ узнаеть, честное слово, не будетъ ругаться! Сижу я себѣ на кухнѣ и что-то нудить меня, такъ нудить... Непокойно. Грызеть, да грызеть! Дай, думаю, пройду кругомъ, посмотрю хорошенько. Пошелъ въ лѣсъ дорогою, что на Крапивное. Иду, себѣ, иду, хоть и звѣзды, а темно. Чую впереди голоса какіе-то... Не видно никого, а только слышать, по голосамъ, что конные, а не пѣшіе. Я — шмыгъ въ сторону отъ дороги, да за сосною и притаился. Ближе... Пятеро конныхъ пробираются, долетаютъ слова... Езусъ Марья, російска размова! Э, думаю, большевики! Ажъ мнѣ холодно стало! Ну, думаю, это патруль, а ихъ гораздо больше, и думаю, не иначе, какъ къ Бейзымамъ подбираются... Четверо проѣхали, пятый отсталъ. Подпруга у него растегнулась. Слѣзъ онъ съ коня, давай налаживать. Какъ-разъ противъ меня. Тѣ четверо уже далеко за деревьями скрылись. Не видать и не слышно. Я тихутко, тихутко выползъ на дорогу и... прикладомъ по головѣ — бенць! Мой большевикъ такъ и свалился. Я снялъ съ него этотъ карабинъ, патронныя сумки, да вотъ это еще. И Ласота вынулъ изъ кармана козуха большую красную розетку съ лентами и съ металлической красной звѣздой посрединѣ.

Этотъ трофей произвелъ жуткое впечатлѣніе. Розетка съ пятиконечной звѣздой символизировала собою всѣ кровавые ужасы необъятной Совдепѣи, такой близкой и такой далекой, таинственной. Визитная карточка дьявола. Карточка, опередившая бандитовъ Сережки Людофда, которые вотъ-вотъ съ минуты на минуту нагрянутъ сюда. Звѣзда дьявола переходила изъ рукъ въ руки и всѣ разглядывали съ какимъ-то страшнымъ нервирующимъ чувствомъ...

— А всадникъ? — спросилъ Бейзымъ Ласоту.

— Всадникъ?... Я его, пане майже, оттащилъ шаговъ на двадцать и кинулъ въ сугробъ... Пускай лежитъ... Коня повернуть въ обратную сторону, воткнуть ему шпильку отъ розетки подъ сѣдло и онъ понесся галопомъ къ границѣ. А я прямою дорогою черезъ лѣсъ скорѣй сюда! Теперь мы встрѣтимъ какъ слѣдуетъ этихъ дряней!..

— Встрѣтимъ, Ласота, встрѣтимъ! Молодецъ! Каюсь, что выругалъ тебя сгоряча. Настоящій солдатъ! Явился съ трофеями! Ну, бери пулеметь и маршь на чердакъ! Будемъ поджидать дорогихъ гостей! Панъ Лашъ, вы остаетесь при дамахъ. Вы будете ихъ рыцаремъ... Не покидайте ихъ ни на шагъ!.. Слышите!

16. Неожиданный оборотъ.

Да, удовольствіе не изъ особенныхъ. Впервые ощущалъ Пахомовъ прикосновеніе металлическаго холоднаго кружочка къ верхней части шеи. Инстинктивно отодвигалъ затылокъ, но кружочекъ немудимо, назойливо не терялъ соприкосновенія съ кожею, ставшей вдругъ болѣзненно чувствительной.

Передняя съ двумя узкими окнами по бокамъ наружныхъ дверей была наблюдательнымъ пунктомъ. Въ эти окна, не замерзшія почему-то, видны силуэты всадниковъ. Шагахъ въ двухстахъ отъ каменной ограды, низенькой, въ полъ-человѣка развернулись они. Часть стала спѣшиваться. Гуськомъ двинулись черезъ калитку. На сѣгѣ четко рисовалась каждая фигура. Въ этомъ движеніи гуськомъ, другъ за другомъ было что-то зловѣщее, разбойниче, воровское.

Изъ дверей — ходъ въ буфетную. Тамъ и предполагалась нѣмая безшумная расправа. Взяли ее на себя Ласота, вооруженный стальнымъ молоточкомъ-сѣкирою на желтомъ шегольскомъ древкѣ, привезенномъ Ливинскимъ, и Бейзымъ. Крупный

артиллерійскій Нагайтъ въ его рукѣ страшнѣе всякаго кистеня.

Чуткое, напряженное ухо ловить поскрипываніе сѣнга подъ ногами и вотъ еще громче и совсѣмъ уже по иному закрипѣли ступеньки. Ливинскій изъ-за спины Пахомова пріоткрылъ дверь и чуть-чуть подтолкнулъ матроса.

— Сережка? — глухо шопотомъ окликнулъ Пахомовъ.

— Я! — отозвался Людофдъ. — Все въ аккуратъ? Даешь?

— Все! Входи, Сережка! По одному, товарищи, по одному! И прямо въ дверь. Да тише, черти!.

Но тутъ случилось то, чего не предвидѣлъ никто изъ осажденныхъ. Опытный, бывавшій въ ночныхъ грабительскихъ передѣлкахъ, сахалинецъ, изъ травимой дичи превращавшійся въ охотника и наоборотъ, — никому не вѣрилъ, никогда не шелъ въ темную. И съ браунингомъ въ одной рукѣ съ электрическимъ фонаремъ въ другой, брызнулъ онъ снопомъ ослѣпительныхъ лучей, выхватившихъ изъ мрака Ливинскаго, Бейзыма и Ласоту.

— А, вотъ какъ! Измѣна! Бей ихъ, товарищи! — взвизгнулъ Сережка и выстрѣлилъ Пахомову въ грудь, обшаривая переднюю снопомъ электрическихъ лучей и выскивая себѣ новую жертву. Но выстрѣлить еще не удалось. Ливинскій хватилъ его по рукѣ своимъ револьверомъ и Людофдъ, вскрикнувъ отъ боли, выпустилъ оружіе. Пахомовъ повалился навзничъ. Ливинскій хотѣлъ захлопнуть дверь, но было уже поздно. Все крыльцо затрепало. Напирая другъ на друга, въ сѣни ворвалось нѣсколько человѣкъ. Ласота оглушилъ Людофда молоточкомъ по головѣ и сахалинецъ упалъ вмѣстѣ со своимъ фонарикомъ. Кто-то раздавилъ фонарикъ ногою и стало темно. Чалма Бейзыма бѣлѣла во мракѣ. Пятеро красныхъ чертей бросилось на него. Завязалась ожесточенная свалка. Ливинскій получилъ ударъ въ лобъ, высѣкшій изъ его глазъ снопы горячихъ искръ. Послѣднимъ ощущение

нѣмъ его было, что онъ падаетъ на что-то мягкое. Этимъ „чѣмъ-то мягкимъ“ былъ истекавшій кровью Пахомовъ.

Никто не стрѣлялъ. Въ темнотѣ можно было попасть въ своихъ же, да и негдѣ было развернуться. Дрались ножами, рукоятками револьверовъ. Ласота бросился выручать Бейzyma, но самъ былъ атакованъ парюю красныхъ чертей. Бейzymъ молотилъ своихъ противниковъ револьверомъ, отбивался ногами. Одного бандита онъ съ такою силою швырнулъ отъ себя, что тотъ вышибъ головой и плечами двѣ оконныя рамы и зазвенѣли, осыпаясь, разбитыя стекла.

— Даешь, даешь! — воровскимъ ободряющимъ возгласомъ оралъ красные черти. Двое въ темнотѣ и суматохѣ сцѣпились другъ съ другомъ. Обнаруживъ ошибку, разразились матерной бранью.

А сверху, совсѣмъ близко откуда-то ясно и рѣзко пошелъ „строчить“ пулеметъ. Выстрѣлъ Людоѣда услышанъ былъ и Гагаринымъ и стоявшими въ резервѣ красными чертями. Угадывая что-то челядное, красные черти спѣшиваясь, хотѣли бѣжать на подмогу къ своимъ. Гагаринъ осыпалъ ихъ свинцовымъ дождемъ. Падали всадники, падали и взвивались на дыбы раненныя лошади. Неожиданный пулеметный обстрѣлъ внесъ невообразимую сумятицу въ ряды красныхъ чертей. Каждый рвался по добру по здорову унести собственную голову. Беспорядочно падали изъ винтовокъ въ воздухъ, бросались за убѣжавшими лошадьми, а кто остался безъ коня, глушилъ прикладомъ болѣе счастливыхъ товарищей, скорѣй въ сѣдло и, — только пятки сверкали.

Но недалеко суждено было имъ улепетнуть. Изъ огня да въ полымя!.. Едва успѣвъ спастись отъ обстрѣла Гагаринскаго пулемета, красные черти неожиданно и стремительно атакованы были польскими уланами, сдѣлавшими вмѣстѣ съ Яцекомъ ночной пятнадцативерстный переходъ изъ Крапивнаго. Вынесшись изъ лѣсу, молодецки развернув-

шись на карьерѣ, уланы бросились преслѣдовать и рубить беспорядочно убѣжавшихъ красныхъ чертей...

Блѣднѣла ночь. Трепетнѣй и ярче горѣли холодныя звѣзды въ темныхъ небесахъ. И подъ этими звѣздами по снѣжному полю одинокіе всадники гонялись съ поднятыми саблями за остатками придворной Зиновьевской гвардіи. Послѣ каждаго удара валился одинъ изъ этихъ гвардейцевъ и лошадь безъ сѣдока мчалась куда-то въ безбрежную муть бѣдѣющей равнины, или къ таинственному, спящему лѣсу.

Только двое, благополучно унеся свои забубенныя головы, прорвались на совѣтскую территорию, чтобы сдѣлать подробный докладъ сначала Геллеру въ Заславлѣ, а потомъ самому Зиновьеву въ Славутѣ о разгромѣ красныхъ чертей въ Бейzymaхъ.

А въ сѣняхъ Бейzymъ бился противъ четырехъ, Ласота — противъ двоихъ. Но къ этимъ двоимъ — плечистый, квадратный лѣсникъ, весь въ крови, справился бы съ ними безъ особенныхъ хлопотъ, — присоединился третій — очнувшійся Сережка Людоѣдъ. Придя въ себя, оцупавъ голову, жестоко разбитую въ кровь, онъ медленно приподнялся и, какъ всегда, болѣе палагаясь на свои чудовищныя руки, чѣмъ на слабыя ноги, схватилъ Ласоту за горло и, подогнувъ и безъ того подгибающіяся колѣни, повисъ на немъ. И хотя Сережка опытенъ чертовски былъ и не мало людей такимъ способомъ на тотъ свѣтъ отправилъ, но задушить Ласоту было не легкимъ дѣломъ. Во-первыхъ у него не было шеи, голова выходила прямо изъ квадратныхъ плечей, а то, что можно было назвать подобіемъ шеи туго стянуто было толстымъ воротникомъ кожуха. Ласота отчаянно забарабанилъ кулаками по громадному лицу Сережки, дробилъ ему кости, хрящи, но сахалинецъ не разжималъ своихъ пальцевъ, и только вытянулъ длинныя руки, чтобы Ласота не могъ повторить своихъ

ударовъ. И оба они вмѣстѣ съ кровью выплевывали хрипло и бѣшено брань и проклятія.

Двое „чертей“, уже изнемогавшихъ въ борьбѣ съ чудовищнымъ лѣсникомъ, набросились на Ласоту. Онъ упалъ вмѣстѣ съ ними и человѣческой клубокъ изъ четырехъ тѣлъ, катался по полу, сцѣпливаясь ногами, а руки то опускались, то поднимались, нанося удары. Ласота и Сережка, сильно избитые, окровавленные, потерявшіе сознание, вышли изъ „игры“. Два красныхъ черта съ расквашенными лицами, изрядно помятые, но все еще могущіе кое-какъ драться, поспѣшили къ своимъ. Бейзымъ успѣлъ избавиться еще отъ одного противника, такъ размозживъ ему черепъ, что въ мозги наполовину ушла рукоятка револьвера. Отчаянно вылъ и стоналъ красный чертъ, застрявшій лицомъ и верхней половиной туловища въ расчепленные оконныхъ рамахъ и въ осколкахъ стеколъ.

Но и Бейзымъ терялъ силы, вотъ-вотъ готовый свалиться, какъ подкошенный дубъ. Только страшнымъ нечеловѣческимъ напряженіемъ воли держался еще на ногахъ. Все слабѣе и слабѣе удары, наносимые имъ. Его бѣлая чалма потемнѣла отъ крови. Эта кровь отъ ножевой раны заливала ему глаза и онъ вытиралъ ихъ, размазывая по лицу. Что-то липкое, теплое. Другой ударъ ножомъ пришелся въ плечо. Сначала, сгоряча, онъ его не почувствовалъ, а теперь плечо горѣло огнемъ. Звонъ и шумъ въ головѣ, мутился взглядъ. Бейзымъ чувствовалъ, что погибаетъ. Онъ уже прислонился къ стѣнѣ, уже руки повисли какъ деревянныя, чужія... Близко, близко увидѣлъ онъ передъ собою прекрасное лицо съ глазами тропической ночи. Невыносимой тоскою заняло мужественное, львиное сердце. Онъ слышалъ кругомъ яростные крики и ждалъ новыхъ смертельныхъ ударовъ, послѣ которыхъ онъ уже никогда не встанетъ.

И вдругъ звучный, повелительный голосъ:

— Руби ихъ! Пся кровь! Руби это быдло!

И въ стѣни съ обнаженною саблею ворвался польскій офицеръ со своими уланами.

Больше Бейзымъ ничего не видѣлъ и не слышалъ. Онъ погрузился въ глубокій, глубокій сонъ...

17. Предпослѣдняя глава.

Прошло двѣ недѣли.

Вообще, эта зима была далеко не суровая, а мягкая, теплая. А къ февралю безснѣжная Варшава, съ яснымъ небомъ, сіяющимъ солнцемъ и прозрачными даями Саксонскаго сада, будившими сладкую истому и нѣжную грусть, казалась весенней.

И пейзажъ, словно картина въ рамѣ, изъ большаго казеннаго госпитальнаго окна былъ весенній уже, а не зимній, какъ полтора мѣсяца тому назадъ, когда въ этой палатѣ лежалъ Винарскій. Теперь онъ помѣнялся ролями съ Бейзымомъ. И подобно тому, какъ Бейзымъ навѣщалъ тогда Винарскаго, теперь Винарскій навѣщалъ Бейзыма.

Игнась поправлялся. Другому эти глубокія ножевыя раны и разбитая голова обошлись бы въ нѣсколько мѣсяцевъ госпиталя, а онъ уже къ концу второй недѣли шутилъ, смѣялся и курилъ, жалуясь, что бѣлыя стѣны и потолокъ угнетають его и ему хочется воздуха и простора. Да если-бъ не Магдалина ангеломъ-хранителемъ бодрствующая днемъ и ночью у изголовья любимаго человѣка, онъ сбѣжалъ бы въ Европейскую гостиницу. Онъ такъ и говорилъ:

— Еслибъ не вы... А разъ вы со мною, я готовъ оставаться здѣсь хоть цѣлую вѣчность, только-бъ разрѣшали ежедневно гулять въ саду часа по два.

Истомленная, похудѣвшая, но счастливая, бодрая Лабенская вспыхивая, смущенно улыбалась, опуская свои темныя, съ длинными ресницами вѣки.

Навѣщали Игнася, балуя цвѣтами, фруктами, сладостями, сигарами и, восстанавливающимъ силы, дорогимъ виномъ, не только самые близкіе друзья

— Гагаринъ, Барбъ, Винарскій, Ливинскій, но и просто знакомые, полу-знакомые, даже совсѣмъ незнакомые люди.

Такое многолюдное паломничество — принимать всѣхъ физически невозможно было. Депутаты сейма, офицеры, студенты, дѣвушки, гимназисты, купцы, чиновники, вся патриотически настроенная Варшава поперебывала въ госпиталѣ, справляясь о здоровьѣ національнаго героя, записывая имена свои на клочкахъ бумаги, оставляя визитныя карточки.

Да, въ эти дни майоръ былъ вновь такимъ же народнымъ польскимъ героемъ, какъ и въ двадцатомъ году, когда во время нашествія красныхъ ордъ, творилъ чудеса отваги вмѣстѣ со своими „Бейзымчиками“.

Глухая зимняя ночь въ пограничной усадьбѣ, съ ея кровавымъ эпилогомъ, прогремѣла не только на всю Польшу, но и въ Европѣ. Все еще получались ежедневно французскія, английскія, чешскія, венгерскія, итальянскія газеты съ подробнымъ описаніемъ неравнаго боя въ Бейзымахъ, боя, обвиняшаго такимъ красивымъ, почти легендарнымъ ореоломъ Бейзыма и горсть его сподвижниковъ. Одинъ изъ этихъ сподвижниковъ квадратный Ласота находился почти при смерти, — въ этомъ же самомъ госпиталѣ, — но врачи, заинтересованные чудовищнымъ сибирякомъ, выходили его, обѣщавъ, что мѣсяца черезъ три онъ будетъ молодцомъ хоть куда!

Прогремѣлъ Бейзымъ и на всю Совдецію. Кремлевскій олимпъ рвалъ и металъ въ безсилномъ бѣшенствѣ. Оно, это бѣшенство, затуманило и безъ того бѣдные, взболтанные мозги красныхъ политиковъ. Последняя нота Чичерина польскому правительству была рекордомъ наглости и безстыдства даже для этого „политика“ со стажемъ двухъ сумасшедшихъ домовъ въ недалекомъ прошломъ. Чичеринъ требовалъ выдачи Бейзыма, „нарушившаго добрососѣдскія отношенія между Р. С. Ф. С. Р. и Польской республикой“.

Зиновьева-Апфельбаума постигъ двойной ударъ. Онъ обвинялъ Геллера въ измѣнѣ, въ двойномъ преступленіи. Первое — изъ зависти Геллеръ косвенно содѣйствовалъ ограбленію Соскиса Бейзымомъ. Второе — погналъ на убой подъ удары этого же самаго Бейзыма „красныхъ чертей“. Геллеръ подъ конвоемъ былъ доставленъ въ Москву и послѣ революціоннаго суда былъ разстрѣлянъ. А въ отместку за погибшихъ „красныхъ чертей“, Апфельбаумъ въ одинъ день разстрѣлялъ въ Славутѣ пятьдесятъ поляковъ мужчинъ и женщинъ. Петербургскій генераль-губернаторъ скорбѣлъ о преждевременной гибели Серезки Людофда. Въ лицѣ бывшаго каторжника, по мнѣнію Апфельбаума, совѣтская власть потеряла одного изъ полезѣйшихъ активныхъ работниковъ. Изуродованный Людофдъ умеръ на четвертый день въ тюремной больницѣ въ Варшавѣ, умеръ въ полномъ сознаніи, сквернословя и богохульствуя. Когда тюремная администрація спросила, не желаетъ ли онъ исповѣдаться и не пригласить ли священника, — Серезка разразился гнусной, кощунственной бранью.

Винарскій, покинувши правительственную службу, стоялъ во главѣ частнаго бюро детективовъ. Здѣсь никто не стѣснялъ его свободы, его богатой инициативы и онъ получалъ крупное жалованье. Здѣсь его цѣнили и поощряли, а тамъ, гдѣ онъ служилъ раньше, Винарскій не видѣлъ ни надлежавшей оцѣнки, ни поощренія.

Съ горечью вспоминалъ онъ сидя у Бейзыма:

— Дѣло братьевъ Кушеръ-Перльмутеръ! Вотъ на комъ и на чемъ вашему покорному слугѣ свернули шею! Еще бы, положеніе ихъ было катастрофическое. Собранныя мною противъ нихъ улики прямо убійственныя! И что-же? Эти милые братья попадаютъ подъ крылышко судебного слѣдователя изъ жидовъ Бранденбурга, племянника знаменитой германской коммунистки Клары Бранденбургъ и, натурально же, Перльмутеры оказались невинными

овечками, чище и бѣлѣ горнаго снѣга. Ихъ выпустили на свободу. Винарскій же оказался заядлымъ фашистомъ, антисемитомъ, вообще, безпкойнымъ господиномъ, которому слѣдуетъ дать по шапкѣ. Вотъ и дали, — усмѣхнулся панъ Михаль и узкими выцвѣтшими, еще не такъ давно голубыми глазами и землистаго цвѣта энергичнымъ лицомъ своимъ.

— Неужели племянникъ этой самой Клары Бранденбургъ? — изумился майоръ.

— Фактъ! Родной племянникъ! Но развѣ одинъ Бранденбургъ? А сколько у насъ еще слѣдователей — жидовъ?! Если бы вы только видѣли, мой другъ, съ какой ненавистью, съ какимъ презрѣніемъ допрашиваютъ они поляковъ? Типичная наглость жидовъ, очутившихся у власти. Право, иногда эти допросы напоминали мнѣ чрезвычайку... Нѣтъ, если такъ дальше будетъ, если тридцатимилліонный народъ польскій будетъ игрушкою, какимъ-то символическимъ картоннымъ паяцомъ, дергаемымъ за ниточку таинственной, преступной рукою интернаціональной маффиі, завладѣвшей Россіей и стремящейся завладѣть всѣмъ свѣтомъ, — Польша скатится, — она уже катится, — въ пропасть!..

— Маффія, — задумчиво повторилъ Бейзымъ, живо поворачиваясь на постели къ Винарскому всѣмъ громаднымъ тѣломъ своимъ. Помню, съ какимъ энтузіазмомъ, горячимъ подъемомъ снѣшилъ я изъ Америки на войну, боясь опоздать, сгорая мечтою возродить дорогую Польшу своей саблей и своей кровью... Три года тяжелой и трудной войны, почти безъ отпусковъ, безъ личной жизни и радостей... Неслыханной, чудовищной, унесшей двадцать милліоновъ жизней, войны! Да какихъ жизней? Цвѣтъ, сливки всѣхъ воюющихъ націй! Лучшіе производители, производители, потому что въ Европѣ теперь несомнѣнно начнется вырожденіе... Потомъ борьба съ большевиками, да и не

только съ большевиками! Окруженная врагами Польша бьется на нѣсколькихъ фронтахъ. И во имя чего все это? Зачѣмъ эти безумныя человѣческія жертвы, это моральное одичаніе, потеря культурныхъ и художественныхъ сокровищъ? Зачѣмъ и для чего океанъ пролитой крови, исчезнушіе съ лица земли города, музеи, дворцы? Зачѣмъ нищета, безумная дороговизна?... Какое это сплошь безуміе, если подумать, что все заранѣе предрешается и предопредѣляется той самой маффіей, о которой мы сейчасъ говорили. Маффіей не романтической, — неаполитанской, или сицилійской, гдѣ заговорщики собирались въ пещерахъ при свѣтѣ факеловъ и въ непроницаемыхъ черныхъ маскахъ. Теперь другая маффія въ грандіозномъ масштабѣ, другіе маффисты. Имъ не надо пещеръ, не надо факеловъ, не надо масокъ. Развалясь въ кожаныхъ креслахъ комфортабельныхъ кабинетовъ, дымя четырехвершковыми сигарами, эти короли банковъ, биржи и нефти смѣщаютъ правительства, создаютъ международные конфликты, революціи, субсидируютъ и направляютъ выгодную имъ растлѣвающую и разлагающую человѣчество, пропаганду. Словомъ дергаютъ за ниточку паяца, который гримасничаетъ и приплясываетъ по капризу этихъ некоронованныхъ королей. Это за кулисами, для непосвященныхъ для кучки своихъ авгуровъ, а на сценѣ, для толпы — конференціи въ Генуѣ, Гаагѣ, Лозаннѣ. А теперь съ ея дерзкимъ ультиматумомъ побѣдительница Ангора. На сценѣ рурскаа эпопея и наскоки на Польшу литовцевъ, этихъ большевистско-нѣмецкихъ авангардовъ. Не такъ развѣ, мой другъ панъ Михаль?

— Такъ, — согласился, поникнувъ головою Винарскій. Кошмарно все это. И какъ подумаешь, взвѣсишь — жуть беретъ, ужасъ захватываетъ и противно, физически противно становится жить...

18. Навстрѣчу неизвѣданнымъ радостямъ.

Однажды Винарскій явился разстроенный, сильно не въ духѣ. Какъ всегда въ такія минуты лицо его слегка подергивалось.

— Что съ вами, панъ Михаль? — спросилъ Бейзымъ. Вамъ не по себѣ, въ чемъ дѣло?

— Я очень, очень разстроенъ! Вообще, эта минувшая ночь... Вы развѣ не читали въ газетахъ? Впрочемъ это еще не успѣло попасть...

Винарскій всегда приносилъ въ бѣлую чистенькую палату самая свѣжія, еще не проникшія въ печать новости, политическія и бытовыя, всегда одинаково интересныя, передаваемыя въ живой, увлекательной формѣ. Любопытство Бейзыма было возбуждено. Да и не только Бейзыма. Лабенскую тоже заинтересовали и предисловіе пана Михала и его возбужденный видъ.

— Что со мною? Опять эта проклятая „Римская“ гостинница! Вотъ ужъ дѣйствительно „Тайны Мадридскаго двора“! Помните, я какъ-то обмолвился о Тирпицѣ. Молодой агентъ, безкорыстный, фанатически ненавидѣвшій большевиковъ! Это онъ, вмѣстѣ съ Хватомъ разоблачилъ всю банду, Вайсбергъ-Монтебланко, брата Кушеръ-Перльмутеръ и компанія. Этотъ Тирпицъ былъ для меня сущимъ кладомъ. Я вѣдь до самаго послѣдняго времени съ нимъ работалъ. И вотъ онъ погибъ и у меня такое чувство, словно я виноватъ, косвенно разумѣется, въ его исчезновеніи.

— Въ исчезновеніи вы подозрѣваете „Римскую“ гостинницу?

— Это не подозрѣніе, а увѣренность! Онъ ходилъ туда нѣсколько разъ, добывая мнѣ кой-какой матеріалъ. И вотъ позавчера онъ вошелъ въ гостинницу и уже не вышелъ. Сгинулъ! По моимъ агентурнымъ свѣдѣніямъ, бѣдный мальчикъ, усыпленный, увезенъ былъ въ неизвѣстномъ направленіи въ закрытомъ автомобилѣ. Словомъ, на нашей территоріи совѣтская миссія, въ самомъ

сердцѣ Польши, въ Варшавѣ, дѣлаетъ что хочетъ, распоряжается, какъ ей угодно.

— Я вспоминаю Мексику, — замѣтилъ Бейзымъ.

— А я Сицилійскую маффію, о которой мы на-дняхъ говорили.

— Ужасъ, одинъ сплошной ужасъ! — молвила съ потемнѣвшимъ лицомъ Лабенская.

— Но это еще не все, — продолжалъ Винарскій. — Сегодняшней ночью въ „Бристоль“ совершенно преступленіе, такое же загадочное. Въ своемъ номерѣ найдена отравленной... — и панъ Михаль загнулся, переводя глаза съ майора на Лабенскую, и только сейчасъ спохватившись, что Бейзымъ былъ любовникомъ графини Сапарі.

Магдалина и Бейзымъ угадали, о комъ идетъ рѣчь и кто жертва, и вышло такъ, что Винарскому не надо было даже называть имени.

— Несчастливая! — покачалъ головою Бейзымъ. — Ей слѣдовало убѣжать, скрыться. А вѣдь вчера только она прислала мнѣ эти чайныя розы...

Лабенская медленно подошла къ столу, гдѣ изъ хрустальной вазы поднимался букетъ нѣжно-палевыхъ цвѣтовъ, сверкавшихъ росистыми алмазинками. Часъ тому назадъ, Лабенская вспрыснула ихъ водою, а теперь ласкала пальцами мягкіе лепестки. Въ этомъ прикосновеніи были и скорбь и полное забвеніе и прощеніе той, которая живя грѣшницею, умерла героиней, умерла искупивши свои ошибки. Раскрывъ злодѣйскій умыселъ большевиковъ, погубивъ этимъ себя, графиня спасла Бейзыма и Магдалину, спасла и сберегла ихъ счастье.

Наступила длительная, тягостная пауза и какъ будто, кромѣ троихъ, въ палатѣ, былъ еще кто-то четвертый, незримый, затаилась чья-то угмонившаяся на вѣки душа...

Лабенской мучительно хотѣлось узнать что-нибудь о прошломъ графини. Смущенно обратилась къ Винарскому:

— А извѣстно пану Михалу что-нибудь о по-

койной, объ ея до-варшавскомъ періодѣ жизни?

— Плохой былъ бы изъ меня развѣдчикъ.. Она изъ обѣднѣвшей дворянской семьи. Отецъ ея былъ акцизнымъ чиновникомъ гдѣ-то въ Подольской губерніи. Юлія — это ея настоящее имя — окончила гимназію въ Винницѣ. Хорошенькая, съ изящной фигуркой, знающая себѣ цѣну, дѣвушка хотѣла блистать, наслаждаться. Богатый помѣщикъ Порай-Хлѣбовскій тайно увезъ ее за-границу и цѣлыхъ два года колесилъ съ нею по большимъ центрамъ и моднымъ курортамъ, пока не бросилъ. А бросилъ онъ ее ради какой-то немолодой, накрашенной французенки, имѣвшей громкую скандальную репутацію.

Замѣститель не нашелся. Не потому, что Юлія была недостаточно интересна и красива, а потому, что въ этомъ дѣлѣ, какъ и во всякомъ другомъ, надобно имѣть счастье. Бываютъ такія рожи, при одномъ видѣ ихъ жандармскія лошади шарахаются въ сторону, а между тѣмъ — наряды, деньги, автомобили. Счастье, судьба. У Юліи не было счастья. И вотъ кое-какъ, продавъ свои камушки, вернулась она въ Россію, вернулась уже отравленная всѣмъ внѣшнимъ, декоративнымъ, дающимъ безпечальное существованіе въ роскоши. Началась война. Про эти годы я ничего не знаю. Подоспѣла революція. Бездарная, бессильная Керенщина смѣнилась большевизмомъ. Голодъ, холодъ, нѣтъ ни шоколаду, ни сливокъ, нѣтъ всего, что было доступно и дешево, и наконецъ, не стало хлѣба. Юлія должна была сильно страдать и тутъ-то и поймала ее чрезвычайка въ свои цѣпкія когти. Чтобы ей было легче работать въ свѣтскихъ кругахъ, на ней женили графа Сапари изъ хорошей венгерской семьи. Онъ попалъ въ плѣнъ къ русскимъ, отморозилъ себѣ въ Сибири ноги, опустился, началъ пить мертвую и за нѣсколько десятковъ тысячъ готовъ былъ наградить своимъ титуломъ кого угодно, хотя бы козу жидовскую. И вотъ Юлія — графиня Сапари, выдаетъ однихъ, доно-

ситъ на другихъ. У нея брилліанты, соболье манто, доставшееся послѣ какой-то разстрѣлянной грузинской княжны-фрейлины... Вы что-то хотите сказать, пани Магдалина?

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего, слушаю со вниманіемъ... Что же дальше?

— Дальнѣйшее — вы сами знаете. Скорѣй легкомысленная по натурѣ, чѣмъ преступная, злая — графиня начала тяготиться своей ролью, но эти мерзавцы опутали ее своими сѣтями.

— Такъ что кинематографическое предпріятельство тоже большевистское? — перебилъ Бейзымъ.

— Нѣтъ. Это дѣйствительно затѣяно группою англичанъ.

— Слава Богу! Недоставало только, чтобы я игралъ въ картинѣ, поставленной большевиками. Ну, а не знаете ли вы, пане Михаль, что это за типъ Гайлла, и кстати, неизвѣстно ли вамъ происхожденіе шрама на лицѣ у бѣдной графини Сапари?

— Ахъ, этотъ шрамъ! Къ слову сказать, не только не портившій эту красивую женщину, а, наоборотъ, сообщавшій ей какую-то интересную загадочность. Словно сжатая въ одномъ іероглифѣ таинственная драма. И въ самомъ дѣлѣ — драма! Въ Монте-Карло одинъ итальянскій маркизь стрѣлялъ въ Юлію. Какіе мотивы покушенія, въ точности не знаю, но подкладка, несомнѣнно, романтическая. Ну, вотъ... А теперь васъ интересуеетъ Гайлле? Международный авантюристъ, влюбленный въ графиню съ трогательной нѣжностью и, видимо, безо всякой взаимности. Надъ ея трупомъ онъ убивался вполне искренно. Такъ не играютъ комедіи. Бѣдняжка! Попытка вернуться на честный путь и порвать съ этой подлой маффіей стоила ей жизни. А вотъ убѣжденная, законченная сволочь благоденствуетъ, торжествуетъ. Взять хотя бы Вайсберга-Монтебланко. Послѣ того, какъ я приказалъ арестовать Кушеръ-Перльмутеровъ, онъ струсилъ, пе-

реѣхалъ въ англійское посольство и недавно совсѣмъ покинулъ Польшу. Онъ сдѣлалъ свое дѣло, внесъ разложение смуту, создалъ блокъ меньшинствъ, враждебныхъ польской государственности. Чего же еще? Гастроль закончилась блестяще! А вотъ вамъ другая сволочь значительно меньше калибромъ — это Гиацинтъ Ховно, издававшій на деньги Монтебианко свою гнусную газету. Теперь этотъ благоухающій козелъ въ роговыхъ очкахъ сдѣлался „ужасно православнымъ“. Посѣщаетъ всѣ службы въ обѣихъ церквахъ и на Подвалѣ и на Прагѣ. Демонстративно цѣлуетъ крестъ и евангеліе и подходить къ рукѣ священника.

— Чертъ, знаетъ что такое! — разсмѣялся Бейзымъ.

— Онъ не такъ глупъ, этотъ жиденокъ! На сбереженія отъ газеты онъ купилъ себѣ маленькую русскую типографію, нуждается въ заказахъ и черезъ православное духовенство надѣется издавать молитвенники. Этотъ не пропадетъ! Гиацинтъ Ховно печатающій православные молитвенники, послѣ того какъ издавалъ замаскированно большевистско-еврейскую газету! Это было бы забавно, если-бы не было такъ отвратительно... Итакъ, я вижу, панъ майоръ поправляется не по днямъ, а по часамъ, благодаря геркулесовскому организму своему и тщательному уходу пани Магдалины... Слава Богу! Но какое странное совпаденіе. Я лежалъ, а теперь вы въ одной и той же палатѣ и оба мы — жертвы покушеній одинаковаго порядка. И меня и васъ хотѣли вывести въ расходъ однѣ и тѣ же темныя силы подъ однимъ и тѣмъ же знакомъ пятиконечной дьявольской звѣзды. Но мы такъ легко не даемся и можетъ быть еще не разъ обломаютъ они объ насъ свои волчьи зубы. Еще поборемся. Не по собакѣ колбаса — есть такая русская поговорка... Да, пане майоже, что вы намѣрены дѣлать по выздоровленіи?

— Уѣхать, дорогой панъ Михаль, уѣхать и возможно скорѣе! Довольно съ меня этой кровавой

бульварщины. Хочу отдохнуть и подышать болѣе чистымъ воздухомъ. Здѣсь же слишкомъ уже все чеснокомъ пропахло. Вспыхнетъ война, брошу все и моментально примчусь. А пока... Да, я забылъ сказать, сегодня передъ вами посѣтилъ меня сеньоръ... сеньоръ... вотъ его карточка... Керубини.

— Керубини? Какая ангельская фамилія!

— Да, но профессія его ничего общаго съ ангельской не имѣетъ. Это представитель кинематографической фирмы „Чинесь“.

— Довольно! Понимаю! Васъ приглашаютъ въ Римъ. Чудныя условія, героическія роли, трюки?...

— Вы не ошиблись. „Чинесь“ хочетъ противопоставить меня Мацисту, работающему въ „Амброзіо-фильмъ“. Что-жъ будемъ конкурировать!

— Подписали контрактъ?

— Подпишу. Главное мое условіе — моей партнершей во всѣхъ главныхъ женскихъ роляхъ должна быть пани Магдалина. Я изъ нея сдѣлаю европейскую знаменитость...

— Уже и знаменитость, — вспыхнула горячимъ румянцемъ Лабенская.

— Увидите, пани Магдалина, увидите! У васъ настоящей Богомъ данный талантъ!

— Завидую вамъ, хорошимъ чувствомъ завидую, — сказалъ Винарскій. — Италия, благодатное небо, померанцевыя рощи, печальные, стройныя кипарисы.

— Фашисты, Муссолини, — подхватилъ Бейзымъ.

— Фашисты, Муссолини, — глубоко вздохнулъ Винарскій. — Увы, ничего этого у насъ нѣтъ! Ни померанцевыхъ рощъ, ни кипарисовъ, ни фашистовъ, ни Муссолини... Зато у насъ есть Діамандъ, Перль, Тонъ, Гринбаумъ... Погубятъ они Польшу... Мы катимся въ пропасть... Катимся...

— Мы сами виноваты, — пожалъ плечами Бейзымъ.

Мягкимъ весеннимъ вечеромъ на Вѣнскомъ вокзалѣ, изяшный панъ Леонъ въ модномъ жел-

томъ замшевомъ пальто и Винарскій провожали Бейзыма и Лабенскую. Гагарина и его кузины не было. Нѣсколько дней назадъ они уѣхали въ Парижъ. На прощаніе Барбъ сдѣлала царственный подарокъ Магдалинѣ, поднесла ей брилліантовую діадему принцессы Ангулемской.

У открытаго окна въ купѣ вагона международнаго общества, Магдалина вспомнила, какъ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ въ холодный осенній вечеръ одинокая, бѣдно одѣтая, полуголодная пріѣхала она вмѣстѣ съ Гагаринымъ на этотъ же самый вокзалъ встрѣчать парижскій экспрессъ. Непроглядная ночь царила на душѣ. Ни надеждъ, ни яркихъ образовъ, ни желаній, ничего... И вотъ, словно въ сказкѣ... Она счастлива, богата, любитъ, любима, и зароятся впечатлѣнія одно другаго краше, цвѣстивѣй и нарядивѣй...

Поездъ тронулся. Мелькнули въ воздухѣ двѣ шляпы двухъ провожающихъ друзей и оба исчезли въ дымкѣ весенняго вечера. Воспоминаніемъ о нихъ остались въ купѣ — букетъ цвѣтовъ, принесенный Винарскимъ и коробка конфектъ пана Леона.

Уже послѣдніе огоньки Варшавы сгинули. Поездъ мчался, разрѣзая пропадающую во мракѣ ночи равнину. Бейзымъ прижалъ къ своей груди Лабенскую и въ этомъ купѣ, которое было для нихъ цѣлымъ міромъ, такимъ дорогимъ, желаннымъ, своимъ, они обмѣнялись первымъ поцѣлуемъ, обмолвились первымъ „ты“ сладостно-уноительнымъ и стыдливымъ... А за окномъ кружились въ хаотическомъ вихрѣ снопы огненныхъ искръ и вмѣстѣ съ поездомъ, вмѣстѣ съ уютнымъ купѣ съ влюбленной парой уносились навстрѣчу новымъ, неизвѣданнымъ радостямъ...

К О Н Е Ц Ъ .

18593

VU BIBLIOTEKA

003 08599953 5